

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3

Общественные науки

2018. Т. 13

№ 4 (182)

IZVESTIA

Ural Federal University

Journal

Series 3

Social and Political Sciences

2018. T. 13

№ 4 (182)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- Э. Э. Сыманюк**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головнёв**, чл.-корр. РАН
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- К. Кроо**, проф. (Венгрия)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,
канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,
канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,
канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,
докт. филос. наук, проф.

Е. Г. Трубина,
докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),
докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,
докт. филос. наук, проф.

Социология

Н. Л. Антонова,
докт. социол. наук, проф.

Е. В. Грунт,
докт. филос. наук, проф.

Я. В. Дидковская,
докт. социол. наук, доц.

А. В. Меренков,
докт. филос. наук, проф.

А. В. Старшинова,
докт. социол. наук, проф.

Политология

В. Д. Камынин,
докт. ист. наук, проф.

А. А. Керимов,
канд. полит. наук, доц.

Н. А. Комлева,
докт. полит. наук, проф.

В. И. Михайленко,
докт. ист. наук, проф.

О. Ф. Русакова,
докт. полит. наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНФЕРЕНЦИЯ «СИНТЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА: НАУКА, ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ»

<i>Иванова Е. В., Пенионжек Е. В.</i> К проблеме обоснования единства науки и религии в отечественной религиозной философии (на примере работ св. Луки Войно-Ясенецкого).....	6
<i>Беляев И. А., Максимов А. М.</i> Граница и предел: к соотношению понятий.....	14
<i>Перцев А. В., Мельникова Е. В.</i> Синтетическая теория идеального Д. В. Пивоварова в историко-философском контексте.....	20
<i>Кузнецова О. В.</i> Визуальные образы новой духовности (опыт исследования визуального контента спиритических центров Екатеринбурга).....	33
КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ	
<i>Закс Л. А.</i> Современная эволюция/революция культуры и формирование культуроцентристской парадигмы сознания (на примере философии и социогуманитарных наук).....	40
<i>Чистякова М. Г.</i> Интерактивное искусство как фактор переписывания мира.....	53
<i>Юрлова С. В.</i> Противоречия в медиа-образе современного политика: случай Д. Трампа.....	59
<i>Мельникова С. В.</i> Художественные особенности рекламного текста: опыт иконологического анализа.....	65
<i>Эйнгорн Н. К.</i> Моральный язык современного искусства в ситуации плюрализма моральных и художественных ценностей.....	74
<i>Аскарова В. Я.</i> Методологические аспекты изучения чтения современной молодежи.....	82

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

<i>Моисеева А. Ю.</i> Реляционный подход к значению и содержанию в ситуационной семантике.....	94
--	----

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

<i>Логинов А. В.</i> Толерантность: между конфликтом и согласием.....	111
<i>Безруков А. В.</i> Индивидуализация и локализация гражданского самоопределения современной российской молодежи в пространстве неудовлетворенности.....	122
<i>Грунт Е. В., Мухутдинова А. И.</i> Представления школьников и учителей о ценности современного общего образования: региональный аспект.....	133
<i>Полякова В. В.</i> Специфика коммуникативного взаимодействия в молодой семье после рождения ребенка.....	144
<i>Старшинова А. В.</i> Социально-проектная деятельность в медицинском учреждении по социальной реабилитации детей с тяжелыми нарушениями здоровья.....	153

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Шуталева А. В., Самарина К. М.</i> Взаимоотношения России и Китая: конструктивистский подход.....	165
<i>Кузьмин В. А., Соколов Н. В.</i> Политическое противостояние Саудовской Аравии и Ирана в сирийском кризисе в 2011–2016 гг.	171

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Неменко Е. П., Сухов А. А., Язовская О. В.</i> Концепт вовлеченности в исследованиях зрительского опыта: теория и практики.....	182
--	-----

Сатыбалдина Д. К. Интеллектуальная рефлексия Первой мировой войны Рэндольфом Борном как инструмент анализа изменений социального пространства Европы начала XX в. (на примере велодвижения во Франции)..... 192

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Ионайтис О. Б. Дмитрий Ростовский: учение о человеке..... 205

Суслов Н. В. О подходах к проблеме взаимоотношения философии и литера-

туры в работах современных французских философов..... 211

КОНФЕРЕНЦИИ И СЕМИНАРЫ

Гудова М. Ю., Гузикова М. О., Рубцова Е. В. Полилингвальное и поликультурное образование в университете: критический дискурс грамотности..... 221

НЕКРОЛОГ

Константин Николаевич Любутин..... 229

А в т о р ы н о м е р а 231

S u m m a r y 234

КОНФЕРЕНЦИЯ «СИНТЕТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА: НАУКА, ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ»

1–3 ноября нынешнего года секцией религиоведения кафедры онтологии и теории познания департамента философии Уральского гуманитарного института УрФУ была проведена конференция, посвященная 75-летию со дня рождения профессора Д. В. Пивоварова, «Синтетическая парадигма: наука, философия, религиоведение». На конференции выступили ученики и приверженцы идей известного исследователя, разработавшего положение о синтетической парадигме как эффективном средстве диалога ученых, философов, религиоведов и теологов. В этом разделе мы публикуем подборку статей, написанных для журнала участниками мероприятия.

УДК 141.4 + 177 + 27-184.2

Е. В. Иванова
Е. В. Пенионжек

К ПРОБЛЕМЕ ОБОСНОВАНИЯ ЕДИНСТВА НАУКИ И РЕЛИГИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ СВ. ЛУКИ ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОГО)

Проблемное поле статьи связано с анализом работы св. Луки Войно-Ясенецкого «Наука и религия». Вопрос противоречивости науки и религии, их принципиальной непримиримости, или диалектического взаимодействия, актуален в русле историко-философских исследований, гносеологии религии, истории и философии науки. В статье отмечается роль отечественного мыслителя XX в. св. Луки Войно-Ясенецкого в решении данного вопроса, подчеркивается его авторский взгляд на обоснование единства этих двух феноменов, показано, что между наукой и религией нет модели противоречивости, она создается искусственно. В своих работах святитель утверждает изменчивость научного взгляда на мир и вечность христианской морали как вечного идеала человеческого, более значимого, нежели прагматическое бытие науки. Авторы статьи уделяют внимание вопросу преемственности идей данного мыслителя в современной философии религии, делается вывод о возможных моделях взаимодействия науки и религии в современном постмодернистском обществе.

Ключевые слова: философия, религиозная философия, отечественная религиозная философия, христианская мораль, св. Лука Войно-Ясенецкий.

Вопросы истории научных открытий, а также значения науки как феномена культуры, их непростые взаимоотношения с религией в процессе исторического диалога вызывали различные оценки ученых, теологов, философов. Декларировалось, что религии как особой форме мировоззрения не нужна никакая наука; звучали и прямо противоположные мнения о том, что религия — это «иллюзия» и в конечном итоге эта «иллюзия» будет заменена в историческом процессе наукой [5, 152]. В этом аспекте заслуживает особого внимания обращение к наследию св. Луки Войно-Ясенецкого [3]. Святитель Лука, будучи признанным хирургом и просто врачом, архиепископом, прославленным в соборе исповедников и новомучеников российских, помимо проповедей оставил после себя оригинальные религиозно-философские труды «Дух, душа и тело» и «Наука и религия». Написанные в середине прошлого века, долгое время они не могли получить широкой публикации и конструктивного обсуждения. Однако сегодня его идеи звучат очень современно не только в акцентах взаимоотношения науки и религии, но даже и в вопросах патриотического воспитания современного молодого поколения, «изучение его идей формирует ценности гражданственности и патриотизма» [2, 5]. Степень разработки его творений минимальна. Биография святителя перепечатывается и освещается исследователями гораздо чаще, чем исследуются его творения.

И тем не менее произведения святителя Луки могут быть весьма интересны с точки зрения религиозной философии, поскольку его труды представляют собой не просто попытку противостоять атеистическому миропониманию, но подробный анализ и синтез данных науки, трудов предшествовавших ему философов, текстов Священного Писания и (в меньшей степени) Предания. Особый интерес и актуальность представляют его попытки сопоставления науки и религии, чувственного и рационального, научно объяснимых и паранормальных явлений [4, 128]. Святитель дает собственное религиозно-философское обоснование этих явлений, с помощью которого, на его взгляд, можно разрешить проблему противопоставления научной и религиозно-мистической картин мира. Сегодня важно рассмотреть деяния этого интересного мыслителя не только сквозь призму его личного подвига противостояния советской системе, но и, на основании его убеждений, трансформации в его мировоззренческих установках знания и веры. Погружаясь в рассмотрение жизнеописания святителя, можно отметить, что его творчество было закономерным продолжением его биографии. Будучи гениальным врачом, он становится священником и епископом, исходя из внутренней религиозной необходимости, обусловленной нуждами своего времени, которые он видел и не мог не замечать, а не по прихоти или на основании карьеризма. Святитель Лука во всем старался быть полезным людям, его окружавшим. И как врач, и как архиерей.

Святитель Лука жил в сложные времена истории нашей страны, пережил три войны, революцию и несколько ссылок. Несомненно, данные трудности

и общественные изменения оказали значительное влияние на его творчество. Однако определиться с выбором жизненного пути оказалось делом нелегким. Стремление приносить деятельную пользу, служить людям приводит будущего святителя Луку к мысли изучать медицину. Ожидая появления свободных вакансий на медицинский факультет, он в течение года изучает подробно историю и философию права, политическую экономию и римское право на юридическом факультете. Но в 1898-м Войно-Ясенецкий поступает на медицинский факультет. Получив диплом с отличием, молодой и талантливый специалист Валентин Войно-Ясенецкий в 1904 г. отправляется на Русско-японскую войну, где работает военно-полевым хирургом в эвакуационном госпитале под Читой. По окончании войны молодой хирург стремится осуществить свое желание помочь простому народу и становится земским врачом, оперируя бесчисленное множество больных.

В 1915 г. была издана монография «Регионарная анестезия» с иллюстрациями автора. В следующем году Войно-Ясенецкий защитил эту работу как диссертацию и получил степень доктора медицины. После защиты диссертации Войно-Ясенецкий возвращается к практической хирургии. Одним из первых в России он делает сложнейшие операции на внутренних органах, сердце, головном мозге, глазах. Однако духовные поиски этого человека кардинальным образом изменили его биографию. В 1921 г. профессор Войно-Ясенецкий — практикующий хирург, преподаватель университета — был рукоположен в иерея. В возрасте 46 лет он был пострижен в монашество с именем Лука и рукоположен в епископа Туркестанского. Писатель-биограф М. Поповский [6] оценивает решение ученого принять духовный сан в годы террора советской власти как нравственный протест против бездушия эпохи, находя в этом акте сугубо этические причины. При этом М. Поповский отмечает независимость научных взглядов Войно-Ясенецкого от его религиозных убеждений. «...Валентин Феликсович (как и физиолог Павлов!) считал, что в творчестве исследователя двадцатого века наука и религия не конкурируют друг с другом. Уже в 20-е гг. он приблизился к представлению, которое большинство западных ученых приняло в 60–70-х годах нашего столетия. Наука и религия — плоскости непересекающиеся. Сама по себе наука не окрашена ни в политические, ни в этические цвета. Вера — личное дело ученого» [5]. После этого — долгий период ссылок, репрессий, признаний со стороны советской власти и опять репрессий. В 1945 г. владыка награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», а годом позже удостоен Сталинской премии первой степени за медицинские труды «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов». В 1956 г. архиепископ Крымский Лука полностью лишился зрения, но продолжал помогать людям — как архипастырь и как врач.

Именно в послевоенные годы архиепископ Лука работает над двумя богословскими трактатами — «Дух, душа и тело» и «Наука и религия», полагая своей целью апологию христианства против научного атеизма, а также религиозное просвещение отошедших от веры. В этих трудах святитель Лука Войно-Ясенецкий приводит научные аргументы в защиту принципов христианской антропологии, теологической теории создания мира. Однако Московская духовная академия

не стала рассматривать сочинение «Дух, душа и тело» в качестве диссертации. Слишком открыто оно противоречило государственной естественно-научной доктрине.

Работа «Дух, душа и тело» начинается с описания того положения дел в естествознании, которое в современной нам философии науки характеризуется как «кризис в физике» и кризис механической картины мира. Святитель ссылается на высказывания Л. Пуанкаре о том, что в физике происходит «ломка старых понятий» и «незыблемые идеи подвергаются пересмотру», а значит, идеи классической механики, идеи, казавшиеся долгое время постоянными, непоколебимыми, вечными и прочными, оказались релятивными. При этом и атомистическая концепция оказалась развенчанной, ученые отказались от такого понятия, как «эфир»... Но, как утверждает святитель, за такими грандиозными изменениями в естествознании таятся еще более неведомые тайны: «неведомые нам формы энергии», «признание существования и нематериального» [2, 5]. Закономерен поставленный им вопрос: «Возможно ли существование духовной энергии?» — который обуславливает следующий: «Какими органами чувств человек может воспринимать данную энергию?». Лука считает, что таким органом может быть сердце как орган высшего познания. После чего он переходит к идее одухотворенности всего живого. Святитель уверен, что «самый общий, самый распространенный в природе из всех даров Святого Духа есть дух жизни и он, конечно, свойственен не только животным, но и растениям» [Там же, 6]. Он соглашается с мнением Э. Гартмана, что растения обладают бессознательной волей и бессознательным представлением. Однако это не противоречит мнению св. Антония Великого о недопустимости признавать в растениях душу.

Душа животных и человека — предмет дальнейших рассуждений святителя. Не надо путать, предупреждает он вновь, сознательную деятельность человека и духовную. Наука, в частности психология, знает лишь узкое понимание сознания и мышления. Если мы рассмотрим более глубоко деятельность сознания, то увидим, что в актах и состояниях сознания всегда участвует дух, определяя и направляя сознание. В свою очередь, дух растет и изменяется от деятельности сознания, от его отдельных актов и состояний. Но прежде он пытается определиться с присутствием души у животных. Низших животных, размышляет святитель Лука в русле солидарности с некоторыми традициями понимания животного духа у античных философов, характеризует примитивный дух — это только «дыхание жизни». Высших — «объединяемый самосознанием комплекс органических и чувственных восприятий, мыслей и чувств, следов воспоминаний» [Там же, 16]. При этом святитель подчеркивает, что дух человека, характеризующий деятельность души, не может быть сравним с духом животных. Дух и душа человека нераздельно соединены при жизни воедино. Но можно видеть в людях различные проявления духовности, согласно апостолу Павлу. Что такое душа с точки зрения Луки? «Душу можно понимать как совокупность органических и чувственных восприятий, следов воспоминаний, мыслей, чувств и волевых актов, но без обязательного участия в этом комплексе высших проявлений духа, не свойственных животным и некоторым людям» [Там же, 18].

Логичен тогда вопрос о смерти: смертно тело или душа? Материалисты отрицают бессмертие души именно потому, что не хотят ничего знать о духе. Бессмертны же те элементы самосознания, которые связаны с жизнью духа. В большинстве мест Священного Писания говорится о смерти как об оставлении тела духом, а не душой. Смертны же те элементы душевной деятельности, которые связаны с жизнью тела: чувства и мыслительные процессы, неразрывно связанные с деятельностью мозга. В немногих местах Священного Писания, продолжает свою мысль Лука, «смерть определяется как исхождение души (а не духа из тела)» [2, 18]. Самосознание также связано не с умом, как принято говорить в материалистических теориях психологии и диалектического материализма, а с духом. А для чего необходимо самосознание? «Духовность есть высшее достижение человеческой души» [Там же, 19]. А это высшее достижение человеческой души — тесная связь между сердцем и духом (что и подтверждает то, что выше говорилось о первенствующей роли сердца в сознании). Но сердце может воспринимать и злую духовность (гордость, злобу, ненависть, богохульство, самолюбие, своекорыстие). Это состояние возникает при потере положительного и неуклонно может развиваться (здесь уместно вспомнить теодицею А. Августина о зле как отдалении от добра). Но вывод Луки оптимистичен: «Люди, по духу сродные Богу любви, воспринимают Духа Святого и неуклонно совершенствуются в добре и любви» [Там же, 20].

В последней главе своего произведения Лука возвращается к проблеме бессмертия. В своей традиционной манере он критикует ученых-материалистов и атеистов, отрицающих бессмертие человека. Он полагает, что они заблуждаются, потому что считают, что душа связана с телом только при жизни тела. Да, утверждает он, в какой-то степени они правы, но связь души и тела нужно понимать в аспекте связи с телом «низшей животной души». Однако «дух есть сумма нашей души и части ее, находящейся вне границ нашего сознания» [Там же, 100]. Поэтому как «вино не портится, а продолжает жить своей собственной жизнью после смерти винограда, становясь тем лучше и драгоценнее, чем дольше оно живет, — и в бессмертном духе человеческом продолжается вечная жизнь и бесконечное развитие в направлении добра или зла после смерти тела, мозга и сердца и прекращения деятельности души» [Там же, 105]. Поэтому Лука подчеркивает еще одно свойство духа — бессмертие и его совершенствование после смерти тела и души. Таким образом, в этих размышлениях Лука, с одной стороны, критикует ученых-материалистов, с другой стороны, делает заявление о взаимодополняемости науки и религии. Уместно привести замечание по этому поводу Д. В. Пивоварова: «Неточно и поверхностно мнение, будто рациональная наука полностью противоположна иррациональной религиозной вере» [5, 273].

Обратимся к трактату Луки «Наука и религия». Данный трактат, будучи вторым после трактата «Дух, душа, тело», по своему критическому содержанию и даже названию, совершенно не мог быть издан в СССР и впервые был опубликован лишь в 2000 г. Если в первом трактате святитель Лука касался вопросов, которые было затруднительно ставить и разрешать ввиду их малоизученности советской наукой, то по одному лишь названию второго трактата ясно, что святитель явно

вступал в противоречие с советским культом науки. Размышление Луки начинается постановкой достаточно смелого в его время вопроса о том, как взаимодействуют между собой наука и религия. Есть ли вообще возможность постановки данного вопроса? Существует ли между ними противоречие? Для ответа на поставленные вопросы святитель Лука логично определяется с понятиями «наука» и «религия». А далее, после выявления содержания данных понятий, по его утверждению, их можно сравнивать. Итак, какими особенностями и свойствами обладает то явление, которое можно обозначить как «наука»? Первая особенность, с точки зрения святителя, — системность, то есть не просто хаотичный набор информации о каких-либо фактах, а их упорядоченность, расстановка по определенным параметрам, то есть классификациям. Вторая особенность науки состоит в том, что она оперирует результатами познания, обладающими свойствами доказательности, общепризнанности, объективности.

В русле кантианской критики этих сторон научного познания святитель Лука отмечает, что наука дает лишь описание, продуцирует знание о «явлениях жизни природы», но не проникает в их сущность. В этом, считает мыслитель, и состоит ограниченность научного знания, так как органы чувств, в силу несостоятельности, и даже при помощи технических приспособлений, не могут дать достоверные, полные и точные знания о мире. Кроме того, наши знания о мире обладают элементами субъективности. Но, как подчеркивает святитель, человек всегда обладает стремлением к расширению знаний, например, психология стремится дать знание о душе. Автор исследуемых нами трактатов вполне справедливо отмечает, что знание может быть достигнуто не только в процессе научного постижения мира, есть и другие способы получения знания, например, интуиция. А кроме интуиции, существует также особый способ постижения действительности — религиозный.

Святитель Лука утверждает, что есть множество отличительных черт науки и религии, главное из них «Бог существует; даже больше — только Он и существует... В Нем все имеет свое бытие, вне же Его бытие и томление духа» [1, 14]. Эта область сущностей, которые наука не может описать. Разумные доказательства бытия Бога находим мы, продолжает святитель, в классической немецкой философии — в учении И. Канта, в философской мысли А. Бергсона и Н. О. Лосского, В. С. Соловьева. Тогда, считает мыслитель, можно объявить некомпетентностью постановку вопроса о том, в чем наука противоречит религии. Причинами этого ученый называет поверхностность знаний у его современников как в области религии, так и в области науки и, что важнее, недостаточность знаний. Святитель Лука называет и еще одну причину: наука как система фактов подвергается сочленению с субъективным мнением того или иного ученого. В отдельных случаях эта причина опосредует противоречия науки и религии, а иногда субъективность может стать противовесом и научному открытию, так как сам ученый, как утверждает святитель, является верующим «самому себе».

Также святитель Лука критикует и такое явление современной ему жизни, как «научный атеизм». Это «действительно противоречие религии, но он есть предположение некоторых образованных людей, недоказанное и недоказуемое» [Там же, 16]. Научный атеизм выстраивается на научных предположениях

эволюционистской теории Ч. Дарвина. Святитель последовательно разоблачает теорию эволюционизма, приводя небезынтересные факты фальсификаций и подтасовок данной теории, и утверждая, что сам известный автор «Происхождения видов» высказал свои предположения, видя в них гипотезу (вероятностное знание, требующее доказательств), что потребовало от него процедуры отречения от своих слов: он «впоследствии отрекся от нее и покаялся перед Богом» [1, 19]. Так святитель Лука называет дарвинизм примером отдельных субъективных мнений ученых. В рамках теоретических изысканий научного атеизма, согласно святителю Луке, также неправильно трактуется и креационизм, поэтому святитель уделяет проблеме развития особое внимание. Он утверждает, что «Библия не отрицает развитие в пределах вида... Но само это развитие происходило не в природе самой по себе, а в разуме Бога» [Там же].

Святитель видит причиной бессилия науки проникнуть в сущность явлений то, что учеными не определены исходные, базовые понятия (а ведь об этом в свое время говорил еще и греческий философ Сократ, утверждая, что нужно познавать человека, а не природные явления). Так, например, понятие «материя» не дает возможности оттолкнуться от него и рассмотреть сущность душевной жизни человека. Невежество и малознание в религии также существуют повсеместно. У многих людей отсутствует религиозный опыт мистического переживания Абсолютного, люди небрежно относятся к чтению Библии. Однако если обратиться с вниманием к библейским текстам, то можно ли увидеть существенные противоречия между научными и религиозными рассуждениями о материальном мире? Святитель Лука основательно доказывает, что современные ему научные данные находятся в согласии с библейскими догмами. Единство положений науки и религии становится видно, если, согласно учению святителя, вчитываться в текст Священного Писания. Так, во-первых, Библия не учит ни о геоцентризме, ни о гелиоцентризме, это всего лишь поверхностные споры ученых. А во-вторых, есть теоцентризм как метафизический центр вселенной, мир также христоцентричен; геоцентризм или гелиоцентризм, с точки зрения святителя, это явления, а теоцентризм и христоцентризм — сущности мира. Факты филологической науки подтверждают библейские тезисы о различии языков; геология, палеонтология, археология и другие науки также свидетельствуют о том, что сегодня получаемые в научном поиске знания были изложены в рамках библейского дискурса. Вывод, который делается святителем Лукой, состоит в следующем, а именно: подлинная наука не находится в противоречии с истинной религией.

Святитель Лука продолжает свои размышления тезисом о том, что есть противоречие в глубине знаний о природе и о человеке. Интересен дальнейший вывод: естествознание приводит ученого к религии. Это неизбежно, так как неизбежна жажда знаний у ученого, стремление постичь тайну жизни и ее истинный смысл. Религия поощряет тайну исследования: «Наука без религии — небо без солнца. Наука, облеченная светом религии, — это вдохновенная мысль, пронизывающая ярким светом тьму этого мира» [Там же, 37]. В качестве своеобразного доказательства святитель приводит имена «верующих ученых»: Галилей, Бойль, Пастер, Ньютон, Кеплер, а также отечественных ученых — врачей,

психологов — Н. И. Пирогова, П. И. Ковалевского (психиатра), Н. К. Лысенкова (анатома), И. Ф. Огнева (физиолога). Святитель Лука в тринадцатой главе своего трактата, которая называется «Мысли великих ученых о взаимоотношениях между наукой и религией», для подтверждения своих размышлений обращается к самым различным учениям и цитирует высказывания И. Ньютона, К. Линнея, Ч. Дарвина. Говоря о Ч. Дарвине и его теории, святитель еще раз упоминает о спекуляциях именем Дарвина в естествознании, утверждая, что в своей книге «Происхождение видов» мыслитель называл себя теистом, то есть верующим в Божественное творение мира. Продолжением подтверждений в дальнейшем служит также обзор святителя Луки воззрений Л. Пастера, Н. И. Пирогова, А. Эйнштейна. Характеризуя взгляды вышеуказанных мыслителей, Лука обращает внимание на их узкую специализацию в научных отраслях — физике, химии, биологии, что тем не менее не смогло отвести их от взгляда на божественную тайну жизни. В заключительной части трактата «Наука и религия» святитель Лука выявляет противоречие изменчивости научного взгляда на мир и вечности христианской морали как вечного идеала человеческого, более значимого, нежели прагматическое бытие науки.

Таким образом, можно сделать вывод, что религиозно-философское творчество святителя Луки считалось реакционным в сложившейся духовной, научно-идеологической и философско-идеологической системе в СССР. Его творчество, как и вся его жизнь, — закономерный для него ответ на вызовы современности, основанный на глубоких внутренних религиозных убеждениях, христианском воспитании и любви к неидеологизированным наукам (чем и обосновывается множество его отсылок к трудам досоветских ученых из множества областей наук). Святитель Лука находился под непрестанным вниманием государственных структур: до Великой Отечественной войны его ссылали на окраины страны, а после — он был под наблюдением КГБ среди множества осведомителей в церковной и околоцерковной среде. При этом святитель Лука отлично разбирался и хорошо был знаком с основными направлениями западной философии и науки и непосредственно работами различных философов и исследователей, о чем свидетельствует обилие отсылок в вышеописанных трактатах к трудам европейских ученых и философов. В творчестве святителя мы видим искренний и жесткий, хоть и не всегда сильный, ответ идеологии СССР как священника и как ученого.

Современные модели взаимоотношения религии и науки в русле религиозной философии не выявляют противоречий в воззрениях святителя Луки и, более того, базируясь на взглядах мыслителя, расширяют поле анализа диалектического взаимодействия этих двух феноменов. Например, создатель уральской научной школы синтетического парадигмального знания Д. В. Пивоваров в своем труде «Наука и религия: гносеологические очерки» утверждает, что «религия — это не только вера, но и особое знание» [5, 317]. Исследуя данный вопрос, Д. В. Пивоваров указывает, что «гармония и конфликт науки и религии в их мировоззренческом аспекте, согласие и соперничество науки и теологии как академических дисциплин, единство и борьба науки и церкви как различных социальных институтов» [Там же, 270] опосредуют три трактовки темы соотношения науки

и религии; и если «в главном наука и религия никогда не достигнут согласия; уже сегодня они близки друг другу в освещении целого ряда коренных проблем мироотношения; объединение науки и религии произойдет в неопределенно далекой эсхатологической перспективе» [5, 275] — о чем с непоколебимой уверенностью утверждал и святитель Лука.

1. *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)*. Наука и религия. М., 2008.
2. *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)*. Дух, душа и тело. М., 2016.
3. *Иванова Е. В., Пенцонжек Е. В., Инкижекова М. С.* Религиозно-философские идеи святителя Луки (Войно-Ясенецкого) в патриотическом воспитании // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6, № 3А. С. 60–68.
4. *Иванова Е. В.* Взаимодействие науки и религии: история вопроса и современное состояние // Вестн. Северного (Арктического) федер. ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2017. № 1. С. 152–156.
5. *Пивоваров Д. В.* Наука и религия: гносеологические очерки. Екатеринбург, 2013.
6. *Поповский М. А.* Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга [Электронный ресурс]. URL: <http://azbyka.ru/fiction/zhizn-i-zhitie-vojno-yaseneckogo-arxiepiskopa-i-xirurg> (дата обращения: 05.09.2018).

Рукопись поступила в редакцию 14 сентября 2018 г.

УДК 111 + 125

**И. А. Беляев
А. М. Максимов**

ГРАНИЦА И ПРЕДЕЛ: К СООТНОШЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Статья посвящена осмыслению специфики соотношения понятий границы и предела. Стремление обеспечить должную концептуальную ориентированность осуществляемых изысканий и лаконичность изложения их результатов побудила авторов при отборе материала для анализа ограничиться теми работами, в которых не только раскрывается содержание понятий границы и предела, но и вносится вклад в упорядочивание представлений о соотношении между ними. В частности, анализ идей Аристотеля, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля позволил выстроить исходные представления о сущности и взаимосвязи границы и предела. Обращение к работам отечественных философов (Д. В. Пивоваров, Д. М. Федяев и Л. И. Чинакова, О. В. Боровская, Е. Н. Струк) способствовало формированию многомерного видения обсуждаемых понятий, позволяющих продуктивно разрабатывать широкий круг философских проблем. Показано, что понятие границы, в котором мыслится «начало и конец всякого определенного бытия» (Д. В. Пивоваров), богаче по содержанию, чем понятие предела. При этом понятие предела, будучи атрибутом понятия границы, обобщает в себе представление о черте, разделяющей противоположности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: граница, предел, беспредельное, бытие, соотношение.

Понятия границы и предела, относящиеся к числу основополагающих философских категорий, уходят своими корнями к истокам философской мысли. И в этом нет ничего удивительного. Философия, погружая людей в мир мысли, ориентирует их на творческую, созидательную деятельность. С помощью понятийно-терминологического аппарата порождается мир идей, идеальных моделей и образов. Предвосхищая и отражая многие явления реальности, эти идеальные сущности требуют локализации, отделения одного от другого, инициируя тем самым возникновение проблем границы и предела.

В своем становлении понятия границы и предела прошли длительный путь, насыщенный многообразными трансформациями присущих им содержательных и объемных характеристик; это изменяло соотношение между ними и неизбежно сказывалось на особенностях их использования в познавательной практике.

В. Л. Чечулин утверждает, что в развитии понятия предела можно выделить ряд периодов, которые будут соответствовать «периодизации общенаучного развития и периодам в истории математики» [14, 26]. Истинность квинтэссенционального содержания данной мысли в целом сомнений не вызывает, однако масштаб ее приложимости к интеллектуальной действительности, как мы полагаем, должен быть существенно расширен. Думается, что при обсуждении развития понятия предела (а точнее — становления его содержания) имеет смысл вести речь о развитии не только науки и тем более каких бы то ни было отдельных научных дисциплин, но и философии, которая конечно же близка к науке, но ею не является. Нечто подобное можно заявить и применительно к становлению содержания понятия границы.

Историко-философский анализ свидетельствует о том, что интерес мыслителей к этим понятиям никогда не угасал. Разработка и продуктивное использование их содержательного наполнения характерны для значительного числа трудов, получивших известность за многие века становления философского знания. Вместе с тем представления о соотношении обсуждаемых понятий требуют дальнейшей разработки.

Философы активно применяли понятия границы и предела еще в античную эпоху. При этом, с одной стороны, значения, приписываемые данным понятиям, не фиксировали конвенционально заданные различия содержательных наполнений, хотя, с другой стороны, их явственное отождествление также не практиковалось.

В. М. Качан обращает внимание на то, что в указанную эпоху граница связывалась с различием ограниченного и безграничного, а предел противопоставлялся беспредельному [6]. Анализ сохранившихся фрагментов трудов греческих философов-досократиков позволяет судить о том, что обсуждаемые понятия использовались для сравнения вещей, их различения и противопоставления друг другу. Об относительно высоком удельном весе, которым обладают данные понятия в рамках понятийно-терминологического аппарата ранней греческой философии, довольно явственно свидетельствует, в частности, позиция пифагорейца Филолая, приписывающего пределу и беспредельному статус начал [13].

Эвристически ценный шаг к установлению соотношения значений и сферы применения понятий границы и предела совершил Аристотель. Им выделены

четыре варианта значения понятия предела, одно из которых оказывается непосредственно связанным со значением понятия границы. Пределом, как он заявляет, «называется... граница каждой вещи» [1, 169]. Граница же, в свою очередь, есть «то первое, вне которого нельзя найти ни одной его части, и то первое, внутри которого находятся все его части» [Там же, 169–170]. Далее он замечает, что «о пределе говорится в стольких же значениях, в скольких и о начале и еще больше, ибо начало есть некоторый предел, но не всякий предел есть начало» [Там же, 170]. Границы, согласно Аристотелю, возникают и уничтожаются [1], то же, надо полагать, могло бы быть сказано и о пределах.

В XVIII–XIX вв. обсуждаемые понятия оказались в фокусе внимания представителей классической немецкой философии, что явило собой новый импульс к интенсивной разработке их содержания. Эвристически ценной является позиция основоположника этого философского направления И. Канта, который полагал, что сходство и различие между данными понятиями обнаруживается в процессе ограничения познания. Предел, по его мысли, порождает отрицательное ограничение, граница же – положительное [5].

Существенный вклад в разработку и теоретическое оформление внутренне непротиворечивых и онтологически состоятельных представлений о соотношении понятий границы и предела внес Г. В. Ф. Гегель. Он характеризовал границы как пространства, определяемые другими пространствами, как переходы от одного пространства к другому. Если граница является носителем идеальных моментов «нечто» и «иного», то предел, в свою очередь, выступает отрицанием иного. В гегелевском учении граница выступает как «опосредование, через которое нечто и иное и есть и не есть... что в своей границе, в которой оно имманентно, нечто есть противоречие, заставляющее его выходить за свои пределы» [4, 189–190].

Между тем для того, как пишет Гегель, «чтобы граница... была пределом, нечто должно в то же время внутри самого себя *переступить ее*, в самом себе соотноситься с ней как с некоторым не-сущим. <...> Но нечто переступает свою границу лишь постольку, поскольку оно есть ее снятость, отрицательное по отношению к ней в-себе-бытие. А так как граница в самом *определении* существует как предел, то нечто тем самым переступает *через само себя*» [Там же, 195]. Различая определенность и границу, он обращал внимание на их неотожждественность. Определенность, в отличие от границы, неотрывна от самобытия; иное для нее не есть что-то потустороннее.

Среди отечественных философов, в наши дни плодотворно занимавшихся осмыслением и развитием онтологических представлений о границе, пределе и их соотношении, следует выделить Д. В. Пивоварова.

Под границей, по мнению Пивоварова, следует понимать «начало и конец всякого определенного бытия» [8, 322], обращая внимание на то, что она выступает как «межа, отделяющая нечто от иного; место прямого соприкосновения, единения и взаимопроникновения смежно сосуществующих предметов» [Там же]. Граница, по его мысли, парадоксальна и амбивалентна. Разъединяя вещи и одновременно объединяя их, будучи диалектически двойственной, она своей неопределенностью

придает пограничному бытию качественную определенность [9]. Предел же — «это: 1) протяженная или темпоральная граница чего-нибудь; 2) то, что ограничивает собой нечто (примеры: за пределами страны, в пределах часа, предел совершенства, предельная точка)» [10, 155].

Д. М. Федяев и Л. И. Чинакова, исследуя диалектику границы в гегелевском и экзистенциальном понимании, обращают внимание не только на различия в данных подходах, но и на точки их соприкосновения, которые, в частности, обнаруживаются в том, что граница неразрывно связана с пределом: «Тема выхода за предел, начатая в “Учении о бытии”, энергично развивается в “Учении о сущности”: противоположности проникают, перетекают друг в друга, светятся друг в друге» [12]. В экзистенциальной же онтологии границы неразрывно связаны с ситуациями сопротивления и предполагают моменты ограниченности бытия, непреодолимые преграды, сохраняя при этом, как и у Гегеля, «стремление к преодолению и качественный скачок-переход к подлинности» [Там же].

Органическая взаимосвязь границы и предела, как полагают указанные авторы, прослеживается в художественно-образных версиях А. Блока и В. Высоцкого. Более того, как утверждают Федяев и Чинакова, «“пограничные” идеи находятся в русле диалектики Гегеля и (частично) идей экзистенциализма» [Там же]. Если герои Блока, как и «предписывает» диалектика Гегеля, стремятся перейти черту, дабы слиться с неизвестным, то герои Высоцкого, в соответствии «духом и буквой» экзистенциальной философии, сталкиваются с пограничными ситуациями и стремятся их прорвать.

Анализу специфики обсуждаемых понятий посвящена статья О. В. Боровковой «“Граница” и “предел” как два способа ограничения». В ней автор посредством обращения к самым различным источникам стремится показать, что данные понятия часто коррелируют друг с другом, определяясь одно через другое. Боровкова пишет о двух значениях понятия «предел», «определяющихся, во-первых, типологическим характером понятия, во-вторых — онтологическим. В первом случае предел — это внешняя часть границы, зафиксированный контур, обозначающий вещь здесь и теперь, расположение ее среди других вещей. Во втором случае (внутренняя часть) предел выявляет “природу вещи”, “сущность вещи”, возможности ее существования. Таким образом, граница вещи — это особое пространство, составленное из внешних и внутренних пределов, определяющее содержание вещи и ее расположение среди других вещей» [3, 40].

Заметим, что для границы характерны как устойчивость, так и изменчивость. Аккумулируясь в культуре, свойственной обществу в каждый момент его существования, они, с одной стороны, гармонизируют и упорядочивают человеческий мир, а с другой, изменяясь, претерпевают существенные преобразования, «переступая» через пределы, порождая при этом либо конструктивные, либо деструктивные процессы.

Жизнь человека немислима без границ. Реализуя свою самость, свободу, он порой вынужден преодолевать границы своего бытия революционным или эволюционным путем. Однако, претерпевая эти преобразования, человек далеко не всегда обретает искомую свободу. Отказываясь от сложившихся ценностей

и руководствуясь новыми, зачастую навязанными ему ценностями, он, как правило, попадает в мир отчуждения и «рабства» [7].

Особую значимость рассматриваемая пара понятий приобретает в наше до неприличия затянувшееся переходное время. Резкое изменение образа жизни у многих людей зачастую способствует разрушению границ и пределов бытия, порождает либо позитивные, либо негативные качества. В переходные периоды, как правило, осложняются процессы духовного роста человека. Сложившиеся смысловые ориентации испытывают естественные воздействия случайного, формируя интенции к нарушению пределов и образованию новых границ.

Е. Н. Струк полагает, что системный кризис, поразивший современное общество, породил множество проблем, требующих философского осмысления. И этот процесс успешно осуществляться будет только в том случае, если специалисты добьются ясности и четкости в определении категорий, являющих собой «сгустки» познания и важнейшие инструменты для изучения мира. К таковым он относит и понятие «предел», которому он вполне резонно приписывает статус категории. Проанализировав различные подходы к определению данной категории, подчеркнув их достоинства, автор в то же время отмечает, что, в силу многослойности, неоднозначности, универсальности данной категории, очень трудно дать ей всеобъемлющее определение. Выход видится ему в том, чтобы увязать предел с философскими категориями более общего плана, к числу которых он относит «развитие», предполагающее различные изменения, и «меру», отражающую «границные условия, в пределах которой может существовать баланс между качеством и количеством в пределах старой формы» [11, 1081]. Также он отмечает, что для прояснения сути данной категории требуется ее рассмотрение во взаимосвязи с законами диалектики и ее категориями, такими, в частности, как движение, становление и др. Несомненным условием успешного осмысления данной категории, согласно представлениям автора, является обращенность к общественной проблематике и иным культурно-историческим сущностям, например, таким, как язык. Внося своими размышлениями существенный вклад в толкование категории «предел», автор, однако, на наш взгляд, недооценивает роль и значение такой категории, как «граница», атрибутом которой предел и является.

Понятия границы и предела, взятые в совокупности, выступают в виде «лакумусовой бумажки», позволяющей выявлять и разрешать самые разные онтологические, аксиологические и гносеологические проблемы. Будучи неразрывно связанными друг с другом, они помогают осмыслить время и место протекания различных процессов и явлений, выявить специфику уникального, единичного как в живой и неживой природе, так и в самом человеке. Обращенность к этим понятиям помогает выявить линии водораздела, отделяющего одно от другого, обнаружить отчуждение либо преодолеть его посредством перехода в новое качество. Анализ содержательного наполнения обсуждаемых понятий помогает формировать верные представления о «протекании» процессов как в живой, так и в неживой природе, о переходах от небытия к бытию, от хаоса к порядку, от разделенности и рабства к целостности и свободе [2]. «Проливая свет»

на противоположности, граница и предел позволяют проследить диалектику взаимоотношений между ними, взаимопереходы одного в другое.

Таким образом, анализируя понимание границы и предела в различных учениях, мы обнаружили, что осмысление данных понятий происходило в контексте их соотносительности со множеством иных элементов понятийно-терминологического аппарата философии. Граница является собой понятие, весьма богатое по содержанию, включающее в себя различные противоположности, в то время как предел есть черта, отделяющая одно от другого. То есть граница, существуя как предел, выступает не только линией, отделяющей одно от другого, но и сущностью, характеризующей то или иное качество, которое она может сохранять сколь-нибудь продолжительное время и, опять же благодаря пределу, удерживать в некоем целостном состоянии.

Корректное понятийное отображение границы и предела, пронизывающих все сферы бытия, отделяющих, защищающих, определяющих, упорядочивающих и регламентирующих их, помогает «оттенить» и осмыслить многомерность мира и человека.

-
1. *Аристотель*. Метафизика // Аристотель. Соч. : в 4 т. Т. 1. М., 1976.
  2. *Беляев И. А., Максимов А. М.* Граница как мера целостности и свободы человека // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 10. С. 30–33.
  3. *Боровкова О. В.* «Граница» и «предел» как два способа ограничения // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 299(1). С. 38–41.
  4. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики : в 3 т. Т. 1. М., 1970.
  5. *Кант И.* Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Ф. Соч. : в 8 т. М., 1994. Т. 4. С. 5–152.
  6. *Качан В. М.* Сущность границы в классической философии: социокультурные экспликации // Учен. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. «Философия. Социология». 2008. Т. 21(60), № 2. С. 204–210.
  7. *Максимов А. М.* Свобода как противоречие самобытия и инобытия : дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. Екатеринбург, 1999.
  8. *Пивоваров Д. В.* Граница и пространство // Синтетическая парадигма в философии : избр. ст. Екатеринбург, 2011. С. 322–333.
  9. *Пивоваров Д. В.* Категории онтологии. Екатеринбург, 2016.
  10. *Пивоваров Д. В.* Пространство и граница // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2016. № 1(149). С. 152–164.
  11. *Струк Е. Н.* Экспликация категории предел в современной философии // Философия и культура. 2013. № 8(68). С. 1077–1082.
  12. *Федяев Д. М., Чинакова Л. И.* Диалектика границы: общее в различных версиях // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=6220> (дата обращения: 03.10.2018).
  13. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1 : От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989.
  14. *Чецулин В. Л.* К периодизации истории понятия предела // Статьи разных лет : сб. Пермь, 2014. Вып. 1. С. 18–29.

Рукопись поступила в редакцию 10 октября 2018 г.

**СИНТЕТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ИДЕАЛЬНОГО Д. В. ПИВОВАРОВА
В ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Авторами, являющимися учениками Д. В. Пивоварова, рассматриваются основы его синтетической теории идеального в историко-философском аспекте. Концепция Пивоварова соотносится с философией диалектического и исторического материализма, выступавшей в качестве официальной государственной философии в СССР. Доказывается, что обращение Д. В. Пивоварова к исследованиям основ философских оснований религии происходит в результате критического переосмысления прагматизма, с одной стороны, и метафизического материализма, с другой. В сопоставлении с неоплатонизмом кружка С. Георге и онтологии М. Хайдеггера выявляется главная цель философии Д. В. Пивоварова — прояснение онтологических оснований причастности действующего человека к бытию.

Ключевые слова: религия, философия, философия религии, истина, правда, отчуждающее познание, осваивающее познание, faith-вера, belief-вера.

Сегодня, во времена празднования эмпиризмом всемирной победы, критерии, измеряющие масштабность того или иного ученого, стали обретать исключительно цифровое выражение. Наукометрия сделала различие между учеными чисто количественным, но не качественным. Никто из них теперь не стоит выше остальных, как это было раньше с подлинными учителями, которым внимали с благоговением. А ведь еще три десятилетия тому назад сама идея сравнить своего учителя с руководителем какой-то иной школы по количеству публикаций выглядела бы не просто абсурдом, но и прямой изменой. Как и идея выбирать себе учителя по рейтингу.

Рационалисты сочли бы такой критерий, основанный на учете спроса, то есть моды, базарной точкой зрения и обдали бы его презрением. Еще хуже была бы реакция иррационалистов. При первой же попытке выявлять рейтинг своих вождей «наукометр» оказался бы в тюрьме, а то и на плахе.

Союзники, вначале победившие вместе с СССР во Второй мировой войне, а затем развернувшие холодную войну и полагающие, что одержали в ней окончательную победу, не только занялись утверждением во всей Европе своей модели общественной организации, но и стали активно насаждать мышление исключительно эмпиристского типа. Демократия с ее принципом «один человек — один голос» соответствует в области теории познания именно эмпиризму. Эмпиризм в теории познания есть признание фундаментального равенства всех людей — только в свете гносеологии. Эмпиризм ценит лишь опыт, и опыт профессора равен опыту ассистента, равно как и опыту дворника. Во всяком случае, никакого качественного различия между их знаниями нет. Все эти люди имеют право высказать свое суждение без ограничений, если оно основано на опыте. Дворник

вполне может обмениваться опытом с профессором. Суждение ассистента, как и его голос на демократических выборах, равно суждению профессора.

По эмпиристским понятиям в науке вообще не может быть авторитетов, не может быть старших и младших. Заслуги ученого измеряются поэтому не толщиной его книг, не величием построенных им систем или теорий (именно потому эмпиризм принижает значение монографий) — нет, рейтинг исследователя определяется количеством мелких, но оперативных публикаций, основанных на новейшем опыте, и количеством оперативных ссылок на эти публикации, сделанных такими же оперативными публикаторами. Если же их оперативные, а потому мелкомасштабные публикации еще и подтверждаются опытом практически, например, используются в больницах, парикмахерских и пр., тогда рейтинг эмпирического исследователя поднимается до небес.

Но даже если мы применим чисто «наукометрические» критерии для описания вклада в науку, сделанного Д. В. Пивоваровым, он будет заметно выделяться на общем фоне российских и зарубежных философов и религиоведов. Во многом этому способствовало то, что его родными языками были сразу и русский, и английский. Д. В. Пивоваров родился в Шанхае в семье русских эмигрантов. По его собственным признаниям, со своей сестрой в детстве во время игр он разговаривал по-английски. Такое владение английским языком как вторым родным не только обеспечило ему возможность следить за литературой по философским и религиозным проблемам во всем мире и самому публиковаться за рубежом, но и стажироваться у С. Тулмина, а затем и преподавать в статусе визитинг-профессора в Северо-Западном университете в США (Чикаго), где он прочитал авторский спецкурс, посвященный операционализму ученого, философа П. Бриджмена, лауреата Нобелевской премии по физике. Как описывал этот период своей преподавательской жизни сам Д. В. Пивоваров, ему удалось освежить в памяти оперативно ориентирующихся, а потому быстро все забывающих американцев учение этого выдающегося последователя первых американских прагматистов.

Сегодняшняя наукометрия, вопреки логике, приравнивает монографию как одну публикацию к тезисам или статье. Здравый смысл, нередко выражаемый даже в Интернете, подсказывает, что по объему одна монография представляет собой не один десяток статей. Сам Д. В. Пивоваров в ответ на вопрос, сколько он написал монографий на протяжении своей жизни, отвечал уклончиво, говоря, что счета им не вел. Но за цифру «сорок пять» ручался.

Как явствует из этого, Д. В. Пивоваров не придавал особого значения статистическим «наукометрическим» показателям, но они тем не менее показывали всем, что мыслитель он выдающийся, вполне заслуживающий не только сопоставления с ведущими зарубежными и отечественными философами, но и рассмотрения в более широком контексте истории философии. Тем более что он действительно был руководителем эффективно работавшей научной школы, подготовившей десятки докторов философских наук, которые стали профессорами в университетах России, а историко-философская культура его была просто потрясающей.

Представление, которое ныне распространяется представителями эмпиризма по всему миру, таково. Всякая теория вредна, поскольку она предполагает

наличие единомышленников, а потому ведет к тоталитаризму. Опыт же у каждого человека разный, он способствует различию мнений, а также индивидуализму и либерализму, который есть интеллектуальная основа демократии. Не будем рассуждать о том, соответствуют ли сегодняшним реалиям эти представления ранних эмпириков Нового времени и возможны ли индивидуальные различия опыта при наличии средств массовой информации и коммуникации на современном уровне их развития. Не будем также забывать о том, что эмпиризм — это тоже вид философии, хотя и наиболее бесхитростный, стремящийся к самопреодолению (см. «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна). Так что его победа над рационализмом и иррационализмом, якобы достигнутая в результате холодной войны, есть антидемократическая победа одной философии над всеми другими и, следовательно, подавление инакомыслия. Лучше задумаемся, насколько обосновано другое привычное ныне мнение — о том, что при «тоталитарных» режимах, то есть в государствах с одной правящей партией, есть только одна директивная философия. Ведь если допустить, что это представление верно, то директивная философия должна распространяться из одного центра и не допускать существования каких-либо «региональных» научных светил, как и вообще сколько-нибудь самостоятельных мыслителей.

Элементарный здравый смысл, который не может не признаваться эмпириками, говорит о том, что в любой цивилизованной стране, даже «тоталитарно» управляемой из единого центра, не может не существовать развитого разделения труда, а следовательно, и различия менталитетов. И эта разница находит свое более или менее явное отражение в политике и в философии, даже если политика и представлена только одной партией, а философия — только одной «общей» философией. Даже если в стране допускается лишь одна партия, то в этой партии неизбежно возникает несколько течений, группировок, выражающих весь спектр ментальностей, связанных с разделением труда и различиями в социальном положении. Если в стране допускается лишь одна философия, то в ней неизбежно возникает несколько философских школ, которые различаются между собой концентрацией внимания на тех или иных вопросах и ответах.

Можно даже отважиться на утверждение, что существует некоторый «нормальный» спектр философских направлений. В странах, допускающих идеологический плюрализм, такой спектр существует открыто, а в государствах, которые не допускают такого плюрализма, он существует в латентном виде. Иными словами, в рамках советской философии тоже существовало — а в постсоветской продолжает существовать — нечто подобное откровенному западному позитивизму, рационализму, иррационализму. После 1991 г., как хорошо известно, в России образовалось великое множество политических партий, причем абсолютное большинство их членов ранее состояло в КПСС. Это вовсе не означает, что все эти люди изменили своим принципам. Напротив, они отстаивали эти принципы и раньше. То же самое можно сказать и о философии. В рамках советской «марксистско-ленинской» философии существовало то, что историки философии всего мира привычно квалифицируют как метафизический материализм, позитивизм, «философия жизни», экзистенциализм и т. д. Тем более что этот нормальный

спектр воспроизводится даже в «постсоветской» философии, даже «стандартизированной» Министерством образования России.

Если мы принимаем это допущение, то оценка Д. В. Пивоварова вполне может быть произведена с использованием всего спектра общемировых историко-философских понятий. То есть его учение не только может, но и должно рассматриваться как феномен общемировой философии и, как таковое, может быть сопоставлено с другими феноменами общемировой философии и культуры, включая религиозную. То же самое относится, впрочем, и ко всем другим позициям и концепциям, существовавшим в советских и постсоветских философских центрах — как университетских, так и академических.

Так называемый «диалектический и исторический материализм» — в том виде, в каком он преподавался во всех без исключения высших и средних учебных заведениях СССР вплоть до 1991 г., — представлял собой, по сути, метафизический материализм в его докантовской форме. Единомышленники академика Б. М. Кедрова [1, 335–336], создавшего учение о формах движения материи и соответственно классификацию изучающих их наук, полагали, что физическая, химическая, биологическая и тому подобные «формы движения материи» существуют в самой материи, а не благодаря выделению их учеными, использующими категории, присущие их рассудку как форме мышления. Идея самодвижения материи как объективной реальности была призвана свести к минимуму всякий «произвол» познающих людей, а также фундаментализировать концепцию «научного атеизма». Однако это порой явно граничило с пантеизмом Спинозистского типа. Материя, как и у Спинозы, понималась некоторым подобием Бога, только безличным. Мышление предполагалось атрибутом самой этой материи. Природа как бы следовала разумным законам, которые она установила сама себе как субстанции.

То есть научный атеизм советских времен на самом деле представлял собой в большинстве случаев латентный пантеизм, неявно предполагавший, что у материи существует не только разум, но и, например, дисциплина, заставляющая не отклоняться от установленных ею же самой законов. Такой метафизический материализм, даже не предполагавший различения первичных и вторичных качеств в духе Дж. Локка, вполне устраивал власть, ибо стопроцентно легитимировал ее во всех случаях. Саморазвитие природы начиналось, в соответствии с этой картиной мира, с Большого взрыва, далее следовало возникновение Солнечной системы, возникновение жизни в Мировом океане, появление динозавров и прочих форм живого. Все это происходило «само собой» с абсолютной необходимостью и подтверждалось научными данными.

Та же сплошная, непрерывная линия развития материи продолжалась возникновением человека (с этого момента «диалектический материализм» переходил в «исторический материализм»). С абсолютной необходимостью и неизбежностью следовали пять общественно-экономических формаций, и в конечном итоге единая линия доходила до советской современности как «развитого», «реального» социализма брежневских времен. Такая картина просто идеально легитимировала брежневский режим: ведь от динозавров к нему с необходимостью вела непрерывная линия.

Однако именно этот метафизический материализм и привел (наряду с факторами экономического порядка) к «застою», поскольку каждый гражданин СССР осваивал его как мировоззрение уже в школе, делая из него свой собственный вывод: коммунизм как «светлое будущее» придет с той же исторической неизбежностью, с которой доньше развивались природа и история — независимо от того, будут ли люди напрягать свои силы для этого, проявлять активность, использовать разум и т. п. Хочешь или не хочешь, наступление коммунизма неизбежно. Работаешь ты или не работаешь, это будущее предопределено, поэтому вполне можно и не работать, имея на горизонте гарантированное процветание: история сама обеспечит светлое будущее. Спыхватившись, советские партийные идеологи попытались дополнить такое метафизически-материалистическое учение концепцией «активной жизненной позиции», но она никак не согласовывалась с учением об абсолютной исторической необходимости в развитии природы и общества.

Невозможно было объяснить теоретически, для чего человек должен был бы занимать активную жизненную позицию в условиях неотвратимого исторического прогресса и прогресса природы. Природа должна быть познана учеными, на основании их открытий философы разовьют научное мировоззрение, а оно ляжет в основу социалистического планирования, которое осуществит партия. Всякая индивидуальная активность субъекта излишня и представляет собой «отсебятину». Таким образом, преподавание под видом «диалектического и исторического материализма» метафизичного материализма, смешанного с пантеизмом — все в духе Нового времени, — идейно формировало в СССР социальную пассивность, которая оказывалась даже сильнее, чем призывы к активной жизненной позиции, поскольку внушалась исподволь, неосознанно — в рассказах не об этике, а о природе и о познании. Как выразился студент-докладчик на семинаре, проводимом одним из авторов этих строк, «материя объективно сама строит себя при помощи подъемных кранов».

Поворот в научной карьере, который осуществил Д. В. Пивоваров, покинув кафедру диалектического материализма и перейдя к созданию синтетической теории идеального, был вызван именно неприятием такой философии пассивности, которую навязывал псевдодиалектический, а на самом деле метафизический материализм. Во многом это было определено самой его натурой, необыкновенно деятельной и творческой.

Главным, как в жизни, так и в философии Д. В. Пивоварова, было преодоление сциентистской отстраненности, безразличного внимания к истине, равнодушного и недейтельного созерцания ее. Он отнюдь не был склонен рассматривать такую отстраненность как субъективную характеристику или психологическое качество. Психология есть противоположность онтологии. Сводя все к индивидуальному, а затем индуктивным путем выводя типы, объяснить что-либо в мире невозможно, поскольку все можно сравнить со всем, выделяя бесконечное количество типов по своему вкусу.

Поэтому Д. В. Пивоваров отдает, как философ, предпочтение онтологическому подходу, однако у него онтология вовсе не предполагает существования бытийных структур где-то в «наднебесье», куда человек может получить доступ

исключительно в мистическом созерцании. Деятельность для него всегда была не только ключевым, но и исходным понятием. Проблема, следовательно, для него состояла в следующем:

а) обосновать деятельностный доступ к бытийным структурам, предварительно определив, какой именно вид деятельности открывает этот доступ;

б) деятельность не может быть безрезультатной, следовательно, необходимо определить, в чем состоит результат этой бытийно ориентированной деятельности или, иными словами, может ли человеческая деятельность воздействовать на структуры бытия;

в) требуется, наконец, обрести язык, описывающий весь этот круг проблем, способный их внятно выразить и довести наконец не только до немногих посвященных, но и до самых широких масс, поскольку деятельность одиночек не может оказать сколько-нибудь заметное воздействие на бытие — только деятельность народов или всего человечества в целом.

Подобные же вопросы пытались решать в XX в. представители так называемого кружка Стефана Георге в Германии, а также М. Хайдеггер, предлагая, правда, различающиеся по смыслу ответы. Но все они были попытками разрешения того мировоззренческого кризиса, который пережила Германия в результате революции, заставившей кайзеровскую империю рухнуть и превратиться в хаос Ваймарской республики, закончившийся нацизмом.

Неоплатонизм XX в., который был философией кружка С. Георге, казался анахронизмом лишь на первый взгляд. Понять причины возвращения к теории идей Платона в Германии XX в. можно, только вникнув в историю гражданского воспитания в этой стране. Феодалная раздробленность немецких земель на сотни карликовых владений со средней площадью 25 квадратных километров обосновывалась протестантством М. Лютера. Как и всякий протестант, М. Лютер настаивал на праве верить в Бога индивидуально-неповторимо, активно протестуя против всякой «централизации» в вопросах веры. Со времен К. Лютера полагаться на государствообразующую силу христианства, которая проявлялась в Европе с VI в., немцы не могли, считая религию сугубо индивидуальным делом. Последствия были печальными. Отсутствие сильного государства привело к тому, что на немецких землях постоянно шли разрушительные войны: сюда, как на стадион, приходили выяснять отношения армии соседних держав, а малочисленные немецкие отряды феодальных владык противостоять этому были неспособны.

Специально для идеологического обоснования объединения немцев в единую нацию с единым государством и была выдвинута идея о том, что Германия будущего будет наследовать традиции античной Греции: великая культура эллинов возродится именно здесь, превратив Германию в культурный центр мира. Он будет противостоять торгашеству и мещанству Британии и Франции. Лучшее всего идею возрождения благородного эллинского духа выразил Ф. Гельдерлин, однако специфическим ее выражением была и философия Г. В. Ф. Гегеля, связавшая античную мысль с немецкой в единое целое.

После 1871 г. единая Германия, созданная стараниями Бисмарка, воспитывала свою элиту в гимназиях, где почти половина учебного времени посвящалась

изучению древних языков и античной культуры. Каждый выпускник гимназий писал сочинение на латыни. С точки зрения «практической» изучение латыни было абсолютно бесполезным. На этом языке никто не говорил, только врачи писали свои рецепты. Но именно бесполезность латыни, по мнению немецких педагогов, воспитывала дисциплину и умение бороться с трудностями. Изучение Платона прямо в гимназии, включая чтение диалогов на языке оригинала, приучало к аристократичному мышлению и манерам, внушало почтение к государству, одновременно оправдывая «временные трудности» на пути движения к идеальному государству, которое существовало только в «наднебесье», в царстве эйдосов — «идей».

Однако промышленная революция и всегда связанная с нею вера во всемогущество технологий, в то, что «технически возможно все», сотворили в Германии веру в «посюсторонний рай» общества потребления и породили цинизм вседозволенности, который всегда сопровождал потребительство, — счастье есть высшая ценность, оно представляет собой исполнение максимального числа желаний, удовлетворение всех возникающих потребностей, а это приобретается только за деньги, которые «не пахнут». Именно на рубеже веков кайзер Вильгельм II выступил с речью перед педагогами, потребовав воспитывать в Германии не древнего грека, а современного немца. Кроме того, он пожелал, чтобы большее внимание уделялось изучению естественных наук и техники.

Последнее требование, казалось бы, усиливает научно-технический потенциал страны, которая ведет напряженную конкуренцию с более развитыми странами на мировой арене. Но оно, превратившись в абсолютный принцип, совершенно подрывает всякий патриотизм. Ведь технологии не имеют родины. Они мгновенно перенимаются и копируются. И если ориентировать молодого человека на то, что технологии стоят превыше всего, то он, естественно, будет тяготеть к той стране, которая наиболее прогрессивна, то есть обладает наиболее передовыми технологиями. Стремление к личному потребительскому счастью отнюдь не способствует желанию положить свою жизнь за отечество на поле брани. Именно это и стало одной из причин революции в Германии, которую начали военные моряки, отказавшиеся выйти на бой с британским флотом и дезертировавшие, рассеявшись по стране с бунтарскими идеями. За революцией последовали несправедливый мир с огромными репарациями, разруха в промышленности, распространение индивидуализма и пессимизма, которые всегда идут рука об руку. Равенство привело к неспособности различать «высокое» и «низкое», к деградации морали, свободное предпринимательство стало интерпретироваться как оправдание вседозволенности и цинизма, эгоизм стал нормой и принципом жизни. Личное обогащение при пренебрежении интересами других вызвало социальное недоброжелательство и усиление «партий масс» — как левых, так и правых.

Но самым опасным было размывание социальных опор государства. Этика самоотверженного служения плохо сочетается с потребительством. А облегчение требований к образованию — в частности, сокращение и даже прекращение преподавания латыни в некоторых видах гимназий с сохранением доступа в университеты — привело к тому, что был ликвидирован один из важных фильтров,

защищавших университеты от лиц, не способных к учебе. Они прибегали к нечестным способам приобретения дипломов, а в результате хорошее образование перестало считаться необходимой чертой правящей элиты. Она на глазах глупела и деградировала морально.

Кризис Ваймарской республики, усугубленный мировым экономическим кризисом, потребовал хотя бы попытаться восстановить этические ориентиры, вновь «вести в моду» традиционную немецкую порядочность, но не в бюргерском, а в аристократическом ее понимании. Кружок С. Георге представлял собой «тайную Германию», организованную по образу и подобию Академии Платона — с филиалами по всей стране. Это была, по сути, попытка творческой интеллигенции организовать и выработать достойную идеологию духовного аристократизма, способную противостоять как потребительству, так и массовым движениям любого толка. (Воспитанниками этой «тайной Германии» были многие сторонники заговора против Гитлера, который завершился покушением на него Клауса Шенка фон Штауффенберга 20 июля 1944 г.)

Возвращение в общество высоких этических идеалов круг Стефана Георге планировал опять-таки через Платона [2], однако в несколько измененном виде. Теперь его «эйдосы»-идеи не должны представляться существующими чисто объективно где-то даже не на горизонте, а вообще в «наднебесье». Циники времен Ваймарской республики тоже еще на гимназической парте слышали о существовании добра и зла, о высоких ценностях и идеалах, но не считали себя лично причастными к этому «горнему миру». Поэтому идеолог кружка С. Георге, Генрих Фридеман, опубликовавший программный философский доклад «Платон, Его образ» в журнале «Блеттер фюр ди кунст» за 1914 г., требовал: «Против бегства эпохи из ограничивающих ее непреходящих форм, навстречу софистическому уклонению от всякого законосообразного принуждения и от всякой надперсональной необходимости должны быть предложены определенные проявления “прикрепления к бытию”. <...> Обеспечить это и должна платоновская идея» [7, 134].

По версии Г. Фридемана, Платон видел свои идеи не как чистый «наднебесный» мир, куда каждый может проникнуть при желании на колеснице своей души при определенных условиях, отрешившись от повседневности и занявшись философией, но точно так же может и не проникать при отсутствии желания, погрузившись в повседневность. Платон видел свои идеи только в человеческом воплощении — в образе Сократа, властно притягивающего к себе учителя. Философией, сообразно этому, вовсе не занимается каждый по своему индивидуальному желанию. (Точно так же не может заниматься ею и каждый при помощи «гаджетов», «онлайн».) Философия может быть только воплощенной в наставнике, который создает вокруг себя круг единомышленников — интеллектуальное сообщество, вначале неформальное, а затем и организованное по принципам интеллектуального царства, как платоновская Академия. Только платоновские идеи, воплощенные в наставнике, причастном к бытию, могут возыметь свое действие — или, как выражались неокантианцы, «значить», «быть значимыми». Наличие философской школы обязательно для постижения и восприятия «наднебесных» идей, а создает такую школу только незаурядный руководитель — одновременно философ, поэт

и правитель, то есть харизматический лидер. Г. Фридеман пишет по этому поводу: «Великий человек, наделенный господствующей волей, при взлетах и падениях эпох всякий раз задает меру, на которую можно ориентироваться в разнообразии времени; ведь всякая мера есть гипотеза великого ума и она значима, пока способна вести вверх, к божественному» [7, 134].

Только в совместном видении идей с «великим человеком», только благодаря определению духовного наставника, который дает установки на понимание и поэтически превращает гипотезу в «культовый образ», идеи, по мнению Г. Фридемана, и обретают их нормативный смысл.

Наставник, «научный руководитель», есть проводник высоких идей, посредник в общении с миром «наднебесных эйдосов». Самому же ему они являются в созерцании — как гипотезы. Гипотеза — это вовсе не догадка, не субъективное предположение: это та форма, в которой платоновские «наднебесные» идеи даны философу-поэту-руководителю. А «даны» они ему лишь потому, что экзистенциально значимы для его жизни, выражают его предельную личную устремленность к постижению онтологических оснований. Говоря проще, они значимы для него только потому, что наука представляет собой главное дело его жизни и главную ценность в ней. Гипотезу мог выдвинуть не просто ученый, а занимающийся познанием человек, страстно стремящийся найти ответ на предельные бытийные вопросы в своих экзистенциальных целях. Иными словами, истина становится истиной тогда и лишь тогда, когда ее усматривает, вопрошая, пребывающий в гуще жизни человек. Она всегда — ответ на его вопрос.

Г. Фридеман описывает это в стиле, представляющем нечто среднее между философией и поэзией: «Этот первосвет, исходя, как из ядра, из гипотетической идеи, возносит своего идейного наставника в такое состояние экстаза, что он, певец божественной мании, концентрирует это опьянение, превращая его в животворящее семя, и это открывается именно мысленно — под напором не разделенной на части целостности жизни, которая наполняет все, и вокруг костяка мыслей выращивает целостный образ — чтобы создать праздник и смысл культа. К этому возвышению не могут вести никакое убеждение и никакая основа — только это простое и первоженное, глубочайшие экстазы мысленного открытия, которые должны вести из плавающе-текучего настроения к светлейшей определенности и закреплять богосотворяющий миг отдельного индивида в культе Постоянно Длющегося, который распространяет одну и ту же захваченность вокруг нового образа. Идеи, которые гипостазировал мыслитель — единственно для того, чтобы обрести значимое суждение, — автор “Тимея” положил в основу творения как перво-образы, пра-образы, они изменяются в “Федре”, превращаясь в божественные образы в наднебесье, и эрос освящает ту силу, которая служит культу идей» [Там же, 135].

Несколько иным образом все понимается в учении М. Хайдеггера. Он находит блестящую поэтическую метафору, описывая контакт человека с Богом: это не встреча, а приветствие Бога, проходящего мимо. Религия должна ориентироваться не на то, что человек идет к неподвижному Богу, не на то, что Бог когда-либо придет к человеку. Человек ищет Бога и пытается в религии восстановить с ним связь (Д. В. Пивоваров не устал подчеркивать это этимологическое значение

слова «религия» [6, 16–17].) Предварительное условие для такого восстановления связи — отрешение от суеты, от захваченности единичным и случайным. Если выражаться словами Г. Фридемана, вся жизнь человеческая есть вымысливание платоновских гипотез о смысле жизни, что в теологии называется вопрошаниями Бога. Только в этом настрое — ища божественный смысл во всем, включая повседневность, — человек и может увидеть Бога, проходящего мимоходом. У М. Хайдеггера постоянно были слушатели и ученики с Востока, вначале — японцы, а затем и китайцы. Они выражались и еще решительнее: Бог даже не проходит мимоходом, он вообще Ничто, но Ничто, которое обязывает и влечет.

«В летнем семестре 1960 года М. Хайдеггер (в возрасте 71 года) провел в Бремене семинар “Образ и слово”, основываясь на пяти текстах, экзотический подбор которых поразил всех участников. Первые четыре текста были такими — 1. Цитата из “Исповеди” Августина; 2. Фрагмент 112 из Гераклита; 3. Иенская речь П. Клее, произнесенная в 1924 году; 4. Собственное двустишие: “Только образ-изображение хранит облик / Но облик основывается на стихе, созданном поэзией” (“Nur Gebild wahrt Gesicht / Doch Gesicht ruht im Gedicht”). Нас в данном случае больше интересует пятый текст — повествование об инструменте из колокольчиков из даосской книги “Чжуан Цзы”. <...> В Древнем Китае существовал музыкальный инструмент бяньчжун, который представлял собой подвешенные к деревянной раме тринадцать колокольчиков. В книге “Чжуан-цзы” (в главе 19 “Постигший жизнь”), о его изготовлении рассказывается следующее:

“Плотник Цин вырезал из дерева раму для колоколов. Когда рама была готова, все поражаюсь: казалось, ее делали духи. Увидел раму луский князь и спросил плотника:

— Каким искусством ты этого достиг?

— Я всего лишь ремесленник, — ответил плотник, — какое у меня может быть искусство? Впрочем, один способ есть. Никогда не берусь за работу в душевном смятении: чтобы очиститься сердцем, непременно пощусь. После трех дней поста уже не смею помышлять о почестях или наградах, о жалованье и чинах. После пяти — не смею думать о хвале или хуле, удаче или неудаче. После семи — в оцепенении не ощущаю собственного тела, забываю о руках и ногах. И уже нет для меня ни князя, ни его двора, все внешнее исчезает, и все мое умение сосредоточивается на одном. Тогда я иду в горы и присматриваюсь к природным свойствам деревьев. И только мысленно увидев в самом лучшем из стволов уже готовую раму, я принимаюсь за дело — иначе не стоит и браться. Так мое естество сочетается с естеством дерева — поэтому и работа кажется волшебной”» [3, 17].

По сути дела, М. Хайдеггер говорит о том же соприкосновении живой деятельности человека с бытием, однако не в сфере познания, как у П. Наторпа, а в сфере предметной деятельности, которой занят ремесленник. То и другое дополняют друг друга в жизни человечества. Роднит первое и второе экзистенциальный мотив. Говоря другими словами, бытие должно быть пропущено через себя, чтобы было создано что-то высокохудожественное или глубоко научное. Обратим внимание в связи с нашей темой на то, что здесь не проводится разделение между наукой и ремеслом (а также добавим — между наукой, ремеслом и поэзией). М. Хайдеггер

проводит иную разделительную линию, и проходит она внутри науки, ремесла и стихотворства. Он делит все эти три области на анонимно безличную и экзистенциальную, то есть лично пережитую и заставившую делать важнейший жизненный выбор. Говоря проще, бывает наука как жизненное служение и наука как технологический процесс. Бывает предметная деятельность как нетворческое тиражирование стандартного и бывает изготовление уникально неповторимого, штучного (именно потому, например, никто не назовет Страдивари столяром — только художником, творившим скрипку). Наконец, бывает стандартизированное стихотворство — и бывает экзистенциально прожитое и пережитое прикосновение к тому слову, которое «было у Бога».

Д. В. Пивоваров обладал огромной историко-философской эрудицией. В его трудах рассматриваются концепции многих мыслителей — от античных до современных. Однако, понимая, что об одном и том же мыслители разных времен и народов говорят по-своему, он искал свой собственный способ выразить суть проблемы явленности трансцендентного и вплетенности его в человеческую практическую жизнь. Причем этот способ изъясняться он стремился связать с российской ментальной традицией.

В монографии «Симфоника как методология толерантного спора», написанной совместно с учеником Е. В. Рыльцевым, он попытался раскрыть проблему с помощью понятий «правда» и «истина», с которыми, в свою очередь, связывал два способа познания — отчуждающий и осваивающий:

«Отчуждающее познание... разъединяет познающее и познаваемое, превращает субъекта в отстраненного, бесстрастного и объективного наблюдателя, а объект — в нечто “совершенно иное”. Объектом такого познания могут быть как внешние (в том числе трансцендентные) предметы, так и имманентные (иногда трансцендентальные) вещи; поэтому его можно подразделить на экстерьерное и интерьерное отчуждающее познание. Отчуждающее познание устремлено к объективной — внешней и надличностной — истине, определяемой, по Аристотелю, как соответствие знания действительности и проверяемой нейтральными критериями (внешнего опыта и разумной самоочевидности — экспериментом, “фигурами логики”). Между экзистенциальной и объективной истиной нередки конфликты (бывают истинная правда и ложная правда). Осваивающее познание ориентировано на другое — на то, что в русском языке называют *правдой*, плохо переводимой, например, на английский язык. Интернациональным аналогом правды может быть “экзистенциальная истина” — “внутренняя истина личности”. Эпистемическая истина для всех одна, интерсубъективна и ценностно-нейтральна. Напротив, экзистенциальная истина-алетейя у каждого своя, спаяна с принципами внутренней жизни индивида и имеет явно выраженный личностный и ценностный характер. Правду трудно верифицировать критериями материальной практики или рассудочной непротиворечивости. Ее предпочитают проверять духовными мерилami — особой духовной верой, совестью, интуицией» [5].

Если сопоставлять эти тезисы Д. В. Пивоварова с рассуждениями неоплатоников из кружка С. Георге и М. Хайдеггера, то можно будет сказать, что *истина* понимается им как объективная (или, точнее, объективированная) истина,

к которой стремится наука. Но в этику науки традиционно включена анонимность, подчеркнутая безличность, то есть личная незаинтересованность в утверждаемом, представление об истине как ничьей истине.

Правда, в свою очередь, не может быть субъективной, в таком случае она выступала бы просто как «мнение, которое принадлежит мне» (Г. В. Ф. Гегель). Правда в русской культуре есть обретенное в результате мучительных экзистенциальных исканий видение истины — не постоянное и окончательное, но в виде вспышки — озарения, которое у М. Хайдеггера именуется «мгновение». Эта правда есть нечто не то чтобы объективно-субъективное, но объективное, обретенное субъективно, ценой трудов и переживаний, упорных творческих поисков. Говоря еще строже, противоположность объективного и субъективного в этом процессе индивидуального приобщения к бытию просто преодолевается — «снимается», если использовать понятие Г. В. Ф. Гегеля.

При таком видении проблемы весь мир видится совершенно под иным углом. В нем живут художники и нехудожники. Художником «божьей милостью» — в самом широком понимании, то есть соратником Бога-Творца, — может считаться всякий, кто не следует стандартам и методам. Ведь истинный художник встречает истину бытия строго по-своему (известно, что любое сравнение стихов, картин, мелодий настоящих художников с произведениями других воспринимается ими как оскорбление). Метод художники презирают, воспринимая его как прием, повторенный дважды, что не к лицу истинному художнику-творцу. При попытке же установить какие-то стандарты в искусстве художники бунтуют, заводя речь о диктате и тоталитаризме.

Древний китаец, изготовивший инструмент из колокольчиков, никогда не сделает второго подобного инструмента. У него нет метода, нет технологии, которые позволяли бы быстро производить стандартную продукцию. Нет метода и технологии также и у любого настоящего поэта, — каждое его стихотворение возникает в результате уникальной неповторимой встречи с бытием.

Другой мир — мир нехудожников — стандартен, суетен, он представляет собой вечно повторяющийся «день сурка». Нетворческая, непоэтическая, квазииндустриальная наука, продуцирующая технологии, ускоряет и расширяет производство этого мира; СМИ наполняют его стандартной информацией, лишенной экзистенциальной составляющей, то есть информацией безличной, бесчувственной, обращенной от никого к никому.

Для различения осваивающего и отчуждающего познания Д. В. Пивоваров предложил использовать два понятия веры, противоположных по своему смыслу, — faith-вера и belief-вера.

Человек, который успешен в этом мире — «плотский человек», который «...противопоставляет себя всякому инобытию, “не-я” и мыслит себя субъектом, а инобытие — объектом» [7, 79], по мнению Д. В. Пивоварова, обладает верой, но эта вера в успех стандартных действий (belief-вера). Она может быть связана даже и с Богом, но в данном случае будет сводиться к формуле: я буду привычно исполнять все обряды, вести себя так же, как и все добропорядочные верующие, и за это меня ждет успех в виде бессмертия и попадания в рай.

Но есть и другой вид веры, свойственный духовному человеку, — faith-вера, которую Д. В. Пивоваров описывает так: «Faith-вера есть духовное влечение души к предельным основаниям бытия, мистическое пребывание в них. Прямое видение трансцендентальных сущностей и (или) субстанциальных связей. Faith-вера, или духовная вера, согласно этому определению, не является некоей копией своего предмета, картой, субъективным образом объективного прообраза, поскольку она жизненно слита с подлинником. Между нею и оригиналом отсутствуют такие непереносимые для рационального познания посредники, как идеалы, копии, образы, знаки, символы и знамения. Если это так, то резонно считать ее подлинным началом человеческого познания, прямым источником ведения о мире в целом и крупных сферах бытия» [7, 79].

Эта, вторая вера соответствует миру, в котором присутствует бытие, вернее, оно идет навстречу экзистенциально устремленному к нему человеку. (М. Хайдеггер говорит о Боге, который, проходя мимо, подает нам приветственные знаки.) Человек, устремленный к бытию, — это и есть тот человек, который выдвигает гипотезы, то есть полагает нечто как истину, предельно ясно сознавая при этом, что не выдумывает эту истину как неправду. Это и есть тот «правдоискатель», который был столь распространенной на Руси фигурой: он искал Бога и искал истину, однако предполагал, что, найдя их, он совершенно переменится сам.

Окончательно картина мира у Д. В. Пивоварова выглядит так: есть силы творчества, желающие быть соработниками Бога, то есть раскрывать своим экзистенциальным усилием бытие и доносить его «голос» до остальных своих собратьев. Эти силы представлены во всех областях, где только есть творчество и импровизация, где нет никаких изначальных установлений и инструкций (требования восточных учителей жизни понимать Бога как ничто объясняется, по сути, только стремлением избежать человеческих предписаний относительно того, как именно следует видеть и трактовать Бога). У этих сил творчества — вернее, творчества с Богом — есть естественный враг. Это мир технологий и стандартов, мир промышленного производства, который исключает ремесленничество как кустарщину. Это мир всякого рода методических разработок и инструкций и, если смотреть более общим взглядом, весь мир эффективности и инженерии, как промышленной, так и социальной.

Как человек и как мыслитель, Д. В. Пивоваров принадлежал к миру творчества и всеми силами боролся с миром нетворческого тиражирования. Он не просто создавал неординарную философию, но и излагал ее нестандартно, не оглядываясь ни на какие образцы, но развивая концепции своих нестандартных учителей — от М. Н. Руткевича до С. Тулмина. Он занимался ремеслом — чеканил, столярничал и фотографировал, но и все это проделывал, постоянно экспериментируя и не следуя канонам. И примером своим побуждал делать то же свою ближнюю «Академию» — кафедру, а также школу в рассеянии — всю научную диаспору своих учеников-профессоров и доцентов.

1. Кедров Б. М. Критерии различения высших и низших форм движения материи // Про-странство, время, движение. Диалектический материализм и современное естествознание. М., 1971. С. 326–343.
2. Маяцкий М. А. Спор о Платоне: Круг Штефана Георге и немецкий университет. М., 2012.
3. Перцев А. В. Искусство и практическая философия у М. Хайдеггера // Практическая философия: от классики до информационного общества. Астрахань, 2018. С. 13–18.
4. Пивоваров Д. В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. Екатеринбург, 2013.
5. Пивоваров Д. В., Рьльцев Е. В. Симфоника: исходные принципы и понятия. Екатеринбург, 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://mirznanii.com/info/pivovarov-daniil-valentinovich-ryltsev-evgeniy-valentinovich-simfonika-iskhodnye-printsipy-i-ponyati_287058 (дата обращения: 15.10.2018).
6. Пивоваров Д. В. Философия религии : учеб. пособие. М. ; Екатеринбург, 2006.
7. Пивоваров Д. В. Два понятия веры // Религиоведение. 2013. № 2. С. 75–89.
8. Pohle R. Platon als Erzieher. Platonrenaissance und Antimodernismus in Deutschland (1890–1933). Göttingen, 2017.

Рукопись поступила в редакцию 22 октября 2018 г.

УДК 130.12 + 128 + 159.961 + 133.9

О. В. Кузнецова

ВИЗУАЛЬНЫЕ ОБРАЗЫ НОВОЙ ДУХОВНОСТИ (ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ВИЗУАЛЬНОГО КОНТЕНТА СПИРИТУАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ ЕКАТЕРИНБУРГА)*

Одной из форм проявления новой духовности в России является деятельность спиритуальных центров, которые предлагают клиентам комплекс «духовных» услуг и товаров. Спиритуальные центры являют себя миру через визуальные материалы, размещенные на интернет-сайтах в открытом доступе, которые используются участниками духовных практик. Цель статьи — выявить и проанализировать визуальные образы спиритуальных центров на примере Екатеринбурга. Используя методологию визуального исследования, автор делает вывод об ориентации спиритуального контента на женскую аудиторию; о наличии представлений в рамках спиритуального движения о женщине как об активном субъекте; о признании спиритуальными центрами ее духовных потребностей; об использовании спиритуальными центрами образов, имеющих религиозные корни, в качестве доступного языка передачи смыслов духовности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: духовность, альтернативная духовность, спиритуальные центры, визуальные исследования, гендер, женщина, Нью-Эйдж.

В XX — начале XXI в. исследователи наблюдают изменения в мировоззрении современного общества, особенно в стратегиях поиска ответов человеком на экзистенциальные вопросы. Длительное время в истории человечества ответы на эти вопросы давались религиозными институтами, религиозной ортодоксией.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-33-00023).

В настоящее время все чаще эти жизненно важные вопросы решаются в рамках новой «духовности» (spirituality, спиритуальность).

Западные религиоведы называют в качестве основных черт духовности: 1) индивидуализм, предлагающий стратегию личного поиска самореализации и решения экзистенциальных вопросов; 2) опору на собственный опыт как на главный критерий истины, веру в высшую силу; 3) прагматизм в духовных поисках, нацеленных на жизнь здесь-и-сейчас; 4) неприятие догматизма, критику религиозной бюрократии и самой религии; 5) возможность сочетать крайние позиции в одной и холизм [3–5, 8, 9, 12]. Организационная составляющая новой духовности не может быть представлена в виде единой многоуровневой иерархически упорядоченной организации с жестким членством, скорее она предстает в виде сети кратковременных клубных сообществ, в которые вход и выход максимально легки.

Не случайно исследователи видят сходства в разнообразных религиозных, мистических и культурных поисках человека XX–XXI вв., а сами понятия, схватывающие аспекты этого поиска, Нью-Эйдж и духовность/спиритуальность, для религиоведов выступают зачастую как конкурирующие. Это следствие того, что нет исследовательских конвенций относительно данных понятий. Так, некоторые исследователи отмечают, что в термин «Нью-Эйдж» входят слишком разнородные явления: в него попадают все те явления, что не укладываются в концепты «новые религии» и «новые религиозные движения» (далее — НРД); движение хиппи; культурные поиски американского общества; современный духовный поиск вне институциональных религий; определенное «видение мира»; теософские и антропософские искания со второй половины XX в.; милленаризм (Эра Водолея на смену Эре Рыб); позитивное мышление; энвайроменталистские идеи; холистические альтернативы принятому обществом мировоззрению; аудиторные и клиентские культы и т. п. Таким образом, пишет С. Сатклифф, «Нью Эйдж оказывается просто особым кодовым словом в большой области современных религиозных экспериментов» [10, 1].

В отношении термина «Нью-Эйдж» также скептичен британский исследователь духовности П. Хилас, так как «этот термин теперь наносит больше вреда, чем пользы» и, более того, «в определенных кругах стал использоваться в полемике, дабы отвергать определенные убеждения и практики как (предположительно) недостоверные, тривиальные, поверхностные, потребительские» [7, 250]. Соответственно понятие духовности относительно нейтрально в использовании, подходит для обозначения всех тех учений и практик, которые опираются на индивидуальный внутренний мир человека (inner spirituality) [Там же].

Понятия «альтернативная духовность» (alternative spirituality) С. Сатклиффа или «экспрессивная духовность» (expressive spirituality) П. Хиласа, «экспрессивный индивидуализм» (expressive individualism) Ч. Тейлора призваны показать специфические аспекты новой духовности. Исследователи подчеркивают и такой аспект духовности, как свободный выбор (альтернатива) в его обычном значении слова, как выбор между существующими вариантами одного, более ценного варианта для человека. И в то же время для последователей новой духовности

в выборе присутствует и другой аспект, который отражен в дополнительном значении слова «альтернатива». Речь идет о том, что в рамках новой духовности все варианты — это просто варианты или другие интерпретации одного и того же, таким образом, все варианты равны. С. Сатклифф указывает, что современные проявления альтернативной духовности в мире можно расположить в континууме между полюсами, где равенство вариантов — на одном полюсе, а единственный истинный вариант — на другом [10, 11].

Другая часть терминологической и теоретической проблемы описания новой духовности и мистических поисков человека XX в. состоит в том, что духовность и Нью-Эйдж могут оцениваться некоторыми исследователями как антитеза «официальным», нормативным религиям. Первая причина подобной оценки может лежать в скрытом или явном теологическом дискурсе, в защите своих конфессиональных позиций и критике конкурентов. Другую причину подобного взгляда на духовность, расположенную в области религиоведческой оптики, подмечает С. Сатклифф: «старая модель “господствующей” религии(ий), основывалась на особом взгляде на “официальную”, “реальную”, “легальную” или “функциональную” религию... Сейчас же неуместно рассматривать такие явления, как народная религия, новые религиозные движения, альтернативная духовность и индивидуальные духовные поиски, либо через призму одной версии — официальной версии — одной религиозной традиции, либо через призму социологии девиации. Все они являются частью современной религиозной сцены и как таковые столь же достойные предметы изучения» [Там же].

Явление духовности, хорошо описанное на Западе, присутствует в современной России, однако работ, посвященных проявлениям духовности в нашей стране, почти нет. Духовность фигурирует во многих исследованиях как следствие секуляризации и ее последствий. Российское общество — это следствие советского секулярного проекта, дополненное «религиозным возрождением» 1990–2000-х, а подобный культурно-исторический контекст позволяет создавать эклектические миры духовности. Как один из аспектов проявления духовности в России можно рассмотреть деятельность спиритуальных центров, которые предлагают клиентам комплекс «духовных» услуг и товаров. В основе деятельности подобных центров лежит ориентация на возможную возмездную передачу «духовного» знания, упаковывающегося в форму практик. В самих практиках наблюдается эклектичность различных духовных и религиозных традиций и культур и гендерных моделей. Цель практик — обретение внутреннего спокойствия, гармонии, преодоление фрагментированности современной жизни, психологических проблем, с которыми сталкивается человек. Спиритуальные центры являют себя миру через практики, которые можно изучать через включенное наблюдение или глубинное интервью. Еще один способ явления спиритуальных центров миру — это визуальный материал их собственных сайтов.

Для изучения духовности в религиоведении используются качественные и количественные методологии. Большинство западноевропейских исследований духовности носят количественный характер: так, в основном это опросы, массовые исследования общественного мнения, статистические замеры. Они позволяют

выявить тенденции и границы явления, временные рамки. Однако содержание духовных практик, антропологические аспекты секуляризма, гендерные аспекты духовных практик и тому подобное продуктивнее исследовать с позиции качественного подхода к источнику. В этом отношении перспективными представляются визуальные исследования духовности. Р. Р. Уильямс и К. Уайтхаус справедливо указывают на то, что исследования, основывающиеся только на традиционных источниках — слова (тексты), цифры (расчеты) исследования — могут оказаться не исчерпывающими, так как «слова и цифры могут пропустить важные аспекты религии и духовности в современном мире» [11, 303]. Визуальные исследования в области социологии и антропологии религии представлены семиотическим, структурным иконографическим, герменевтическим и дискурсивным подходами и различными способами фотовыявления, партисипаторной работы с изображениями. Применение визуального анализа в изучении деятельности спиритуальных центров позволит ответить на вопросы об их гендерной ориентации, клиентуре, основных идеях, передаваемых эксплицитно и имплицитно. В своем исследовании мы ориентировались как на качественную комплексную стратегию исследования, используя в визуальном анализе аспекты семиотического, структурного, дискурсивного анализа, так и на элементы количественной стратегии, используя контент-анализ изображений.

Нами был исследован визуальный контент спиритуальных центров Екатеринбурга за 2017 — первую половину 2018 г. Всего было проанализировано содержание 131 изображения. Критериями отбора спиритуальных центров стали стаж организации на рынке подобных услуг; ассортимент услуг и практик, предлагаемых клиентам; наличие сайта; наличие штатных мастеров; присутствие активных маркетинговых стратегий. Были проанализированы изображения, проясняющие специфику содержания деятельности центров, изображения, иллюстрирующие практики, услуги, товары, предлагаемые центрами.

Значительная часть изображений, представленных на сайтах спиритуальных центров, проходила отбор. Так, изображения либо были выбраны администраторами сайтов из онлайн-баз изображений, либо рекламные изображения предоставляли сами именитые мастера администраторам для демонстрации. Совершив отбор изображений и ограничив возможность выставлять собственные изображения, произведенные посетителями сайтов, демонстратор изображений (администратор сайта или контент-менеджер) «берет верх над рассматривающим, присваивая себе право монопольно говорить о снимках» [1, 66]. Соответственно, изучая отобранные демонстратором изображения, мы видим в первую очередь понятие о духовности представителей спиритуальных центров.

В ходе исследования изображения подверглись описанию и систематизации: кто изображен; женщина/мужчина; внешний вид; положение тела в пространстве; декорации; присутствие/отсутствие изображений, связанных с религией (религиозные символы, религиозные практики, религиозные персонажи, религиозные декорации); векторы движения, организационная структура изображения.

Нами было выявлено, что в количественном отношении преобладали изображения, связанные с повседневной жизнью женщины, — 54 изображения (сцены

в кафе, шопинг, флирт, танцы, любовная размолвка, измена и др.); 24 изображения имеют отсылку к темам и символам, имеющим религиозные корни, — мандалы, богини, чакры, медитация, мантика, ее атрибуты и др. Из всего массива проанализированных изображений 106 изображений содержат фигуры женщин, 22 изображения — фигуры мужчин, 2 изображения — фигуры андрогинов. При этом и женщины и мужчины одновременно присутствуют лишь на 18 изображениях. Наиболее распространенным вариантом декораций оказалась природа (лес, море, сад и т. п.) — 27 изображений.

На изображениях интеракции между мужчинами и женщинами представлены разнообразнее, в то же время как интеракции исключительно между женщинами значительно беднее. Подавляющее число изображений сопровождали текстовые блоки, в которых сами центры или мастера спиритуальных центров знакомят с содержанием и целями духовных практик. Там же, в текстах, содержится информация об организационных вопросах курсов, занятий, мастер-классов. Зачастую сами изображения мало сообщают о сущности, процессе конкретной духовной практики. Они скорее ориентированы на передачу приятного ощущения, получаемого в ходе занятия духовной практикой или положительного результата после нее. Следует отметить рекламный характер текста и изображения, призванных вызвать чувства, запомниться, рассказать мифическую историю.

Проведенный анализ тематики изображений привел к следующим результатам. Во-первых, выявлено представление о женщине как об активном субъекте (о чем свидетельствует специфика способа изображения женщины (фигуры в большинстве расположены вертикально и в движении)). Тело женщины позиционируется как свободное тело, облаченное в удобную одежду (длинное платье, юбка, брюки). Это всегда молодое, упругое тело, без изъянов, болезней, дисфункций. Женское тело не закрепощено и не находится под чьим-то контролем (в том числе под контролем социальных норм и представлений об идеальном теле). Доминируют изображения тела полностью, прорисовываются черты лица. Таким образом, женщина предстает как существо, наделенное личностью, достоинством. Тело всегда в движении, действии, что еще раз подтверждает нацеленность женщины на развитие, изменение, познание мира и себя.

Во-вторых, в изображениях присутствует признание наличия у женщины особых духовных потребностей. В визуальном контенте гендерные аспекты и аспекты новой духовности, феминизма находятся во взаимосвязи. Таким образом, главным адресатом услуг спиритуальных центров в России является женщина. Это согласуется с концепцией К. Аун, которая феминизм рассматривает как альтернативную форму духовности [6, 126]. Более того, по мнению исследовательницы, феминизм ускорил появление альтернативных форм духовности и создание «духовного рынка», отражающего потребительские настроения и практики современного человека.

В-третьих, индивидуализм, свойственный духовности, в полной мере отражается в визуальном контенте спиритуальных центров. Так, доминируют по количеству изображения с одной-единственной фигурой женщины, что может свидетельствовать об акценте духовных практик на индивидуальных переживаниях и конструировании собственного уникального пути.

В-четвертых, на представленных изображениях социальный статус женщины остается непроявленным. Традиционная для женщины роль матери отсутствует, детей на изображениях нет, что, на наш взгляд, является своеобразной маркетинговой стратегией спиритуальных центров, для которых материнство — это активность женщины, конкурирующая с саморазвитием, самопознанием и духовными практиками, активность, не способствующая вовлечению женщины в спиритуально-коммерческое движение.

В-пятых, изображения призывают вступить на путь духовных практик в рамках конкретного спиритуального центра. Символы и образы же этих изображений происходят во многом из восточных религий и культур (индуизм, буддизм, даосизм и др.). Отметим, что значение этих символов и образов очевидно для воспринимающих и не нуждается в комментариях, легко прочитывается. Эти изображения символизируют доступные способы достижения внутреннего спокойствия. Более того, доступного иного (например, христианского, мусульманского) символического языка, описывающего гармоничное существование независимой женщины, принимающей ценности современности, нет. Значительной составляющей изображений являются образы, связанные с эзотерикой и мантикой, в которых заложены смыслы возможности предвидеть будущее, его предсказать, на него повлиять. Стремление к устойчивому и гармоничному настоящему и попытки контролировать свое будущее могут свидетельствовать о стремлении самостоятельно контролировать свою жизнь, повышать свою жизнестойкость.

В-шестых, большинство изображений стремятся к реалистичности, которая достигается за счет присутствия в них узнаваемых объектов из реальной жизни зрителя, что позволяет идентифицировать картинку как часть собственной реальности воспринимающего. Однако стиль подачи этой реальности делает изображенное менее реальным (для чего используются разные технические графические средства). Подобный подход к изображениям позволяет запустить игру между узнаваемой реальностью и той мифологической реальностью, к которой призывает картинка. Цель воспринимающего — начать духовный путь к гармонии. В данном случае духовность может быть трактована как «процесс гармоничного развития духовных способностей человека» [2, 617]. Таким образом, в изученных изображениях мы находим типичную для духовности мифологему бесконечного пути-поиска, квеста длиною в жизнь.

Итак, в визуальном контенте спиритуальных центров используются образы, пришедшие из исторических религиозных систем. С одной стороны, они сохраняют некоторые исконные идеи религиозных традиций, но с другой — наполняются совершенно новым содержанием, ориентированным на современное понимание жизни. Более того, именно они вкупе с образами повседневности становятся доступным языком передачи смыслов новой духовности, средством передачи переживаний и эмоций, новых гендерных моделей. Акцент на женском самопознании и рефлексия о специфическом женском познании, возможном и признаваемом, реабилитация женской телесности свидетельствуют об изменениях в гендерных моделях и ролях российского общества. Также выявленные образы и визуальные

стратегии спиритуальных центров, работают на маркетинговую стратегию, на вовлечение женщин в «женские практики».

1. *Круткин В. Л.* Фоторепортаж как источник социологической информации // Социс. 2012. № 3. С. 65–76.
2. *Пивоваров Д. В.* Философия религии. М. ; Екатеринбург, 2006.
3. *Руткевич Е. Д.* «Социология духовности»: проблемы становления // Вестн. Ин-та социологии. 2014. № 2(9). С. 37–65.
4. *Степанова Е. А.* Новая духовность и старые религии // Религиоведение. 2011. № 1. С. 127–134.
5. *Ammerman N. T.* Sacred Stories, Spiritual Tribes. Finding Religion in Everyday Life. Oxford, 2013.
6. *Aune K.* Feminist spirituality as lived religion: How UK feminists forge religio-spiritual lives // Gender & Society. 2015. Vol. 29(1). P. 122–145.
7. *Heelas P.* Expressive Spirituality and Humanistic. Expressivism: Sources of Significance Beyond Church and Chapel // Beyond New Age: Exploring Alternative Spirituality / Ed. by S. Sutcliffe, M. Bowman. Edinburgh University Press, 2000. P. 237–254.
8. *Heelas P.* The Spiritual Revolution: From Religion to Spirituality // Religions in the Modern World / ed. by L. Woodhead, C. Partridge, H. Kawanami. Taylor & Francis, 2005. P. 194–208.
9. *Knoblauch H.* Spirituality and Popular Religion in Europe // Social Compass. 2008. № 55(2). P. 140–153.
10. *Sutcliffe S., Bowman M.* Introduction // Beyond New Age: Exploring Alternative Spirituality / Ed. by S. Sutcliffe, M. Bowman. Edinburgh University Press, 2000. P. 1–13.
11. *Williams R.R., Whitehouse K.* Photo Elicitation and the Visual Sociology of Religion // Review of Religious Research. Vol. 57, № 2 (June 2015). P. 303–318.
12. *Zinnbauer B.J., Pargament K. I., Cole B., Rye M. S., Butter E. M., Belavich T. G., et al.* Religion and Spirituality: Unfuzzifying the Fuzzy // Journal for the Scientific Study of Religion. 1997. № 36. P. 549–564.

Рукопись поступила в редакцию 24 октября 2018 г.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В ЭПОХУ ПОСТГРАМОТНОСТИ

Мы продолжаем публиковать работы, подготовленные для журнала участниками Третьей международной конференции «Коммуникационные тренды в эпоху постграмотности», которая состоялась в нашем университете 26–28 апреля этого года. Ниже представлены статьи исследователей из Екатеринбурга, Тюмени и Челябинска, объединенные выдвинутой Л. А. Заксом идеей культууроцентризма современной диалого-коммуникативной системы общества.

УДК 130.3 + 130.2:62 + 130.2:57 + 159.922.2

Л. А. Закс

СОВРЕМЕННАЯ ЭВОЛЮЦИЯ/РЕВОЛЮЦИЯ КУЛЬТУРЫ И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРОЦЕНТРИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ СОЗНАНИЯ (на примере философии и социогуманитарных наук)

Статья посвящена анализу радикальных изменений, происходящих в культуре (в самом ее широком понимании) во второй половине XX — начале XXI в. Культурологически осмыслены основные радикальные инновации в природопреобразующей (технотехнологической), информационной, социально-организующей, духовной подсистемах культуры. Выделяются два их фундаментальных следствия. Первое: тотальное доминирование в жизни людей культуры как «искусственной» среды обитания, отодвигающее природу (как внешнюю, так и внутреннюю) на второй план, превращающее ее во многом в подчиненное культуре явление. Второе: становление новой, глубинной макропарадигмы культурного сознания — культууроцентристской, репрезентирующей специфическую реальность, бытийное лидерство и универсальную роль культуры. И все больше конкурирующей с базовой макропарадигмой культурного сознания на протяжении тысячелетий — природоцентристской. Показано утверждение новой парадигмы в философии и социогуманитарных науках.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культура, революция/эволюция в культуре, инновации в основных подсистемах культуры, новая социальность, тотальное доминирование культуры и новое, подчиненное положение природы, природоцентристская и культууроцентристская парадигмы культурного сознания.

Хотя наша конференция посвящена современным коммуникационным трендам, я не буду говорить о самих этих трендах. Моя тема — это та фундаментальная основа, «база», на которой эти тренды, как и многое другое в современной информационно-коммуникативной и духовной культуре, возникают. И в контексте которой существуют. Пока на эту связь следствий (изменений во всех сферах бытия и сознания наших дней и тенденций их развития) и причин (радикальных изменений в самих основах культуры и социокультурного существования людей) обращают явно недостаточно внимания. Что связано, я думаю, с одной стороны, с по-прежнему дефицитом реального системного видения и понимания общества как социокультурной системы, а с другой — с пока не случившимся осознанием, а потому и «неучетом» происходящих сегодня радикальных изменений в самих основах культуры, ее сущностной макроструктуры, и влиянием этих изменений буквально на все сферы общественной жизни, человеческого существования и сознания.

Итак, речь об этих изменениях, начавшихся еще в 1960–1970-е гг. прошлого века и продолжающих «набирать обороты» в веке нынешнем. Изменениях, затрагивающих все большие подсистемы и все «уровни» организации и функционирования культуры, т. е. носящих системный социокультурный характер, хотя одни аспекты/проявления изменений уже вполне рельефны, а другие (как правило, это следствия первых) только-только дают о себе знать. В названии статьи, вопреки формальной логике, сами интересующие меня изменения обозначены «оксюморонно»: эволюция/революция. Объясняется этот «странный» терминологический выбор просто: изменения, о которых идет речь и которым предстоит (боюсь, что имею право на эти слова) до неузнаваемости изменить жизнь людей и самое специфику рода *Homo sapiens*, органично сочетают в себе черты эволюции и революции.

Об *эволюции* мы имеем основание говорить, поскольку эти процессы носят мирный (ненасильственный) и в целом весьма «плавный», «постепенный» и, как уже ясно, длительный характер, лишены резкой скачкообразности (и в этом, историческом, масштабе и смысле «одномоментности») изменений революционных. Но сам характер изменений столь радикален — настолько существенно (качественно) меняет характер (содержание и формы) отношений человеческого рода с природой и с самим собой (обществом), меняет сам системный способ существования общества и человека, т. е. *культуру*, и, благодаря этому, и сами общество и человека, что мы вполне можем квалифицировать идущие изменения как *революцию*. Мирную культурно-цивилизационную революцию, системные масштаб, глубина и значение которой многократно превосходят любые известные нам революции Нового и Новейшего времени, технологические, промышленные, социальные (наша нынешняя соединяет эти и иные виды социокультурных радикальных изменений в системное целое), и сопоставимы с неолитической революцией на заре человечества, ознаменовавшей окончательное выделение и утверждение человека/общества как качественно особой, существующей (воспроизводящейся и развивающейся) на основе культуры биологической популяции (вида).

Уверен, что читатель, даже не очень следящий за растущей литературой на данную тему, наслышан о диаметрально противоположных оценках происходящей

эволюции/революции. От крайне негативных, пессимистических, выражающих катастрофическую (если не сказать — апокалиптическую) оценку (в этом отношении особо показательны работы В. А. Кутырёва [10, 11]), что закреплено в широко используемых сторонниками такого видения и наделяемых катастрофическим смыслом терминах «постчеловек» и «постчеловечество», с которыми корреспондирует и термин «посткультура» (см., например, работы В. В. Бычкова [2, 3]), также акцентирующий не только качественную трансформацию культуры, но и оценку этой трансформации как чуть ли не необратимо кризисной, знаменующей ее регресс, утрату прежней «высокой», или «большой», культуры. И до (безудержно или умеренно) оптимистических, мажорных, исходящих из убеждения в возможности/способности человечества контролировать изменения, подчинить их интересам человечества и человека, нейтрализовать и преодолеть возможные риски и угрозы, возникающие в процессе изменений (см., например, работы Д. И. Дубровского [4] и его коллег-единомышленников [5]). Представители такой позиции верят в разум и его этические основания и могли бы свою убежденность выразить словами одной героини романа Томаса Манна «Доктор Фаустус»: «Человеческого понимания на все достанет».

Не скрою, при всех оговорках: при осознании противоречивости прогресса и его рисков/угрозах, включая пока даже не предвидимые нами, но и уже предвидимые возможные негативные последствия работы и «самодвижения» новых технологий, я совершенно не разделяю катастрофизма (хотя признаю его отчасти позитивное значение как «предупреждения» человечеству), а занимаю умеренно оптимистическую позицию. Одним из весомых оснований оптимизма служит богатейший исторический опыт человечества, каждая ступень в развитии которого, каждый радикальный шаг в обновлении материальной и духовной культуры рождали серьезные проблемы и угрозы, чреватые, казалось, регрессом и «концом» рода человеческого. Но эти, последние, позитивно разрешались, преодолевались (при ряде неизбежных потерь), а сами поставленные на службу человечеству новшества открывали огромные новые возможности, новые степени свободы рода человеческого и в целом вели к системному прогрессу совместной жизни людей на планете Земля. Об этом, кстати говоря, выразительно напомнил Умберто Эко в своей знаменитой лекции, сравнивающей изобретение письменности с изобретением книгопечатания и, далее, компьютера [14, 7–31]. Как и два первых изобретения, вызвавших небезосновательную критику (негативные последствия внедрения письменности, в частности, отмечал Платон), компьютер тоже «редуцирует» некоторые полезные субъективные умения и навыки. Но, как и они, компьютер невероятно расширяет и усложняет информационную культуру человечества и каждого человека, становясь основой невиданных прежде возможностей, расчетных (вычислительных), мнемонических, архивных и коммуникативных. А нейтрализация его недостатков — проблема и дело самих людей, способных использовать это великое изобретение (как и большинство иных, например, энергию атома) как во благо себе, так и во вред.

Прежде чем начать разговор о происходящих изменениях в культуре, принципиально важное уточнение, или уведомление, касающееся содержания понятия

«культура», как оно понимается в этом тексте. Не в первый раз автор этого доклада (а теперь и статьи) с упорством известного древнеримского сенатора, твердившего «Карфаген должен быть разрушен», повторяет и настаивает: культура — предельно широкое понятие, интегрально (системно) характеризующее объективный и всеохватный (присущий всем сторонам коллективной и личной жизни, всем видам и аспектам отношений с миром и самим собой) *специфический способ существования человеческого рода, человеческих коллективов и индивидов*. Он охватывает все без исключения виды, формы, средства и способы (программы) вне(над)биологической активности, создаваемые самими людьми и имеющие поэтому «надприродный», «искусственный» характер. Культура как объективный универсальный феномен поэтому несводима (вопреки давней, по философской сути — идеалистической, традиции, закрепленной не только ментально, но и институционально, «ведомственно») ни к сфере искусства (что особенно популярно), ни к сфере высших духовных деятельностей в целом (= ее духовной подсистеме), ни к более широкой сфере производства, накопления, трансляции и использования внебиологической информации (= ее информационной подсистеме).

Столь же устаревшим и методологически контрпродуктивным представляется до сих пор пользующееся признанием разделение и противопоставление культуры и цивилизации (О. Шпенглер), разрывающее атрибутивно свойственное людям, сообществам людей неразрывное единство материальной и духовной жизни, единство «социального» (совместности человеческого существования и структурирующих и выражающих эту совместность/коллективность социальных отношений) и «культурного» (реализующих коллективность жизни искусственных, т. е. создаваемых самими людьми, практик, форм, инструментов и программ). И если раньше, до опыта XX и начала XXI в., еще можно было сомневаться в многосторонней системной целостности культуры, то сегодня, в свете новейшего исторического опыта, такая позиция представляется крайне близорукой и совершенно беспочвенной. Цивилизация вовсе не антипод культуры (моя позиция об их соотношении в рамках целостности культуры изложена в [6]). И основные сферы «социального» (такие, как экономика, политика, право, образование, здравоохранение и т. д.) также отнюдь не существуют где-то вне системы культуры, а нераздельны с ней, принадлежат ей [7]. Что получает адекватное выражение в представлении об обществе как социокультурной системе и требует отказа от ряда теоретических и практических, социально-управленческих стереотипов (выражаемых, например, в таких стереотипных словосочетаниях, как «экономика, политика и культура», «образование и культура», «здравоохранение, культура и спорт» и т. п.). А более всего манифестируют и подтверждают системность культуры и, значит, взаимозависимость и взаимовлияние всех ее подсистем, социокультурных сфер и феноменов/элементов именно современные радикальные инновации, захватывающие (последовательно и параллельно) все эти компоненты культуры и ведущие к радикальной трансформации и самой культуры-системы, и производимого ею общества, жизни каждого человека, и — что самое фундаментальное и существенное — к принципиально новому

качеству существования общества и человека на основе еще не бывалого прежде соотношения между культурой и природой.

Теперь можно перейти к самим изменениям в культуре в их основном объективном содержании и важнейших следствиях, по возможности воздерживаясь от оценок «далеких» последствий («за» или «против»).

Согласно взглядам К. Маркса и тех, кто разделяет его материалистическое понимание истории, первичным источником серьезных изменений социокультуры¹ выступает обновление-развитие «производительных сил»: технологии, техники и самих людей-производителей с их способностями, умениями и навыками. На современном языке это не что иное, как важнейшие компоненты природопреобразующей подсистемы материальной культуры. Уже в XX в. Лесли Уайт упростил базовый «тезис» Маркса до одних технологий. И хотя «технологический детерминизм» Уайта не раз подвергался критике «слева» и «справа», на сегодняшний день кажется уже очевидным, что именно технология — основанный на знаниях способ деятельности: способ преобразования природных форм в культурные (целесообразные) в любой сфере практики — и есть ключевое звено функционирования и развития. Потому что два других, с ней теснейшим образом связанных (техника и люди-работники), определяются этим, непосредственно вытекающим из знаний об объекте и целях людей *способом* = «как?».

Происходящее в сфере материального производства начиная со второй половины XX в. и есть прежде всего *технологическая революция*. Но, как уже ясно из сказанного, речь идет о сцеплении, союзе знаний и технологий или, иначе, науки и производства. Нематериальные научные знания, которые во второй половине XX — начале XXI в. напрямую определяют новейшие технологии производства, таким образом, прямо по Марксу, становятся «непосредственной производительной силой», становятся базовым компонентом природопреобразующей культуры. Имея в виду два главных «модуса» преобразуемого этой культурой материального мира, мы можем говорить о технологической, точнее — научно-технологической, революции в отношениях людей с веществом и энергией.

На первом месте, бесспорно, радикальные изменения в работе с веществом². Это не просто инновации-усовершенствования. Они принципиально меняют и сам характер деятельности, производства, отношения человека с ним и, что не менее важно, характер результата этой принципиально усовершенствованной материальной деятельности. Началось с *автоматизации*, превратившейся к концу прошлого века — благодаря революции в отношениях с третьим «модусом» материи, информацией, — в *роботизацию*. Мы видим сегодня скачкообразный рост автоматизации-роботизации во всех аспектах материальной жизни. Начиная

---

¹ Такой операционально удобный термин произвел и использует в своих работах И. П. Смирнов для обозначения слиянности-нераздельности социального и культурного, замены синонимичного, но более громоздкого «социокультурная система».

² За неимением места я опускаю разговор об энергетических аспектах (инновациях) технологической революции, тем более что пока здесь успехи более скромные — не столь масштабные и впечатляющие. Так, например, до сих пор нет технологического прорыва в освоении термоядерной энергии, в использовании энергии солнца и возобновляемых видов природной энергии.

с собственно производства разнообразных необходимых людям объектов: вещей (от автомобилей до сложнейших лекарств, от «тряпочного» ширпотреба до компьютеров), услуг (роботы-ремонтники, медсестры, няни и т. п.), пространств (от роботов-проектантов до роботов-уборщиков и объектов развлечения в Диснейленде), «среды обитания» — до экологических природно-культурных комплексов (от охраны территории и пожарной охраны до физико-химического анализа экологической обстановки, оказания первой медпомощи и справочно-экскурсионных услуг). По данным, приводившимся на недавней встрече ректоров вузов России и Казахстана в Челябинске, 45 % существующих видов деятельности уже сейчас, на данном уровне развития, может быть автоматизировано, как и 60 % основных компонентов всех профессий.

Впечатляющего масштаба достиг процесс автоматизации в сфере транспорта. Самолеты-беспилотники выполняют все более разнообразные и сложные военные задачи, к тому же используются уже не только в военной, но и в гражданской авиации. На флоте работают роботы-субмарины, самоуправляемые торпеды, системы автоматического наведения сопровождают весь ракетный арсенал современной армии, включая межконтинентальные баллистические ракеты. Близится эра массового использования автомобилей-автоматов и автоматов-автобусов, троллейбусов и трамваев, обладающих более высокой степенью надежности/безопасности, чем управляемые людьми транспортные средства. Поезда метро уже давно в большой степени работают в автоматическом режиме. И в быту, несомненно, нарастает процесс автоматизации: автоматы стирают, стряпают, удаляют пыль, включают и выключают бытовые приборы и гаджеты и т. п. Но не только в отношении с внешней человеку природой идет автоматизация-роботизация. Все большую роль играют роботы в отношении самих людей: в сложнейших медицинских операциях и диагностике, протезировании естественных органов, процессах обучения.

Автоматизация-роботизация имеет несколько существенных социокультурных (в том числе культур-антропологических) следствий. О двух хорошо известных можно долго не распространяться. Во-первых, автоматизация освобождает людей от тяжелого, разрушительно влияющего на здоровье людей труда, редко нравящегося труженикам, лишаящего их чувства свободы и творчества, «свободной игры духовных сил» (формула как Канта, так и Маркса), подавляющего эти атрибуты человека. Во-вторых, работа с автоматами, управление ими резко повышает требования к образованию и профессиональному развитию субъектов. Так, резко возросла доля инженеров и людей с иным высшим образованием в конвейерном производстве (например, автомобилестроении, ракетостроении), автоматизированных системах металлургической промышленности, микроэлектронике. Широко обсуждается и вызывает законное беспокойство весьма скоро ожидаемое в результате внедрения автоматов и роботов исчезновение целого ряда профессий и, как следствие, угроза растущей безработицы. Но безработица — результат не только этого следствия автоматизации (в конце концов, в результате переобучения можно овладеть новыми профессиями), но и отсутствия навыков высокотехнологичного труда. А имеющих такие навыки,

по данным программы «Деньги» телеканала «Дождь», в России только 10 % трудоспособного населения.

По данным того же источника, к 2025 г. у нас могут оказаться невостребованными 10 млн человек. И еще интересные данные. Самые популярные профессии в России: водителями работают 7,1 % трудоспособного населения; продавцами — 6,8 %; охранниками — 1,9 %. Все эти профессии в перспективе исчезнут вследствие автоматизации и роботизации. Правда, научно-технологический прогресс не только ликвидирует старые, но и рождает новые профессии и увеличивает потребности в ряде старых. Так, в связи с ростом благосостояния населения возрастает спрос на индивидуальные и высококвалифицированные услуги, значит, понадобится больше врачей и медсестер, учителей, тренеров, консультантов всякого рода, семейных юристов (при том, что элементарные юридические консультативные услуги способны и наверняка будут оказывать роботы-консультанты), психологов, коммуникаторов, переговорщиков, медиаторов, «навигаторов» в разных сферах. Понятно, что в разы возрастут потребности в программистах, системных администраторах и специалистах по компьютерному «железу», а рядом появятся новые профессии на основе (и/или с целью) работы с информацией (так, о блогерах сегодня уже нередко говорят как о новой профессии). Понятно, что эти процессы и изменения затрагивают не только природопреобразующую, но и социально-организующую подсистему материальной культуры. Изменение содержания деятельности миллионов людей, исчезновение старых и появление новых их видов означает и изменение социально-ролевой и социально-профессиональной структуры общества, что неизбежно приводит к институциональным изменениям, изменениям форм социокультурной идентичности. Появление «других людей» и «других отношений» ведет и к изменениям содержания и форм социальных коммуникаций, появлению новых профессиональных видов грамотности и компетентности.

И все же главный, фундаментальный и интегральный, иначе говоря — системно-культурный, результат автоматизации-роботизации заключается в другом. Но прежде я должен сказать о еще об одной впечатляющей стороне научно-технологической эволюции/революции, которая вносит свой «вклад» в этот, пока мной не названный общий итог. Точнее, речь о целом ряде типологически родственных (с точки зрения культурологии) «наукоемких» технологий. Их объединяет проникновение в глубины вещества, как неживого, так и живого, и *способность управлять микро-, а точнее — нанопроцессами*. Что означает подлинную революцию в ряде сфер материальной культуры. Когда речь о неживом веществе, это революция прежде всего в материаловедении: основанные на новейших знаниях нанотехнологии открывают невиданные перспективы искусственного создания веществ — материалов с необходимыми свойствами, обещают победу над такими древними врагами техники, как коррозия и износ. А отсюда новый уровень эффективности, надежности и экономичности всех видов техники, всей нашей вещной среды. Когда же речь о веществе живом, о «клеточном» материале растений, животных и самого человека, то здесь бионанотехнологии станут основой революции в растениеводстве и животноводстве (селекция, генная инженерия)

и в практиках фармакологии и медицины, включая и нейромедицину. Они позволяют бросить вызов таким неизбежным свойствам биологической материи, как болезни, в том числе генетические, и старение (эпоха трансплантации естественных органов с неизбежно присущими ей рисками сменится в ближайшее время эпохой выращивания новых органов из клеточно-генетического материала самого человека).

И тут я уже могу перейти к формулированию главного, системного результата «революционной эволюции», или «эволюционной революции», культуры. Это *качественно новое соотношение культуры и природы в жизни общества и человека*, даже самого рядового и обыкновенного. Освобождая массы людей от непосредственного, ручного труда, современная техника и технологии фактически совершают переворот в «онтологии» людей и развитого общества в целом. Они, с одной стороны, существенно сокращают, а то и вовсе элиминируют уже и до того уменьшенную городской жизнью со всеми ее атрибутами зону непосредственных практических, чувственных контактов людей с природой, ее «натуральными» веществом и формами. Разрывают, таким образом, изначальную, генетически и фенотипически (психосоматически) закрепленную связь людей с природой. А с другой, беря на себя прямые преобразовательные контакты с природой, сами становятся доминирующей в жизни людей чувственной предметной средой их «обитания», их главным (наряду с социальными формами культуры) «жизненным миром».

В жизни людей самими людьми и их инструментами созданных предметов и связанных с ними пространств теперь существенно больше и их роль существенно значимее, чем натуральных предметов и пространств. А нанотехнологии, означающие проникновение культуры в самые сокровенные глубины материального мира, трансформируют последние, создавая новые, не имеющие аналога в природе или существенно усовершенствованные природные материальные субстраты и подчиняя их логике культуры, ее целесообразности, что, по сути, выражает ту же тенденцию все большего доминирования (не хочется употреблять скомпрометировавшее себя и культуру слово «господство») культуры в ее неизбежном тандеме-союзе с природой. И так не только «на производстве», доля которого в связи с автоматизацией и новыми технологиями тоже — по отношению к целому «хронотопа жизни» — сокращается, уступая место другим, также минимизирующим природные компоненты, сферам «совместности»-социальности существования: обмена (торговли), коммуникаций, работы с деловой и иной информацией, гражданской активности разного масштаба и, наконец, значительно увеличивающего время своего досуга, в котором тоже доминируют «искусственные» формы жизни: развлечения, игры, взаимоотношения с информацией, дружеское и любовное общение, хобби, духовное самосовершенствование. Но досуг — только один из хронотопов, в которых существование человека обращено на самое себя, становится самоцельным.

Уменьшение же присутствия природы и доминирование культурогенных факторов — закономерность всех сфер личной жизни современного человека. Так, его телесное существование, общение с телом (своим и чужим) и «поддержание» нормального функционирования тела происходит по преимуществу

в искусственной среде, с помощью искусственных средств: лекарств и приборов, изобретенных в недавние годы форм телесных практик вроде аэробики, фитнеса, бодибилдинга (не случайно и точно относимых, как и их предшественники, к «физической культуре»). «Дорожка шагов» и другие тренажеры заменяют длинные пешие прогулки, а те, что еще остались, оснащаются культурогенными «скандинавскими палками». Туризм по лесам и горам уступает лидерство туризму культурному: по городам, музеям, историческим местам. А новые современные музеи и культурные центры все чаще располагаются в «парках культуры и отдыха», где культуры все больше, а природы, ставшей лишь площадкой и фоном культурных учреждений, все меньше. Природные парки становятся Диснейлендами, местами проведения театрализованных представлений и фестивалей искусств. И даже в отличных городских парках современного Китая, чья культура тысячелетиями ориентировалась на природу, я с удивлением смотрел на старые прекрасные деревья, обмотанные золотой фольгой и украшенные разной мишурой (чем не символ превосходства культуры?!), на расставленные у водоемов с еще натуральными рыбами рукотворные имитации уток, аистов, журавлей.

Разумеется, можно (и нужно) говорить о негативных последствиях и проблемах, вызванных «элиминацией» природы, о нашей «атавистической» (и вряд ли устранимой) ностальгии по ней и рождаемых самой культурой компенсаторных практиках, утоляющих нашу «тоску по природе» и восполняющих ее реальный дефицит. Но сам процесс носит объективный и, похоже, необратимый характер. Не замечать его, не считаться с ним, не учитывать его уже невозможно. Еще в 60-е гг. прошлого века это констатировал Ж. Эллюль: «Средой обитания человека является теперь не природа, а техника». А в 80-е к такому же выводу, но в более масштабной форме, пришел идеолог и аналитик постмодернизма Ф. Джеймисон: «...наиболее фундаментальное изменение заключается в новом экзистенциальном горизонте этих (современных. — Л. З.) обществ. Модернизация практически завершена, и это стирает последние следы не только докапиталистических социальных форм, но и каждого нетронутого природного уголка пространства и опыта, которые поддерживали или сохраняли их. Во вселенной, которая таким образом *очищена от природы*, культура необходимо расширяется...» [1, 74]. Ну, допустим, «очищена от природы» — явная гипербола. Даже если иметь в виду нашу = культурную вселенную. Но в этой гиперболе — объективная тенденция.

Итак, в результате радикальных инноваций в природопреобразующей культуре возникает, по сути, новое, никогда не бывшее в прежние тысячелетия отношение культуры и природы и соответственно человека с природой и культурой: большая часть времени жизни современных людей, большая часть пространства жизни и большая часть «движения», т. е. самого процесса жизни, — все это происходит в культуре и по ее законам. А природа становится в большой степени экзотической редкостью, потусторонней далекой целью, своего рода жизненным «деликатесом», что влечет человека как возможность выйти за пределы культуры — но это уже требует особых усилий и надолго невозможно. Культура становится правилом, природа — влекущим исключением из него. Не устарела ли в этой связи формула Горького «Культура — вторая природа»?

Но продолжим «обзор» изменений. О том, что происходит в информационной подсистеме культуры, занятой производством, хранением, накоплением и распространением многообразной социокультурной информации, можно не говорить долго: изменения в ней у всех перед глазами и на слуху. А всеми признанное понятие «информационное общество» говорит само за себя. Информационная подсистема, давно ставшая самостоятельной в системной целостности культуры, а сегодня один из главных локомотивов ее развития («триггеров» — как теперь принято говорить в результате как раз распространения и влияния электронных информационных устройств), осваивает постоянные и весьма существенные изменения и в технических средствах получения, хранения и трансляции информации кому, когда и куда угодно, фактически 25 часов в сутки, и в работе с самой информацией: продуцировании новых ее содержательно-формальных модификаций и способов ее социального существования, создающих новую, особую социокультурную реальность, ее растущий масштаб, роль и влияние на все стороны сознания и жизни. Но сейчас меня интересуют как раз не конкретные технологические и образно-семантические новшества (хотя не за горами рождение квантовых компьютеров и практическое использование голографии для хранения информации, рождение новейших способов обработки «больших данных» [13], а это фантастический рывок в информационных возможностях, без которого невозможны ни дальнейшее научное исследование вселенной и генетики человека, ни практическое освоение космического пространства, ни статистические расчеты в современных социальных науках от археологии до футурологии).

Мой культурологический интерес выделяет два важных момента функционирования этой подсистемы культуры. Первый: развитие современной информационной культуры, Интернета и социальных сетей прежде всего, уже привело к созданию особой онтологической (онтофункциональной) сферы культуры: *информосферы*. Эта сфера от начала и до конца — продукт человеческой деятельности и полностью принадлежит миру культуры, выступая сегодня важной самостоятельной сферой и способом человеческого существования, фактором всех сторон его социокультурной жизни — экономики, политики, духовной деятельности и общения, образования и даже, как уже понятно, новых видов военных действий, новой культуропорождающей и существенно (хотя пока не вполне понятно, как именно) меняющей человека силой. В общей же панораме бытия человека в мире информосфера становится важнейшей стороной уже отмеченного процесса изменения соотношения природного и культурного в жизни общества и личностей в пользу реальности культуры и ее закономерностей. Сегодня уже даже самые банальные бытовые, витальные и иные функции, связанные с удовлетворением простейших и древнейших, генеалогически-природных потребностей людей, реализуются с применением информационных технологий, с участием хронотопов, форм и инструментов информосферы, опосредуются и организуются ими (вроде заказа еды и вещей через Интернет, брачных знакомств, любовных отношений и сексуальных игр, получения коммунальных услуг и оплаты за них, консультаций по вопросам медицины, юриспруденции и т. п.). Не говоря об образовании, исследовательской и художественной (творческой

и восприимчивой) деятельности, гражданской активности и политической борьбе.

Впрочем, сфер, где сегодня не используются компьютерные технологии, в человеческом мире не существует. При этом «жизнь в сетях», процессы работы, общения и игры с компьютерной (хотя и не только) информацией уже превратились в самоценную форму/способ существования, общения, самовыражения и идентификации миллионов, миллиардов людей [8, 9], стали их органической потребностью (что хорошо видно по самочувствию и поведению человека, забывшего дома свой айфон или неожиданно лишившегося подключения к Интернету). Понятно, что именно информационная (цифровая, сетевая) культура — технико-технологическая база и способ современной коммуникации, источник новых способов информационного взаимодействия и взаимовлияния людей и общественных групп, важнейший компонент современной грамотности (не считаю удачным модный ныне термин «постграмотность», скорее затемняющий и искажающий реальность, отнюдь не наступившую «после грамотности», а выступающую средоточием ее традиционных и новейших форм).

Второй важный аспект, о котором считаю необходимым тут сказать, — это влияние информационной культуры и ее современной технологической базы на социально-организующую подсистему культуры. Я, напомним, называю происходящие изменения «культурно-цивилизационной эволюцией/революцией». Цивилизация, как я ее понимаю, — это конкретно-историческая онтологическая форма бытия, или бытийная целостность, определенных социокультурных систем. Поэтому говорить о цивилизации невозможно/бессмысленно без учета не только ее природопреобразующего (технико-технологического) фундамента, но и организующего в единое целое людей данного общества социетального «тела»: производимой данной культурой системы форм совместной деятельности и взаимоотношений (институтов, форм общения, форм индивидуального поведения и идентификации) людей и групп. А системное изменение культуры/цивилизации не может не включать изменений социально-организующей культуры, ее важнейших сторон.

Современная эпоха — время таких изменений. У нас на глазах на основе научно-технологической революции рождается новый, по-видимому радикально новый (в сравнении со всей предшествующей историей человечества), *тип социальности*, воплощенный в инновациях социально-организующей культуры. Во-первых, это общество людей, благодаря развитию современной материальной культуры свободных от изнурительного труда, бедности, достаточно высокообразованных и современно оснащенных. Во-вторых, это, несомненно, общество открытое (в смысле К. Поппера), по-новому демократическое, что идет от открытости и демократизма Интернета и соцсетей, каждого признающих в качестве субъекта, соучастника, со-коммуникатора и даже «друга»; общество, что ясно из уже сказанного, толерантное к плюрализму мнений и культурному разнообразию. У этой открытости и демократизма есть проблемная и очевидно негативная стороны. Проблемность в том, что Интернет с сетями соединяет модель древнегреческого полиса с его агорой и принятием решений «общим собранием» (при,

понятно, наличии влиятельной элиты и «охлоса») с грандиозным масштабом интернет-эфирной совместности, вполне способной дорасти до общенационального (общегосударственного) и даже межгосударственного/глобального масштаба. Негативных сторон немало, о них много уже написано. Ограничусь двумя «минусами»: трудностями и недостатками массового коллективного общения, где трудно услышать друг друга, выработать (пока даже непонятно как) общую позицию/платформу, где легко заблудиться и утонуть в море мнений, высказываний-сообщений, в новостном и иных (рекламных прежде всего) информационных потоках; и возникающей в силу доступности и функционального уравнивания всех мнений, точек зрения, культурных уровней и идеологий девальвации ценностного/компетентностного уровня циркулирующей информации и общения и опасности практически (пока) беспрепятственного проникновения на многомиллионную трибуну деструктивных, антигуманных, реакционных и тому подобных экстремистских позиций.

Общество и культура сейчас осмысляют «вызов Интернета»: его специфику и накопленный им опыт в поисках противодействия этим и иным слабым его местам. К сожалению, у нас пока по этому вопросу возникают опасные, несовместимые с природой сетей тенденции (фактически тоже экстремистские, нетолерантные и культурно-психологически крайне примитивные) запрещать и карать за любое свободное выражение собственного мнения, не совпадающего с мнением властей предрешающих, тем более критического и протестного. Но надо понимать, что технические возможности Интернета и воспитываемое им (в силу его собственной природы) суверенное субъектное сознание пользователей делают борьбу с его «естественными» демократизмом, открытостью и культурным разнообразием делом практически безнадежным. Так, при сравнительно недавней попытке российских надзорных инстанций (взявших на себя роль руководящего контроля и практически цензуры) запретить деятельность интернет-ресурса Telegram, по данным журналистки Натальи Геворкян, «на волне этого глухого сопротивления Telegram, который закрыли по решению суда 13 апреля, а заблокировать пытаются с 16 апреля, показал рост числа просмотров 70 % из 130 крупнейших Telegram-каналов, в ряде случаев более 100 %, по данным “Медиалогии”». Многие мои друзья именно в эти дни перестали сомневаться, открывать ли им свои каналы в Telegram, и открыли» [12].

Этими чертами особенности новой социальности не ограничиваются, разумеется. Сети и информационные ресурсы/порталы становятся своеобразными аттракторами и центрами новой институционализации, группируя и организуя субъектов и их деятельность как в рамках самой инфосферы, так и в off-line-обществе. Я здесь не останавливаюсь на конкретных технологических и вызываемых ими институциональных новшествах Интернета, существенно меняющих способ функционирования ключевых сфер общества и характер социальных отношений в них (например, интернет-вещи и блокчейн, криптовалюты для рыночной экономики или мобилизующие большие массы людей интернет-практики для социально-политической сферы). Важно, что этот новый способ институционализации хорошо соответствует особенностям гражданского общества и их

институтов и существенно умножает их функциональные возможности. Он также отвечает особенностям молодежи, еще не обретшей своего жесткого социального статуса и роли или уже пытающейся противостоять давлению навязываемых обществом, его традиционными институтами и по каким-то причинам уже чуждых ей, внутренне отчужденных от нее статусов, ролей, идентичностей и дисциплинарных режимов. «Мягкая», минимально формализованная, оставляющая свободу выбора, но также и выхода, интернет-институционализация в гораздо большей мере соответствует возрастным социально-психологическим особенностям молодежи. Многие другие, «разновозрастные», но в одинаковой степени неформальные объединения граждан также находят в сетевых институциях органичные своим интересам, психологии и поведенческому стилю организационные формы, формы коммуникации и общения. Как неформального, товарищеского и дружеского, так и официального, делового; как публичного, так и дружески или любовно интимного; как профессионального, специализированного и в других каких-то отношениях, так и неспециализированного, любительского. Причем эти объединения и контакты в них могут не иметь региональных или государственных границ, создавая многонациональные, поликультурные, межгосударственные общности. Что оказывается важным звеном процесса становления глобального (планетарного) социума, единой мировой социокультурной системы. И глубоко закономерно, что рождение такой системы, знаменующее наступление эпохи планетарного единства человечества, выступает следствием и стороной революционного по сути и мирно-эволюционного по способу осуществления процесса превращения культуры из «второй природы» в главную силу, среду и законодателя существования человеческого рода, опосредующую и отодвигающую на второй план естественную среду и собственную биологическую природу человека. Так сбывается предвидение гения русской науки В. И. Вернадского о *ноосфере*.

(Окончание в следующем номере)

-
1. *Андерсон П.* Истоки постмодерна. М., 2011.
  2. *Бычков В. В.* Художественный апокалипсис культуры. Строматы XX века : в 2 кн. М., 2008.
  3. *Бычков В. В.* Эстетическая аура бытия: Современная эстетика как наука и философия искусства. М., 2010.
  4. *Дубровский Д. И.* К вопросу о глобальном будущем и трансгуманистической эволюции (ответ П. Д. Тищенко) // *Вопр. философии.* 2015. № 3.
  5. *Дубровский Д. И.* Природа человека, массовое сознание и глобальное будущее // *Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты.* М., 2014.
  6. *Закс Л. А.* О соотношении культуры и цивилизации: онтологическая версия // *Мир культуры и культурология : альм. Науч.-образоват. культурол. о-ва России. Вып. 1.* СПб., 2011.
  7. *Закс Л. А.* Общество в культурологическом дискурсе: к проблеме «культурное vs социальное», или культурология vs социология // *Социология: современность и перспективы.* Екатеринбург, 2013.
  8. Интернет и идеологические движения в России : коллектив. моногр. / сост. Г. Никипорец-Такигава, Э. Паин. М., 2016.
  9. *Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В.* Психология жителей Интернета. Изд. 3-е. М., 2015.

10. *Кутырёв В. А.* Последнее целование. Человек как традиция. СПб., 2015.
11. *Кутырёв В. А.* Унесенные прогрессом: Эсхатология жизни в техногенном мире. СПб., 2016.
12. Наталья Геворкян — о сопротивлении нелепости // Колобок. 20 апреля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/29176874.html> (дата обращения: 22. 08. 2018).
13. *Эйден Э.* Неизведанная территория: Как «большие данные» помогают раскрывать тайны прошлого и предсказывать будущее нашей культуры. М., 2016.
14. *Эко У.* О «растительной» памяти // Эко У. Растительная память, или Почему книга помнит все. М., 2018.

Рукопись поступила в редакцию 19 сентября 2018 г.

УДК 7.038.531 + 7.067

М. Г. Чистякова

ИНТЕРАКТИВНОЕ ИСКУССТВО КАК ФАКТОР ПЕРЕПИСЫВАНИЯ МИРА

Проблема взаимообусловленности мира и искусства рассматривается в контексте реляционной эстетики Н. Буррио, исследований актуального искусства П. Вайбеля, антропологии искусства А. Гелла, акторно-сетевой теории Б. Латура. Произведение искусства включено в многочисленные сети социальных отношений, оно обладает собственной агентностью, оказывает влияние на другие составляющие сети. Алгоритмы трансформации мира посредством искусства рассматриваются в данной статье на примере интерактивного искусства. Анализируются типы связей, возникающие в процессе художественной коммуникации в таких его проявлениях, как искусство объектное и перформативное.

Ключевые слова: интерактивное искусство, перформанс, художественная коммуникация.

Мир переписывает искусство

Проблема взаимовлияния искусства и реальности принадлежит, с одной стороны, к числу «вечных»: различные эпохи представляют свои варианты ее осмысления. С другой стороны, она является одной из актуальных проблем современной культуры. Как соотносятся современный мир и contemporary-art в целом и такая его составляющая, как интерактивное искусство, в частности? Какие специфические особенности интерактивного произведения и связанного с ним типа художественной коммуникации оказывают конструктивное влияние на реальность?

Художник и арт-критик П. Вайбель в статье «Переписывая миры. Искусство и деятельность» рассматривает эту проблему в контексте актуального искусства (используя этот термин как синоним contemporary-art). Актуальным для него является искусство, исследующее проблемы настоящего на языке настоящего [3, 274]. Состояние актуального искусства обусловлено воздействием на него

многочисленных факторов со стороны внешнего мира — политических, экономических, социальных и т. д. Переписывание искусства совершается под влиянием ряда глобальных трансформаций современной культуры. Они прослеживаются в виде следов внутри системы актуального искусства, определяя тем самым его специфику. В их числе П. Вайбель выделяет «перформативный переворот», «сетевую парадигму» и «программы переписывания» [3, 276]. Перформативный поворот в искусстве во многом содействовал демократизации творчества. Заменяя репрезентацию реальностью, картины — объектами и художественными акциями, сделав публику активным соучастником творческого процесса, он окончательно снял проблему профессионализма в искусстве. Отныне «все есть искусство», а «каждый человек — художник» (как пророчески заметил Й. Бойс).

С демократизацией творчества связана и сетевая парадигма, под которой Вайбель понимает прежде всего последствия сетевой революции Web. 2.0. С одной стороны, она предоставила художникам возможность работы с новыми медиа и новыми технологиями (расширив тем самым ассортимент средств художественной выразительности), с другой — инспирировала предельную демократизацию творческого процесса: теперь каждый может творить с помощью технологий. Художники лишились монополии на творчество [2, 160].

Наконец, «программы переписывания». Вайбель интерпретирует их предельно широко: для него это любые трансформации, происходящие под влиянием процессов глобализации в мире, арт-мире, наконец, в самом искусстве. Так, на наших глазах меняется, децентрируется карта актуального искусства. Там, где прежде доминировал Запад, на карте возникают новые точки — со своими нарративами, исторической памятью, культурными особенностями и т. д.: Азия, арабский мир, Россия и т. д. Возникающие между ними взаимовлияния вносят изменения, в том числе в существующую иерархию видов и жанров искусства. Тем или иным образом искусство реагирует на любые изменения как в мире идей, так и в мире вещей. Но программы переписывания работают в обе стороны: «переписанное» миром искусство, в свою очередь, «переписывает» мир, по словам арт-критика Д. Джослита, «переформатирует» его [4, 80].

Искусство переписывает мир

Для понимания того, как реализуются связанные с искусством практики переписывания, П. Вайбель обращается к антропологии искусства А. Гелла и акторно-сетевой теории Б. Латура.

А. Гелл рассматривает искусство как систему действий, предназначенную прежде всего «для изменения мира, а не для кодирования символических положений об этом» [8, 6]. В центре его внимания не эстетические или символические контексты искусства, не задаваемые им смыслы, а социальные контексты отношения «произведение искусства — человек». Производство искусства включено в многочисленные сети социальных отношений, оно обусловлено разнообразными социальными практиками и обладает собственной агентностью. Это положение А. Гейла созвучно высказыванию П. Вайбеля, согласно которому сила искусства

«состоит в свидетельстве о том, что индивиды при помощи артефактов в рамках некой социальной сети могут влиять на других индивидов, на их сознание» [3, 297]. Таким образом, в роли «социальных деятелей» могут оказаться не только люди, в данном случае художники, но и созданные ими артефакты, также обладающие активностью и, как следствие, способностью оказывать воздействие на других людей.

У Б. Латура потенциальной возможностью воздействия обладает не только человек как актер социального процесса, но и объекты (а также животные, концепты и т. п.) как составляющие образуемой ими гетерогенной сети. Актант (термин, введенный Латуром для объединения всего этого многообразия) есть то, что способно к действию, самостоятельному либо опосредованному. При этом «актант может быть буквально чем угодно, при условии, что он точно выступает источником действия» [5, 182]. Актанты, объединяясь в сети, оказывают влияние друг на друга и в конечном счете способствуют дальнейшему прочерчиванию сети. По словам Вайбеля, «индивиды, вещи, знаки, в равной степени объединяются в искусстве как элементы операционных цепочек... Все они воздействуют друг на друга и могут под взаимным влиянием трансформироваться» [3, 297].

И А. Гелл, и Б. Латур сходятся в том, что социальная агентность является атрибутом не только людей, но и вещей. То обстоятельство, что у Гелла вторичная деятельность вещей подчинена первичной деятельности людей, в данном случае не имеет большого значения. Люди и «не-человеки» конструируют реальность в равной степени.

Для обозначения типов связей в искусстве А. Гелл вводит понятия «агент» (под которым подразумевает действующее начало) и «пациент» (объект, зависящий от действий агента). Он выделяет такие агенты, как автор (artist), произведение/артефакт (index), изображенный объект (prototip), зритель (recipient). Связь осуществляется в формате «agent» → «patient», но она потенциально обратима, так как зависит от контекста. Возникающие между агентами 16 основных конфигураций связей образуют сеть искусства («Art Nexus») [8, 29]. Этот своеобразный узел/клубок по своей сути представляет социальные отношения между индивидами, опосредованные искусством.

Как именно произведение искусства обретает свойства агента, становится активным? По мнению А. Гелла, исследующего эту проблему в контексте визуального искусства, переход агентности от зрителя к произведению связан со специфической реакцией реципиента на произведение. Когда реципиент достигает пределов своего опыта в попытке понять произведение, его охватывает растерянность и он утрачивает агентность. Эта ситуация инспирирует возрастание активности артефакта. Функции агента переходят к произведению, которое (будучи своеобразным итогом цепи породивших его социальных связей и состояний сознания), в свою очередь, оказывается направленным на трансформацию сознания реципиента, становится для реципиента источником абдукции (домысливания).

Описанная А. Геллом ситуация не универсальна. Она актуальна для «автономного» произведения искусства, но нуждается в уточнении в случае с искусством интерактивным.

Интерактивное искусство: специфика и особенности

Интерактивное искусство является одной из наиболее динамично развивающихся составляющих актуального искусства. Несмотря на это, строгая дефиниция, определяющая это явление во всем его многообразии, в литературе до сих пор отсутствует. Возможно, проблема заключается в том, что различные медиа задают разные степени участия реципиента в интерактивной художественной коммуникации. В случае с нетехнологическими медиа интерактивность затрагивает прежде всего ментальную сферу реципиента. Технологические же могут перевести ее в том числе и в сферу прямого действия, предполагающего участие не только сознания, но и тела реципиента. Иногда функции зрителя ограничиваются (и исчерпываются) нажатием на кнопку, приводящую в движение кинетический объект или инсталляцию. В других случаях от него требуется более деятельное участие, как это происходит в случае с перформативным искусством, в частности, с проектами, реализуемыми в формате коллективных художественных практик.

В контексте новых медиа интерактивное искусство нередко описывается как синоним искусства цифрового. Оно ассоциируется с интерфейсом «компьютер — пользователь» и соответственно с арт-проектами, возникающими в сети. Но нельзя не отметить, что ряд специфических особенностей интерактивного искусства — процессуальность, вариативность, открытость для интерпретаций — обнаруживаются как в отдельных проявлениях исторического авангарда, так и в арт-практиках неоавангарда. Речь идет о первых проявлениях кинетического искусства (в творчестве Н. Габо, М. Дюшана, Л. Надя); о «протоперформансах» футуристов и дадаистов; наконец, об инсталляциях, хэппенингах и перформансах, рассчитанных на активное взаимодействие с публикой [7, 11]. В этих произведениях статус зрителя менялся с пассивного (зритель как созерцатель и интерпретатор произведения) на активный (зритель как соучастник творческого процесса, своими действиями генерирующий произведение) и т. д. Применительно к произведениям доцифровой эпохи «интерактивность» может быть интерпретирована метафорически — как искусство, создающее ситуацию двусторонней коммуникации зрителя и произведения. И в этом смысле интерактивное искусство представляет собой значительно более широкое понятие, чем искусство цифровое.

Сегодня интерактивное произведение создается с использованием любых медиа, как технологических, так и нетехнологических. Главное требование, которому оно должно соответствовать, заключается в наличии активной двусторонней связи между произведением и реципиентом; в возникающей — в процессе художественной коммуникации — способности произведения реагировать на действия реципиента. Ключевые особенности интерактивного произведения в пределе совпадают с особенностями перформанса. Это не просто артефакт, это событие с участием зрителя. Оно процессуально, дает зрителю новый опыт, способно трансформироваться под воздействием телесной активности реципиента.

Как переписывает мир интерактивное искусство

Специфика воздействия, оказываемого на мир интерактивным искусством, заключается в особом типе связей, возникающем внутри связанной с ним художественной коммуникации.

В контексте интерактивного искусства наибольший интерес представляют описанные А. Геллом прямые и обратные связи типа «Автор → Реципиент» и «Произведение → Реципиент». Но даже будучи преобразованными в более сложные цепочки (например, «Автор → Прототип → Индекс → Реципиент» или «Реципиент → Прототип → Автор → Произведение»), они все же не отражают в полной мере специфику встречи автора, произведения и реципиента в случае с интерактивным искусством.

Прежде всего, здесь отсутствует то, что А. Гелл называет «прототипом», иначе говоря, изображенный объект. На протяжении длительного времени искусство концептуально исследовало свои границы, что закончилось полным их снятием и отождествлением искусства и реальности. Интерактивное искусство не изображает реальность, оно само является ею. Автор в реальности делегирует реципиенту часть своих функций, делая его соучастником творческого процесса. Более того, действия каждого нового реципиента только и делают произведение законченным, ибо участие зрителя является его неперменной составляющей. В этом смысле реципиент прежде всего является активной частью произведения, а потом уже соавтором. Как бы этого ни хотелось, но говорить об абсолютной свободе реципиента не представляется возможным, так как его полномочия не беспредельны, они ограничены авторским сценарием. Именно автор, по словам Н. Буррио, обладает «правом подписи» [1, 198], именно он задает правила игры.

Оптимальный тип связи в случае с интерактивным объектным искусством (инсталляция, энвайромент) выглядит как «Автор ↔ Произведение ↔ Реципиент» (переиначивая А. Гелла). Воздействие автора на реципиента опосредовано произведением, но и тот, в свою очередь, воздействует на автора, и тоже через произведение: модифицируя его, раскрывая его скрытые смыслы, возможно, до этого момента неочевидные для самого автора. В действительности эта схема является более сложной, так как степень участия реципиента может оказаться различной. Иногда автор рассматривает зрителя только в качестве необходимого (или случайного) элемента инсталляции. В этом случае субъектность реципиента оказывается ограниченной, он равен произведению или его части. То есть границы между автором, реципиентом и произведением оказываются подвижными, проницаемыми, поэтому любая схематизация типов связей в случае с интерактивным искусством является условной.

Еще более сложными типы связи оказываются в случае с перформативным искусством, в частности, с такой его разновидностью, как искусство «соучастия», или искусство «взаимодействия». В центре внимания впервые описавшего этот феномен Н. Буррио оказывается искусство, ориентированное на сферу человеческих взаимоотношений (возникающих внутри художественной акции) и на связанные с нею социальные контексты [Там же, 15]. Эстетическое и художественное

в произведениях такого рода уступают этическому и социальному. Это искусство создает альтернативные формы социальности, такие, которые не могли бы возникнуть вне ситуации искусства и которые призваны сделать мир лучше. В случае с искусством взаимодействия тип связей «Автор ↔ Произведение ↔ Реципиент» трансформируется, из него убирается Произведение. Настоящим произведением здесь является не некий артефакт, а те человеческие взаимодействия, которые возникают в процессе художественной акции. То есть роль произведения здесь исполняет знак двусторонней связи «↔». В акциях такого рода, как правило, принимает участие не один, а несколько реципиентов, что ведет к установлению нового типа связей (в дополнение к уже имеющимся) — между реципиентами. Коллаборативные и коллективные художественные акции, реэнакменты, в этом отношении представляют собой еще более сложные образования, так как здесь происходит объединение группы художников с различными социальными группами, принимающими участие в проекте (таким образом, социальные связи возникают не только *между* этими большими группами, но и *внутри* каждой из них).

По словам Н. Буррио, работа любого художника является «пучком отношений с миром, порождающим другие отношения, и так далее до бесконечности» [1, 24]. Нередко образованные внутри сообщества социальные связи выходят за границы произведения, становятся основанием для новых микросообществ и тем самым изменяют мир. Социальное здесь есть результат конструирования, «сборки», в терминологии Б. Латура.

Произведение искусства — это узел в сети социальных отношений, имеющий столько измерений, сколько у них соединений [5, 176]. Интерактивное произведение в этом отношении задает значительно большее количество соединений и «прочерчивает сети» гораздо дальше, чем обычное произведение, оно оказывает активное воздействие на другие составляющие сети, среди которых авторы, зрители, идеи, институты и т. д. В этом смысле «художники и зрители участвуют в переписывании мира как равноправные акторы» [3, 299]. Взаимодействия внутри сети, возникшей благодаря интерактивному произведению, осуществляются гораздо более интенсивно, чем в случае с неинтерактивным произведением, где произведение и зритель могут принадлежать разным эпохам и даже пространствам (коммуникация может происходить как с оригиналом, так и с его копией или репродукцией). Интерактивное произведение задает принципиально иную ситуацию: оно существует только здесь и сейчас, время и пространство взаимодействия зрителя с произведением здесь совпадают. Это произведение аутентично: никакое документирование не в состоянии передать его специфику (В. Беньямин назвал бы это аурой). Даже реперформанс — это уже совсем другой перформанс. Возможно, интуитивное ощущение подлинности, возникающее у реципиента, и делает интерактивное искусство столь популярным, что нередко оно рассматривается как часть «экономики впечатлений», ведущей потребителя «к частичному изменению самого себя» [6, 70].

Искусство конструирует мир, интерактивное искусство, благодаря значительно большему количеству социальных связей, возникающих вокруг него, делает это деятельнее и продуктивнее. Культивируя активность, пробуждая ее в реципиенте,

интерактивное искусство побуждает общество к активной деятельности по преобразованию мира, которая в некоторых случаях осуществляется посредством «прямого действия».

1. *Буррио Н.* Реляционная эстетика. Постпродукция / пер. А. Шестакова. М., 2016.
2. *Вайбель П.* Медиаискусство: от симуляции к стимуляции / пер. К. Бандуровского // Логос. 2015. № 4. С. 135–162.
3. *Вайбель П.* Переписываемые миры. Искусство и деятельность / пер. Б. Скуратова // Вайбель П. 10++ программных текстов для возможных миров. М., 2011. С. 271–301.
4. *Джослит Д.* После искусства / пер. Д. Потемкина. М., 2017.
5. *Латур Б.* Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями / пер. А. Писарева // Логос. 2017. № 1. С. 173–200.
6. *Пайн Б. Д. П, Гилмор Д. Х.* Аутентичность. Чего по-настоящему хотят потребители / пер. О. Андреевой. М., 2009.
7. *Пол К.* Цифровое искусство / пер. А. Глебовской. М., 2017.
8. *Gell A.* Art and Agency. An Anthropological Theory. Oxford, 1998.

Рукопись поступила в редакцию 16 июля 2018 г.

УДК 323(73) + 342.71 + 316.622:398

С. В. Юрлова

ПРОТИВОРЕЧИЯ В МЕДИАОБРАЗЕ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИКА: СЛУЧАЙ Д. ТРАМПА

Статья посвящена проблеме конструирования социальной реальности современными СМИ. Опираясь на концепцию П. Бергера и Т. Лукмана, предпринимается попытка проанализировать кризисную ситуацию в политической жизни США. В качестве материала выбран образ Д. Трампа в ведущих СМИ. Утверждается, что в основе медиаконструкта лежит мифологема героя-трикстера, ломающего привычный порядок и действующего вопреки сложившимся нормам политической жизни. Основной вывод исследования состоит в том, что образ политика, создаваемый пиар-менеджерами, поглощается образом, который создается ключевыми СМИ. Современный политик является рабом той реальности, которая формируется СМИ и вынуждает его действовать в соответствии с этим образом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальное конструирование, герой-трикстер, политический миф, Д. Трамп, медиаконструкт.

Когда мы говорим о современной культуре, то, как правило, подразумеваем культуру второй половины XX и начала XXI в. Сложность исследования ее особенностей определяется двумя моментами.

Во-первых, современный мир мультикультурен, но не с точки зрения его структуры (таковым он был и раньше), а с точки зрения его функционирования.

В предшествующие эпохи степень изоляции различных культур была значительна, современный же мир характеризует бесконечное взаимодействие многообразных культур здесь и сейчас.

Во-вторых, принципиально изменились способы трансляции и хранения информации, что приводит к серьезным изменениям в повседневной жизни людей.

Все это не может не сказаться на важнейшей стороне бытия культуры — ее информационно-коммуникативной составляющей. В информационном обществе формируется особый тип культуры, не имеющей пространственно-временных границ и разрывающей привычные рамки национальной и групповой культур. Человек получает возможность мгновенного доступа к самой разнообразной информации (от котировок на фондовой бирже до кулинарных рецептов), кроме того, мир «сжимается» до размеров телевизионного экрана или экрана компьютера. Новые средства сообщения — радио, телевидение, Интернет — делают информацию средой обитания человека. Рождаясь, каждый из нас как бы подключается к мировой информационной сети.

Из всего сказанного выше вытекает простой на первый взгляд вывод: бытие современного общества в значительной степени определяется глобальными медиа. Они не просто выступают в качестве ментора и судьи, а формируют реальность, в которой живет современный человек. На наш взгляд, наиболее продуктивной в исследовании роли медиа в жизни общества выступает концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана.

Одна из основных идей, заложенных в работе «Социальное конструирование реальности», состоит в том, что социальная реальность, созидаемая человеком, воспринимается как реальность первого порядка, по сути являясь сконструированной самим человеком. «Объективность социального мира означает, что последний противостоит человеку как нечто внешнее по отношению к нему. Главный вопрос заключается в том, сознает ли еще человек, что каким бы объективированным не был социальный мир, он создан людьми и может быть ими переделан. <...> Обычно реальная взаимосвязь между человеком и его миром перевернута в сознании. Человек — творец мира — воспринимается как его продукт, а человеческая деятельность — как эпифеномен нечеловеческих процессов. Человеческие значения понимаются теперь не как создающие мир, но, напротив, как следствия “природы вещей”» [2, 61].

П. Бергер и Т. Лукман вводят термин «реификация», что означает превращение реальности, созидаемой сознанием человека, в объективный миропорядок, детерминирующий восприятие этого мира и человеческое поведение. «Парадокс заключается в том, что человек создает реальность, которая отрицает его» [Там же]. Существенным аспектом этих процессов является изменение характера построения социальной и культурной идентичности современного человека. Качества, которыми должна обладать та или иная личность с точки зрения общества, и определяют ее истинную природу. Необходимость соответствия твоего «Я» тому социальному «конструкту», который выступает в качестве нормы, превращается в бремя современного человека.

Наиболее ярко это проявляется в сфере публичной политики. Сложнейшие процессы глобализации, влияние массмедиа радикально изменили способ существования политических идей в современном мире. В равной степени это касается и современных политиков.

Итак, целью наших рассуждений является попытка проследить, как посредством медиа происходит «конструирование» личности политика.

Современные медиа обладают парадоксальным свойством: человек, наблюдающий за разворачивающимся ток-шоу и участвующий в sms-голосовании, так же как и «житель» Интернета, мыслит себя субъектом свободного выбора, самостоятельно оценивающим и интерпретирующим сообщения. Основная функция СМИ состоит в передаче информации, а значит, в расширении границ личного опыта. Именно благодаря печати, телевидению, Интернету мы можем быть в курсе тех событий, которые нам недоступны и в которые мы не можем быть реально вовлечены. Действительно, телевизионное сообщение обладает важнейшим свойством — «эффектом присутствия». Посмотрев репортаж с места событий, мы уверены, что видели все «собственными глазами», а значит, истинность полученной информации не вызывает у нас сомнения. В классических трудах М. Маклюэна самое известное высказывание (и одновременно заголовок первой главы книги «Понимание медиа») — «Средство коммуникации есть сообщение» [1, 9]. Автор акцентирует внимание на том, что в реальном восприятии сообщения происходит «переворачивание» ситуации: субъект, воспринимающий сообщение, превращается в объект манипуляции посредством СМИ. На деле это означает, что мы имеем дело с реальностью второго порядка, сформированной теми, кто владеет информационными ресурсами, и занявшей место основной. Одним из важнейших механизмов конструирования реальности СМИ является феномен, определяемый как «установление повестки дня» («agenda-setting»), сущность которого была выявлена М. Маккомбсом и Д. Шоу [3]. В тот момент когда СМИ освещают те или иные события, эти события начинают неизбежно восприниматься аудиторией как самые важные и значимые. Тем самым в сознании аудитории формируется соответствующая повестка дня, то есть особая медиареальность, картина мира, «профильрованная» через средства массовой информации.

Взглянем на эту проблему сквозь призму теории социального конструирования. Говоря о процессе типизации и формирования образа-конструкта, П. Бергер и Т. Лукман отмечают: «...социальную реальность повседневной жизни можно понять в континууме типизаций, анонимность которых возрастает по мере их удаления от “здесь-и-сейчас” ситуации лицом-к-лицу. На одном полюсе континуума находятся те другие, с которыми я часто и интенсивно взаимодействую в ситуациях лицом-к-лицу. Это, так сказать, “мой круг”. На другом полюсе — крайне анонимные абстракции, которые по самой своей природе никогда не могут стать доступными взаимодействию лицом-к-лицу. Социальная структура — это вся сумма типизаций и созданных с их помощью повторяющихся образцов взаимодействия. В качестве таковой социальная структура является существенным элементом реальности повседневной жизни» [2, 25]. Благодаря СМИ для каждого из нас «свой круг» существенно расширяется. Основные медиаперсоны (политики, блогеры,

звезды кино, шоу бизнеса и т. п.) становятся частью повседневности. Иногда тонкая грань между жизнью и медиареальностью размывается настолько, что нам представляется гораздо более важным то, что происходит с любимым певцом, чем события в жизни близких нам людей. Более того, вторая реальность, формируемая медиа, оказывается более яркой и детализированной, чем реальность, формируемая личным опытом. Так, сидя дома перед телеэкраном, мы можем во всех подробностях наблюдать грандиозное шоу открытия Олимпийских игр, что абсолютно невозможно для зрителя, сидящего на трибуне стадиона.

Попробуем проанализировать в свете вышесказанного медиаобраз действующего американского президента Д. Трампа. Проблема политического имиджа Д. Трампа представляется как актуальной, так и малопроработанной. На сегодняшний день серьезных исследований феномена Д. Трампа нет. Как правило, статьи, обращающиеся к данному материалу, написаны журналистами или политическими экспертами. На наш взгляд, эта проблема выходит за рамки конкретной ситуации. Действительно, процессы, происходящие в политической жизни США, во многом определяются противоречием, сложившимся между реальной личностью президента и его медиаобразом.

Общим местом в анализе существования личности в современной политике является указание на то, что любой политик (уже действующий или стремящийся стать таковым) должен тщательно формировать свой имидж. Инструментами его создания являются внешний образ человека, его биография, введение политика в событийный контекст. С этой точки зрения характер восприятия политика обществом, его достоинства и заслуги возникают благодаря его пиар-кампании.

Однако в современной медиасреде наблюдается обратный процесс: *образ политика, создаваемый пиар-менеджерами, поглощается образом, который создается ключевыми СМИ.*

Один из механизмов социального конструирования — миф. Именно миф становится наиболее актуальным в стремительно меняющемся мире современной политики, упорядочивая и упрощая реальность. Наиболее востребованной является мифологема культурного героя. Она может реализовываться в трех основных вариантах: герой-борец, герой-трикстер и герой-демиург. Опираясь на позицию К. Флада, определяющего политический миф как тип идеологического воздействия [4, 40], можно утверждать, что миф одинаково эффективен как в ситуации борьбы за власть, так и в целях ее удержания. Однако в случае стремления занять место на политическом олимпе вполне приемлема мифологема героя-трикстера, в то время как действующий политик, желающий сохранить свое положение, должен следовать мифологеме героя-демиурга. В контексте данного утверждения мы и попробуем проанализировать ситуацию, сложившуюся вокруг президента США Д. Трампа.

Итак, кто такой герой-трикстер? Трикстер в архаической мифологии — демонический двойник культурного героя-демиурга. Однако, если отвлечься от демонической составляющей, у трикстера есть четыре принципиально важные характеристики:

1. Амбивалентность и функция медиатора.

2. Лиминальность.

3. Театральность и перформативность, прямо вытекающие из лиминальной позиции *внутри* социального и культурного порядка.

4. Трансгрессия — нарушение границ и переворачивание социальных и культурных норм (важнейший метод трикстера) [5].

В предвыборной кампании фигура Д. Трампа подавалась как образ консерватора и носителя традиционных американских ценностей. Вся его пиар-кампания строилась на апелляции к той Америке, которая помнит свое прошлое и горюет о его потере. Открытый антиглобализм и лозунг «Я сделаю Америку снова великой!» стали основой предвыборной кампании претендента. Всем своим обликом Трамп стремился подчеркнуть свою «американскость» (красная бейсболка на голове, понятные и одновременно пафосные выступления перед избирателями, явная театральность поведения и т. п.). Однако с самого начала выборной кампании стало ясно, что поведение кандидата разительно отличается от модели политического поведения, сложившейся в последние десятилетия. Во-первых, Д. Трамп не является политиком, его риторика — это риторика человека, привыкшего действовать в экономической, а не политической среде. Во-вторых, не будучи ангажирован политически (о чем свидетельствуют его внутрипартийные проблемы), он свободен в своих заявлениях и способен эпатировать политический бомонд (как, впрочем, и рядового избирателя). Команда Трампа и он сам позиционировала его как носителя традиционных американских ценностей, однако СМИ видели в нем прежде всего героя-трикстера, шута, который эпатирует публику.

Важно понимать, что речь идет не о реальном Д. Трампе, а о том образе, который создается и поддерживается СМИ. «Представитель исполнительной власти должен быть “политически благоразумным”, что совершенно не обязательно для начальника машинописного бюро» [2, 97]. Важным признаком лиминальности и одновременно способности к трансгрессии можно считать слово «jester» (шут), которым так часто награждали Д. Трампа СМИ во время предвыборной кампании. Шут тем и хорош, что может позволить себе все, что угодно, находясь вне социальных рамок. Современный американский избиратель, уставший от стабильно-монотонной политики предшественников, принял героя-трикстера как ниспровергателя и творца нового миропорядка. Продолжая оставаться лиминальным и амбивалентным культурным героем, Д. Трамп совершает множество действий, нарушающих как дипломатический протокол, так и сложившуюся политическую доктрину США. На наш взгляд, противостояние действующего президента США и сената во многом связано с невозможностью Трампа «выйти» из сложившегося образа трикстера, так успешно приведшего его к власти, но не принятого элитами.

Важно заметить, что базовое противоречие, определяющее противостояние президента и политической элиты, возникает не благодаря действиям Д. Трампа, а в связи с несоответствием его образа в СМИ и представлением элит о «правильном» президенте. Любой серьезный и вдумчивый аналитик обратит внимание на то, что реальное поведение Д. Трампа вовсе не характеризует его как героя-трикстера. Действительно, он реально выполняет большую часть своих предвыборных обещаний, экономика США переживает подъем во многом благодаря

усилиям президента. Действующий президент опирается на принцип здорового государственного эгоизма, во многих случаях дающий нужный результат. Однако в мировых и американских СМИ образ Д. Трампа продолжает оставаться негативным. Профессор Гарвардской школы управления, исследователь медиа Томас Паттерсон в мае опубликовал результаты исследования о том, в какой тональности крупнейшие американские медиа освещали первые 100 дней президентства Трампа. «Вот лишь некоторые цифры. CNN и NBC — соотношение негатива к позитиву 93:7, New York Times, Washington Post и Wall Street Journal — 87:13, 83:17 и 70:30 соответственно. Даже на телеканале Fox News, который еще в предвыборный период показывал себя скорее как «протрамповский», преобладала негативная подача — 52:48» [6]. С этого времени ничего не изменилось. Ярким примером являются продолжающиеся обвинения в адрес Д. Трампа в связях с Россией и «пропутинском» характере его политики. Никакие выводы никаких комиссий не смогут изменить ситуацию.

Если мы проанализируем образ Трампа, представленный на обложках журнала «Time», то мы увидим именно героя-трикстера. Так, на обложке номера за декабрь 2016 г. мы видим сидящего в пол-оборота к зрителю Д. Трампа; надпись гласит: «Д. Трамп — президент разделенных штатов Америки». К началу 2017 г. образ становится все более и более гротескным — от президента, сидящего в центре вихря, до изображения тонущего Д. Трампа [7].

Рассмотренный нами материал является ярким (и не единственным) примером того, как мировые СМИ конструируют социальную реальность современного человека. Мир перевернулся: не политики управляют миром, а мир медиа управляет политиками, возводя одних на вершину Олимпа и ниспровергая других. Современный политик становится частью реальности, которая конструируется СМИ, и порой вовсе не в том образе, который он планировал.

В итоге следует подчеркнуть, что предложенный анализ противоречий медиа-образа в политике не является исчерпывающим. Существует еще ряд противоречий (например, противоречие между элитой, желающей видеть в президенте героя-демиурга, и избирателем, требующим героя-трикстера, разрушающего устоявшийся порядок), не нашедших достаточно подробного освещения в данной статье. На наш взгляд, обозначенные проблемы открывают новый аспект исследования сферы современной политики.

---

1. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. Understanding media. М., 2003.

2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.

3. McCombs M. Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion. N. Y., 2004.

4. Флад К. Политический миф. М., 2004.

5. Литовецкий М. Трикстер и «закрытое общество» [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html> (дата обращения: 10.04.2018).

6. Трамп и СМИ: борьба не на жизнь, а на смерть [Электронный ресурс]. URL: <https://news.rambler.ru/articles/37443868-tramp-prezident-dlya-bitya/> (дата обращения: 10.04.2018).

7. Журнал Time поместил на обложку утонувшего Трампа [Электронный ресурс]. URL: <https://360tv.ru/news/mir/na-oblozhku-utonuvshego-trampa/> (дата обращения: 10.04.2018).

Рукопись поступила в редакцию 11 сентября 2018 г.

УДК 316.74:81'42 + 316.77:659.1 + 316.774:654.1

С. В. Мельникова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА: ОПЫТ ИКОНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Рекламный текст мы рассматриваем как вид культурного текста, который отличается многоуровневостью и богатым коннотативным рядом. Мы опираемся на традицию понимания текста, созданную Р. Бартом и Ю. М. Лотманом. Рекламный текст может пользоваться художественными приемами, которые усиливают его как культурный текст, создавая эмоционально выразительный и эвокативный цельный «живой» образ. Предложенная в работе интерпретация рекламного видео бренда Mulberry основывается на иконологическом методе Э. Панофского, созданном для анализа художественных произведений. Иконологический анализ помогает раскрыть семантический ряд рекламных образов, имеющих дополнительное, «лишнее» значение и выводящих рекламу из однозначно коммерческого смыслового поля.

Ключевые слова: культурный текст, рекламный текст, художественный текст, коннотация, иконологический анализ, реклама.

Реклама, развиваясь, приобретает все новые функции и роли. Из средства информации о свойствах товара и потребительских услугах, что в современных российских правовых документах определяется как ее суть [10], реклама превратилась сегодня в механизм стимуляции и симуляции потребностей. Реклама демонстрирует потребителям «норму» жизни, став моральным и идеологическим регулятором [2, 11]. Будучи полноправным элементом массовой культуры, реклама заполняет досуг потребителей, развлекая их, присутствует в эфире наряду с сериалами, скетчками, ситкомами, боевиками, мелодраматическими и «action» фильмами. Реклама как арт-продукт участвует в конкурсах (London International Awards, Cannes Lions, Andy Awards New York, ММФМ в Москве, «Идея!» в Новосибирске), специальных просмотрах для публики («Ночь пожирателей рекламы»). Реклама, по словам Ж. Бодрийера, «сама становится предметом потребления» [3, 177], равносильным развлечению, — «как празднество, имманентность, позитивность» [Там же, 187], она полноправный элемент массовой культуры.

Как часть массовой культуры, как «предмет культуры» [Там же, 177], реклама предполагает текстологический анализ наряду с маркетинговым, идеологическим и социологическим. Под рекламным текстом будем понимать текст не лингвистический, а культурный, в том смысле, который вкладывают в понятие культурного

текста Ю. М. Лотман и Р. Барт. Культура — «это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию “текстов в текстах” и образующий сложные переплетения текстов» [5, 72]. Следуя утверждению Ю. М. Лотмана, «исходным для культурного понятия текста является именно тот момент, когда сам факт лингвистической выраженности перестает восприниматься как достаточный для того, чтобы высказывание превратилось в текст» [Там же, 434]. Тексты должны обнаруживать «признаки некоторой дополнительной, значимой в данной культуре выраженности», а выраженность «может проявляться и как требование определенного материала для закрепления» [Там же, 435].

Под культурным текстом М. Ю. Лотман понимает единообразно организованное смысловое пространство, в которое могут вторгаться элементы из других текстов [Там же, 72]. Текст фиксирует и транслирует (для последующего переосмысления) важные для данной культуры и культуры вообще ценности и антиценности. На многомерность текста такого рода указывает Р. Барт, отмечая, что в нем «сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников» [1, 388]. Рекламный текст является вариантом культурного текста, который создает картину идеального (иногда чересчур) мира, при этом он «соткан из цитат» реальной жизни. Рекламные объявления М. Маклюэн называет самыми богатыми и достоверными повседневными отражениями «из всех, какие только до сих пор производило общество в отношении всего круга своей жизнедеятельности» [6, 265].

Рекламный текст будем рассматривать как любое законченное рекламное обращение, которое имеет смысл и построено с использованием одного или нескольких языков. Как культурный текст его мало разложить на семы и лексии, необходимо проследить, какой именно смысл стремится к закреплению, будучи ценным в данной культуре, и каким образом он доводится до «читателя», ведь «текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении», говоря словами Р. Барта [1, 390].

Наша задача — рассмотреть рекламный текст как арт-продукт, который использует художественные приемы для достижения большего эффекта выразительности, большей эвокативности. Рекламные тексты стали сегодня настолько увлекающими (завлекающими) и эстетически привлекательными, что публика, потребляя их с удовольствием, забывает о консюмеризме, о конечных коммерческих целях этих продуктов, выполненных на заказ. Отмечая тенденцию отхода рекламных объявлений от потребительской картинки в «направлении иконического образа», М. Маклюэн указывает на втягивание потребителя в роль производителя, в «созидательный образ процесса» [6, 257]. С точки зрения М. Маклюэна, в экранную эпоху даже рекламные объявления в журналах и прессе выглядят как сцены из кинофильма. Это происходит вследствие умелого использования рекламой мозаичных видеообразов [Там же, 263].

Следует заметить, что реклама, даже имиджевая, безусловно, не является искусством, однако активно использует особенности художественного воздействия. Поскольку в задачу работы не входит сравнение рекламного и художественного

текстов, просто назовем те художественные особенности, которые можно наблюдать в имиджевой рекламе.

Во-первых, рекламный текст, как и художественный, задает ощущение свободы. В рекламе, с точки зрения Ж. Бодрийяра, «с фантастической силой заявляет о себе общество, способное избыточностью образов преодолеть жесткую необходимость потребностей» [3, 186]. Рекламная реальность указывает на возможность решать любые проблемы. Ю. М. Лотман свободу называет особенностью искусства, которое «делает возможным не только запрещенное, но и невозможное» [5, 129]. В рекламном мире, как и в художественном, человек ощущает себя свободным, он чудесно может справиться со сложностями и достичь желаемого.

Во-вторых, это создание иллюзии реальности. Любая реклама — симулякр, выдающий изображаемое за реальное. Границу между иллюзией и тем, что «на самом деле», провести очень непросто: «возникает игра в семантическом поле “реальность — фикция”» [Там же, 69].

В-третьих, процесс «выдавания» симулякра за реальность усиливается, если «читатель» вживается в текст, эмоционально увлекается им («что будет дальше?»). Адресат следит за развитием события, любит, восхищается, примеряет к себе, переживает демонстрируемую реальность как «вторую реальность», подобно произведению искусства.

В-четвертых, реклама, как и искусство, использует образный опыт сновидений, чтобы добиться обращения к отдельному индивиду, к его личным грезам. «Подобно сновидениям, реклама фиксирует потенциал воображаемого и дает ему выход. Подобно сновидениям, она остается практикой субъективно-индивидуальной», — отмечает Ж. Бодрийяр [3, 187]. Адресат рекламы лично переживает увиденное, ставя себя на место героев, но при этом субъект заказчик-создатель тоже здесь как третье лицо, волевой организатор этой реальности. «Я» и «он» присутствуют одновременно в опыте переживания рекламных образов. Текстовая особенность одновременного присутствия автора и воспринимающего строится на психологическом опыте сновидений, именно во сне «человек получает опыт “мерцания” между первым и третьим лицом, реальной и условной сферами деятельности», указывает Ю. М. Лотман [5, 39]. Рассказанный образ откладывается в памяти как действительно существующий, находя себе опору в сохранившихся в памяти зрительных образах [Там же, 40].

В-пятых, вырастающая из сна рекламная образность вызывает к жизни богатый коннотативный ряд при ее восприятии. Коннотации не однозначны, каждый воспринимающий может выделять свою ритмику текста, видеть то, что важно именно ему, однако в пределах именно этого текста. Р. Барт называет коннотацию способом «ассоциирования, осуществляемым текстом-субъектом в границах своей собственной системы» [2, 51].

Подведем небольшой итог: названные особенности рекламного текста, его пространство иллюзорной свободы, субъектная образность, опирающаяся на опыт сновидений и хранящиеся в памяти образы, подобная искусству эвокативность, вызывают множественные коннотации. М. Маклюэн называет рекламные объявления экранной эпохи иконами: «Иконы — это уже не специалистские фрагменты или

аспекты, а единые сжатые образы комплексного типа. Они стягивают в крошечный фокус огромный регион опыта» [6, 257]. «Иконы» требуют для своей последовательной «дешифровки» не маркетинговые и не лингвистические методы, а те способы истолкования, которые применимы для анализа художественного текста.

Одним из научных методов анализа художественного текста является созданный Э. Панофским, немецким и американским теоретиком и историком искусства, в середине XX в. иконологический метод, оказавший большое влияние на искусствоведение. Э. Панофский считал себя не столько историком искусства, сколько историком культуры, обладая богатыми знаниями в области права, филологии, классической философии, владея древними языками. Главным преимуществом его метода является то, что художественное произведение анализируется в культурном контексте как часть огромного культурного поля, которое определяет ход размышлений художника, символический ряд образов, особенности языка, способов передачи смысла, специфики восприятия. Этот метод не только позволяет объяснить суть произведения, выводя его из « витающих в воздухе » идей и значений, но находить те основополагающие принципы, которые присутствуют в литературе, философии, религии, которые определяют жизнь личности данного культурного периода как основополагающие смыслы и ценности. Э. Панофский отмечает, что произведение он понимает как документ эпохи, как « проявление чего-то еще »; « открытие и интерпретация этих “ символических ” ценностей (которые зачастую неизвестны самому художнику и даже могут разительно отличаться от того, что он хотел выразить сознательно) и составляет объект “ иконологии ” » [7, 48]. При иконологическом анализе ученый опирается на релевантные источники, которые не всегда очевидны, рассматривает не только прямые, но и скрытые опосредованные связи между текстом и культурой эпохи.

Художественный текст, как и рекламный, как и любой другой, « есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту », он интертекстуален, « образуется из анонимных, неуловимых и вместе с *тем уже читанных* цитат — из цитат без кавычек », говоря словами Р. Барта [1, 418]. Иконологический анализ способен этот межтекстовый культурный диалог сделать явным, показать уровни возможного « считывания » смысловых переключек и важных для актуальной культуры (актуальной как для создателей, так и для современных читателей) моментов, на которых делается акцент в тексте.

Метод Э. Панофского представляет собой последовательное « углубление » интерпретатора в ткань произведения. Ученый называет три уровня, которые постепенно раскрывают смысл текста от его детального поверхностного описания до выявления скрытых смыслов и значений.

Первый уровень, « первичный », естественный, предполагающий внешний видимый предметный расклад [7, 45], когда просто описывается то, что изображено, например, на картине. Этот уровень Э. Панофский называет « доиконографическим описанием » [Там же, 57]. На этом уровне достаточно простого знакомства с предметами и событиями, присутствующими в произведении.

Второй уровень, « вторичный », условный, он требует участия рассудка, знания культурных традиций, свойственных определенной цивилизации. Этот уровень

предполагает образованного «читателя», владеющего языком эпохи, ее образным рядом, ее историей, знающего персонажей этого времени. «Читатель» также должен уметь выделять мотивы (композицию) произведения, соединять их с темами и понятиями, чтобы определить, к какому именно историко-культурному событию и почему имеет оно отношение [7, 46, 57]. Этот уровень Э. Панофский обозначает как «иконографический» [Там же, 57]. Несмотря на то что иконографический уровень требует подготовки для своего «считывания», он ограничивается констатацией того, что происходит в тексте, «иконография собирает и классифицирует факты, но не считает своим долгом определить их генезис и значение» [Там же, 48]. Иконография «касается лишь части всех тех элементов, которые составляют внутренний смысл произведения искусства» [Там же, 49].

Третий уровень называется иконологическим, он раскрывает «внутреннее содержание» или «смысл» произведения. Само название, образованное от «логос», что означает «мысль» или «разум», уже имеет отношение к истолкованию, интерпретации» [Там же]. Для постижения смысла «нам необходимо выяснить и уточнить все те подспудные принципы, в которых проявляется общая точка зрения нации, эпохи, класса, религиозные и философские убеждения» [Там же, 47]. Для интерпретации на третьем уровне недостаточно быть образованным «читателем», так как смысловые связи скорее угадываются, улавливаются. Это скорее «синтетический, чем аналитический метод интерпретации» [Там же, 49]. Иконологический анализ текста является самым глубоким и сложным уровнем его системы, требующим от интерпретатора знакомства с основными тенденциями человеческой мысли, а также синтетической интуиции, обусловленной личной психологией и мировоззрением [Там же, 57]. Именно этот уровень отвечает особенностям культурного текста (не лингвистического), о которых пишет Ю. М. Лотман, указывая на «вторжение разнообразных “случайных” элементов из других текстов» [5, 72] в данный текст, на «непредсказуемую игру с основными структурами» и резкое увеличение непредсказуемости дальнейшего развития [Там же]. Об этом понимании текста пишет и Р. Барт, давая ему характеристики неисчислимости, неклассифицируемости, множественности, символичности, отсутствия автора, игры с «читателем», которая приносит удовольствие [1, 413–423].

Таким образом, иконология Э. Панофски выводит интерпретацию за границы конкретного произведения в интертекст, опирается на «синтетическую интуицию» талантливого дилетанта, который может уловить больше, чем ученый эрудит. Поскольку реклама, которую мы будем интерпретировать, является мини-историей, созданной с исключительным эстетическим вкусом и рассказанной вполне художественно, попробуем проанализировать ее, применив трехуровневую схему Э. Панофского.

В двухминутном ролике английской компании по производству сумок и аксессуаров из кожи премиум-класса Mulberry рассказывается история о вручении подарка, красной сумки, молодой женщине в канун Рождества [13]. Женщина восхищается даром, хочет выразить благодарность дарителю («О, John!»), но в это время в помещение (склад? хлев?) начинают входить незваные гости. Сначала входят двое мужчин, за ними в дверь и в окно заглядывают животные

(овцы и коровы), затем в помещение заходят еще трое мужчин с коронами на голове, в руках у них подарки. Все восхищаются сумкой как невероятным чудом («Lordy!»), к недоумению дарителя. Он удивлен: «Это же просто сумка!». Однако дружный смех успокаивает Джона, звучит хоральная музыка (композитор Марк Казинс (Mark Cousins)), все усаживаются за стол, в центре которого — сумка. Над столом горит яркая электрическая лампа, напоминающая звезду. Появляется надпись: «It's Christmas. What are you worshipping?» («Это Рождество. Чему вы поклоняетесь?») [13].

Это рекламное видео вызвало как восхищение «пожирателей» рекламы, так и шквал возмущений со стороны оскорбленных верующих: вся сцена явно имитировала Рождественский вертеп, а красная сумка уподоблялась Младенцу. Но производители рекламы (рекламодатель — Mulberry, рекламное агентство — adam&eveDDB) не были наказаны, так как им удалось доказать, что это просто мягкий рождественский юмор, и фраза молодого человека-дарителя «Это же просто сумка!» не позволяет воспринять поклонение гостей сумке серьезно [12].

Первый уровень иконологического анализа, естественный, предполагает описание того, что мы просто видим. Перечислим предметные компоненты. Во-первых, это помещение, не очень похожее на квартиру, так как на заднем плане видны коробки, в которых транспортируется груз («Handlewithcare»), нет уютной мебели (возможно, хозяева только что переехали?), лампа без абажура под потолком, вход непосредственно с улицы. В помещении есть камин, в нем горит огонь, недалеко от камина — небольшой столик с двенадцатью горящими свечами разной величины. Герои — двое молодых хозяев этого помещения, молодые мужчина и женщина; другие персонажи — пятеро пришедших гостей-мужчин, один из которых чернокож; блеющие овцы и мычащие коровы («каждой твари по паре»), появившиеся с двумя гостями, пришедшими первыми. В центре всеобщего внимания — красная сумка с логотипом «Mulberry».

Выразительные компоненты первого уровня требуют «вчувствования» (empathy) [7, 43]. Что мы можем заметить? Молодые люди влюблены, мужчина хочет вызвать своим подарком радость и восхищение, приходящие гости доброжелательны. Все в особом настроении накануне праздника, в ожидании чуда. Этим чудом оказывается красная кожаная сумка, желанный подарок, атрибут статуса и аристократизма.

Вторичное, или условное, значение текста, по Э. Панофскому, требует знания культурного контекста, оно «доступно лишь разуму, а не чувствам, и привносится в реальное действие, служащее его передатчиком, вполне сознательно» [Там же, 49]. Интерпретация события, показанного в рекламе, как рождественской истории возможна благодаря этому слою. Человек, воспитанный в христианской традиции (или имеющий представление о ней), легко угадывает поданные сигналы. Во-первых, помещение не похоже на дом, это скорее сарай (вертеп?). Во-вторых, последовательность посетителей (двое с животными, затем трое с подарками) позволяет заподозрить в них стремящихся поклониться чуду пастухов и волхвов. «Пастухи» одеты просто, они не в праздничной парадной одежде, а в будничных ношеных рубашках (с потертыми воротничками) и куртках.

Зашедшие после «пастухов» трое мужчин одеты празднично, на одном — красивый красный галстук, на двух других — красные шейные платки, на головах у всех — короны («Балтазар, Каспар и Мельхиор»?). У каждого из вошедшей троицы в руках подарки («золото, ладан и мирна»?). Обе группы гостей-мужчин кланяются красной сумке, благоговейно восхищаются ею. Финальный момент видео, когда и люди, и животные замирают в торжественных и умиротворенных позах вокруг стола с сумкой в центре, под лампой, которая показана крупным планом (звезда?), под звучащий рождественский хорал, укрепляет мнение о том, что мы видим аналогию рождественского вертепа. Однако именно аналогию, ведь вместо Младенца — сумка. Несоответствие святого смысла события Рождества и поклонение сумке неразрешимо на втором уровне анализа.

Третий уровень анализа позволяет утверждать, что, несмотря на очевидные аналогии с рождественским вертепом, смысл рекламы не в том, чтобы рассказать о Рождестве. Реклама, являясь одной из серии Mulberry Miracle, дает эмоционально почувствовать желанность и чудесность сумки Mulberry (это не просто сумка) в качестве подарка, дорогой подарок безупречного качества сравнивается с высшими ценностями. Качество подарка имеет значение, дорогой вашему сердцу особе следует преподнести особенный, ценный, подарок. Ведь она «этого достойна». Но, с другой стороны, «это просто сумка», и ирония создателей видео не позволяет принять аналогию за тождество. Авторы иронизируют и над потребителями, и над потреблением: не делайте из вещи культа! Кому (чему?) вы на самом деле поклоняетесь? Поклонение вещам может перевернуть ценности. Видео (может быть невольно?) указывает на то, как мир брендов значим для современников, заменяя духовные ориентиры.

Что же до красной сумки, которая оказывается главным героем видео, сумка и вправду хороша. И, по свидетельству «волхвов», пахнет изумительно. Но почему она красная?

Красный цвет можно проинтерпретировать опять же трояко, следуя логике метода Э. Пановского.

Первый уровень, уровень психофизиологии цвета, расскажет нам, что красный цвет идеально держит внимание зрителя, заставляя сконцентрироваться именно на сумке. Согласно исследованиям физиологов красный цвет учащает сердцебиение, дыхание и моргание, повышает артериальное давление, стимулирует электродермальную активность, уменьшает амплитуду альфа-волн на энцефалограмме, повышает мышечную силу, увеличивает сексуальное желание (женщина в красном притягивает мужчин и вызывает агрессию у других женщин) [4, 63–68; 10, 14, 77]. По мнению дизайнера Ж.-Г. Косса, красный включает рептильный мозг, под его влиянием мы перестаем действовать рассудочно [4, 68–70, 202]. Рихард Вагнер, по свидетельствам современников, писал музыку только в красных помещениях, таким образом вызывая вдохновение. Но сон разума активно применяется и в маркетинге: именно красный цвет стимулирует внезапные покупки [4, 9].

Вместе с тем красный (второй, условный уровень), используемый в канун Рождества, ассоциативно связан с этим праздником, он может считаться «фирменным

цветом» Рождества, ведь многие праздничные атрибуты красные. Это цвет одежды Санты, фирменный цвет «рождественского» напитка Coca-Cola, цвет звезд и гирлянд, упаковок и ленточек, носочков на камине, апельсинов, растения пуансеттия («рождественская звезда»). Красный — отличный цвет для оформления праздника, торжества. Более древняя культурная традиция сделала красный цвет символом праздника (сакрального) вообще. По свидетельству М. Пастуро, в дохристианской символике, оперировавшей лишь тремя цветами — белым, черным и красным, именно красный маркировал торжественность, выход из профанной повседневности [8, 193–194]. Уровень ассоциативного восприятия цвета позволяет связать его с событием, и красная сумка в рекламе воспринимается как атрибут праздника, торжественный и необходимый момент.

Уровень культурной символики (также условный уровень анализа) может быть прочитан при условии знания языка символических значений. В иконографической традиции христианства красный является атрибутом Божественной Троицы. А именно Отца, как символ творческой энергии, мощного креативного начала, и Сына, как символ его царственности и страдания. Красный цвет всегда присутствует в изображениях Сына, но не Духа, который маркируется синим и зеленым. Если авторы видео хотели подчеркнуть аналогию с Младенцем, то других вариантов цвета у них просто не было.

Смысл красного цвета (третий, иконологический уровень анализа) — в его связях с сакральным, с Праздником, Младенцем; он подчеркивает необычную ценность дара. Красную сумку получает молодая женщина как знак большой любви, но не только. Это может быть намеком на супружество, на материнство, на переход некой границы в отношениях между дарителем и одариваемой; сумка в этом контексте эквивалентна кольцу, скрепляющему договор влюбленных. Сумка становится символом нового этапа отношений. Однако это «просто сумка» Mulberry, и реклама вторгается в камерный мир влюбленных людей.

Это рекламное видео создает иллюзию реальности, «вторую реальность», подобно искусству. Мы с интересом наблюдаем: что же будет дальше? Мы вместе с героиней радуемся чудесному подарку, вместе с героем удивлены неоднозначностью сложившейся ситуации, но в то же время чувствуем некую иронию того, кто наблюдает и за ними, и за нами. «Люди, вы совсем запутались в иерархии ценностей», «Посмотрите, как забавно вы выглядите в своих желаниях», «В вашем мире смешались профанное и сакральное, одно выдает себя за другое» — примерно об этом говорит невидимый наблюдатель, кукловод. Здесь, похоже, и правда действует логика сна, эксперимент: что будет, если... В рекламе, как в искусстве, все возможно, автор и зритель создают разные комбинации смыслов и ощущают себя в этом свободными.

Любой рекламный текст является укорененным в культуре текстом, его анализ требует выявления скрытых символов, указывающих на ценности и антиценности культурной эпохи. Современная реклама, особенно имиджевая, активно пользуется художественными приемами, что позволяет создавать рекламные мини-истории, воспринимающиеся по законам искусства. Анализ образного ряда таких рекламных текстов может опираться на методы анализа

произведений искусства. Использованная для анализа рекламного видео методология Э. Панофского позволила углубиться с поверхностного событийного и вещного ряда изображения до значений и ценностей, волнующих современную культуру.

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Г. К. Косикова. М., 1994.
2. *Барт Р. S/Z* / пер. с фр. Г. К. Косикова. М., 2009.
3. *Бодрийяр Ж.* Система вещей / пер. с фр. С. Зенкина. М., 1999.
4. *Косс Ж.-Г.* Цвет. Четвертое измерение / пер. Е. Тарусиной. М., 2018.
5. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2000.
6. *Маклюэн Г. М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М., 2011.
7. *Панофский Э.* Иконография и иконология: введение в изучение искусства Ренессанса // Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства / пер. с англ. В. В. Симонова. М., 1999. С. 41–75.
8. *Пастуро М.* Цвета нашей памяти / пер. О. Акимовой. М., 2016.
9. *Серов Н.* Символика цвета. СПб., 2018.
10. Федеральный закон «О рекламе». Статья 3.1 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901971356> (дата обращения: 08.05.2018).
11. *Фромм Э.* Иметь или быть? / пер. Э. М. Телятниковой. М., 2016 .
12. Adforum [Electronic resource]. URL: <https://ru.adforum.com/talent/81827458-charles-gillett/work/34519001>(accessed: 08.05.2018).
13. MulberryMiracle [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VilRHLu6K4k> (accessed: 08.05.2018).

Рукопись поступила в редакцию 5 сентября 2018 г.

МОРАЛЬНЫЙ ЯЗЫК СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА В СИТУАЦИИ ПЛЮРАЛИЗМА МОРАЛЬНЫХ И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В статье ставится проблема необходимости и теоретических оснований выделения морального языка как специфического языка искусства. В качестве теоретических оснований рассматривается проблема соотношения этического и эстетического, морали и искусства, добра и красоты. Высказывается предположение о наличии и специфике морального языка не только в словесных видах искусства, но и в живописи, музыке, архитектуре, дизайне, наивном искусстве. Акцентируется имманентность морали искусству, морального дискурса — дискурсу художественному.

К л ю ч е в ы е с л о в а: моральный язык искусства, калокогатия, моральный дискурс, художественный дискурс, морализирование, художественная мораль, моральный лектон.

Плюрализм моральных и художественных ценностей, их нарастающая относительность, ризомность, постмодернистская всеядность и вседозволенность, почти исчезающие критерии различий добра и зла, правды и лжи, жестокого и гуманного, прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, становятся небезопасными для жизни человека и общества. Такая ситуация актуализирует проблемы морального измерения искусства, художественного творчества. Одним из таких измерений являются моральный язык искусства, его конкретизации и особенности взаимодействия с художественным языком.

Языки искусства множественны и специфичны. Это обусловлено многообразием его видов и жанров, своеобразием выразительных средств. Могут ли языки морали быть языками искусства? Тождественны ли понятия «языки морали» и «моральные языки»? Чем обусловлена множественность морального языка?

В этической литературе преимущественно используется понятие «язык морали»: «язык морали — грамматические и лексические средства естественного языка, с помощью которых выражаются моральные позиции, требования, рекомендации, оценки, императивы, чувства и т. д.» [1, 508].

В «Словаре по этике» в статье «Язык моральный» утверждается: «Простейшими элементами Я. м. являются моральные суждения и термины» [2, 443]. Моральные суждения бывают *предписательные* («Люди должны говорить правду»), *оценочные* («Воровство есть зло»), *дефинитивные* («Добро есть то, что отвечает интересам человека и общества»). Моральные суждения могут сочетать в себе оценочность и предписательность (императивность, повелительность): «Зло разрушительно. Не совершайте злых поступков», «Добро созидательно. Спешите делать добро». А также моральные суждения могут сочетать в себе дефинитивность и оценочность, оценочность и предписательность.

Из приведенных характеристик «языка морали» и «языка морального» можно сделать вывод, что в этической литературе эти понятия рассматриваются и употребляются как однозначные. В данной статье мы будем придерживаться этой же позиции.

Какими бы ни были моральные суждения, моральные высказывания, неизменным остается то, что «в пространстве морали человек не только пользуется языком, создавая моральные суждения, но и действует им, совершает поступки через речь, путем высказывания» [3, 102]. Оформленная в слове благая или злая мысль, даже не высказанная ее адресату, — это тоже поступок. А если моральная мысль высказывается, то моральная сила высказывания концентрируется в слове и оказывает самое разное воздействие на объект высказывания:

Есть слова — словно раны, слова — словно суд, —
С ними в плен не сдаются и в плен не берут.
Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.
Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить [4].

Как пронзительны и поучительны «Слова» стихотворения Вадима Шефнера! Как убедителен моральный язык этих поэтических строк! Читатель не воспринимает их как поучение, наставление, морализирование. Эмоциональная заразительность поэтического ритма, глубокого смысла поэтических фраз профилактирует, нейтрализует возможную протестную реакцию на поучительный пафос стихотворения, способствует благоприятному восприятию прямого морального вывода:

Но слова всем словам в языке нашем есть:
Слава, Родина, Верность, Свобода и Честь.

Наряду с оценочно-дефинитивными суждениями в стихотворении присутствуют предписательно-императивные, повелительные суждения:

Пусть разменной монетой не служат они, —
Золотым эталоном их в сердце храни!
И не делай их слугами в мелком быту —
Береги изначальную их чистоту.

Высокий пафос, возвышенный смысл, дополняемый категоричными повелениями (императивами) к поступкам, делают это стихотворение морально-насыщенным и морально-поучительным. В целом это стихотворение может быть охарактеризовано как моральное произведение поэтического искусства. Каковы основания подобных характеристик?

Взаимодействие этического и эстетического, морали и искусства, доброго и прекрасного философски исследуется с античных времен. Греческие философы использовали термин «калокагатия» для обозначения взаимосвязи таких качеств индивида, как внешнее и внутреннее, как взаимодополнение внутренней добродетели и внешней красоты, как синтез социально-политического, педагогического,

этического и эстетического идеалов. Индивид, достигший калокагатии, воспринимался как идеальный гражданин полиса, способный к осуществлению целей гражданского общества.

Калокагатия (др.-греч. *καλοκαγαθία*, от др.-греч. *καλός* καὶ *ἀγαθός* — «*прекрасный и хороший*», «*красивый и добрый*») — термин, использующийся в античной этике, составленный из двух прилагательных: *καλός* (прекрасный) и *ἀγαθός* (добрый), что в приблизительном переводе означает «нравственная красота» [5]. Это словосочетание подсказывает нам, что красота может быть и безнравственной, аморальной, провоцировать в человеке низменное и безобразное, пробуждать в нем животное, звериное начало, разрушать человеческое. Об опасности торжества звериного начала в человеке писал философ эпохи Возрождения Джордано Бруно в своем трактате «Изгнание торжествующего зверя» [6]. Под торжествующим зверем он понимал человеческие пороки. Время показало их чрезвычайную живучесть.

Современный отечественный философ В. И. Толстых в статье «Пошлость как нашествие» пишет: «Наступление пошлости на нравственные и эстетические устои культуры достигло ныне апогея, и кажется, что уже ничего нельзя придумать пошлее и откровеннее... И это происходит в стране великой поэзии и музыкальной культуры...» [7, 103–104]. Это пишет философ, посвятивший свое научное творчество исследованиям соотношения искусства и морали, этического и эстетического, диалога культур в современную эпоху, ученый, получивший Государственную премию СССР за учебник по эстетическому воспитанию. Одна из его книг так и называется: «Искусство нравственное и безнравственное» [8].

Возвращаясь к характеристике калокагатии, обратимся к точке зрения другого отечественного философа — А. Ф. Лосева: «Это составное этически-эстетическое понятие — своего рода кентавр. И так же как представление о коне-человеке могло существовать во времена мифологической древности, точно так же и понятие “прекрасно-доброе” могло иметь значение только для эпохи, в которой этическое и эстетическое сознание было, по сути дела, синкретичным, единым» [9, 100]. Из этого утверждения можно сделать вывод, что для последующих эпох проблема калокагатии является чужеродной и не актуальной. И все же высказывается мнение, что идеал калокагатии повлиял на идеал гармонически развитой личности, существовавший в культуре Нового времени [5]. Идеал всесторонне и гармонично развитой личности провозглашался и в Новейшее время. Крылатой стала фраза доктора Астрова из пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня»: «В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли».

Итак, проблема противоречивого взаимодействия (от конфликта до гармонии) этического и эстетического, морально-нравственного и художественного, Добра и Красоты является основополагающей для исследования морального языка искусства. Универсальная включенность морали во все виды деятельности и отношений обуславливает ее присутствие и в художественно-эстетической деятельности, и в ее результатах — в произведениях искусства.

А можно ли разделить искусство на морализаторское и не морализаторское? Есть ли такие морально-нейтральные, имморальные произведения искусства,

которые не содержат в себе никакого морального назидания, морального урока, морального призыва? В целом морального языка?

Моральные языки искусства — это языки морализирования? Языки поучения, наставления, назидания? Как много протестующих против этого, стремящихся отстоять художественно-эстетическую автономность и моральную неприкосновенность произведений искусства, их дистанцированность от морали: «По природе своей Искусство и Мораль образуют два автономных мира, не имеющих по отношению друг к другу непосредственной и внутренней субординации» [10, 27]. Но не все отрицания взаимосвязи искусства и морали констатирующие, есть и устрашающие. Автор статьи «Морализм искусства» начинает исследовать эту проблему с так называемой «детской этимологии», детского понимания того, что такое мораль. Детский ответ гласит: «*Это от чего мрут: ну, палка, дубинка...*» Основываясь на этой детской ассоциации, автор статьи утверждает: «детская этимология “морали” (...“морить — мораль”), в сущности, передает тот семантический оттенок, которым пропитано это слово в нашем языке. Если мораль и не уморит до конца, то, во всяком случае, она ощутимо стесняет в движениях. От морали мы не ждем для себя ничего хорошего; мы уверены, что тот, кто для нас ее составлял или нам ее читает, также ничего хорошего от нас не ждет. А это все-таки обидно. “Палка, дубинка” морали обрушится на нас, если мы ее не исполним. Мораль оповещает о неизбежном наказании и уже им является» [11, 69]. Сколько морального скептицизма и морального нигилизма в этих рассуждениях! И тем не менее даже такой категоричный критик морализма искусства, его поучительного языка не может обойтись без понятий «художник как моралист», «художественная мораль» [11, 73].

Насколько эвристично понятие «художественная мораль», используемое в статье Ольги Седаковой? Какую новую грань взаимосвязи искусства и морали оно акцентирует? Наш ответ: понятие «художественная мораль» эвристично. Оно открывает специфическое присутствие морально-ценного в художественном произведении, без прямого, откровенного, принудительного морализирования, которое О. Седакова и называет «морализмом искусства». *Художественная мораль* — это морально-ценное в произведении искусства без явной артикуляции его как морально-должного, императивного. Императив, понятие, введенное в этику Иммануилом Кантом, означает повеление к поступку. Императивность — атрибут регулятивных социальных систем, в том числе, и морали, но не искусства.

Почительность (морализирование) и императивность (долженствующая повелительность) морали более всего, как мы убедились на примере критики морализма искусства, настораживают и даже отвращают от нее. Особенно в сфере художественно-эстетической деятельности и отношений, претендующих на ничем не ограниченную свободу творчества, самовыражения художника, претендующих на имморальность искусства, на независимость от каких-либо моральных канонов и моральных оценок. Насколько правомерны и реальны такие претензии? Есть ли та грань моральной автономии искусства, за которой все же наступает моральная ответственность?

Вот какие ответы мы находим в разделе «Искусство и мораль: границы терпимости» монографии Г. А. Завалько «Философские проблемы эстетики»: «Этическое внутри художественного — не бессонный Аргус. Скорее его можно сравнить со спящей собакой из английской пословицы — той, которую нельзя будить. Оно дремлет, пока изображение безнравственного не перейдет в оправдание безнравственности и, проснувшись на этой неуловимой черте, уничтожит эстетическое значение произведения искусства» [12, 310]. Значит, проблема не в изображении произведением искусства аморальности и безнравственности: «Художественный образ сам по себе не может быть ни добрым, ни худым... Нет морального суждения, объектом которого мог бы стать образ... это равнозначно вопросу о моральности треугольника или аморальности квадрата» [13, 401]. И далее Б. Кроче делает вывод: «Искусство не есть моральный акт» [Там же, 406].

Следует ли из этого, что моральный язык не может быть языком искусства, языком художественной коммуникации? Есть своя специфика языка моральной коммуникации в экономике, политике, праве, науке, религии, искусстве. Эта специфика обусловлена особенностями взаимодействия морали со всеми этими явлениями. В основе взаимодействия морали и экономики — проблема соотношения общественного и личного блага. Взаимодействия морали и политики — противоречие насилия и ненасиления, противоречие целей и средств. Взаимодействия морали и права — противоречие свободы воли и принуждения. Взаимодействия морали и науки — противоречие моральной правды и научной истины. Взаимодействия морали и религии — противоречие автономии и гетерономии воли. Взаимодействия морали и искусства — противоречие морального содержания и художественной формы.

О противоречии содержания и формы, как специфике взаимоотношения морали и искусства, высказывается такое суждение: «Порок всяческих нравоучительных и дидактических произведений... не в том, что они „излишне“ содержательны, а в их бессодержательности: они обучают тому, что и без них известно... Для них характерен механический „прокат“ художественных средств для выражения нехудожественного содержания» [14, 78]. Как часто звучит приговор моральному содержанию, а значит, и моральному языку искусства. Получается, что мораль стремится к коммуникации с искусством, а искусство не приемлет это взаимодействие, пренебрегает им, заботясь о художественно-эстетической «чистоте» и неприкосновенности. Но ведь искусство не может существовать абсолютно ради искусства. Ценность искусства, художественных ценностей не герметична, не самодостаточна. Художник заинтересован, чтобы его картины выставляли, литератор — чтобы его произведения публиковали и читали, композитор — чтобы его музыкальные сочинения слушали. Для художника важно не только *что* и *как* он создает в своем произведении, но и *ради чего*, *ради кого*. Для этого не обязательно, чтобы художественное произведение было откровенно морализаторским, нравоучительным, дидактическим. Даже если оно и таково, это не делает его автоматически антихудожественным и антиэстетичным. Сомнительно, по меньшей мере, что морализировать в искусстве, или проявлять «эстетский аморализм», равнозначно тому, чтобы *«эстетически обокрасть»*

человека» [12, 70], отучить его видеть красоту мира и подчинить моральному или религиозному диктату.

Возможно, одной из причин дистанцирования эстетического и художественного от этического и морального является практика *этического критицизма* в искусстве, обусловленная не только интенсивной сменой художественных стилей в искусстве XX в., но и молчанием философов относительно взаимосвязи этики и искусства [15, 350].

Перманентная дискуссионность проблем взаимоотношения этического и эстетического, морали и искусства, добра и красоты, нарастающий плюрализм морально-нравственных и художественно-эстетических ценностей актуализируют исследовательский диалог и полилог в этическом [16] и моральном дискурсах: «Дискурс как логическая форма коммуникативного сознания изменяется в условиях информационного глобализма» [17, 13], в которых «возникает тотальное разочарование в высоких идеалах. Но именно тогда возникает и необходимость в новом типе морального дискурса [Там же, 10]. Моральный дискурс, понимаемый как «способ обозначения и осмысления современных моральных проблем как личных проблем, личного смысла, личной экзистенции» [Там же, 6], одновременно «определяет моральные координаты личности в смысловом пространстве социума» [Там же, 7].

Моральный дискурс включен в художественный дискурс произведения искусства посредством морального языка. Каковы репрезентации морального языка в жизни и искусстве? Мораль, как определенный способ использования языка для выражения моральных качеств личности, моральных требований и ценностей, моральных оценок, образует специфический лектон (высказываемое), проявляющийся на обыденном и теоретическом уровнях. Только в социальном контексте моральный лектон приобретает определенный смысл и логику.

Для характеристики морального языка искусства важны следующие свойства языка морали: «язык морали, как никакой другой, *несет психологическую нагрузку*. Он оперирует предложениями, которые содержат имена эмоциональных и волевых психических состояний (*стыд, досада, сочувствие, радость, покой, страх, жалость, восторг и др.*). Он оказывает огромное психологическое воздействие и служит для сообщения другим чьих-то субъективных переживаний. Это, в сущности, социолингвистическая и психолингвистическая форма, а не просто инструмент» [18]. Социолингвистические и психолингвистические формы морального языка, используемые в художественных произведениях: морализирующие публичные выступления (проповеди); экспрессия, гневные речи (инвективы); просьбы (мольба, молитва); похвала (панегирик, лесть, самовосхваление); ординарные (пошлые) суждения; пословицы (афоризмы); бранная речь; суждения о злом и отвратительном; ложные высказывания (обман, клевета) и т. д.

Особую ценность морального языка в жизни и искусстве представляет молчание — невербальная форма высказывания. Молчание как моральная и художественная невербальная коммуникация. Какие разные значения и смыслы приобретает молчание в ответ на просьбу, одобрение, осуждение, приказ, оскорбление, насилие... Молчание может быть убийственным: «Убитых словом добивают

молчанием» (Шекспир); презрительным: «Молчание — самое совершенное выражение презрения» (Бернард Шоу), философским: «Молчание глубоко, как Вечность» (Томас Карлейль). Молчание — язык совести. Молитва — внутренняя речь в уединении души при внешнем молчании, внутренний монолог — «солилоква».

Моральный язык — способ существования морали, способ ее присутствия в жизни человека, общества, каждого социального явления, в том числе и искусства. Моральный язык имманентен художественным произведениям, прежде всего словесных видов искусства, и выступает как способ выражения мыслей не только авторов художественных произведений, но и их героев и антигероев. Имманентность морального языка произведениям искусства обусловлена также совпадением поучительности моральных суждений и художественных текстов. Своя мораль, свой урок присущи любому художественному произведению. Они могут быть сознательно запланированы и реализованы автором художественного произведения. Например, басни И. А. Крылова, завершавшиеся прямым моральным выводом-поучением: «Мораль сей басни — такова...» А могут возникать спонтанно как незапланированный эффект восприятия художественного произведения.

Но моральный язык присущ не только словесным видам искусства, таким, как художественная литература, театр, кино. Изобразительное искусство также имеет свой моральный язык. Такое искусство называют порой тенденциозной живописью. Английский художник Джордж Фредерик Уотс в конце XIX — начале XX в. полагал, что миссия искусства — внушать людям великие идеи и побуждать к большим делам... Он ставил перед собой цель делать картины, не столько радующие глаз, сколько пробуждающие доброе и благородное, находящие отклик в сердцах людей. Его называют «живописцем вечных истин и ценностей». Многие его картины воспринимаются как проповедь и назидание: «Надежда», «Совесть», «Дух христианства», «Наказание Паоло и Франчески», «Время, Смерть и Приговор».

XX–XXI века. Осенью 2015 г. в Москве в Музее современного искусства «Гараж» проходила выставка «Луиз Буржуа. Структуры бытия: клетки» — экспозиция одной из крупнейших американских художниц XX в. В экспозиции было представлено более 80 произведений, главные из которых — 25 инсталляций-«клеток», посвященных страданиям из-за пережитых в детстве травм. Лучше всего понять Луиз Буржуа позволяет одна из «клеток» с высокими каменными неприступными стенами, внутри которых лицом в угол стоит маленький стульчик. Предназначен он для наказанного ребенка, а вокруг — стрелы, которыми кто-то метил в сидящего. В этом образе вся Луиз — вечно маленькая, испуганная и страдающая девочка, которая пытается преодолеть свою боль. Луиз Буржуа прожила 98 лет (1911–2010), прожив век двадцатый и десятилетие века двадцать первого. В своих скульптурах, рисунках и гравюрах Луиз Буржуа воплотила наиболее характерную особенность «нового» человека: его колебания между целеустремленностью и неуверенностью в себе, открытостью миру и желанием найти убежище, надеждами и страхами. Можно сказать, что Буржуа удалось представить саму двойственность нашего существования, ставшую, несмотря на непрерывные поиски всемирных законов и «правильных» идеологий, «дурным» знаком ушедшего столетия.

Выполненные в дереве и мраморе, бронзе и гипсе, латексе и ткани, абстрактные и фигуративные, реалистические и одновременно фантазмагорические, ее скульптуры предельно автобиографичны и в то же время являются метафорой человеческого существования. Экзистенциальности творчества Луиз Буржуа имманентны морально-этические проблемы. В каждом ее произведении читается своя моральная история, свой моральный рассказ. Ее произведения насыщены моральной рефлексией о страдании и сострадании, о безысходности и надежде, о ценности и смысле жизни.

Специфические моральные языки присущи прозе, поэзии, драматургии. Особый моральный язык у визуального художественного текста (изобразительного искусства). Признание имманентности морали искусству позволяет предположить наличие специфического морального языка музыки, архитектуры, дизайна, наивного искусства.

1. Язык морали / Л. В. Максимов // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 2. М., 2001. С. 508–509.
2. Язык моральный // Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова, И. С. Кона. 6-е изд. М., 1989. С. 443–444.
3. Сокурено Е. В. Анализ языка морали в аналитической философии: рождение метаэтики // Вісн. ХНУ ім. В. Н. Каразіна. 2011. № 984. Серія «Філософія. Філософські перипетії». С. 101–105.
4. Шефнер В. С. Слова // Нежданный день. Л., 1958.
5. Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 01.06.2018).
6. Бруно Дж. Изгнание торжествующего зверя. М., 2014. С. 320.
7. Толстых В. И. Пошлость как нашествие // Свободная мысль. 2009. № 4. С. 103–113.
8. Толстых В. И. Искусство нравственное и безнравственное. М., 1971.
9. Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. М., 1965. С. 100.
10. Марштен Ж. Ответственность художника // Судьба искусства и культуры в западноевропейской мысли XX века. М., 1980. Вып. 2. С. 27.
11. Седакова О. Морализм искусства, или О зле посредственности // Искусство кино. 1998. № 4. С. 69–75.
12. Завалько Г. А. Философские проблемы эстетики. М., 2011.
13. Кроче Б. Антология сочинений по философии. СПб., 1999.
14. Молчанова А. С. На вкус, на цвет... М., 1966.
15. Carroll N. Art and Ethical Criticism: An Overview of Recent Directions of Research // Ethics. 2000. Vol. 110, № 2. P. 350–387 [Electronic resource]. URL: <http://www.timothyquigley.net/ipa/carroll-aec.pdf> (accessed: 01.06.2018).
16. Маклаков В. Т. Современный этический дискурс: определяющая дилемма и линии развития // Этика в современной философско-культурологической перспективе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием (Екатеринбург, 25 апр. 2015 г.). Екатеринбург, 2015. С. 42–47.
17. Колмаков В. Ю. Формы теоретического осмысления современного морального дискурса // Современный моральный дискурс : коллектив. моногр. / отв. ред. В. И. Иванов (Серия : Библиотека актуальной философии). Вып. 14. Красноярск, 2015.
18. Язык морали [Электронный ресурс]. URL: https://vuzlit.ru/570625/yazyk_morali (дата обращения: 01.06.2018).

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье речь идет о методологических аспектах изучения чтения российской молодежи: обоснована необходимость формирования исследовательских подходов, связанных с трансформациями в книжном процессе, появлением новых дифференцирующих оснований взаимодействия с названной категорией читателей, необходимостью выявления стимулирующего или, напротив, угнетающего воздействия различных коммуникационных каналов. Представлены адекватные для нынешнего этапа развития цифровых технологий теоретические подходы исследования «Чтение российской молодежи в век цифровых технологий: стимулы и практики». Охарактеризованы базовые понятия исследования, показаны различия и эмпирические индикаторы практик чтения, практик читательской деятельности; рассмотрена значимая для современной молодежи система стимулов чтения на институциональном и неинституциональном уровнях. Сделаны выводы о необходимости разработки методов и приемов выявления практик чтения на основе произошедших в книжном процессе трансформаций, особенностей коммуникативного поведения и познавательной деятельности поколения *zет*, выявления действенных для него стимулов чтения и переосмысления деятельности институтов инфраструктуры чтения на основе субъект-субъектного взаимодействия с молодежью в реальном и сетевом пространствах.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поддержка и развитие чтения, наука о чтении, цифровое поколение, методология исследования, практики и стимулы чтения.

Чтение в условиях радикальных трансформаций книжного процесса: проблема осмысления

Цифровая эпоха, переживаемая современным человечеством, породила кардинальные изменения практически во всех сферах общественной жизни, радикально перестроила всю систему коммуникативного поведения людей, что не замедлило сказаться на тематике, жанрах и формах презентации литературной продукции, практиках чтения и особенностях взаимодействия читателей с различными социально-коммуникационными институтами, входящими в инфраструктуру чтения — систему институциональных структур, предназначенных для создания, хранения, распространения, популяризации печатной продукции и письменных документов, организации чтения, стимулирования и повышения качества читательской деятельности (издательства, книготорговые заведения, библиотеки, образовательные и научные учреждения, архивы, литературные музеи, театры, кинотеатры, религиозные учреждения, бумажные и электронные СМИ, заведения пенитенциарной системы, общественные объединения литераторов, издателей и распространителей печатной продукции, а также Интернет с его широким спектром ресурсов, связанных с книгой и чтением)

М. Ю. Гудова эти изменения обоснованно связывает с глобальными трансформациями, которые происходят в сферах издания, хранения и способах

распространения текстов [4]. Эти трансформации делают невозможным воспроизведение ранее накопленных подходов в культурной политике, составной частью которой является системная работа в поддержку чтения и его развития; требуются новые стратегические и тактические решения на основе изучения читательской деятельности, кардинально изменившейся в век высоких информационных технологий, прогрессивно возрастающей скорости коммуникаций и радикально изменившейся структуры досуговой деятельности [12].

Без непредвзятого изучения процессов, протекающих в сфере чтения, невозможно выявление наиболее адекватных практик стимулирования читательской активности детей и юношества. Однако решение поставленных исследовательских задач затруднено нынешним состоянием интегративной науки о чтении и читателях, которую мы называем читателеведением; в настоящее время она пытается себя переосмыслить, уяснить свое место в ряду других дисциплин, уточнить предметную область, понятийный аппарат, пересмотреть теоретические подходы, методологию и методику исследований, о чем мы писали ранее [1]. Это актуально как для российских, так и для западных исследователей. Д. К. Равинский обращает внимание на то, что и на Западе пытаются выработать новые методологические подходы к изучению читателей, грамотности чтения и функциональной грамотности в реалиях новых информационных технологий и развития мультимедийных носителей текста, так как сложившаяся методика изучения чтения слишком жестка и безапелляционна, базируется на устаревших методологических подходах и не учитывает такое сложное и многомерное явление, как новые виды грамотности [9]. Н. Н. Сметанникова также отмечает, что к настоящему времени в зарубежной науке не сложилось теории чтения, которая могла бы стать безупречной основой для исследовательской деятельности в условиях экспансии информационных технологий [11]. Более того, наука о чтении находится на ничейном положении; на сегодняшний день ни одна дисциплина не принимает на себя меру полной ответственности за ее состояние.

В результате в современной России, несмотря на обилие высказываний о состоянии чтения (причем преимущественно алармистского характера), нет объективной картины читательской деятельности ни одной категории населения. Это особенно нетерпимо, когда речь идет о молодых людях, чтение которых, ввиду его колоссальной значимости для социализации, является объектом пристального внимания во всем цивилизованном мире. Представляется совершенно очевидным, что трансформации в коммуникационном поведении, наиболее характерные для молодежной среды, требуют от институтов инфраструктуры чтения существенного пересмотра усилий, направленных на стимулирование читательской деятельности учащейся молодежи — старшекласников и студентов, дифференцированного подхода к каждому молодежному сообществу.

Актуальнейшей проблемой является выявление дифференцирующих оснований, определяющих взаимодействие институтов инфраструктуры чтения с молодежью; в данном контексте значимы не только индивидуально-личностные, но и социальные, культурные различия представителей названной категории читателей (происхождение, материальное положение, традиции семейного воспитания,

ценностные ориентации и культурные нормы социального окружения, качество и место образования, место работы, характер профессиональной деятельности). В ряде случаев имеет значение включенность молодого человека в различные субкультуры, интерпретативные и сетевые сообщества. Существует масса субкультур, ценностные ориентации которых связаны с миром книги и чтения: киберпанк, ванильки, нью-эйдж (new age), фуммри, ролевика, анимешники (от-аку), толкинисты, поттероманы, лукьянисты, акунисты, девочки-«винишко» и др. Например, киберпанки увлекаются произведениями жанра антиутопии (У. Гибсон, Ф. Дик, С. Лем, С. Лукьяненко, Д. Симмонс, Б. Стерлинг, Т. Уильямс и др.); ванильки и близкие к ним по духу девочки-«винишко» — псевдофилософской литературой и литературой романтической тематики; представители нью-эйдж тяготеют к чтению литературы, культивирующей духовное самосовершенствование; ролевика в основном выбирают произведения в жанре фэнтези, которые дают им возможность создавать игровые сценарии (Дж. Р. Р. Толкина («Хоббит», «Властелин колец»), Дж. Роулинг (серия «Гарри Поттер»), Дж. Р. Мартина (цикл романов «Игра престолов»), С. Лукьяненко (серия «Дозоры»), Д. Глуховского (серия «Метро 2033»)) и т. д. Вместе с тем данные онлайн-опроса студенческой молодежи, проведенного Д. Хафизовым в 2017 г. в вузах Челябинска, показали, что количество респондентов, относящих себя к субкультурам, невелико — 10 % опрошенных [16]. К тому же, как отмечает И. Д. Тузовский, невероятное ускорение и «плотность» коммуникационных процессов в последние годы существенно сократили жизненные циклы субкультур до трех-четырех лет, что исключает возможность долгосрочного социокультурного проектирования [15].

Поэтому, возможно, более значимым дифференцирующим основанием взаимодействия институтов инфраструктуры чтения с молодежью является принадлежность молодых людей к интерпретативным сообществам; этим термином Н. Л. Соколова обозначает совокупность зрителей/читателей/слушателей/игроков, включенных в интерпретацию текстов, коммуникацию и создание собственного контента [13]. Закономерен вопрос о том, насколько включено «цифровое поколение» в интерпретативные сообщества, каковы их разновидности, а также насколько молодые люди готовы и хотят участвовать в различных трансмедийных проектах, какие варианты подобных проектов для них наиболее предпочтительны. В этом плане наибольший интерес, разумеется, представляют интерпретативные сообщества, возникающие на литературно-текстуально-дискурсивной основе: они обладают собственными интерпретативными стратегиями, на основе которых участвуют в любительской критике, комментировании, создании собственных трансмедийных проектов и объединяются как жанровые, исторические, виртуальные сообщества. В основном это фандомы, группирующиеся вокруг популярных в молодежной среде литературных явлений — аниме, манга, комиксы, фэнтези и др., а также конкретных сериалов, книг и авторов; участники фандомов создают свой контент — фанфикшн — на основе персонально значимых литературно-художественных произведений.

Необходимо также выявить стимулирующее или, напротив, угнетающее воздействие различных коммуникационных каналов, технологий и социально-

психологических механизмов общения, своеобразие стимулов и практик чтения в условиях развития цифровых технологий и широкого распространения электронных текстов. Количество интернет-ресурсов, оказывающих стимулирующее влияние на чтение, растет в геометрической прогрессии: это электронные библиотеки, полнотекстовые базы данных, сайты, блоги, рассылки, рекомендательные сервисы, площадки профессиональной и непрофессиональной рекомендации литературной продукции, а также различные формы самоорганизации и коммуникации читателей — сетевые клубы, читательские сообщества и проч.

Изложенное видение проблемной ситуации побудило группу научно-педагогического коллектива Челябинского государственного института культуры приступить к исследованию «Чтение российской молодежи в век цифровых технологий: стимулы и практики», цель которого — выявление стимулов и практик, определяющих читательскую деятельность различных групп учащейся молодежи (старшеклассников и студентов). Полагаем, что их изучение придаст импульс для пересмотра и уточнения широкого спектра действий, направленных на активизацию чтения «цифрового поколения».

Понятийный аппарат исследования «Чтение российской молодежи в век цифровых технологий: стимулы и практики»

В целях уточнения понятийного аппарата исследования и определения его проблемного пространства поясним свои теоретические позиции.

Для словесного обозначения человека, взаимодействующего с письменными текстами, которые мы понимаем как связную и полную последовательность знаков, письменное послание, выполненное с помощью иероглифического, пиктографического и алфавитного письма, используется термин *читатель*¹ — условная композитная фигура, основной адресат деятельности по книгоизданию, книгораспространению и библиотечному обслуживанию. Это человек, который приобретает книги в личное пользование, подписывается на периодические издания, посещает библиотеку и ее мероприятия, входит в сетевые читательские сообщества, осуществляет восприятие текста (бумажного или экранного), использует те или иные практики чтения, осваивает его различные стратегии, формирует определенные читательские компетенции и проч., то есть реализует читательскую деятельность как осознанную активность, направленную на удовлетворение собственных потребностей посредством различных письменных текстов при культурном посредничестве производящих и распространяющих их социально-коммуникационных институтов. Отдельные аспекты этой деятельности взаимосвязаны, взаимообусловлены, переплетены и не могут быть интерпретированы в отрыве друг от друга; термин *читатель* в данном случае подразумевает обобщенный образ и трактуется в широком смысле этого слова.

¹ Это важно подчеркнуть, потому что в последние годы для обозначения человека, обращающегося к услугам книготорговых заведений, библиотеки, стали применяться термины *пользователь* и *клиент*, что вызывает категорическое неприятие, о чем писалось ранее. Термин *чтец* тоже не представляется удачным, так как им традиционно обозначается человек, читающий не для себя [1].

Говоря о чтении, мы имеем в виду трактовку, содержащуюся в «Новейшем философском словаре»: это «специфическая форма языкового общения людей посредством печатных или рукописных текстов (добавим: и электронных текстов. — А. В.), одна из форм опосредованной коммуникации» [17, 1252]. В этом случае любую дешифровку письменного текста можно рассматривать как *чтение*, то есть раскодирование содержащихся в нем смыслов, включение их в уже известные значения, что сопровождается обогащением содержания текста предыдущим жизненным и читательским опытом, созданием различных образов в воображении и порождением новых смыслов. В последние года понятие *текст* обогатилось представлениями о текстах *новой природы*², которые представляют собой «мысль, зафиксированную на каком-либо носителе, для отображения которой используется связанная последовательность разнородных символов (знаков вербальной и невербальной природы)» [14, 21]; имеются в виду разнообразные мультимодальные тексты, передающие смыслы вербальными и невербальными способами. Тексты новой природы в современной книжной культуре представлены в основном комиксами, произведениями инфографики, графическими романами, визуальными новеллами, рисованными заметками и проч.

Более детально проанализируем понятия *практики чтения, практики читательской деятельности, стимулы чтения*, поскольку они составляют предметное пространство нашего исследования.

Словосочетание *практики чтения* стало достаточно привычным, оно широко применяется в библиотечном профессиональном сообществе в несколько упрощенном варианте, подразумевая чтение с листа, с экрана и на слух. Более детально это понятие рассмотрено и представлено в содержательной работе М. Ю. Гудовой; опираясь на работы Р. Шартье и Г. Кавалло, она выделяет разновидности чтения, образующие его культурные практики: чтение-разглядывание, чтение-листание, чтение-комментирование, чтение-прослушивание, чтение-понимание³, чтение-ощупывание, которые пережили череду трансформаций в историко-культурном процессе и переживают своеобразный «праздник воскресения» в нынешней коммуникационной реальности [4].

Философское понимание практики как специфической целесообразной деятельности, обладающей признаками систематичности и повторяемости, предполагает включение в нее **предмета**, на который она направлена, **средств** и **способов**, с помощью которых достигаются определенные результаты [7]. Соответственно в практике чтения как частном случае культурной практики необходимо выявить предметы, средства и способы реализации деятельности по извлечению значений и смыслов из текстов; это важно для понимания соответствующих причинно-следственных связей, эмпирического изучения практик чтения, понимания границ возможной их коррекции и совершенствования.

---

² Соглашаясь с необходимостью расширительной трактовки понятия *текст*, усомнимся в правомерности их трактовки как *новых*. В историческом процессе происходит непрерывная смена носителей текста; каждый последующий по отношению к предыдущему воспринимался как *новый*.

³ Чтение-понимание в этом ряду представляется не вполне уместным, так как понимание — это скорее не разновидность чтения, а характеристика его качества; понимание может быть достигнуто и в процессе чтения-прослушивания, разглядывания и проч.

В качестве **предмета** в данном случае выступают *носители текста*, которые, как известно, в ходе исторического процесса пережили череду трансформаций; это были *глиняные таблички, призмы, стелы, камни, кора дерева, деревянные дощечки, бамбук, папирус, ткань, кожа, бумага, экран электронного гаджета* и проч. Материал, форма каждого носителя предопределяли особенности организации текста и конкретных способов извлечения смыслов и значений из текста: разглядывания стел, табличек, разматывания папирусных свитков, перелистывания кодексов, разнообразных способов использования электронных текстов (прокручивания, фрагментирования, достраивания, комментирования и др.). Чтение с экрана в XXI столетии предопределило такие его способы, как визуальное, аудиальное и сенсорное чтение [4]. Смешение в текстах различных языков — вербального, иконического и других — требует и особой практики восприятия. На сегодняшний день самый нетрадиционный носитель текста, предполагающий способы чтения, которым еще нет названия, — книга-костюм (*sensory fiction*)⁴.

Практики чтения, их развитие зависят также от двух взаимосвязанных показателей — стоимости и размера носителя текста⁵. Удешевление и широкое распространение книги связано с зародившимся в Древнем Китае и распространенном в Европе ориентировочно в XII в. применением бумаги для изготовления книги; изобретением печатного станка И. Гутенбергом; появлением изданий малого формата, первые из которых были названы *альдинами* по имени их талантливого изобретателя эпохи Возрождения — Альда Мануция; резким снижением стоимости книг в период производственно-технической революции второй половины XIX столетия; появлением стационарных и портативных электронных гаджетов в наши дни — персональных компьютеров, ридеров, планшетов, смартфонов. Это были важнейшие факторы развития практик чтения и использования произведений письменности практически повсеместно и в самых различных целях, сохраняющие свое значение и в наши дни. Именно дешевизна и удобство использования электронных текстов определили их конкурентные преимущества по сравнению с бумажными текстами.

Для облегчения чтения, придания ему комфортности, освоения его новых технологий изобретались соответствующие **средства**: мебель, приспособления для чтения, одежда, а с развитием информационных технологий — разнообразные электронные гаджеты: персональные компьютеры, ридеры, смартфоны и проч.

Наиболее известные исторические примеры мебели для чтения — римские кровати с высоким изголовьем для чтения лежа⁶, складные пюпитры, позволявшие

---

⁴ Это изобретение ученых Массачусетского технологического института. Читая книгу в прилагающемся к ней сенсорному костюму, читатель посредством сенсорных стимулов переживает те же эмоции, ощущения, настроения, которые переживает персонаж произведения. Пока существует только одна такая книга — произведение Э. Шелдон под названием «Девочка, которую подключили» [2].

⁵ Если встарь стоимость книги была пропорциональна ее размеру (в Древней Руси стоимость наиболее объемных книг религиозного содержания была эквивалентна стоимости нескольких десятков бычков), то в наши дни, напротив, выше ценятся миниатюрные носители, вмещающие большой объем информации.

⁶ Эта идея получила развитие: кровати стали излюбленным местом для чтения в последующие столетия, а в наши дни набирают популярность различные виды подушек, обеспечивающих физиологический комфорт чтения.

изменять положение книги, знаменитое «книжное колесо» А. Рамелли и английские изобретения XVIII в.: лампа Аргана для чтения в постели, стул, на котором читатель сидел «верхом» и как бы задом наперед, который использовался для чтения в библиотеках того времени, и проч. В XVIII в. у европейских дам появилась мода на *лизезку* — одежду для чтения, представляющую нечто среднее между ночной сорочкой и халатом. Современные разновидности мебели для чтения преследуют двоякую цель: обеспечить приватность пространства и возможность выйти за его пределы при условии достижения максимальной комфортности. Они представляют собой интеллектуализированное, индивидуализированное, изолированное, комфортное оборудование, оснащенное средствами для чтения, разглядывания и прослушивания мультимодальных текстов. Как отмечают С. Коженикин и К. Б. Лаврова, ведущий тренд современной библиотечной мебели для чтения — включение в нее интегрированных устройств, позволяющих работать с самыми различными документами и мультимедийными материалами на интегративной основе [5]. Современные электронные устройства для чтения создают новые условия для развития практик нелинейного чтения, самостоятельного конструирования текстов и включения в процесс их создания.

Исторические развившиеся основные **способы** чтения — *вслух, шепотом, про себя, совместно* (последнее — так называемое *жужжащее чтение*, которое практиковалось в монастырях, и по сей день используется в начальных классах для выработки правильного произношения слов и преодоления трудностей чтения). В античном мире чтение сопровождалось энергичными телодвижениями, подчеркивающими выразительность текста. Телодвижения в форме раскачивания практиковались в Средневековье, служа более глубокому проникновению в смысл текста, его лучшему усвоению; считалось, что истинам, заключенным в тексте, требуются не только глаза, но и все тело. Эти способы прочтения распространялись не только на христианскую, но и на мусульманскую культуру, что было особенно важно при чтении Корана; требовалось не только громкое, медленное выразительное чтение с соответствующими телодвижениями, но и с плачем в определенных местах [6]. Особенности обучения чтению напрямую определялись представлениями о его способах.

Разнообразные способы чтения отразились на словесном обозначении сложившихся в историко-культурном процессе практик взаимодействия с текстом; они определялись словами *считать, видеть, слышать, говорить, раздавать, петь, добавлять, узнавать, разматывать, пробежать* (книгу); *встречаться, проходить, посещать, исправлять, толковать, разглядывать, рассуждать, комментировать, штудировать, просматривать, декламировать, проглатывать, разбирать, пролистывать, сканировать, скачивать* и проч.

Практики чтения можно рассматривать и в контексте владения читателем различными стратегиями чтения, которые определяют его качество; чтение бывает объяснительное, понимающее, смысловое, творческое, воспитательное, образовательное, рациональное, динамическое, акмеологическое и проч. Кроме того, выделяются ознакомительное, корректорское, редакторское, сплошное чтение, выборочное, сканирующее и т. д. [3, 8].

Практики чтения напрямую зависят от места их реализации. А. Мангуэль подметил, что на процесс чтения влияет не только материал, на котором написан текст, но и место чтения [6]: это могут быть дом, рыночная площадь, термы, театр, книжная лавка, скрипторий, библиотека, тюремная камера, туалет, транспорт, постель, кухня, будуары, литературные салоны, сад, лес, сквер, парк, учебная аудитория, кладбище, монастырь, церковь, столовая, пляж, общежитие, улица, литературные скверы, книжные дворы и клубы, летние читальные залы, безграничное сетевое пространство и проч. Специально издавались книги для чтения на улице, во время путешествия, в процессе купания (непромокаемые книжки для детей издаются и в наши дни). Каждое место определяло степень интимности или публичности чтения, его углубленный или поверхностный характер.

Изучение практик чтения современной молодежи связано с необходимостью понять, какие практики чтения являются наиболее распространенными у поколения *зет*⁷, каковы изъяны этих практик в связи с особенностями мышления и когнитивного стиля этого поколения, каким стратегиям чтения необходимо обучать молодых людей для развития смыслового, творческого чтения. Актуальна и проблема оценки молодыми людьми литературного потока, который обрушивается на молодого человека интернет-пространство. В этом случае показателен опыт Финляндии, где детей на школьной скамье учат распознавать типовидовые особенности текстов, размещенных в интернет-пространстве, экспертировать их качество.

Близкое, но не тождественное понятию *практики чтения* — понятие *практики читательской деятельности*. Последняя обозначается нами как способы и средства реализации широкого спектра проявлений читательской активности: приобретение книг в личное пользование, книгособирательство; посещение библиотек и их мероприятий, книготорговых заведений, книжных ярмарок, выставок, салонов; участие в книгообмене, различных событиях по поддержке и развитию чтения, а также разнообразные проявления сетевой читательской активности: посещение интернет-ресурсов, связанных с книгой, чтением, ведение читательских блогов, сайтов или их фрагментов, размещение комментариев и отзывов о прочитанных книгах, сотрудничество в сетевых читательских сообществах и проч. Выявление наиболее привлекательных для цифрового поколения практик читательской деятельности позволит использовать наиболее действенные средства стимулирования его активности в сфере чтения.

Стимулы чтения в системе регуляции читательской деятельности

Охарактеризуем понятие *стимулы чтения*. Стимулы, как известно, это внешние раздражители, побуждающие человека к определенным действиям. *Стимулы чтения* соответственно понимаются как побуждение к нему под влиянием

---

⁷ Автор опирается на теорию поколений, разработанную американскими учеными Н. Хоувом и В. Штраусом и адаптированную для России Е. Шамис [18].

определенных факторов; их выявление и грамотное применение — неотъемлемый элемент системы работы по поддержке и развитию чтения.

В ходе исторического процесса стимулы чтения, как и его практики, трансформировались под влиянием религиозной, хозяйственной, политической жизни и иных факторов; в разных странах и в разное время они проявляли себя на уровнях институциональной и неинституциональной регуляции читательской деятельности, своеобразно преломляясь в отдельных институтах, социальных общностях, демографических группах и внутреннем мире конкретной личности. Институциональная регуляция читательской деятельности осуществляется прежде всего на государственном уровне; властные структуры вырабатывают директивные и нормативные документы, формулирующие приоритеты развития книжного дела и отражающие представления о социально полезном и вредном чтении, что создает определенные условия для развития читательской деятельности, стимулирует ее развитие в определенном направлении.

Следующий уровень институциональной регуляции осуществляется институтами инфраструктуры чтения, которые опираются на государственные директивные и нормативные документы, общественные запросы и интересы саморазвития, профессиональные приоритеты того или иного института, уровень квалификации и состояния профессионального сознания занятого в нем персонала. Названные институты используют разнообразные социокультурные практики, направленные на стимулирование читательской деятельности: это книжные выставки, презентации книги, встречи с писателями, обсуждения книг, читательские конференции, экранизации, театральные постановки, викторины, игры, конкурсы, литературные квесты, видеоклипы, рекомендательные сервисы, информационные, реферативные и библиографические материалы, дайджесты, буктрейлеры, анонсы, книжная реклама, аннотация и проч.

Полиграфические эффекты книги, ее оформление (обложка, иллюстрации, шрифт), версия публикации — электронная или бумажная, ее размещение также оказывают стимулирующее воздействие на потенциальных читателей книги. В качестве стимулов, побуждающих к приобретению и последующему чтению книжно-журнальной продукции, могут быть использованы маркетинговые приемы и различные предпродажные шоу, связанные с именем автора книги, ее названием, включенностью в серию, ценообразованием и проч. К числу институтов, осуществляющих институциональную регуляцию, безусловно следует отнести и интернет-ресурсы, созданные институтами инфраструктуры чтения: библиотечными, издательскими, книготорговыми сайтами и блогами, рекомендательными, навигационными и экспертными сервисами. В наше время у старшеклассников и студентов в числе основных стимулов чтения могут быть прежде всего требования учебного процесса, будущей профессии, задачи социализации и инкультурации; на эти требования откликаются образовательные учреждения и соответствующие библиотеки.

Стимулы, порождаемые неинституциональной формой регуляции читательской деятельности, также претерпевают трансформации под влиянием трендов изменяющейся социальной жизни; они либо нейтральны по отношению к ним

и отражают потребности общества в самопознании и саморазвитии (создание книг, написанных «по собственному почину» на Руси в XVII столетии; влияние наиболее ярких выразителей общественного мнения — Н. М. Карамзина, В. Г. Белинского; нынешнее распространение самостоятельно сочиненных текстов в сетевом пространстве и др.), либо противоречат официальным институтам, выступая в качестве противодействия давящей системе (чтение «отреченных» книг в средневековой Руси, чтение «харатейных листов» в годы Петровских реформ, сочинений декабристов в России первой половины XIX в., удовлетворение читательских запросов посредством стихийных «черных» книжных рынков и бурной книгообменной деятельности, чтение антисоветских «тамиздатовских» и «самиздатовских» книг в СССР и проч.). В данном случае стимулом чтения является противостояние государственной системе, выражение общественной позиции. Значение неинституционального регулятивного уровня определяется возможностями общественной самодеятельности, степенью допустимости гражданских свобод.

В неинституциональной сфере стимулы чтения порождает также социальное окружение: традиции семейного воспитания, нормы и ценности непосредственного окружения, референтных групп, субкультур, интерпретативных сообществ. Стимулирующее воздействие на чтение могут оказать также рекомендации медийных лиц, «значимых других», мода; в данном случае стимулирующее воздействие могут оказать такие механизмы общения, как заражение, подражание, внушение, идентификация, конформность. К стимулам, исходящим от неинституциональной сферы, отнесем также различные формы читательской самодеятельности в интернет-пространстве: различные формы непрофессиональной рекомендации книги, фан-клубы, различные читательские сообщества и др.

Стимулирующее воздействие пространства чтения

Отдельного рассмотрения заслуживают неявные стимулы, связанные с организацией пространства чтения и институтов его инфраструктуры. Это включение знаков книжной культуры в городское пространство, расширение пространства чтения в среде обитания и организация привлекательного пространства для чтения в специально предназначенных для него институтах.

Неочевидным, но значимым стимулом, воздействующим на подсознание, может быть наличие знаков книжной культуры в городском ландшафте: памятники читателям, книге, литературным героям, писателям, поэтам, деятелям книги, предметам литературных произведений. К сожалению, памятники читателям в нашей стране — редкость, но на улицах российских городов щедро представлены в различных визуальных версиях Остап Бендер, Киса Воробьянинов, Дама с собачкой, Муму и Герасим, Колобок, Царевна-лягушка, диван Обломова, гоголевский нос, сердце Снежной королевы и многие другие персонажи и предметы художественных произведений (культурологический анализ этого явления выполнил С. С. Сокоиков [12]). Присутствие визуальных репрезентаций книжной культуры одухотворяет городскую среду, на бессознательном уровне формирует

культурные нормы социальной жизни, побуждает относиться ко всему, что связано с книгой, чтением, литературой, как к обязательной составляющей полноценного существования.

Для каждого поколения значимы свои пространства, оказывающие стимулирующее воздействие на чтение и собственные представления о привлекательности институтов его инфраструктуры. Важно понять, какими должны быть их акустические, визуальные образы, функциональные возможности. Если для поколения *икс* были привлекательны тихие читальные залы с обилием традиционных бумажных книг, то у *игреков* и *зетов* ожидания совсем другие: востребованы полноценное техническое оснащение, элементы модерности, разнообразные вау-эффекты, многофункциональность, дающая возможность реализации разнообразных практик чтения, общения и проведения досуга. Современные молодые люди хотят, чтобы процесс приобретения знаний, чтения сочетался с получением удовольствия. Отсюда создание в библиотеках стран, озабоченных судьбами чтения, зон для общения, отдыха на природе, реализации непривычных моделей поведения.

В мире наблюдается тенденция расширения пространства чтения, практикуются нестандартные символические дизайнерские решения архитектуры библиотечных зданий («мозг» в Берлине, «голова» в Ницце, «раковина» в Алма-Ате, «черный бриллиант» в Копенгагене, «парящий лист бумаги» в г. Сендзон и т. д.). Открываются отели-библиотеки (о. Самуи, Нью-Йорк, Вологда), книжные магазины-гондолы (Венеция). Книжные полки становятся традиционным украшением кафе, ресторанов и иных общественных мест. Книга стала модной формой различных аксессуаров: сумок, шкатулок, предметов домашнего убранства. Трудно сказать, что это: объяснение в многолетней любви к книге, долгое прощание с ней или подсознательное желание сохранить ее как стержень современной цивилизации хотя бы в символических формах. Очевидно одно: в странах, которые заботливо, изобретательно, с любовью создают и обустроивают библиотеки, занимаются организацией привлекательного пространства чтения, традиционно высоки показатели чтения. Это подтверждается результатами исследования PISA: государства Северной Европы и Юго-Восточной Азии (Сингапур, Южная Корея, Китай) в последние годы стабильно показывают высокие результаты, что позволяет сделать вывод о стимулирующем воздействии созданного в этих странах пространства чтения и его элементов.

Помимо всех перечисленных и безусловно значимых стимулов чтения, связанных преимущественно с внешним воздействием, важнейшим из них все же является мотивация, сформированная на основе имеющихся у личности потребностей: познавательных, коммуникативных, эстетических, престижных и т. д. Поскольку чтение является полимотивированной деятельностью, необходимо выявлять доминирующие мотивы чтения и сопутствующие им дополнительные мотивы. Самый надежный и долговременный фактор формирования читателя — формирование потребностей, предопределяющих развитие мотивации к чтению.

Таким образом, в системе работы по поддержке и развитию чтения молодежи нельзя не учитывать, что за последние 15–20 лет практики ее чтения и читательской деятельности претерпели радикальные изменения, что побуждает

в исследовательской практике выявить их зависимость от носителей текста, изменившихся способов и средств чтения, организации его пространства. Важно также исследовать наиболее действенные стимулы чтения в единстве влияний институциональной и неинституциональной регулятивных сфер. Полагаем, что на основе полученного эмпирического материала появится возможность определения дифференцирующих оснований взаимодействия институтов инфраструктуры чтения с молодежью и адаптировать действия по активизации названной категории читателей к изменившейся реальности.

1. Аскарлова В. Я. Читатель как объект междисциплинарного исследования // От Года литературы — к веку чтения : коллектив. моногр. М., 2016. С. 11–66.
2. Бизнес-идея № 4674. Костюм для чтения книг [Электронный ресурс]. URL: <https://www.1000ideas.ru/article/biznes/tehnicheskie-novinki/biznes-ideya-4674-kostyum-dlya-chteniya-knig/> (дата обращения: 12.06.2018).
3. Бородина В. А. Теория и технология читательского развития в отечественном библиотековедении: Научные и методологические основы : в 2 ч. Ч. 1. М., 2006.
4. Гудова М. Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ : дис. ... докт. культурологии. Екатеринбург, 2015.
5. Коженкин И. А. Интеллектуализированное устройство для чтения // Кризис чтения: энергия преодоления. М., 2013. С. 86–99.
6. Мангуэль А. История чтения. Екатеринбург, 2008.
7. Практика // Краткий словарь философских терминов [Электронный ресурс]. URL: nenuda.ru/краткий-словарь-философских-терминов.html (дата обращения: 12.03.2018).
8. Пранцова Г. В., Романичева Е. С. Современные стратегии чтения. Смысловое чтение и работа с текстом : учеб. пособие. 2 изд., испр. и доп. М., 2015.
9. Равинский Д. К. Чтение. Грамотность. Библиотеки. Что сейчас обсуждают на Западе? // Кризис чтения: энергия преодоления. С. 53–65.
10. Сметанникова Н. Н. Ведущие зарубежные теории чтения XX века // Чтение, XXI век. М., 2015. С. 9–55.
11. Соковиков С. С. Мистерия книги: социокультурные контексты визуальных репрезентаций книги в культурном пространстве // От Года литературы — к веку чтения. С. 173–226.
12. Соколова Н. Л. Трансмедиа и «интерпретативные» сообщества // Международ. журн. исследований культуры. 2011. № 3(4). С. 16–21.
13. Тексты новой природы в образовательном пространстве общеобразовательной школы : сб. материалов междунар. конф. «Педагогика текста». СПб., 2016.
14. Тузовский И. Д. Спецификации культуры цифровой эпохи // Молодежь в науке и культуре XXI века. Челябинск, 2017. С. 55–60.
15. Хафизов Д. М. Социокультурные практики повышения читательской активности молодежи: стимулирующие возможности моды : дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Челябинск, 2017.
16. Чтение // Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. 3-е изд., испр. Минск, 2003.
17. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. М., 2017.

Рукопись поступила в редакцию 31 июля 2018 г.

ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ И ЛОГИКА

УДК 1 (091) + 101.1 + 81.1

А. Ю. Моисеева

РЕЛЯЦИОННЫЙ ПОДХОД К ЗНАЧЕНИЮ И СОДЕРЖАНИЮ В СИТУАЦИОННОЙ СЕМАНТИКЕ

В статье дается очерк одной из теорий значения, а именно ситуационной семантики в ее оригинальной версии, разработанной Дж. Барвайзом и Дж. Перри. Выделяются основные принципы, на которых построена эта теория, рассматриваются ее приложения к анализу значения высказываний с контекстно-зависимым и контекстно-независимым значением, а также к анализу содержания интенциональных состояний и значения отчетов о них на примере отчетов о верах. Делается вывод о том, что реализуемый в этой теории реляционный подход к значению и содержанию дает больше возможностей для выражения различных видов значения по сравнению с классическим подходом и позволяет выходить на проблемы смежных дисциплин.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ситуация, значение, содержание, ограничение, семантика отчетов о верах, загадка Фреге.

Ситуационной семантикой называется теория, первая версия которой была предложена в виде короткого очерка математиком Дж. Барвайзом и доведена им до законченного вида совместно с философом Дж. Перри. Она изложена сначала в статье Барвайза и Перри «Ситуации и отношения» (Situations and Attitudes) [2], а потом в их книге с таким же названием [1]. Последняя и послужила основным источником для настоящей статьи.

Ситуационная семантика имеет три главные отличительные черты. Во-первых, это теория значения выражений естественного языка, то есть языка как средства обыденного общения. Языки специализированной коммуникации (скажем, язык математики), искусственные и формальные языки рассматриваются ею лишь эпизодически, в связи с некоторыми особыми задачами. Во-вторых, ситуационная семантика базируется на сугубо экстенциональном представлении значения, хотя и имеет аппарат для формализации того, что «имеет в виду» говорящий. (Более подробно об этом речь пойдет ниже.) В-третьих, данная теория использует реляционный подход к значению, то есть значение понимается в ней как отношение.

В том, чтобы раскрыть особенности применения реляционного подхода в ситуационной семантике, и состоит цель данной статьи. Последовательность изложения будет следующей: сначала введем основные понятия и обозначения, затем сформулируем концепцию значения как ограничения, которая является, на наш взгляд, ключевой для понимания данного варианта реляционного подхода, и в последних частях статьи рассмотрим применение этой концепции к значению отчетов о верах и содержанию самих вер в ситуационной семантике, а также специально к одному особенно трудному для анализа типу примеров, известному как загадка Фреге (вариант с собственными именами).

Ситуации, типы, схемы

Для понимания ситуационной семантики важно отметить, что Дж. Барвайз и Дж. Перри часто подчеркивают экологический аспект значения, рассматривая его как информацию, которая извлекается когнитивными агентами из окружающей среды, сохраняется в их психике, преобразуется при необходимости и в конечном счете используется ими для адаптации опять-таки к среде¹. Поэтому информация рассматривается в ситуационной семантике как истинная или ложная, доступная или недоступная, полезная или бесполезная не сама по себе, а относительно определенного контекста, определенных *ситуаций*. Понятие ситуации в ситуационной семантике является исходным, то есть не определяется. На интуитивном уровне его можно пояснить так: ситуация — это некоторая ограниченная совокупность обстоятельств, которая может быть принята во внимание абстрактным когнитивным агентом как законченное целое. Мы все время находимся в тех или иных ситуациях, оцениваем их верно или неверно, заставляем складываться одни ситуации и предотвращаем другие. Можно сказать, что ситуации являются единственным предметом наших ментальных установок. В этом смысле аналогом ситуаций в ситуационной семантике являются пропозиции или, точнее, совокупности пропозиций в классической пропозициональной семантике. Другим аналогом понятия ситуации является понятие мира, используемое в семантике возможных миров, с той лишь разницей, что мир — это неограниченная совокупность обстоятельств. Мир можно получить, если предположить, что границы ситуации потенциально бесконечно раздвигаются.

Ситуации обозначаются в ситуационной семантике маленькими латинскими буквами. Предусмотрены два способа формального описания ситуаций: как конечное множество кортежей вида

$$s := \left\{ \underbrace{\langle \langle r_1^n, a_1, \dots, a_n \rangle, 1 \rangle, \dots}_{k \text{ штук}}, \underbrace{\langle \langle r_1^m, a_1, \dots, a_m \rangle, 0 \rangle, \dots}_{j \text{ штук}} \right\},$$

¹ См. [1, 10–11, 15–16, 31, 42 etc.]. О том же Дж. Перри неоднократно говорит в других работах.

где k и j — целые числа, и в более интуитивной форме:

$$\begin{array}{l}
 s := r_1^n, a_1, \dots, a_n; \text{ да} \\
 \cdot \\
 \cdot \\
 \cdot \\
 r_1^m, a_1, \dots, a_m; \text{ нет} \\
 \cdot \\
 \cdot \\
 \cdot
 \end{array}$$

При этом первая форма записи предполагает, что k или j могут быть равны 0, но не оба вместе; вторая форма записи предполагает аналогично, что «да»-строки могут отсутствовать, «нет»-строки могут отсутствовать, но не те и другие вместе. Иначе говоря, описание ситуации не должно быть пустым.

Ситуации бывают реальными и абстрактными. Реальные ситуации — это фрагменты действительного мира, которые могут быть распознаны агентом как обладающие определенными внешними и внутренними характеристиками. Реальные ситуации метафизически и эпистемологически первичны по отношению к объектам, свойствам и отношениям, поскольку они являются ресурсом, из которого когнитивные агенты извлекают свои представления об этих, последних. В свою очередь, объекты, свойства и отношения первичны по отношению к абстрактным ситуациям, поскольку абстрактные ситуации — это лишь интеллектуальные конструкты, позволяющие распознавать и классифицировать реальные ситуации [1, 9, 58]. Важным отличием абстрактной ситуации от реальной является то, что абстрактная ситуация всегда частична. Неверно, что всякое утверждение относительно некоторой абстрактной ситуации является истинным или ложным; для некоторых из них значение истинности не определено. Это отражает факт, что одна и та же реальная ситуация может быть распознана различными агентами как различные абстрактные ситуации. Например, человек, не знающий значения слова «парта», не может распознать как имеющую место ни ситуацию, в которой некоторый данный стол является партой, ни ситуацию, в которой этот стол не является партой, ни даже ситуацию, в которой этот стол является или не является партой.

Почти настолько же общим, как понятие ситуации, является понятие *хода событий* (course of events). Так в ситуационной семантике обозначается один из видов ситуаций, а именно ситуация, локализованная в пространстве-времени². Способ описания хода событий — это описание ситуации, к которому добавлен параметр l , означающий пространственно-временное положение (в некой условной системе координат, которая считается данной):

$$\begin{array}{l}
 e := \text{в } l: r_1^n, a_1, \dots, a_n; \text{ да} \\
 \cdot \\
 \cdot
 \end{array}$$

² Более точно, «ход событий — это функция от локаций к типам ситуаций... Он [также] является частичным; ход событий может рассказать нам о том, что происходит в одной локации или в сотне, или даже в них всех, если предположить, что существует совокупность [всех] локаций» [1, 9].

$r_1^m, a_1, \dots, a_m$; нет

.

.

В ситуационной семантике используются термины для обозначения различных пространственно-временных отношений и даже предусмотрен ряд операторов для описания некоторых специальных пространственно-временных отношений, таких как отношения перекрывания, предшествования и следования. Ниже мы будем использовать один из них. В общем, тут нет ничего сложного.

Кроме собственно ситуаций ситуационная семантика оперирует их *типами*. Говоря привычным языком, тип — это дескрипция, применяемая к ситуации для того, чтобы классифицировать ее. Типы ситуаций в ситуационной семантике обозначаются большими латинскими буквами. Понятию типа ситуации симметрично понятие типа хода событий, которое является одним из основных аналитических инструментов ситуационной семантики. Формально тип хода событий E описывается путем подстановки в описание хода событий e переменных, которые в ситуационной семантике называются *базовыми неизвестными* (basic indeterminates), вместо каких-то локаций l_i , и/или каких-то индивидов a_i , и/или каких-то отношений между индивидами r_i^3 . Обратим внимание на то, что количество неизвестных может быть и нулевым, то есть можно задать такой тип, описание которого будет полностью совпадать с описанием некоторого хода событий, только имя будет другим. Базовые неизвестные обозначаются латинскими буквами с точкой сверху: $\dot{a}$ — неизвестный объект, $\dot{r}$ — неизвестное отношение, $\dot{l}$ — неизвестная локация. Иногда, чтобы выразить зависимость типа хода событий E от некоторой неизвестной $\dot{x}$, пишут $E(\dot{x})$.

Квантификация по неизвестным осуществляется в ситуационной семантике с помощью так называемого *якоря* (anchor). Якорем для данного типа хода событий $E (= E(\dot{a}, \dots, \dot{r}, \dots, \dot{l} \dots))$ называется частичная функция f , областью определения которой является набор неизвестных, встречающихся в описании E , а областью значения — объекты, отношения или локации тех типов, которые соответствуют типу неизвестных. Имея такую функцию, мы можем сконструировать новый тип хода событий путем замены каждой неизвестной $\dot{x}$ в описании типа E значением функции $f(\dot{x})$. Полученный тип обозначается $E(f)$, а сама операция неформально называется *заякориванием* (anchoring) неизвестных.

Последним понятием, которое нам потребуется, будет понятие *схемы*. Схемой в ситуационной семантике называется множество вида

$$S = \{E_1, E_2, \dots, E_n\},$$

где каждый элемент E_i есть тип хода событий. Из данной дефиниции ясно, что схемы могут задаваться с использованием неизвестных, контекстных ролей, к ним могут применяться якоря и любые другие функции или операции, определенные

³ Барвайз и Перри почти нигде в книге не касаются операций с неизвестными отношениями, но вводят их в ситуационной семантике так сказать «на вырост», как и некоторые другие формализмы, повышающие выразительную мощность их семантики.

для типов. В целом в любой формализм на место типа хода событий может быть поставлена схема, и наоборот.

Значение как ограничение

Дж. Барвайз и Дж. Перри в своей книге несколько раз повторяют, что метатеорией для ситуационной семантики является реалистическая теория значения. С точки зрения этой теории значение укоренено в мире в систематических отношениях особого рода между различными типами ситуаций. Такие отношения или *ограничения* (constraints) — это то, что позволяет ситуациям одного типа нести информацию о ситуациях другого типа. В частности, лингвистическое значение — это ограничение, накладываемое на тип ресурсной ситуации (то есть абстрактной ситуации, фиксирующей, «о чем говорится») типом ситуации дискурса (то есть абстрактной ситуации, фиксирующей, «что и при каких обстоятельствах говорится») [1, 38]⁴. Если в ситуации дискурса произносится определенное выражение, то агент, знакомый с таким ограничением, может сделать вывод о том, что в ресурсной ситуации существует объект или объекты, удовлетворяющие определенному условию. Отсюда следует, что понятие ограничения является центральным в ситуационной семантике.

С точки зрения ситуационной семантики ограничения сами представляют собой ситуации, но ситуации специфической структуры: такие, которые фиксируют наличие определенного отношения, а именно отношения «предполагает» (involves), между другими ситуациями, а именно ситуациями нескольких — в парадигмальном случае двух — разных типов⁵. Формальное описание ограничения может выглядеть, например, так:

$$C := \text{в } l_u: E \text{ предполагает } E',$$

где l_u — глобальная локация (то есть весь пространственно-временной универсум), а E и E' — типы ходов событий, такие что

$$E := \text{в } \dot{t}: \text{ горит, } \dot{a}; \text{ да,}$$

$$E' := \text{в } \dot{t}: \text{ светится, } \dot{a}; \text{ да.}$$

Таким образом, ограничение C фиксирует ситуацию, имеющую место в нашем пространственно-временном универсуме и состоящую в том, что существование где-то в какой-то момент чего-то горящего предполагает, что эта вещь в том же месте в тот же момент светится⁶.

⁴ Точнее, в общем виде ограничения определяются не только типами ресурсных ситуаций, но и так называемыми связями говорящего (speaker's connections), однако существует множество высказываний, значение которых нечувствительно к изменению такой связи. Подробнее об этом см. ниже.

⁵ Строго говоря, можно рассматривать как ограничения, накладываемые на типы ситуаций, так и ограничения, накладываемые на единичные ситуации (токены), однако последние практически бесполезны для семантики, поскольку сам разговор о значениях возможен лишь тогда, когда имеет место регулярная связь между знаком и означаемым.

⁶ Само отношение «предполагает» не является на первый взгляд семантическим. Однако зачастую удобнее говорить об ограничениях как о пропозициях, фиксирующих наличие специфически семантического

Ограничения бывают локальными (действующими лишь в некоторой пространственно-временной области) и глобальными, условными (выраженными кондиционалом) и безусловными, конвенциональными и номическими и т. д. Ошибки в определении вида и области действия ограничения могут приводить к плачевным результатам, поэтому все мы в процессе эволюции приобрели чувствительность к подобным различиям, даже если никогда в себе эту чувствительность не осознавали. Особенно большую значимость для нас как социальных существ имеет один специфический вид ограничений — *индексированные ограничения*. Это такие ограничения, которые в описании типов ситуаций содержат контекстные роли. Вообще говоря, роль в ситуационной семантике определяется следующим образом:

1. Каждая базовая неизвестная есть неизвестная.

2. Если $\dot{x}$ — неизвестная, E — тип хода событий, то $\langle \dot{x}, E \rangle$ есть неизвестная, которая называется ролью и обозначается $\dot{x}_E$.

Соответственно под контекстной ролью следует понимать такую роль, которая образует часть контекста какого-либо высказывания $\dot{a}$. Например, контекстная роль агента описывается так:

$$\dot{i} = \langle \dot{a}, D \rangle,$$

где

$$D := \text{в } \dot{i}: \text{ говорит, } \dot{a}; \text{ да}$$

произносит, $\dot{a}$, $\dot{a}$.

Для обозначения контекстной роли агента используется буква i с точкой сверху и в жирном начертании от английского «I» (я). Как нетрудно догадаться, роль адресата обозначается $\dot{i}$ от «you» (ты), а роль локации высказывания — $\dot{h}$ от «here» (здесь), хотя, строго говоря, она означает не просто «здесь», но «здесь и сейчас». Аналогично можно определить любые другие роли, которые могут быть полезны для анализа высказываний.

Пример ограничения с использованием контекстной роли агента — это ограничение, которое фиксирует ситуацию, имеющую место в некоторой данной локации l (для определенности скажем: на планете Земля) и состоящую в том, что если где-то в какой-то момент на меня едет грузовик, то я в этом месте в этот момент времени нахожусь в опасности. Формально это ограничение описывается следующим образом:

$$C := \text{в } l: E \text{ предполагает } E',$$

где

$$E := \text{в } \dot{i}: \text{ едет на, } \dot{a}, \dot{i}; \text{ да}$$

$$\text{грузовик, } \dot{a}; \text{ да,}$$

$$E' := \text{в } \dot{i}: \text{ в опасности, } \dot{i}; \text{ да.}$$

отношения «означает» между несколькими — в парадигмальном случае опять-таки двумя — разными типами объектов. Как показывают примеры Дж. Барвайза и Дж. Перри, такой способ выражения остается понятным даже при очень широком использовании.

Разумеется, подобное ограничение можно сформулировать и без использования контекстной роли. Так, не только обо мне, но и обо всяком человеке верно, что если на него едет грузовик, то он находится в опасности. Однако для меня это более широкое ограничение имеет существенно иной практический смысл, чем ограничение *C*. В частности, ограничение *C* диктует совершенно определенный образ действий при попадании в ситуацию с грузовиком: нужно как можно скорее отскочить в сторону с его пути. Что касается более широкого ограничения, оно не дает такой определенности, поскольку нужно еще разобраться, *на кого* едет грузовик. Если он едет не на меня, а на кого-то другого, то для меня отскакивать в сторону бессмысленно. Вместо этого можно, например, закричать тому человеку что-нибудь вроде «Эй, поберегись!».

Таким образом, индексированные ограничения позволяют более тонко дифференцировать те аспекты ситуации, которые являются практически значимыми для агента, и более точно предсказывать его поведение, чем неиндексированные ограничения. В этом состоит особая важность контекста при анализе ментального содержания, постоянно подчеркиваемая в книге Дж. Барвайза и Дж. Перри, а также в других работах Перри по семантике⁷. На наш взгляд, именно использование в ситуационной семантике концепции значения как ограничения позволяет адекватно учитывать не только контекст, но и понятийное содержание сознания, что делает ее пригодной для представления содержания таких состояний, как состояния веры, желания, надежды, опасения и тому подобные, которые в философии сознания принято называть интенциональными. Рассмотрим в общих чертах, как это делается.

Принципы семантики отчетов об интенциональных состояниях

Как подчеркивают Дж. Барвайз и Дж. Перри, для всех языковых выражений следует различать объектное или «внешнее» значение и ментальное или «внутреннее», под которым понимается, в частности, значение, которое эти выражения имеют, будучи встроенными в отчеты об интенциональных состояниях некоторого субъекта. Центральным принципом той семантической теории, которую они строят в своей книге, авторы делают *принцип приоритета внешнего значения*, согласно которому внешнее значение выражения, правильно понятое, адекватно объясняет его внутреннее значение [1, 42].

Если исходить из этого принципа, то наиболее трудной проблемой для семантики отчетов об интенциональных состояниях следует признать проблему подстановки тождественных — или, как ее часто называют, загадку Фреге — в ее оригинальной формулировке, использующей собственные имена. Именно этой проблеме посвящена наиболее объемная и технически сложная глава в книге

---

⁷ В частности, в его эссе «Проблема существенного индексикала» (The Problem of the Essential Indexical) и «Вера и принятие» (Belief and Acceptance) обосновывается несводимость контекстно-зависимых аспектов содержания вер агента к контекстно-независимому (пропозициональному) содержанию этих вер [4, 33–49, 53–64].

Дж. Барвайза и Дж. Перри. С их точки зрения, дело не в том, что (как считал Фреге) внутри таких отчетов референциальные термины отсылают не к объектам, как обычно, а к смыслам, и не в том, что (как считал Рассел) имена представляют собой скрытые дескрипции. Дело в том, что, когда мы используем отчеты, *чтобы объяснить или предсказать поведение агента*, в частности, его взаимодействие с лингвистической информацией о ком-то, кого мы называем именем *α*, мы описываем только такие веры агента об этой личности, в которых она схватывается понятием, полученным в связи с употреблением *α*, и которые агент будет применять к лингвистической информации, выраженной с помощью *α*. Мы игнорируем те веры агента об этом человеке, которые не используют *α* и не будут применяться к такой информации. Этим и объясняется тот факт, что интуитивно мы склонны приписывать отчетам о верах такие истинностные значения, при которых есть видимость того, что подстановка кореферентных имен с сохранением истинности невозможна. Ниже весь ход их объяснения будет воспроизведен, насколько возможно, подробно.

Начнем со следующего предварительного замечания: при рассмотрении подстановок в рамках ситуационной семантики нужно всегда помнить, что истинность должна сохраняться при переходе не между предложениями, а между высказываниями, сделанными в определенных ситуациях дискурса относительно определенных ресурсных ситуаций и при определенных связях говорящего (*speaker's connections*). На последних мы остановимся немного подробнее. Сам термин «*connection*» в ситуационной семантике вводится вне всякого касательства к отчетам об интенциональных состояниях, тем не менее кажется, что он означает приблизительно то же, что и понятие интенции в философском смысле — как направленности сознания на определенный объект или положение дел. Дж. Барвайз и Дж. Перри утверждают, что их концепция связи говорящего довольно точно отражена в обычном английском употреблении слова «*refers*» (указывает) [1, 38]. Представляется, что смысл в следующем: каждое употребление некоторого референциального термина *связано* с тем объектом, который подразумевается говорящим.

Самые иллюстративные случаи зависимости интерпретации от связи — это указательное употребление местоимений и референциальное употребление времени глагола, случаи, стандартное объяснение которых через дескрипции весьма неестественно. Скажем, если я, разговаривая с приятелем на вечеринке, произнесу фразу «Она была спортсменкой», чтобы правильно меня понять, ему не нужно будет формулировать дескрипцию типа «присутствующая среди гостей женщина», достаточно будет предположить, что местоимение «она» указывает на какую-то *конкретную* женщину, пусть даже он не знает какую. Это и значит, что интерпретация зависит от связи говорящего. В обычной ситуации общения такую связь, как правило, можно восстановить, проследив за взглядом говорящего или припомнив, о ком шла речь в предшествующем разговоре, однако здесь нет никаких универсальных критериев. Строго говоря, связь независима от контекста: я могу подразумевать кого угодно из женщин на вечеринке и даже из тех, которых там нет. Точно так же, употребляя прошедшую форму глагола «*быть*»,

я могу подразумевать любой конкретный промежуток времени, предшествующий моменту произнесения фразы⁸.

Распишем, как правильно формализуется значение указанной фразы в ситуационной семантике. Тип ситуации дискурса здесь может быть описан следующим образом:

$D :=$ в l_d ; говорит, a_d ; да

произносит, a_d , ОНА БЫЛА СПОРТСМЕНКОЙ, да.

Здесь l_d — конкретная локация дискурса, то есть определенная вечеринка, a_d — конкретный агент дискурса, то есть Анна Моисеева. Обратим внимание, что мы формулируем значение не для конкретной ситуации, а для типа, хотя и заданного без использования неизвестных и контекстных ролей.

Связь говорящего в общем случае описывается некоторой частичной функцией от референциально употребленных терминов к их референтам. В нашем примере связь должна быть такова, чтобы референтом местоимения «она» был объект, некоторый b , являющийся женщиной, а референтом глагола «была» — локация, некоторая l , предшествующая по времени l_d . При такой связи, если я говорю искренне и хорошо информирована, из моего высказывания можно узнать, что имеет место ресурсная ситуация e типа

$E :=$ в l : спортсменка, b ; да.

Этот тип и есть интерпретация данного высказывания. Если рассмотреть ограничение C , состоящее в том, что тип D предполагает тип E , то ясно, что знание C достаточно для того, чтобы получить интерпретацию моего высказывания. Таким образом, можно сказать, что ограничение C есть одна из возможных формулировок значения для данного случая. Другая используемая в ситуационной семантике формулировка, более явно представляющая зависимость между конкретной ситуацией дискурса, связью и интерпретацией высказывания, выглядит так:

d, c [[ОНА БЫЛА СПОРТСМЕНКОЙ]] e ,

если и только если

в d : в l_d ; женщина, b ; да,

в e : в l : спортсменка, b ; да,

$l \rightarrow l_d$

где $b = c$ (ОНА),

$l = c$ (БЫЛА).

Здесь знак $\rightarrow$ означает предшествование во времени. Как можно видеть, в такой формулировке значение опять предстает в виде отношения, но отношения уже не между типами ситуаций, а между конкретными ситуациями при заданной связи.

⁸ В других работах Дж. Перри есть намеки на то, что связь может быть определена и для термина отношения, однако явных примеров подобного ее использования мы до сих пор не обнаружили.

Функция связи в ситуационной семантике является простой формализацией перехода от слов к объектам, осуществляемого при посредстве некоторых ментальных состояний говорящего. Однако ни учесть ментальные состояния какого-либо другого агента, ни проанализировать содержание этих ментальных состояний с помощью связи невозможно, поэтому для семантики отчетов об интенциональных состояниях создается более сложная формализация, включающая анализ понятий и содержательных связей между ними. Подготовка к такому анализу занимает в книге Дж. Барвайза и Дж. Перри значительную часть, в которой они, во-первых, описывают в терминах ситуаций и событий сущность *восприятия* на примере видения; во-вторых, объясняют в тех же терминах, что представляет собой *распознавание* воспринятого объекта как такого, с которым агент уже сталкивался ранее. Далее на этой основе они строят свое объяснение эффектов подстановки в контекстах отчетов об интенциональных состояниях, взяв в качестве парадигмального примера состояние веры. Следуя за ними, мы тоже в дальнейшем будем говорить лишь о состояниях веры, не касаясь желаний и прочих интенциональных состояний, поскольку представляется, что принципы, управляющие семантикой отчетов о них, те же, что и для семантики отчетов о верах. Для краткости мы пропустим описание видения и сразу перейдем к теории распознавания, а все представляющие трудность моменты будем разъяснять по ходу.

Распознавание с точки зрения ситуационной семантики является комплексным событием и затрагивает разнородные сущности (ментальные и «внешние») в разных локациях. Распознавание проходит три стадии:

— прямое или косвенное взаимодействие с объектом в прошлом, в результате чего формируется понятие этого объекта (*concept of the object*);

— сенсорное восприятие (видение) объекта в момент, непосредственно предшествующий распознаванию, в результате чего формируется перцептивный (визуальный) образ этого объекта;

— применение старого понятия к новому образу, в результате чего происходит формирование веры, что это образ того же самого объекта.

По поводу каждой из стадий требуются некоторые пояснения. Для начала: что значит для агента приобрести понятие определенного объекта? Из классической семантики более или менее известен один способ, которым объект может быть связан с понятием, а именно такой, когда понятие является понятием «об» объекте. Обычно так говорят по отношению к смыслам дескрипций либо имен, трактуемых как сокращенные дескрипции, и тогда это означает, что понятие просто правильно отображает свойства объекта, иначе говоря, объект *удовлетворяет* понятию. Здесь, очевидно, речь идет о каком-то другом, более непосредственном отношении, напоминающем отношение связи, о котором шла речь выше, но, в отличие от него, не лингвистическом, а сугубо психологическом. Понятие определенного объекта (*concept of certain object*), в том смысле, в котором Дж. Барвайз и Дж. Перри употребляют словосочетание, есть некая психическая сущность, которая, во-первых, испытывает каузальное воздействие этого объекта (то есть она появилась и/или модифицировалась в результате взаимодействия агента и объекта) и, во-вторых, служит для распознавания этого объекта и определения

тех способов поведения, которых агент может придерживаться по отношению к нему в различных обстоятельствах. Понятие приобретает вместе с теми или иными верами, включающими его, и основное его содержание составляют именно ссылки на множество вер, рассматриваемых агентом как веры «об» одном и том же объекте вне зависимости от того, существует ли в действительности этот объект и истинно ли эти веры отображают его свойства.

Семантические отношения между понятиями и объектами формально выражаются следующим образом: говорят, что упорядоченная пара $\langle \dot{x}, S(\dot{x}, \dots) \rangle$ представляет собой понятие объекта b в ситуации e_0 , если и только если

в e_0 : в l_0 : B_r, a, S ; да
заякорен* на, $\dot{x}, b$; да⁹,

где B_r означает такое отношение между агентом a и схемой S , что a в e_0 имеет веры, описываемые типами в составе S . При этом в S могут входить неизвестные помимо $\dot{x}$, и не обязательно, чтобы все они были заякорены.

Далее, для каждого индивидуального объекта, понятие которого имеется у агента, определен некоторый набор *способов распознавания* (modes of recognition)¹⁰, различных по модальности (визуальное, аудиальное и т. д., а также номинальное — по вербальному обозначению — распознавание). На основе этих способов формируется специфический тип «распознавательных» ограничений, согласно которым всякая ситуация, когда некоторый объект удовлетворяет одному из способов распознавания, определенному для некоторого понятия, предполагает ситуацию, что воспринимается тот же самый объект, понятие которого определяет данный способ распознавания. Заметим, что, таким образом, не только значение языковых выражений, но и содержание понятий выражается в ситуационной семантике с помощью различных ограничений.

Поскольку мы решили не концентрироваться на описании восприятия, предположим, что у агента уже имеется понятие объекта, перцептивный образ и ограничение, согласно которому данное понятие должно быть применено к данному образу. Остается, собственно, применить его. Формально применение понятия $\langle \dot{x}, S' \rangle$ к образу $\langle i, S \rangle$ (образ описывается в ситуационной семантике полностью аналогично понятию) представляет собой такой ход событий e_1 , что

⁹ Словоупотреблением «заякорен* на» мы здесь переводим предлог «of» за неимением его хорошего русскоязычного аналога. Мы считаем этот перевод оправданным, поскольку сами авторы книги в некоторых местах используют концепцию якорения для того, чтобы пояснить, что значит словосочетание «of the object» применительно к ментальной сущности. См., например, следующий пассаж: «Если веры, мысли и восприятия есть [веры, мысли и восприятия] *чего-то* (of anything), то эти сущности будут заякорены на (anchored to) более обширный мир определенными способами» [1, 230]. Во избежание путаницы в тех случаях, когда о якорении говорится в таком не совсем стандартном для ситуационной семантики смысле, мы будем отмечать это слово звездочкой.

¹⁰ Если мы уловили мысль авторов, способ распознавания в ситуационной семантике — это нечто более примитивное, чем способ представления (mode of presentation) в неопрегеанской и неорасселланской семантике пропозициональных установок. (О понятии способа представления см., например, [7, 171–206].) Ту же теоретическую роль, что и способ представления там, в данном случае, по-видимому, играет отчасти само понятие, а отчасти так называемый способ веры (см. ниже.)

в e_i ; в l_i ; B , a , $E^{\bar{}}$; да,

где $E^{\bar{}}$:= в $\dot{h}$: тот же самый, $\dot{x}$, $\dot{i}$, да.

Как было сказано выше, понятие существует не иначе как в контексте некоторых вер, поэтому последний шаг также называется у Дж. Барвайза и Дж. Перри *применением вер* (applying beliefs). Они утверждают: «Веры объясняют поведение только тогда, когда они применяются» [1, 251]. Это означает, в частности, что при анализе такой формы поведения, как рассуждение (т. е. при проверке его на рациональность, последовательность, непротиворечивость и т. д.), в некоторой ситуации мы можем учитывать только те веры, которые применимы в этой ситуации вне зависимости от того, реальная это ситуация или только мыслимая. Сформулированный тезис кажется настолько банальным, что о нем излишне говорить, но именно он, будучи правильно понятым, способен, по-видимому, дать такую семантику отчетов о верах, которая будет достаточно мощной, чтобы позволять делать на основе отчетов выводы о поведении агента в различных лингвистических и экстралингвистических обстоятельствах, и при этом достаточно точно согласующейся с практикой обыденного употребления отчетов, чтобы не противоречить нашей семантической интуиции. Ниже мы рассмотрим, как он понимается в ситуационной семантике и, в частности, как он используется там для разрешения некоторых проблем, связанных с подстановкой тождественных в отчеты о верах.

Разрешение загадки Фреге с именами

Разговор о проблемах с подстановкой тождественных в отчеты о верах невозможен без разговора о так называемых *de re* и *de dicto* отчетах, поэтому для начала следует пояснить, что такое собственно *de re* и *de dicto*. Философским основанием для различения *de re* и *de dicto* отчетов¹¹ является постулат о том, что некоторые мысли относятся к конкретным, реально существующим в пространстве и времени объектам. Высказывания, выражающие такие мысли, еще в средневековой схоластике стали называться высказываниями *de re*, а высказывания, выражающие мысли, относящиеся к сформированным с помощью абстракции классам объектов, получили название высказываний *de dicto*. Содержательное различие между *de re* и *de dicto* отчетами проще всего объяснить следующим образом. *De re* отчет можно представить как утверждение наличия у определенного объекта или набора объектов реляционного свойства быть таким-то и таким-то в системе вер определенного агента. *De dicto* отчет, напротив, утверждает, что агент верит в существование некоторого (не определенного) объекта или набора объектов, удовлетворяющих таким-то условиям, и в то, что этот объект или набор объектов обладают такими-то свойствами. Наиболее явный способ маркирования *de re* отчета — это синтаксическая форма, где выражение, означающее объект, вынесено в главное предложение. Как *de re* отчеты принято рассматривать все высказывания, где объект обозначается именем или индексикалом. Что касается

¹¹ Иногда о *de re* и *de dicto* говорят как о двух способах *интерпретации* отчетов, однако данное уточнение для наших задач нерелевантно.

высказываний с дескрипциями, многие из них можно рассматривать и как *de re* отчеты, и как *de dicto* отчеты.

По тому, как определяется *de re* отчет, ясно, что из него всегда можно вывести существование объекта, о котором агент имеет, согласно отчету, некоторую веру. Также из этого определения явствует, что подстановка одного выражения, обозначающего объект, вместо другого выражения, обозначающего тот же объект, не должна влиять на истинность отчета, иначе говоря, на *de re* отчеты должен распространяться принцип подстановочности тождественных, действующий в обычной экстенциональной семантике без модальностей. Между тем при попытке подстановки в них часто возникает проблема, которую в литературе принято называть загадкой Фреге. Дж. Барвайз и Дж. Перри иллюстрируют загадку Фреге вполне классическим примером¹². Начальные условия примера таковы: некий парень по имени Джонни довольно много знает о Цицероне, но не знает того факта, что Цицерон носил имя «Туллий». На экзамене по истории Джонни должен, среди прочих заданий, ответить, истинно или ложно предложение «Туллий был римским оратором». Но он не может дать ответ самостоятельно и пытается спросить другого студента о том, кто такой Туллий. Однако, как следует из принципа подстановочности тождественных, значение истинности предложения

ДЖОННИ ЗНАЕТ, ЧТО ЦИЦЕРОН БЫЛ РИМСКИМ ОРАТОРОМ

не должно измениться, если имя «Цицерон» заменить в нем именем «Туллий». Таким образом, если мы признаем данное предложение истинным и проведем замену, то получим предложение

ДЖОННИ ЗНАЕТ, ЧТО ТУЛЛИЙ БЫЛ РИМСКИМ ОРАТОРОМ,

которое тоже должно быть истинным. Но если это второе предложение истинно, то поведение Джонни кажется необъяснимым и иррациональным.

Чтобы справиться с этой проблемой, Дж. Барвайз и Дж. Перри используют свой подход к анализу содержания интенциональных состояний, базирующийся на принципе приоритета внешнего значения. Этот подход они поясняют так: «Мы описываем веры агента путем сравнения внешнего значения [схем, представляющих] его веры, с внешним значением придаточных предложений наших отчетов [об этих верах]» [1, 258]. Суть подхода в том, чтобы иметь два независимых метода интерпретации вер, один из которых предназначен для того, чтобы фиксировать ситуации, которые «имеет в виду» агент, именно в тех аспектах, в которых он сам эти ситуации схватывает, а другой — для того, чтобы фиксировать эти ситуации так, как он мог бы их схватить, если бы обладал знанием всех релевантных для их описания фактов.

Говоря более формально, для того, чтобы задать первую интерпретацию, нужно задать *способ веры* (way of believing), то есть пару из схемы веры и якоря для этой схемы при данных агенте и локации. Например, если старая вера Джонни

¹² Этот пример был использован в литературе по вопросу множество раз, изменялось лишь имя агента (см., например, [3, 40–41]).

формализуется некоторой схемой S_p , то способом веры будет пара $\langle S_p, f_p \rangle$ такая, что якорь f_p будет связывать понятие Цицерона, входящее в S_p , собственно с Цицероном. Знать способ веры означает знать, как определяется то множество ситуаций, с которым данный якорь связывает данную схему веры. Вторая же интерпретация — это собственно значение придаточного предложения отчета, произнесенного в определенной ситуации и при определенной связи говорящего, то есть опять же множество ситуаций, предполагаемых (involved) этим произнесением. Например, чтобы описать старую веру Джонни в ситуации d при связи c , нужно задать параметры такой ситуации e , что d, c [[ЦИЦЕРОН БЫЛ РИМСКИМ ОРАТОРОМ]] e . Результатом сопоставления двух этих интерпретаций является условие истинности любого отчета о вере в ситуационной семантике, будь он отчетом *de re* или *de dicto*.

Если отвлечься от содержательных объяснений, вся семантика *de re* отчетов о верах сводится у Дж. Барвайза и Дж. Перри к следующему:

(1) Упорядоченная пара $\langle S, f \rangle$ называется способом веры d, c [[Φ]] для a, l при условии, что между интерпретацией S при данных a, l, f и интерпретацией d, c [[Φ]] имеется сильное следование, то есть при условии, что

если a, l, f [[S]] e , то d, c [[Φ]] e .

(2) d, c [[ВЕРИТ, ЧТО Φ]] b, l, e_0 ,

е. т. е. существуют S и f такие, что

(i) $\langle S(x), f \rangle$ есть способ веры d, c [[Φ]] для агента a и $l = c$ (ВЕРИТ)

(ii) в e_0 : в l_0 : B, a, S ; да

заякорен* на, x, b ; да.

Правило (1) связывает схему веры и якорь с предложением, выражающим веру, и контекстом его высказывания посредством ситуации, которая является интерпретацией и в первом, и во втором случае. Правило (2) утверждает, что *de re* отчет о вере является истинным тогда и только тогда, когда правило (1) выполняется для придаточного предложения отчета и некоторых схем и якоря, о которых известно, что схема представляет некоторую веру агента, а якорь, примененный к понятию, входящему в эту веру, дает правильный объект (тот, указание на который содержится в придаточном предложении отчета).

С точки зрения описанного подхода трудности Джонни объясняются очень просто. У него есть два понятия об одном и том же человеке: довольно содержательное понятие Цицерона и очень бедное понятие Туллия. Первое понятие может быть представлено как $\langle x, S_1 \rangle$, где S_1 такова, что

в S_1 : в l : римский оратор, x , да

именуется ЦИЦЕРОН, x ; да.

Второе понятие может быть представлено как $\langle x', S_2 \rangle$, где $S_2 = \{E, E'\}$ и

E := римский оратор, x' , да

именуется ТУЛЛИЙ, x' ; да,

E' := римский оратор, x' , нет

именуется ТУЛЛИЙ, $\dot{x}$; да¹³.

Все состояние Джонни описывается как некоторая ситуация e_0 такая, что

в e_0 : в l : V_r , Джонни, S_1 ; да
 V_r , Джонни, E ; нет
 V_r , Джонни, E' ; нет
 V_r , Джонни, S_2 ; да
 заякорен* на, $\dot{x}$, b ; да
 заякорен* на, $\dot{x}'$, b ; да.

Ясно, что состояние, заданное с помощью этого описания, не изменится, если мы «подставим» в описание Туллия вместо Цицерона, поскольку и Туллий, и Цицерон в нашем описании попросту эквивалентны объекту b . Но мы не можем «подставить» *свойство* именоваться Туллием вместо свойства именоваться Цицероном, поскольку вера, которую мы представляем с помощью S_r , содержит понятие, которое сформировалось у Джонни в результате использования в тех источниках, откуда он черпал информацию, имени «Цицерон», но не «Туллий». Вследствие такого их формирования это понятие и эта вера применяются к объектам, удовлетворяющим способу номинального распознавания по слову «Цицерон», но не применяются к объектам, удовлетворяющим способу номинального распознавания по слову «Туллий». Данный факт важен для описания состояния Джонни и помогает объяснить его поведение. И наоборот, новая вера и новое понятие сформировались у Джонни в результате использования учителем именно имени «Туллий» и не стали бы применяться в ситуациях, где фигурирует только имя «Цицерон».

Но здесь остается еще одна существенная деталь. Как можно убедиться, применив правила (1) и (2) к случаю Джонни, e_0 одинаково правомерно описывается как предложением «Джонни верит, что Цицерон был римским оратором», так и предложением «Джонни верит, что Туллий был римским оратором». Между тем, как признают Дж. Барвайз и Дж. Перри, имеется сильная интуиция в пользу того, что последнее предложение описывает ситуацию, отличную от e_0 , и эта интуиция все еще остается необъясненной. Чтобы объяснить ее, авторы обращаются к анализу прагматики использования отчетов о верах. Они обращают внимание на то, что такие отчеты используются обычно в одной из двух различных функций: во-первых, в качестве свидетельства того, каков мир (так, если я сообщаю, что некоторый эпистемический агент, которого я считаю более или менее надежным источником информации, верит, что p , то я тем самым сообщаю, что считаю и себя владеющей более или менее надежным свидетельством того, что p); во-вторых, для объяснения поведения самого агента (так, если даже мне известно, что вера агента в то, что p , ложна, я могу сообщать о ней для того, чтобы вы поняли, почему агент

¹³ Здесь мы переводим «refer to, "Tully"» как «именуется ТУЛЛИЙ», чтобы избежать использования термина «референция», который потребовал бы дополнительных философских пояснений, поскольку такие пояснения едва ли можно сделать краткими.

ведет себя так, а не иначе). Так вот, как они утверждают, при использовании отчета о вере для объяснения поведения агента прагматическим принципом является

— для говорящего: не употреблять термины, описывающие или предлагающие неприменяемые агентом понятия, нерелевантные якоря или другие способы распознавания, не используемые адресатом высказывания;

— для адресата: предполагать, что говорящий ссылается на применяемые агентом понятия, релевантные якоря и другие способы распознавания, используемые агентом.

Этот принцип, который они сами называют грейсианским принципом А¹⁴, запрещает использовать предложение «Джонни верит, что Туллий был римским оратором» для описания ситуации e_0 .

По сути, посредством грейсианского принципа А в ситуационной семантике реализована та же объяснительная стратегия, которую используют неорасселианцы¹⁵. Сохранение экстернализма и композициональности значения отчета достигается посредством того, что эффекты подстановки объявляются не семантическими, а сугубо прагматическими. Однако у ситуационной семантики имеется существенное преимущество перед неорасселианством, состоящее в том, что прагматика использования отчетов о верах не просто постулируется, но согласуется с теорией лингвистического поведения самого агента и получает таким образом исчерпывающее объяснение¹⁶.

***

В итоге нашего обзора можно сделать заключение, что ситуационная семантика представляет собой вполне самостоятельную и цельную теорию, в которой есть возможности для формализации и анализа высказываний с разнообразными модальностями, второпорядковых высказываний, высказываний с кондиционалами и т. д. Однако подобные возможности присутствуют и в некоторых других семантиках, в той же центрированной семантике возможных миров. Чем же отличается эта семантика от прочих?

На наш взгляд, по-настоящему новым и ценным в ситуационной семантике является не то, что она разрешает какой-то особый круг проблем, а именно то, как в ней реализуется реляционный подход к значению. Изначальная установка на то, чтобы рассматривать значение как отношение между типами ситуаций дискурса и типами ресурсных ситуаций, то есть сущностями одного и того же рода, позволяет варьировать параметры членов этого отношения любыми способами, которые

¹⁴ Потому что в ситуационной семантике существуют также грейсианские принципы В, С и D.

¹⁵ См., например, [5].

¹⁶ Другим примечательным преимуществом ситуационной семантики является правило (1), которое представляет в явном виде условия, при которых некоторая пара из схемы и якоря может быть способом веры в то, что выражается придаточным предложением отчета. У неорасселианцев соответствующего правила нет. Предполагается лишь, что имеется какое-то правило, связывающее способ представления (mode of presentation) или маску (guise) пропозиции с самой пропозицией, обозначаемой придаточным предложением. Помимо прочего, наличие такого правила позволяет разрешить модифицированный вариант загадки Фреге, так называемую итерированную загадку, с которой не может справиться неорасселианская теория (обсуждение этой загадки см. в [6, 8]).

могу оказаться полезными для анализа. Проще говоря, мы можем выразить в ситуационной семантике все виды лингвистической информации, а не только то значение, которое соответствует пропозициональному содержанию высказывания в классической условие-истинностной семантике и семантиках, построенных на ее основе. Одним и тем же способом мы можем выразить информацию о внешнем мире, о внутренних состояниях когнитивных агентов, действующих в этом мире и воспринимающих его, и о самом языке, отображающем то и другое. Эта замечательная универсальность выразительных средств ситуационной семантики дает возможность выходить на проблемы не только философии языка и лингвистики, но и эпистемологии, когнитивистики и философии сознания, создавая теоретический каркас для широкого междисциплинарного взаимодействия, потребность в котором в настоящее время ощущается особенно остро.

-
1. *Barwise J., Perry J.* Situations and Attitudes. Cambridge ; L., 1983.
  2. *Barwise J., Perry J.* Situations and Attitudes // The Journal of Philosophy. Vol. 78, № 11 : Seventy-Eighth Annual Meeting of the American Philosophical Association Eastern Division. 1981. P. 668–691.
  3. *Crimmins M.* Talk about Beliefs. Cambridge, 1992.
  4. *Perry J.* The Problem of the Essential Indexical and Other Essays. N. Y. ; Oxford, 1993.
  5. *Salmon N.U.* Frege's Puzzle. Cambridge, 1986.
  6. *Salmon N.U.* Illogical Belief // Philosophical Perspectives. 1989. Vol. 3 : Philosophy of Mind and Action Theory. P. 243–285.
  7. *Schiffer S.* The Basis of Reference // Erkenntnis. 1978. № 13. P. 171–206.
  8. *Schiffer S.* The 'Fido'-Fido Theory of Belief // Philosophical Perspectives. 1987. Vol. 1 : Metaphysics. P. 455–480.

Рукопись поступила в редакцию 1 октября 2018 г.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.647 + 347.441.14 + 329.058

А. В. Логинов

ТОЛЕРАНТНОСТЬ: МЕЖДУ КОНФЛИКТОМ И СОГЛАСИЕМ*

Статья представляет собой попытку рефлексивного изложения основных идей, озвученных участниками конференции «Переосмысливая толерантность как политическое требование, моральную добродетель и идеал поведения», проходившей 5–6 октября 2018 г. в департаменте философии университета Карла-Франца г. Грац, Австрия. Последовательно рассматриваются вопросы о специфике, механизме, границах и обосновании толерантного отношения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: толерантность, согласие, конфликт, Д. Хейд, Р. Форст, Ж. Деррида, коммунитаристы и либералы, уважение, безразличие, избыток, жест.

В контексте конференции примечательны два факта: во-первых, под международной конференцией в университете Грац понимают не совсем то, к чему постепенно привыкаем и мы: никакой погони за количеством участников (и докладов) в ущерб тщательности изложения (минимум 30 минут на каждый доклад плюс 30 минут на обсуждение) и, во-вторых, не было представлено никакого титульного спонсора, грантодателя или «социального партнера» под тему, которая в принципе а) всегда дискуссионна (слово «толерантность», надо признать, остается популярным — пусть отношение к нему и варьируется от восхищения до скептической ухмылки); б) имеет вполне конкретный социальный «заказ»: волна миграции в Западной Европе заставляет интеллектуалов проводить ревизию теорий толерантности в их отношении к принципам равенства, справедливости и политике признания, а переосмысление классических либеральных ценностей — процесс, идущий во многих странах, — ставит под сомнение работоспособность наиболее популярной истории толерантности¹.

---

¹ Я имею в виду историю толерантности как историю философии «трех Джонов»: Д. Локка, Д. С. Милля и Д. Ролза. Ключевой интеллектуальный центр, разрабатывающий и защищающий такую версию, — департамент политических учений университета г. Йорк, Великобритания.

---

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00216.

Выбранный мною формат изложения направлен на то, чтобы показать (или убедить читателя) в связности докладов (по крайней мере, тех из них, которые имели философское содержание), а также по мере возможности представить комментарии/альтернативные точки зрения по отношению к озвученным во время конференции тезисам. Представленные в статье доклады не исчерпывают программу конференции; моя интерпретация того, что было сказано, может не совпадать с тем, что хотел сказать автор.

Д. Хейд: спецификация толерантности². Хейд сразу же обозначает цель своего доклада: он не собирается рассматривать обоснование толерантности, а сосредоточится на самом понятии. Обоснование, по его словам, всегда зависит от истории и культуры — коль скоро толерантность оказывается «культурно нагруженным» понятием³. На это нет времени, и это задача целого центра⁴. Определение толерантности, данное Хейдом, структурно напоминает определение П. Николсона [12, 159–173], но не повторяет его полностью. Хейд: толерантность — это пять элементов:

1. *Objection* — отклонение, оправдывающее необходимость вмешаться.
2. *Accommodation*, “living up with” — шанс не вмешиваться.
3. *Suffering, burden* — страдание от того, что не вмешиваешься⁵ в существующее отклонение.
4. *Power to intervene* — сила осуществить вмешательство⁶. Хейд особо подчеркивает, что эта сила асимметрична. У субъекта толерантности ее «больше», ни о каком «равновесии» речи быть не должно.
5. *Principle, reason, intention behind non-intervening* — некоторый (принципиальный!) аргумент, скрывающийся за невмешательством (и фактически оправдывающий его). Этот пятый пункт и есть собственно поле для философского размышления.

Однако специфика толерантности — до всякого философского размышления — проблема сама по себе, поскольку семантическое поле предполагает множество ассоциированных терминов. Эти термины Хейд распределяет по категориям:

- когнитивные;
- прагматические;
- психологические;
- политические.

² Д. Хейд — один из классиков англоязычной философии толерантности. Профессор Ариельского университета известен прежде всего идеей перцептивного сдвига как механизма работы толерантного сознания и защитой специфически философского подхода к ее обоснованию (толерантность как предмет философии, а не психологии и юриспруденции) [15].

³ Имеется в виду различие между «тонкими (thin)» и «полными (thick)» концептами. К первым, со ссылкой на К. Гиртца, Хейд относит культурные универсалии: благо, долг, наказание, добродетель. Ко вторым — храбрость, жестокость, права, толерантность. В первой группе «сущность концептов ясна — вопрос в том, как их применять», во второй группе «нужно найти специфику до того, как давать рекомендации по применению».

⁴ См.: [3].

⁵ См. значение лат. *tolerare*.

⁶ Аналогично с определением П. Николсона: сила, понимаемая достаточно широко, — аналитически необходимый элемент толерантного отношения. Толерантность «от бессилия» не добродетель, так как никаких шансов повлиять на отклонение субъект не имел.

Когнитивные, эпистемологические ассоциации связаны со скептицизмом Д. Локка и П. Бейля и невозможностью суждения с точки зрения универсальной позиции. Однако, по Хейду, скептицизм не должен трансформироваться в полный агностицизм: объект толерантности все же должен иметь какую-то (познаваемую) ценность, иначе субъект толерантности не будет страдать от невмешательства в имеющееся отклонение. Из «прагматики» наиболее близко к толерантности *concordia* — согласие (некоторое нахождение консенсуса в силу прагматических причин, включая упомянутое выше «равновесие сил»). Согласие *похоже* на толерантность, но не является ею, поскольку упускает ее (толерантности) не-прагматическую основу. Индифферентность (моральное безразличие) также не подходит нам по аналитическим (исчезает пункт 1 — отклонение) и историческим обстоятельствам⁷. Психологически толерантность часто ассоциируют с эмпатией и терпением (*patience*), но эмпатия и терпение — всего лишь инструменты, облегчающие реализацию толерантности, но не она сама⁸. Наконец, в политическом смысле, по Хейду, толерантность очень близка к политикам *признания* прав человека. Близка, но не является *полным признанием*: полное признание прав человека — это нечто большее, чем толерантность (исчезает «неодобрение»), и по факту оставляет очень мало собственно для философского исследования, — речь будет идти о *юридической* фиксации соблюдения/нарушения прав⁹. Принцип уважения персональной автономии (И. Кант, Д. Ролз), возведенный в политическую максиму, также не является, по Хейду, синонимом толерантности: персональная автономия в либерализме может оправдать некоторые стили жизни просто как стили жизни, а не потому, что в них есть какая-то ценность.

Как следствие, «чистое» определение толерантности по Хейду предполагает, что толерантность всегда а) моральное отношение (а не политическое, включая «нейтралитет государства»¹⁰); б) персональное отношение (не межперсональное: толерантность не есть нечто «между людьми», что люди пытаются сообща «между собой» сохранить); в) избыточное, превышающее имеющиеся требования или ожидания отношение (*supererogatory*) [4, 13]. Это отношение предполагает сдвиг перспективы восприятия с того, что тебя раздражает в человеке (его поведение, его стиль жизни), на самого человека — как «автора» действия или «носителя» того или иного стиля жизни — с последующим (абсолютно нерадостным для субъекта толерантности) невмешательством в то, как этот человек действует

⁷ Хейд имеет в виду концепцию М. Уолцера, описывающую толерантность Древнего Рима. Имперская «толерантность» к группам была дополнена безразличием к судьбе индивида, входящего в группу. Такое понимание толерантности, по Хейду, неприемлемо для современного этапа развития общества. Подробнее о режимах толерантности у Уолцера см. [5].

⁸ К слову, мы можем быть вполне психологически скромны и кротки (на вид), но «в голове» (и Хейду здесь важно подчеркнуть рациональность нетерпимости) у нас будет ярое неприятие чего-либо.

⁹ Интересен следующий пассаж Хейда: если толерантность держится на правах, дарованных человеку государством (и здесь Хейд вполне либерален, следуя договорной концепции происхождения государства, вытекающей из признания естественных прав человека), это вообще «рудимент Средневековья».

¹⁰ Как моральное отношение толерантность — это всегда отношение людей. В этой связи очевиден ответ на вопрос студентов факультета журналистики, который они иногда задают мне после лекций: при каких условиях публикация (текст, заметка, эссе) может быть толерантной? Ни при каких. У публикации (текста, заметки, эссе) нет (морального) сознания.

(живет). «Перцептивная толерантность трактует верования и практики не как изолированные сущности, но как принадлежащие персональной когнитивной системе или форме жизни. Именно поэтому толерантное отношение ассоциируется с “пониманием” другого, то есть со способностью “заземлить” (to anchor) определенное действие или убеждение на персональную “почву” (background) мотиваций, интенций, или других убеждений той же когнитивной системы... Мы терпим не мнения или убеждения, или даже не поступки и действия, а только субъектов, придерживающихся вызывающих неприязнь убеждений и практик» [15, 12–15].

Итак, у нас есть механизм работы толерантности: перцептивный сдвиг — и два ряда аргументов. Первый ряд аргументов обосновывает моральное неодобрение и следующее за ним вмешательство, второй ряд обосновывает толерантность и следующее за ней невмешательство. Эти линии аргументов «взвешиваются» в сознании потенциального субъекта толерантности. При этом моральное неодобрение в случае выбора невмешательства не должно полностью исчезать, иначе мы получим принятие. С моей точки зрения, в этой абстрактной конструкции с необходимостью должны возникнуть аргументы «второго порядка» — оправдывающие сам перцептивный сдвиг, который, как мне кажется, по времени и логике предшествует процедуре «взвешивания» аргументов первого порядка. Другими словами, почему мы должны переключать взгляд (с действия на агента)? Я подхожу к профессору Хейду в перерыве и спрашиваю его о том, как правильно учить толерантности и что нужно делать, чтобы культивировать в человеке это умение «отделять действие от носителя»¹¹.

Хейд: не все жизненные ситуации требуют от нас сдвига *ad hominem*. Например, в академической среде оцениваются теории с точки зрения их научной состоятельности, в идеале — вообще без учета личных обстоятельств подготовки теории (личная антипатия/симпатия к автору не должны — опять-таки в идеале — влиять на оценку научного продукта). В семейных или дружеских отношениях мы чаще поступаем наоборот. Контекст является решающим. А умение «отделять» человека и действие — продукт нормальной социализации. Мы ежедневно, с малых лет учимся так поступать, отвечая на очень простой вопрос: почему (другой) человек поступил так, а не иначе и почему ты (сам) чувствуешь и реагируешь именно так, а не иначе? Это, согласно Хейду, элементарная работа рефлексии. Все люди на это способны¹².

¹¹ В Свердловской области несколько лет назад проходил конкурс школьных плакатов «Рисуем толерантность». Задача, как кажется кабинетному ученому, совершенно невыполнимая: я до сих пор затрудняюсь с подбором адекватных художественных образов для символизации «сдвига перспективы восприятия». Вторая (большая) часть проблемы связана с тем, что сдвиг перспективы требует навыков сепарации агентом толерантности действий и убеждений объекта от него самого как «носителя» данных действий и убеждений, что некоторыми критиками толерантности рассматривается как невозможное (феномен равен ноумену) или нежелательное (толерантность может быть обидной) отношение. Подробнее см. [6].

¹² Предполагаю, что люди, не способные так поступать, либо совсем дети, либо находятся в состоянии аффекта. Можно ли предположить, что культуры «возможных миров», которые не культивируют рефлексию, аффективны по сути или недостаточно развиты?

Зигфрид ван Даффл (Siegfried van Duffel), университет Назарбаева, Казахстан. В своем докладе я расширю сферу толерантности и изменю ее объект. Я полагаю, что сфера морального неодобрения (*moral disapprove of*) должна быть дополнена сферой любого другого неодобрения при условии, что я (и любой другой человек) имею право на навязывание своего видения того, как эта «дополнительная сфера» должна развиваться. Грубо говоря, если у вас есть право прекратить отклонение в этой сфере и при этом неважно, какого рода раздражение оно вызывает (моральное или эстетическое), но вы этого не делаете, вы толерантный человек. В таком случае то, к чему применима толерантность, это всегда само действие, и нам необходим «сдвиг восприятия в сторону практики». Права — это не только право на частную собственность. Это право на то, чтобы жить в соответствии со своей природой, достигая благополучия так, как ты его понимаешь. Например, выбор человеком чая или кофе — вопрос за областью морали. Но, допустим, вам не нравится аромат кофе в принципе. И у себя дома, в своей квартире, вы никогда не варите кофе. Ваш гость, выбравший кофе как напиток, вернее сам факт варки кофе, раздражает вас. И вы могли бы, как владелец квартиры, препятствовать этому, но оставляете гостя в покое. Другое дело, что, допустим, в ресторане, который вам не принадлежит, вы не сможете поступить аналогично поведению собственника квартиры.

Хейд: если мы добавляем к сфере толерантности область вкусовых пристрастий, как нам понять, где толерантность заканчивается? Не открывает ли такой шаг дверь для любого отклонения?

Ван Даффл: на мой взгляд, критерий остается и он достаточно четкий: права всегда принадлежат определенной сфере. То, что раздражает вас на любом основании, не нарушая ваши права прямым образом, может быть терпимо. Раздражение и нарушение прав не может быть терпимо¹³.

---

¹³ Если «процедуру выборки» ряда причин за или против невмешательства сложно совместить с моральным принципом, позволяющим отделять добро от зла, пользу от вреда и т. п., то нельзя ли увязать ее с более четкими и формализованными системами наподобие правовых? Один из вариантов в теории толерантности представлен работой Д. Рафаэля [16].

Автор предлагает провести разделительную черту между более и менее строгими категориями морального долга: «более строгие будут одновременно плохими и нетерпимыми, менее строгие — плохими, но терпимыми» — с помощью трех средств: а) различая действие и бездействие (*omission*) — тогда «мы могли бы сказать, что толерантность подразумевает неодобрение по отношению к бездействию, неудаче в поддержке принципа уважения к личности, тогда как позитивный (в смысле активный. — А. Л.) акт нарушения этого принципа не только вызывает неодобрение, но вообще остается за пределами терпимого» [Там же, 143]; б) различая обязательства совершенного вида (*perfect obligation*) и несовершенного вида (*imperfect*). Соответственно нарушение обязательств совершенного вида, таких как возврат долга, когда определены практически все условия, составляющие обязательство, явно хуже, чем нарушение обещания заниматься благотворительностью, где многое оставлено на усмотрение агента; в) различая обязательства, которые подразумевают наличие соответствующих прав (право на возврат долга), и те, которые этого не делают.

Однако возникает вопрос: «Откуда мы можем знать, что обязательство воздерживаться от причинения боли является совершенным, а обязательство помогать людям (в оригинале — *to confer positive happiness*. — А. Л.) оставляет многое на усмотрение агента, т. е. является несовершенным?» [Там же]. Введенное Кантом разделение цели и средства (относись к человеку как к цели и никогда как к средству) не срабатывает, а иногда и запутывает дело в ряде случаев, когда, например, убийство совершенно ради убийства и в жертве не видели источника или средства для получения, скажем, денег или информации. «Конечно, убийца нарушил обязательство совершенного вида — потому что он нарушил права жертвы, а не из-за какого-то

А. Логинов: основная сложность, как мне кажется, заключается в двух моментах: влекут ли права за собой обязанность им следовать и информирован ли о вашем видении благой жизни тот, кто нарушает идиллию. Например, право жить в своей квартире без запаха кофе в принципе можно вывести из права владения квартирой и поставить жесткое условие: любой входящий НЕ заваривает кофе, но тогда о ваших предпочтениях гости должны знать, то есть должен быть некий набор «требований к гостю» и гость должен быть о них осведомлен. В случае если гость осведомлен и продолжает заваривать кофе, то он уже нарушает «актуализированные» права, и толерантно относиться к этому не следует. Если так, то ситуация в ресторане больше подходит под толерантность: вы обладаете (потенциальным, не актуализированным для других) правом строить свою жизнь без кофе, но не подходите к посетителю-кофеману и не навязываете ему свое видение. Я, правда, не знаю, как поступить с человеком, который пришел в гости, но не может не пить кофе по жизненным показаниям. Это конфликт прав?

Мне лично кажется, что идея апелляции к правам при определении границ толерантности не лишена смысла, но приводит к выхолащиванию собственно морального содержания этой проблемы. Часто говорят, что сфера объектов толерантности постоянно сужается: будучи расположенной между сферой безразличного, с одной стороны, и тем, что уже запрещено законом, — с другой, толерантность как морально неодобряемые, но легальные действия теряет свой объем в обществе нарастающего безразличия и усиливающейся правовой регуляции. Но как мы на самом деле сталкиваемся с тем, что хотя бы потенциально может быть отнесено к сфере толерантности? Условно говоря, если человек так и не заварил кофе, мы

особого отношения к ней, — пишет Рафаэль. — Такое отнесение к правам кажется более безопасным методом, определяющим, будет ли данное обязательство обязательством совершенного вида или нет. Но так же, как и в случае с предложенным критерием (наличие соответствующих прав, буква “в” — *А. Л.*), мы должны опираться на моральную интуицию (*moral intuition*) в решении вопроса о том, имело ли место право. И здесь может быть такое же столкновение различных мнений, как, например, в приписывании прав животным или эмбрионам» [16, 144].

Способен ли такой подход разрешить проблему полностью (ведь обычно довольно ясно, совершал ли объект какое-либо действие или воздерживался от того, что должен был сделать)? Скорее всего, нет. Отказ в возврате долга — это бездействие, но это также и нарушение обязательства совершенного вида. Поэтому в теории Рафаэля разделение между действием и бездействием не является подходящим методом для проведения границы между терпимыми и нетерпимыми объектами, вызывающими неодобрение. Остается свобода выбора внутри ограниченного патернализма: он может быть опять же «строгим» (критерий интолерантного) — нарушение *non-discretionary duty*, следовательно, требуется контроль над целым рядом вредных действий по отношению к другим и самому себе, и «мягким» — «если мы полагаем критерием интолерантного нарушение прав, тогда все обязательства по отношению к самому себе будут вне этой области (интолерантного), поскольку недискреционные обязательства по отношению к самому себе не подразумевают наличия прав против себя самого» [Там же, 147]. Таким образом, делает вывод Рафаэль, «...граница интолерантного устанавливается нарушением прав. Действия, которые вызывают неодобрение, но не нарушают прав, могут быть терпимы наперекор нашему убеждению, что они плохие, и их следует терпеть, если те, кто так поступает, свободно сделали этот выбор. В последнем случае толерантность востребована как проявление уважения к целям (выбору) тех, кто так поступает» [Там же]. Толерантность поэтому оказывается частным специфическим случаем принципа свободы, основанного на уважении к другим и подкрепленного правом (законодательством). Нерешенной проблемой в теории Рафаэля остается классификация тех прав (обязательств), которые кто-то нарушил, ведь при решении этого вопроса остается полагаться на интуицию, «...которая может изменяться от одного человека к другому, от одного поколения к другому и от одного общества к другому» [Там же, 148].

не получим повода для неодобрения. Любой жизненный план, любая моральная позиция выражаются в конкретных действиях. Действия (шире — практики) подпадают под нормы правового регулирования — по крайней мере потенциально.

Франческо Чиеза (Francesco Chiesa), университет Тренто, Италия. В своем докладе я постараюсь показать границы толерантности, основанной на уважении. Сторонники «толерантности как уважения» (respect-based tolerance) предполагают, что она адекватный ответ на требования признания со стороны различных меньшинств. Конечно, это уважение может базироваться на разных основаниях. Например, на идее той же персональной автономии: для реализации автономии действительно нужна некоторая свобода действий. Мы уважаем право человека выбрать свой стиль жизни не из-за какой-то ценности этого стиля жизни как такового, вернее, любая другая ценность, ассоциированная с этим стилем жизни, вторична по отношению к тому факту, что выбор стиля связан с реализацией человеком автономии. Для тех, кто не разделяет либеральную парадигму, предпочтительнее жить, например, в «культурно нагруженной» группе мигрантов, можно делегировать выбор «правильных оснований» самой группе, сохранив требование результата — уважения (прав). Однако я полагаю, что возможны, точнее — вполне реальны, ситуации, когда формально реализуемая институтами или людьми толерантность (respect-based tolerance) дополняется конкретными поведенческими приемами, которые обесценивают, маргинализуют, «выключают» из социального целого тех, на кого «параллельно» распространяют толерантность¹⁴.

Хейд: мне сложно представить, как можно уважать, например, права. Уважение — это отношение к людям, не к делам и не к правам. Нам не нужна идея «уважения прав» и со стороны государства. Государству достаточно быть нейтральным¹⁵.

Гаральд Штелцер (Harald Stelzer), университет Грац. Это большой вопрос, каким должно быть государство. В своем докладе я представлю основные пункты, по которым коммунитаристы критикуют классический либерализм, а также ответы на эту критику со стороны либералов. Мы с вами знаем, что коммунитаризм — это скорее штамп для очень разных авторов и работ второй половины 80-х гг. XX в. Этих авторов объединяет неприятие философской антропологии и социальной онтологии, фундирующей либеральную модель толерантности [11]. Философская антропология либералов рассматривает сущность человека как нечто, что существует до общества и в конечном счете выражается в корпусе «естественных» прав каждого (любого) индивида, а само общество — как продукт кооперации индивидов с целью оптимизировать процесс соблюдения прав. Критика коммунитаристов нацелена прежде всего на метафизические допущения либералов; сами коммунитаристы ближе к объективизму холистического толка

¹⁴ Критика толерантности как прикрытия продолжающейся эксплуатации хорошо выражена в статье Е. А. Вахрушевой [1].

¹⁵ Нейтралитет государства сам может быть рассмотрен как следствие определенной нормативной оптики, предписывающей организацию политического пространства. С другой стороны, нейтралитет недостижим — до тех пор, пока есть социальная стратификация и классовая борьба. Аргумент либеральных эгалитаристов против «толерантности как уважения» при отсутствии реальных изменений социальной структуры, в которой меньшинства всегда имеют худшие условия, см. [7]. Отказ от толерантности как адекватного инструмента взаимодействия с меньшинствами см. [8].

в социальной онтологии и рассматривают процесс формирования идентичности человека как процесс социализации, что подразумевает впитывание индивидом всего культурного (группового, общинного) контекста, в котором он живет. Если мы «вытаскиваем» из общества моральные ценности и культурные предпочтения, менталитет, религию, устоявшееся групповое «видение различий», то все, что будет у нас общего, — это представление о правах индивида и формализованные правила поведения за пределами частной сферы, то есть правила, к которым либералы редуцируют содержание идентичности.

В таком «индивидуализированном» обществе под вопросом оказывается духовная основа для консолидации людей: в нем все больше «общества», все меньше «общности», в том смысле, в каком употребляет эти понятия Ф. Тённис. Либерализм как философия таит в себе опасность, связанную с автономизацией частной жизни индивидов и исчезновением общества «разделяемых ценностей». Требование либералов о возрастании нейтралитета государства на самом деле подрывает демократию, поскольку для реализации демократии нужны согласие граждан по поводу целей самоуправления и мотивация для участия в политической жизни. Поэтому, с точки зрения коммунитаристов, необходимо вернуть к жизни, оживить (*to revitalize*) сообщества, поддерживать артикуляцию людьми общих моральных стандартов, формулировать цели политики в категориях общего блага, поощрять участие в общественной жизни и проявление гражданских добродетелей. Иначе мы получим довольно обширную прослойку тех, кого можно назвать *careless* (беззаботные, индифферентные люди). Для этого нового класса людей характерны отсутствие мнения по поводу социальных изменений; приоритет личных, частных интересов; нежелание участвовать в политике (и демократических процедурах); максима «оставьте меня в покое» (*right to be left alone*). В случае «людей, которым все равно» толерантность действительно будет основана на безразличии, что будет симптомом окончательной потери морали [2].

Контраргументы либералов состоят в следующем.

Во-первых, современные общества невозможно назвать гомогенными. Коммунитаризм как философская модель в принципе не соответствует реальности гетерогенных обществ современности, а всего лишь отражает обычные человеческие потребности в наличии ориентиров и чувстве безопасности, которые (привычно) ассоциируются с группой. Поэтому коммунитаризм в своей риторике «сильной групповой идентичности» — это популизм.

Во-вторых, нейтралитет государства как ключевая установка либерализма лучше отвечает потребностям, перечисленным выше: нейтралитет обеспечивает гарантию одинаковых возможностей для формирования и защиты своего стиля жизни, нейтралитет государства предполагает разделение права и блага, а также приоритет права над благом (Ролз), что дает нам инструмент регулирования межперсональных конфликтов (право) и вполне рациональную основу для согласия граждан относительно правил сосуществования. Наконец, нейтралитет государства позволяет людям обоснованно рассчитывать на «перекрывающийся социальный консенсус». В этот консенсус включены:

— базовые ценности (автономия и свобода);

- фундаментальные права (права человека и право на благосостояние);
- понимание процедур управления (демократия, справедливость как честность).

Да, нейтральность «не нейтральна» в том смысле, что она оправдывается определенной культурой. Либералы осознают свою зависимость от культуры (поздний Д. Ролз, Д. Рац и С. Македо), но эта зависимость не умаляет достоинств теории. Людям «которым все равно», следовало бы понимать, что жить в стиле «carelessness» им позволяют определенная культура и социальная структура.

К тезисам Гаральда я бы хотел добавить следующее. Наиболее яркую попытку адаптировать либеральную теорию под «вызовы идентичности» предпринимает континентальный философ, представитель франкфуртской школы Райнер Форст. Форст выделяет две группы теорий толерантности. Для обеих групп характерно понимание толерантности как того, что 1) описывает отклонение: существует нечто, что мы полагаем морально плохим (Objection component); 2) подразумевает принятие отклонения на основе некоторых аргументов (Acceptance component) и 3) фиксирует остаток, нечто, что мешает субъекту толерантности полностью согласиться с фактом существования отклонения. В случае если «вес» этого остатка будет больше компонента принятия, толерантность не случится (Rejection component) [10].

Первая группа — теории, «*позволяющие*» существовать различию; пункты 1–3 в таких теориях обоснованы за счет мнения большинства, сиюминутных прагматических причин или авторитетного мнения. Вторая группа — это теории «*позитивного*» отношения к различию. В этих теориях пункты 1–3 обосновываются иначе, чем в «*позволяющих*» теориях. Механизм обоснования того, что есть отклонение и почему мы должны/не должны к нему терпимо относиться, в этих теориях подразумевает процедуру рациональной аргументации (reciprocity test), когда каждый участник публичной дискуссии, отталкиваясь от своих этических суждений, пытается за счет 1) апелляции к общим ресурсам публичной сферы (reciprocity of content) и 2) апелляции к общим основаниям (reciprocity of reasons) убедить других граждан своего общества в том, должна ли иметь место толерантность по отношению к тому или иному отклонению. По Форсту, общими ресурсами будет как раз то, что Ролз понимает под содержанием «перекрывающегося консенсуса», а общими аргументами — существующая в обществе правовая сфера (которую мы, как граждане, обязаны разделять). Поэтому толерантность в теории Форста — это добродетель граждан как соавторов демократически устроенного общества.

Георгий Цхадайя (Giorgi Tskhadaia), Pompeu Fabra University, Испания. Коллеги, но ведь на самом деле позицию Форста фундирует Ю. Хабермас. У Хабермаса есть различие морали и этики, у Ролса — морали и политики. Но парадокс в том, что мы находимся внутри замкнутого круга: для того, чтобы включаться в политику как соавторы демократического общества, нам до этого следует согласиться с добродетелями, которых планируется с помощью демократического общества достичь. Или, на примере равенства: чтобы достичь равенства, нам нужно заранее согласиться с тем, что такое равенство (через процедуры, предполагающие

равный учет голосов). Цитирую Лесси Томассена, который прекрасно суммирует ключевое противоречие в делиберативной концепции толерантности Хабермаса следующим образом: «...порог (граница) толерантности у Хабермаса одновременно является результатом дискуссий и тем, что существует до всякой дискуссии» [17, 449]. Давайте в этой связи вернемся к понятию толерантности как того, что «превосходит» требования морального долга (*supererogatory*). В своем докладе я буду рассматривать толерантность как невозможную добродетель в проекте деконструкции Ж. Деррида¹⁶.

Деррида рассматривает этические поступки как то, что случается «за пределами» морали в кантовском смысле, — как моральный долг, основанный на некоем трансцендентальном начале. Этические поступки «необязательны, избыточны» и получают свое значение вне каких-либо правил, устанавливающих (заранее) это значение; скорее, их избыточная природа всегда «видна» из внутренней связи с конкретным (локальным) контекстом. Деконструктивное «чтение» показывает, что схожие с толерантностью внутренние противоречия есть в работе даже таких внешне беспроblemных этических «жестов», как прощение, гостеприимство и дар [9]. В отличие от Хабермаса, Деррида полагает, что идея взаимности (*reciprocity*) как основа для толерантности (дара, прощения) с неизбежностью имеет привкус кантовского морального универсализма, поскольку она предполагает не безусловный этический акт, но калькуляцию выгоды. Более того, необходимо помнить, что у Деррида «условность» и «безусловность» — две переплетенные (*intertwined*), но гетерогенные силы, несводимые друг к другу. Невозможность толерантности связана с тем, что, как только мы находим (описываем, концептуализируем и в итоге учреждаем) для нее *основание*, она перестает быть этическим жестом. Туше.

Итак, мы рассмотрели несколько способов размышлений о толерантности:

- толерантность как элемент повседневного поведения, заключающийся в переключении перспектив восприятия в конфликтной ситуации, где субъект толерантности выступает с позиции силы;

- толерантность как моральная добродетель, максима «разрешения при необходимости», постоянно нуждающаяся в обосновании и ускользающая от обоснования;

- толерантность как политический принцип (насколько он успешен сегодня) внутренней политики гетерогенных обществ.

Философскими оптиками, позволяющими «видеть» толерантность, выступил довольно широкий спектр приемов — от феноменологии восприятия до построения онтологии, свободной от классических метафизических допущений (цель, основание).

Вне нашего обсуждения остались некоторые критические подходы к толерантности в рамках западноевропейской политической философии (например, критика толерантности со стороны «британских реалистов» Б. Вильямс, Д. Грей) и, что более важно, отечественная философская традиция, которая, возможно, имеет другой ответ о соотношении согласия (*Concordia*), конфликта и толерантности. Возвращаясь к атмосфере дебатов на конференции в университете Грац,

¹⁶ Позиция Д. Хейда по проблеме см.: [14].

должен отметить, что парадокс толерантности стал для политической философии той самой любимой проблемой, решая которую ты производишь еще большее количество проблем (и тем для исследования), что, если верить сэру К. Попперу, и является сутью научного отношения к миру¹⁷.

1. *Вахрушева Е. А.* Идея толерантности и критическая теория: к деконструкции концепта // Изв. Урал федер. ун-та. Сер. 3 : Общественные науки. 2018. Т. 13, № 3(179). С. 53–60.
2. *Макинтайр А.* После добродетели: Исследование теории морали. М., 2001.
3. Предисловие редактора // Вестн. УрМИОН 2001 [Электронный ресурс]. URL: http://elar.ufu.ru/bitstream/10995/28793/1/vestnik_mion_2001_1_01.pdf (дата обращения: 10.11.2018).
4. Стенфордская энциклопедия философии [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/supererogation/> (дата обращения: 12.11.2018).
5. *Улицер М.* О терпимости М., 2000.
6. *Хомяков М. Б.* Критики толерантности // Толерантность и интолерантность в современном обществе: дискриминация : материалы междунаро. конф. / под ред. И. Л. Первой. СПб., 2007.
7. *Binderup L.* Liberal Equality — from Minority rights to the Limits of Tolerance // *Res Cogitans*. 2007. № 4, vol. 2. P. 95–109.
8. *Ceva E.* Why Toleration Is Not the Appropriate Response to Dissenting Minorities' Claims // *European Journal of Philosophy*. 2015. № 23(3). P. 633–651.
9. *Derrida J.* On Cosmopolitanism and Forgiveness. Trans / By Mark Dooley and Michael Hughes. L. ; N. Y., 2005.
10. *Forst R.* Toleration in Conflict. Cambridge, 2013.
11. *Mulhall St., Swift A.* Liberals and Communitarians. Oxford, 1996.
12. *Nicholson P.* Toleration as a Moral Ideal // *Aspects of Toleration*. Edited by S. Mendus. L. ; N. Y., 1985. P. 159–173.
13. *Heyd D.* Can Virtue Ethics Account for Supererogation? // *Christopher Cowley, Supererogation*, Royal Institute of Philosophy Supplement. 2015. Vol. 77. P. 25–47.
14. *Heyd D.* Supererogatory Giving: Can Derrida's Circle be Broken? // B. Sharon, B. Byrd, & J. C. Joerden (Eds.), *Philosophia Practica Universalis*. B., 2005.
15. *Heyd D.* Toleration: An Elusive Virtue. Princeton, 1996.
16. *Raphael D.* The Intolerable // *Justifying Toleration* / Ed. by S. Mendus, N. Y. ; Sydney, 1998. P. 139–150.
17. *Thomassen L.* The Inclusion of the Other? Habermas and the Paradox of Tolerance // *Political Theory*. 2006. № 34(4). P. 439–462.

Рукопись поступила в редакцию 14 ноября 2018 г.

---

¹⁷ «Я думаю, в науке — и, раз уж на то пошло, в философии — есть только один путь: найти проблему, увидеть ее красоту и влюбиться в нее; затем жениться на ней, жить долго и счастливо и умереть в один день, если, конечно, вы не встретите другую — еще более прекрасную проблему, или, паче чаяния, не найдете ее решение. Но даже если вы и вправду найдете решение своей проблемы, вы обнаружите целое семейство проблем-отпрысков» (цит. по: <https://citaty.info/man/karl-popper>).

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ И ЛОКАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПРОСТРАНСТВЕ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ

Статья посвящена факторам и тенденциям гражданского самоопределения современной российской молодежи. Актуальность темы обосновывается противоречивостью российского социально-политического контекста, ограничивающего потенциал развития конструктивной гражданской субъектности молодежи. Описывается функциональная структура категории «гражданское самоопределение». На основе данных авторского социологического исследования дается характеристика отдельных компонентов гражданского самоопределения (гражданская идентичность, патриотизм, гражданская активность). Фиксируются модернистская их интерпретация и аполитичность молодежи как социальной группы. В заключение отмечается индивидуализация гражданского самоопределения современной молодежи.

Ключевые слова: гражданское самоопределение, молодежь, гражданская идентичность, патриотизм, социально-политическая активность, протестный потенциал, «традиционалисты» и «модернисты».

В условиях обострения внутренних противоречий и внешнеполитических конфликтов возрастает необходимость социальной консолидации всех групп населения с целью обеспечения устойчивого развития общества. Однако, во-первых, на протяжении многих лет эксперты отмечают «зыбкость гражданского согласия» в современной России (см., например, [2, 125]). Гражданская пассивность россиян усугубляется реальной невозможностью оказывать воздействие на процесс принятия политических решений. Такое состояние, с одной стороны, может рассматриваться как проявление «негражданственности», закрепляющейся в качестве стабильной составляющей социального (без)участия. С другой стороны, она является защитным механизмом в условиях уязвимости человека, жесткой зависимости от политики и ухудшающихся условий жизни. Другими словами, приспособление, выбор «меньшего зла», боязнь риска — все это ограничивает пространство массового гражданского сознания [12, 69].

Во-вторых, в контексте социокультурных трансформаций современности изменения в индивидуальном гражданском сознании не успевают за изменениями реальности, что закономерно порождает эффект сопротивления переменам. Поиск устойчивых оснований идентичности продолжает сохранять сущностную дихотомическую структуру всякого «политического»: «чужие» внутри страны и образы внешних «врагов» [11, 52; 15, 97]. В результате одновременно с гражданской пассивностью населения наблюдается всплеск коллективной национальной идентичности, которая противопоставляет себя «западному миру» и бросает вызов глобализации от имени культурного своеобразия и самобытности [10, 82].

С одной стороны, в этом обнаруживаются значимые основания солидаризации российского общества. С другой стороны, такая коллективная идентичность, подкрепляемая общественно-политическим и информационным дискурсом, лишь отвлекает от реальных проблем внутри страны, порождает и подкрепляет иллюзию локальной национальной «уникальности» и «правильности» положения дел в стране. В результате усугубляется гражданская пассивность населения, которое добровольно перекладывает всю ответственность за будущее страны и собственное благополучие на государственные структуры.

Наконец, в-третьих, особенно остро стоит вопрос о том, как представляет себя молодое поколение в отношении к государству и гражданскому обществу, каковы направления его гражданского самоопределения. Молодежи традиционно приписывается социальный динамизм. Однако «повышенный уровень социальной адаптации к условиям трансформирующегося общества скорее связан просто с повышенной готовностью принимать новые правила игры» [7, 121]. Представляется, что отсутствие четко сформулированных социально-политических ориентиров, национальной идеи и объединяющей идеологии, общая социокультурная противоречивость и низкая эффективность государственной молодежной политики закономерно приводят к крайне негативным последствиям. В частности, беспокойство вызывает отчуждение от процессов модернизации и феномен «негативной идентичности», который находит свое выражение в распространении различных ксенофобных установок и националистических настроений в молодежной среде, активизации экстремистских молодежных групп [16, 323].

Возникает потребность в поиске и выборе таких оснований солидаризации и консолидации молодежи и российского общества в целом, при которых гражданская субъектность строилась бы на принципах взаимной ответственности и активности в направлениях общественного развития.

Гражданское самоопределение принято рассматривать по отношению к общественным и государственным институтам [6, 45]. В этом смысле гражданское самоопределение молодежи — это процесс осознания ею своей гражданской принадлежности, конструирования своей субъектности и выбора способов социального участия в преобразованиях страны. Представляется, что только обладающая субъектностью личность способна к самоопределению, а значит, к реализации своих сущностных сил, культурному нормотворчеству в условиях нелинейного характера социальных изменений [3, 36].

Ю. В. Березутский говорит о трех основных аспектах гражданского самоопределения молодежи: гражданская идентичность, патриотизм и политическое участие; все вместе они составляют гражданскую позицию [1].

Гражданская идентичность выступает результатом и основой гражданского самоопределения, представляя собой «осознанный процесс соотнесенности (тождественности) человека с определенной государственной общностью в конкретном социально-политическом контексте» [13, 13]. Т. В. Шамова отмечает кризисное состояние данного аспекта гражданского самоопределения, которое проявляется, с одной стороны, в приверженности молодых людей исторически сложившимся ценностям соборности и коллективизма, а с другой — ценностям

либерализма и потребительства [17]. Эти противоречия подрывают возможность формирования зрелой гражданской идентичности молодого поколения.

Патриотизм рассматривается как ресурс «нормативного» гражданского самоопределения [4, 128]. В самом общем виде он отражает отношение человека к Родине и выражается в ценности традиций, эмоциональной привязанности и ответственности за судьбу страны, а также в активной деятельности, направленной на защиту и отстаивание интересов своего Отечества. И в этом отношении патриотизм выступает качественной характеристикой гражданской идентификации.

Говоря о направленности патриотизма, Л. В. Рожкова выделяет традиционные и модернистские его интерпретации, а также интерпретации гражданственности в целом [14, 36]. Если «модернисты» являются гражданами по паспорту (основой гражданственности выступает проживание на территории страны, а патриотизм основан лишь на эмоциональной привязанности к этой территории, что проявляется в индивидуализации гражданской активности с целью обеспечения личных интересов и направленности на социальные изменения), то «традиционалисты» — это граждане по культуре (основой гражданственности выступают традиции, язык, вероисповедание, а патриотизм явно проявляет себя в поведении, направленности на коллективные интересы и социальную стабильность). Другими словами, если гражданская идентичность «традиционалистов» основана на патриотизме, то гражданская идентичность «модернистов» строится на основании территориальной принадлежности к определенному государству, чего, очевидно, недостаточно для консолидации российского общества. Осознание общности территории с необходимостью должно сопровождаться ответственностью за судьбу страны и активностью в направлении ее прогрессивного развития.

Наконец, социально-политическая активность заключается в готовности выражать и отстаивать свое мнение, мнение референтной группы и общества в целом. Уровень включенности молодых граждан в политическую и общественную жизнь является непосредственным показателем самоопределения личности, востребованности и осуществимости человеком своих прав и возможностей. В этом отношении, анализируя динамику становления гражданского общества, В. А. Орлова выделяет три массива граждан: 1) «безразличные» (предпочитают ничего не делать в защиту своих интересов); 2) «пассивные» (выбирают пассивные формы защиты интересов, такие как подписание обращений к властям); 3) «активные» (готовы выйти на митинг и демонстрацию, отстаивать свои гражданские позиции посредством забастовок и акций протеста, участвовать в агрессивных действиях в защиту своих социальных интересов) [12, 69].

Через активность индивида гражданско-патриотическая идентификация преобразуется в гражданскую позицию личности. Последняя определяет направленность гражданского самоопределения молодежи. Гражданская позиция может рассматриваться на четырех уровнях: 1) индивидуальном — направленность на собственные интересы, что может проявляться, например, в избежательной миграционной активности или крайней оппозиции по отношению к существующему порядку; 2) групповом — направленность на интересы референтной группы; 3) государственном — направленность на интересы страны;

4) глобальном — направленность на интересы других акторов международных отношений или космополитизм. Соответственно в отношении к конкретному государству активная гражданская позиция проявляется в двух формах: конструктивной и деструктивной, то есть молодой человек способствует развитию интересов страны в силу осознания гражданской ответственности или же действует против них в пользу «иных» акторов внутрироссийских и международных отношений. При этом необходимо учитывать, что несформированность гражданского сознания молодежи создает предпосылки для потенциального манипулирования, когда «молодежь используется как авангардная ударная сила» [2, 124].

Вместе с тем существуют разные мнения о содержании интересов страны, обуславливающие разное понимание гражданственности. В целом они определяются смысловыми ориентациями на самоутверждение или самоотречение, социальные изменения или стабильность. В этом отношении противоречивость интересов страны задана, с одной стороны, направленностью на поддержание стабильности, что выдвигает требование конформизма молодежи; с другой стороны, направленностью на социальные изменения, что обуславливает необходимость предоставления широких возможностей для творческой самореализации молодого человека. В частности, например, И. Ясавеев отмечает современное «изменение конструкции “национальная идея” — от конкурентоспособности страны во всех сферах к патриотизму, понимаемому как готовность защищать государство военными средствами от внешних и внутренних врагов» [19, 61]. Такая традиционалистская трактовка представляется ошибочной и ограниченной в контексте современности. Наоборот, более продуктивной представляется позиция А. В. Меренкова: «национальная идея современной России заключается в обеспечении ускоренного саморазвития страны на основе всесторонней реализации творческого потенциала каждого человека» [9, 15–16]. Однако такая модернистская ориентация гражданского самоопределения сопряжена с угрозой крайней индивидуализации молодежной субъектности в современном обществе. Кроме того, поскольку самореализация неизбежно порождает многообразие частных представлений о направлениях общественного развития, постольку она обостряет проблемы неопределенности и манипулирования, чревата столкновением противоречивых позиций и интересов граждан.

Наконец, на наш взгляд, направленность гражданского самоопределения современной российской молодежи необходимо рассматривать в контексте современных тенденций к индивидуализации. Представляется, что «тенденция к индивидуализации является одной из движущих сил на пути изменений в современном обществе» [5, 28]. В этом отношении необходимым основанием конструктивного индивидуализма выступают осознанность и ответственность молодых граждан за будущее страны.

Особенности гражданского самоопределения молодежи выступали предметом авторского социологического исследования, проведенного в 2017 г. в городе Перми методом анкетирования с использованием квотной выборки (пол, возраст, основной род деятельности). Было опрошено 600 респондентов в возрасте от 16 до 30 лет. Полевые работы выполнялись при содействии сотрудников кафедры социологии и Центра социального партнерства и социологических исследований

Пермского государственного национального исследовательского университета. Для дополнительной аргументации использовались данные «Европейского социального исследования» [20], в котором Россия принимает участие с 2006 г.

С целью выявления тенденций гражданского самоопределения молодежи были поставлены следующие задачи: 1) определение оснований гражданской идентификации и патриотизма; 2) характеристика избираемых способов гражданского участия молодежи; 3) выявление факторов активной и пассивной гражданской позиции молодежи. В качестве исходной гипотезы выступала модернистская направленность гражданского самоопределения современной молодежи. В содержательном плане она предполагает гражданскую идентификацию на основе территориального фактора проживания или рождения в стране, эмоциональные основания патриотизма как привязанность к «родной» территории, а также индивидуализацию гражданской активности на обеспечение собственных интересов, прав и свобод.

Для характеристики компонентов гражданского самоопределения молодежи использовались частотные распределения ответов на три основных вопроса: 1) «Что из перечисленного в первую очередь лично для вас означает “быть россиянином”?» (общая территория, национальность, религия, язык, традиционное воспитание, ответственность, самоидентификация (табл. 1)); 2) «Что для вас значит “быть патриотом России”?» (эмоциональная привязанность, чувство долга, долженствование и защита, объективность (табл. 2)); 3) «Если в вашем городе состоятся массовые акции протеста против снижения уровня и качества жизни, ущемления прав и свобод человека, готовы ли вы лично принять в них участие?» (варианты ответа включали готовность быть организатором подобной акции; рядовым участником; обусловленность участия ситуативными факторами; сопереживание протестующим; безучастие; полное безразличие к подобного рода акциям).

В качестве факторов, обуславливающих направленность гражданского самоопределения, рассматривались: 1) восприятие общественно-политического курса развития российского общества; 2) уровень удовлетворенности ситуацией в стране; 3) факты социального давления и поддержки в отношении необходимости гражданской активности молодого человека; 4) ценностные ориентации на самоутверждение, самоотречение, социальные изменения и стабильность. Для измерения первого фактора респондентам предлагалось оценить свое согласие с одним из двух высказываний. Предлагалось две пары высказываний: а) «Путь, по которому идет современная Россия, даст положительные результаты» против «Путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик»; б) «Стране нужны быстрые, кардинальные реформы» против «Страна нуждается в стабильности». Фактор удовлетворенности измерялся по пятибалльной шкале от «абсолютно не удовлетворен» до «абсолютно удовлетворен» в отношении экономики страны, работы руководства и системы обеспечения защиты прав и свобод граждан. В качестве субъектов социального давления рассматривались родители, друзья/знакомые, непосредственные руководители по месту работы/учебы, общественное мнение, а также сам респондент. При измерении социальной поддержки респондент мог выбрать субъекты (семья/родственники, друзья/знакомые, коллеги/одногруппники, единоверцы/единомышленники), в которых

он чувствует наибольшее понимание в отношении своих решений, а также указать на то, что он «сам по себе» и этой поддержки нигде не встречает. Наконец, группы ценностей измерялись по методике Ш. Шварца [18].

Результаты исследования свидетельствуют о том, что у каждого второго молодого гражданина основу гражданской идентификации составляет географический факт проживания на территории России. Культурные элементы гражданственности (особенности традиционного воспитания, знание языка, религия) распространены значительно меньше. Менее трети молодых людей связывают свою гражданственность с ответственностью за судьбу страны (см. табл. 1). При этом значимость ответственности в содержании гражданской идентификации заметно возрастает по мере взросления, особенно проявляясь у молодежи старше 25 лет.

Таблица 1

Содержание гражданской идентификации, % от числа опрошенных*

Родиться, расти и проживать на территории России	50
Воспитываться в традициях русской культуры	33
Чувствовать ответственность за судьбу страны	29
Быть носителем русского языка как родного	18
Считать себя «россиянином»	15
Быть русским по национальности	12
Придерживаться русской православной веры	5

* Сумма выше 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов.

Лишь 12 % респондентов заявляют о том, что не считают себя патриотами страны. В качестве основания гражданской идентификации для них в первую очередь выступает территориальный факт проживания в стране. Собственно, патриотизм в большинстве своем проявляется как эмоциональное состояние и выражается в любви к стране (см. табл. 2). Последнее вызвано стереотипами, формируемыми в подростковом возрасте. Обращает на себя внимание группа приверженцев деятельного компонента патриотизма, связанного с исполнением гражданских обязанностей. Его значимость в содержании патриотизма возрастает по мере взросления. В свою очередь, лишь каждый десятый отмечает свою готовность к защите страны от нападков и обвинений.

В целом стоит отметить внутреннюю непротиворечивость и тождественность содержательной структуры идентификационного и патриотического аспектов гражданского самоопределения. Особенно это проявляется при анализе возрастных групп внутри молодежи. Если в младшей возрастной группе (16–19 лет) относительно (других возрастных групп) высокая важность территориальной принадлежности сопряжена с относительной важностью ее защиты от внешних нападков, то относительно повышенная ответственность старшей молодежи (25–30 лет) сопряжена с более распространенным чувством долга и готовностью говорить правду о своей стране, то есть не закрывать глаза на очевидные нарушения и противоречия внутри страны. Относительной нейтральностью на этом фоне

отличается средневозрастная группа молодежи (20–24 года), в которой важность культурных аспектов гражданской идентификации сопряжена с повышенным чувством привязанности к стране в качестве основания патриотизма.

Таблица 2

Содержание патриотизма, % от числа опрошенных*

Любить свою страну, испытывать привязанность и гордиться ею	63
Испытывать чувство долга, исполнять гражданские обязанности	35
Говорить о своей стране правду, какой бы горькой она ни была	19
Защищать страну от внешних нападок, обвинений	10
Подчеркивать превосходство и исключительность своей страны	9
Ничего из этого. Я не считаю себя патриотом	12

* Сумма выше 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов.

Обращаясь непосредственно к деятельному компоненту гражданского самоопределения, стоит обратить внимание на интерес молодых людей к общественно-политической жизни в стране и избираемые молодежью способы общественно-политической активности. По данным «Европейского социального исследования», 60 % молодых людей стабильно на протяжении десяти лет изменений мало или совсем не интересуются общественно-политическими событиями; 70 % молодых людей указывают на отсутствие навыков участия в социально-политических процессах современности и неспособность принимать активное участие в управлении. Данные «Европейского социального исследования» позволяют судить о том, что, по мнению 75 % молодых людей, существующая политическая система вовсе не позволяет оказывать влияние на политику. Согласно данным нашего исследования 43 % молодых людей считают, что *«эффективные способы влияния на власть отсутствуют»*. Они проявляют свою активность в таких формах, как петиции и обращения к властям (табл. 3). При этом последнее, вероятно, связано с популярностью онлайн-платформы для создания и подписи петиций Change.org.

Лишь каждый пятый открыто выражал свою гражданскую позицию (принимал участие в разрешенных демонстрациях, бойкотировал). При этом необходимо учитывать направленность таких акций. В ряде случаев наблюдается подмена политического интереса интересами определенных политических и общественных деятелей. События последнего года наглядно показали, что эти деятели активно используют присущие молодежи неконформизм и максимализм для манипулирования при достижении частных целей. Еще меньше тех, кто использовал легитимные способы гражданского участия (участие в работе политической партии, обращение в органы власти или СМИ).

Полученные результаты, с одной стороны, демонстрируют опасность отказа молодых людей от личного участия в прогрессивных преобразованиях страны. Они не видят смысла проявлять свою позицию, так как считают, что повлиять на принимаемые властью решения не могут. С другой стороны, апатичность является фактором конформизации молодежи. Такая позиция внушает

обеспокоенность относительно возможностей манипулирования и потенциального всплеска протестной активности.

Таблица 3

Способы проявления гражданской активности, % от числа опрошенных*

Подписывали петиции, обращения, открытые письма	59
Носили или вывешивали символику какой-либо акции или организации и т. п.	25
Принимали участие в разрешенных демонстрациях, забастовках	22
Бойкотировали, отказывались от покупки каких-либо товаров или услуг	19
Обращались в средства массовой информации	18
Принимали участие в работе политической партии, группы, движения	17
Обращались к конкретному политику, в общероссийские или местные органы власти	15
Считаю, что эффективных способов влияния на власть нет	43

* Сумма выше 100 %, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов.

Интересно, что почти каждый третий (30 % респондентов) выражает свою готовность принять участие в массовых акциях протеста. Кроме того, 16 %, несмотря на то, что участия не примут, все же будут сопереживать участникам. При этом следует учитывать, что протест — это не только проявление самодвижения молодежи, но и результат возможной манипуляции ее сознанием и поведением. В этом отношении нельзя не упомянуть несанкционированные акции накануне и после выборов президента 2018 г. с участием в основном младшей молодежи (16–19 лет), являющиеся выражением интересов крайне узкой группировки лиц.

Готовность принять участие в иницилируемых акциях протеста напрямую связана с уровнем удовлетворенности ситуацией в стране. Результаты исследования демонстрируют традиционное для молодого поколения общее преобладание неудовлетворенности ситуацией в стране и, в частности, состоянием экономики, руководством страны и обеспечением защиты прав и свобод (табл. 4).

Таблица 4

Удовлетворенность ситуацией в стране, индексы¹

	Предмет оценки удовлетворенности			
	Состояние экономики России	Работа руководства страны	Обеспечение защиты прав и свобод	Ситуация в стране в целом
Индекс удовлетворенности	-0,41	-0,34	-0,24	-0,34

¹ Индекс удовлетворенности вычислялся по формуле $I = (2n_1 + n_2 - n_3 - 2n_4)/(n \cdot 2)$, где n_1 — число «полностью удовлетворенных»; n_2 — «скорее удовлетворенных»; n_3 — «скорее не удовлетворенных»; n_4 — «абсолютно не удовлетворенных»; n — общее число респондентов. Значение индекса изменяется в пределах [-1; 1]. Отрицательные значения свидетельствуют о большей выраженности неудовлетворенности, а положительные — удовлетворенности, «0» означает равную численность групп.

Наконец, критика сложившегося порядка задает основу гражданской позиции современной молодежи. В исследовании респондентам предлагалось выбрать (выразить свое согласие с одним) из двух противоположных высказываний, отражающих отношение к общественно-политическому курсу развития страны и необходимость социальных изменений: 60 % респондентов считают, что *«путь, по которому идет современная Россия, ведет страну в тупик»*; 56 % заявили, что *«стране нужны быстрые, кардинальные реформы»*.

Вместе с тем российские власти обеспокоены возможными протестными действиями молодежи и пытаются их предупредить указанием на то, что они являются результатом манипулирования политическими ориентациями и установками этой социально-демографической группы. В связи с этим мы выяснили в исследовании мнение респондентов о наличии какого-либо их принуждения к общественно-политической активности. Большинство респондентов (59 %) считают, что не испытывают никакого давления в этих вопросах; 18 % указали на то, что необходимость гражданского участия исходит изнутри, являясь одной из социальных характеристик молодых людей. Современные молодые люди хорошо знают, что участие в жизни общества не может быть навязано им «сверху». Следовательно, фиксируемая «аполитичность» не может рассматриваться однозначно, — в мотивации на нее переплетаются субъективные и объективные факторы: с одной стороны, неуверенность в эффективности собственного участия; с другой — высокий уровень неудовлетворенности нынешним положением страны.

Однако около 25 % молодых людей указали на наличие такого давления со стороны общественного мнения, непосредственных руководителей на производстве, а также родителей и друзей. При этом если младшая молодежь (16–19 лет) чаще в качестве субъектов такого давления указывает родителей и общественное мнение, то старшая (25–30 лет) — руководство на месте основной занятости. Обнаружилась интересная закономерность: чем больше молодые люди испытывают давление в вопросах необходимости участия в общественно-политической жизни страны и чем выше уровень этого давления со стороны внешних акторов (семья, друзья, непосредственное руководство, общественное мнение), тем выше ориентация на протестную и миграционную активность. При этом протестные и миграционные настроения в большей мере характерны для молодых людей от 18 до 24 лет.

Таким образом, процесс гражданского самоопределения современной российской молодежи протекает весьма противоречиво. Во-первых, гражданское сознание молодежи во многом носит фрагментарный характер. В структуре гражданской идентификации преобладает модернистская интерпретация на основе толкования гражданственности как факта территориальной закреплённости. Как следствие, индивидуализация этой группы молодых людей проявляется в аполитичности и миграционной активности. Лишь в отношении третьей части молодежи возможно говорить о конструктивных основаниях консолидационного потенциала, основанных на взаимной ответственности за будущее страны.

Во-вторых, отсутствует ясное «нормативно-деятельностное» представление о сущности патриотизма: у большинства преобладает стереотипная эмоциональная привязанность к стране на основе «любви к Родине». Другими словами, в качестве ресурса гражданского самоопределения и качественной характеристики гражданственности патриотизм играет большую роль по отношению к внешнему миру, но оказывает слабое влияние на формы социальной консолидации на микроуровне. Сегодня на фоне международной напряженности в отношении России, международных санкций абсолютное большинство молодых людей полагают, что «Россия должна быть великой державой с мощными вооруженными силами и влиять на все политические процессы в мире». В то же время само государство отнюдь не рассматривается как объект служения, ответственности и солидаризации. Наоборот, ответственность за международное положение России, решение внутренних проблем и обеспечение справедливости они перекалывают на государство и некую «твердую руку», которая наведет в стране порядок.

Наконец, в-третьих, подобная идентификация сказывается на направленности социальной активности молодежи. Несмотря на то что отмечаются общая аполитичность, пассивность и «деформация субъектности» [8, 8] молодого поколения, гражданская позиция большинства молодых людей локализована в пространстве неудовлетворенности и в результате индивидуалистически ориентирована, то есть связана с обеспечением своих прав и свобод. Вместе с тем негативное восприятие ситуации в стране, неудовлетворенность состоянием экономики, работой руководства, обеспечением законности связаны со стремлением молодых людей к социальным изменениям, в том числе через протестную активность.

В итоге гражданская активность современной молодежи представляет собой личностный ответ на общую неудовлетворенность и социальную напряженность в обществе и в мире. Индивидуализация и локализация гражданского самоопределения современной российской молодежи в пространстве неудовлетворенности могут стать причиной ее дезорганизации, манипулирования ею и развития массового протестного поведения.

-
1. Березутский Ю. В., Шепочкин Н. С. Гражданская позиция молодежи региона: опыт социологического анализа // Власть и управление на востоке России. 2011. № 1. С. 151–159.
  2. Берестов В. П. Правовая культура российской молодежи: методологические подходы // Вестн. Южно-Рос. гос. техн. ун-та (Новочеркас. политехн. ин-та). Сер. : Социально-экономические науки. 2016. № 2. С. 124–130.
  3. Вишневский Ю. Р., Зырянова О. Б. Культура безопасности в системе культуры жизни // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2017. Т. 3, № 1. С. 32–41.
  4. Дубровин В. Л. Патриотизм: перспективы влияния в российском обществе // Власть. 2015. № 10. С. 128–132.
  5. Зборовский Г. Е. Человек и повседневные практики в системе его образа жизни // Пед. журн. Башкортостана. 2007. № 3(10). С. 16–28.
  6. Зеленин А. А., Пфетцер С. А., Горелкин А. В. Политическая социализация «провинциальной» молодежи: информационная поддержка ценностного самоопределения в системе технологий содействия ценностному развитию // Вестн. Кемер. гос. ун-та. Кемерово, 2015. № 3–3(63). С. 45–49.

7. *Зернов Д. В., Иудин А. А., Овсянников А. А.* Молодежь на обломках СССР (1991–2013) // Наука и школа. 2015. № 2. С. 121–138.
8. *Казанцев Е. А., Казанцева Д. Б., Костюк Ю. А.* Преемственность социокультурных образов в современном обществе // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 14. С. 6–9.
9. *Меренков А. В.* Какой человек нужен, чтобы обеспечить устойчивое развитие России // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2007. № 3 (51). С. 6–17.
10. *Морозова И. С.* «Информациональное общество»: концепция М. Кастельса // Ученый совет. 2013. № 8. С. 79–84.
11. *Новиченко О. В.* Основные тенденции трансформации политических ценностей молодежи современной России // Теория и практика общественного развития. Философские науки. 2013. № 9. С. 50–53.
12. *Орлова В. А.* Особенности становления гражданского общества в России // PolitBook. 2012. № 2. С. 62–76.
13. *Панкратов С. А., Тельнова Н. А.* Специфика гражданской идентичности в условиях политической модернизации России // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 13–17.
14. *Рождкова Л. В.* Гражданские ценности современной студенческой молодежи // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 35–39.
15. *Ситников А. В.* Карл Шмитт и модель политического управления // Обозреватель: науч.-аналит. журн. 2015. № 3(302). С. 96–105.
16. Стратегия-2020: Новая модель роста — новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. Кн. 1 / под науч. ред. В. А. Мау, Я. И. Кузьминова. М., 2013.
17. *Шамовская Т. В., Горбунова Г. П.* Гражданская идентичность в структуре социальной идентичности современной молодежи // Проф. образование в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 49–53.
18. *Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология: журн. Высш. шк. экономики. 2012. Т. 9, № 1. С. 43–70.
19. *Ясавеев И.* Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи // Russian sociological rev. 2016. Vol. 15, № 3. С. 49–67.
20. The European Social Survey [Electronic resource]. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org> (accessed: 03.10.2017).

Рукопись поступила в редакцию 25 июня 2018 г.

УДК 373.1:316.35-057.874 + 378-057.175

Е. В. Грунт
А. И. Мухутдинова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ И УЧИТЕЛЕЙ О ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Феномен ценности современного общего образования был проанализирован авторами с позиций институционального и аксиологического подходов. В рамках данных подходов общее образование, с одной стороны, рассматривается как важный социальный институт общества, с другой — как многогранный, полифункциональный феномен. Цель исследования — изучить представления школьников и учителей о ценности среднего общего образования, проблемах и факторах его формирования. Эмпирическую базу исследования представляют материалы социологического исследования, проведенного авторами в 2018 г. в общеобразовательных школах Екатеринбурга. Методы, используемые в исследовании, сочетают количественную и качественную стратегию. Исследование зафиксировало: общее (школьное) образование для большинства учащихся и их родителей является инструментальной ценностью, связанной с изменением статуса, престижа учащихся после окончания школы. Выявлен в обществе новый тренд: повышение ценности образования в целом, в том числе и среди учащихся школ, и снижение ценности школы. Школа перестает быть актуальным источником знаний, умений и навыков, теряет свою социальную значимость в глазах как родителей и детей, так и самих учителей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: ценность современного общего образования, школьники, инструментальная ценность.

Введение в исследовательскую проблему. В современном обществе образование, с одной стороны, является важной ценностью для подрастающего поколения, а с другой — одной из установок приемлемого поведения в обществе. Требование быть образованным в настоящее время является одним из основных посылов общества, который мы можем услышать как с экранов телевизора, так и от членов семьи. Ценностная функция образования приобретает особую значимость в современных условиях еще и потому, что в процессе ее реализации образование выступает не только средством удовлетворения и достижения каких-либо внешних, лежащих за его пределами потребностей личности, но и самоцелью. Образование оказывается самоценным и значимым само по себе. Этот аспект ценности образования не осознан еще в полной мере российскими школьниками. Мы согласны с мнением А. В. Андреевской о том, что в современном мире характерна переориентация человека с материальных ценностей, выражающих предпочтения физической и психологической безопасности и благополучия, на постматериальные ценности, которые подчеркивают значимость качества жизни, принадлежность человека к той или иной социальной группе, его самореализацию [1, 73].

Образование так или иначе связано со всеми этими показателями, что позволяет относить его к постматериальным ценностям. Однако зачастую между декларацией ценности и ее реальным воплощением может существовать различие.

Как известно, школа сегодня перестала быть единственным источником знаний для современного подростка: набирают популярность образовательные каналы в Интернете, растет количество центров дополнительного образования. Каково содержание ценности образования в сознании современных школьников? Насколько они ценят образование, получаемое ими в школе? Все эти вопросы требуют тщательного анализа, что свидетельствует об актуальности изучения ценности современного общего образования у школьников.

Образование является объектом изучения социологов, педагогов, психологов, философов, культурологов и рассматривается ими как важнейшая ценность [2–6] и др.

Содержательные аспекты понятия «образование» многообразны: образование рассматривают как институт, как процесс, результат и как ценность. Ценность образования состоит в единстве личностной, государственной и общественной его составляющих [10, 15].

Многие социальные и гуманитарные науки рассматривают образование как базовую ценность, определяющую успех личности.

И. В. Хлудеева отмечает, что в рамках аксиологического подхода к образованию можно рассматривать несколько направлений его анализа, которые реализуются в образовательных системах Запада:

— традиционно-консервативное направление. Ценность школы состоит в том, чтобы дать детям такие знания и навыки, благодаря которым они смогут вести себя, основываясь на морально-этических принципах;

— рационалистическое направление. В данном направлении уделяется особое внимание эффективному усвоению различных видов знаний, а также проблемам адаптации школьников к существующим социальным условиям;

— феноменологическое направление. Ценность образования связана с развитием внутреннего мира ребенка в процессе обучения;

— гуманистическое направление. Ценность образования — в создании благоприятных условий для самореализации личности;

— социал-реконструктивистское направление. Ценность образования — в поддержке индивидуальных нужд и запросов ребенка в школе, а также в творческом самовыражении ребенка;

— наконец, направление, акцентирующее внимание на развитии у ребенка ценностного отношения к себе, к окружающим и процессу обучения [14]. Как видим, данные подходы к ценности образования объединяет то, что образование сегодня, особенно общее среднее, не должно давать учащемуся некую сумму знаний, а должно научить человека учиться, самостоятельно «добывать» необходимые знания, адаптировать его к жизнедеятельности в обществе. Об этом писал еще К. Мангейм, правда, не называя все сказанное выше ценностью образования [9]. Можно также говорить и о том, что ценность образования заключается не только в том, чтобы научить человека учиться, но и в том, чтобы сформировать потребность к такому «научению» как ценности.

Таким образом, ценностная составляющая образования в обществе велика. И все же исследователи в области образования отмечают имеющееся

в современном обществе противоречие: несмотря на существование общественного мнения о ценности образования в стране, для отдельного человека ценность образования обуславливается личным отношением к нему как к ценности. Как справедливо отмечают Г. Н. Сериков и С. Г. Сериков, каждый человек постоянно испытывает диссонанс между его естественными потребностями в образовании и социально обусловленным мнением о его ценности [12].

Несмотря на то что проблема ценностных ориентаций школьников достаточно часто изучается в отечественной социологии, особенно ориентаций школьников на получение высшего образования, проблема ценности школьного образования для учащихся и их учителей до сих пор остается вне поля зрения отечественных исследователей. Этому вопросу посвящено наше исследование.

Методология и методика исследования. Феномен ценности современного общего образования был рассмотрен нами с позиций институционального и аксиологического подходов. Рассмотренные подходы подчеркнули тот факт, что общее образование, с одной стороны, представляет важный социальный институт общества, а с другой — многогранный, полифункциональный, социокультурный феномен.

Рамки статьи не позволяют рассмотреть все имеющиеся подходы к понятию «ценность». В нашем исследовании мы используем рабочее определение ценности, данное У. Томасом и Ф. Знанецким: «Под социальной ценностью мы понимаем любой факт, имеющий доступные членам некоей социальной группы эмпирическое содержание и значение, исходя из которых он есть или может стать объектом деятельности... Каждая из них имеет содержание либо чувственное (как в случае с продуктами питания, углем, инструментом); либо частично чувственное, частично воображаемое (как в случае со стихотворением, содержание которого конституируется не только написанными или произносимыми словами, но также и образами, которые они вызывают...); либо, наконец, только воображаемое (как в случае с мифологической личностью или с научной теорией). Значение этих ценностей становится эксплицитным, когда мы берем их в связи с другими человеческими действиями... Социальная ценность, таким образом, противоположна естественной вещи, которая имеет содержание, но как часть природы не имеет значения для человеческой деятельности, приобретая значение, она становится за счет этого социальной ценностью. Естественно, общественная ценность может иметь много значений, соотносясь с разными видами деятельности» [13, 344].

Также исследователи говорят о личностных установках, под которыми они понимают «процесс индивидуального сознания, определяющий реальную или возможную активность индивида в социальном мире... Установка, таким образом, является индивидуальным двойником общественной ценности; деятельность в любой своей форме является связующим звеном между ними» [Там же]. Регулятивная функция ценностей реализуется за счет их влияния на формирование установок личности — «субъективных характеристик членов социальной группы», определяющих реальную или возможную активность индивида в обществе [Там же, 348]. Мы полагаем, что определение, данное этими авторами, является

одним из наиболее приемлемых для нашего исследования. В нем ценность рассматривается как сложный феномен, возникающий в результате взаимодействия представлений субъекта (личности) и объективной реальности, которая в ряде их работ трактуется как творимая субъектом.

Под ценностью общего образования мы понимаем представления о значимости образования и отношение к нему как к цели и средству получения знаний, умений, навыков, компетенций, необходимых для жизнедеятельности в обществе, в процессе образовательной деятельности учащимися средних образовательных учреждений.

Данные категории (ценность и установка) позволяют зафиксировать два уровня функционирования ценности образования. С одной стороны, она имеет личностное значение, опосредованное сознанием отдельного индивида, в нашем случае — учащегося, с другой стороны — групповое значение, значение отдельной ценности, разделяемое всеми членами социальной группы одинаково (группой учащихся). У. Томас и Ф. Знанецкий подчеркивают, что «если члены определенной группы идентичным образом реагируют на определенные ценности, то это происходит потому, что они были социально приучены делать именно так, потому, что традиционные правила поведения, доминирующие в данной группе, навязывают ее члену определенные способы решения практических ситуаций, встречающихся в жизни» [13, 348]. Таким образом, применительно к ценности общего образования можно сказать, что ориентация учащегося на данную ценность детерминирована, с одной стороны, его природной предрасположенностью, с другой стороны, социальной заданностью (требованиями общества и существующим в стране общественным мнением). Идея исследователей о том, что основой жизнедеятельности общества выступают ценности, а само общество является комбинацией культурных ценностей (религии, техники, языка и т. д.), но не естественной (природной) системой, состоящей из индивидов, имеет важное методологическое значение для анализа избранной проблемы исследования.

Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического исследования, проведенного авторами в 2018 г. в общеобразовательных школах Екатеринбурга. Цель исследования — изучение представлений школьников и учителей о ценности общего образования.

Методы, используемые в исследовании, сочетают количественную и качественную стратегию — анкетный опрос и глубинное интервью. Опрос учеников был произведен в технике анкетирования: в исследовании приняли участие 500 учащихся школ и гимназий Екатеринбурга. Опрос учителей был проведен в технике глубинного интервью: в исследовании приняли участие 15 учителей из нескольких школ города, преподающих разные предметы, имеющих разный стаж преподавания.

Результаты исследования. В рамках изучения ценности общего образования для учащихся нам представляется важным анализ их системы ценностей. В процессе исследования учащимся было предложено проранжировать ценности по степени их важности. Как уже отмечалось, ценности представляют собой ориентир

в сознании личности, в соответствии с которым выстраивается жизнедеятельность, в том числе и деятельность личности в образовательной сфере.

В нашем исследовании использовалась модифицированная версия методики М. Рокича, направленная на выявление иерархии ценностей личности. На основе рассчитанной средней взвешенной получен следующий рейтинг ценностей учащихся (см. таблицу).

Мнение учащихся о наиболее важных ценностях

Ценность	Ранг
Самореализация	1
Семья	2
Дружба	3
Любовь	4
Образование	5
Материальное благополучие	6
Здоровье	7
Творчество	8
Карьера	9
Вера	10

Как видим, приведенный выше рейтинг, дает представление о том, что опрошенные учащиеся в первую очередь ориентированы на достаточно универсальные ценности — семью, дружбу, любовь. На первое место вышла ценность самореализации, что вполне закономерно для подросткового возраста, свойственного человеку юношеского максимализма. Что касается ценности образования, то она, к сожалению, заняла пятое место в системе ценностей респондентов. В целом же анализ результатов исследования дает основание заключить, что ведущие места у учащихся занимают общечеловеческие, гуманистические ценности, которые доминируют в общественном сознании современного постиндустриального общества, что подтверждается данными других исследований [7, 8, 11].

Как указывают многие исследователи, современная молодежь (в нашем случае именно школьники) осознает ценность образования сегодня [6, 10].

Несмотря на то что в иерархии ценностей учащихся образование заняло пятое место, исследование показало, что 86 % опрошенных школьников считают его важной составляющей жизни современного человека. Однако здесь мы столкнулись с обозначенным выше противоречием: несмотря на осознание важности образования и осознание того, что знания, умения, навыки, полученные в школе, пригодятся в дальнейшей жизни (как отметили 76 % учеников школ), многие школьники указали на то, что не испытывают интереса к обучению в школе (60 %). Также 65 % опрошенных школьников занимаются в учреждениях дополнительного образования по причине того, что им не хватает знаний, получаемых в школе, для

успешного обучения. Все это говорит о снижении ценности школы и школьного образования в системе ценностей учащихся.

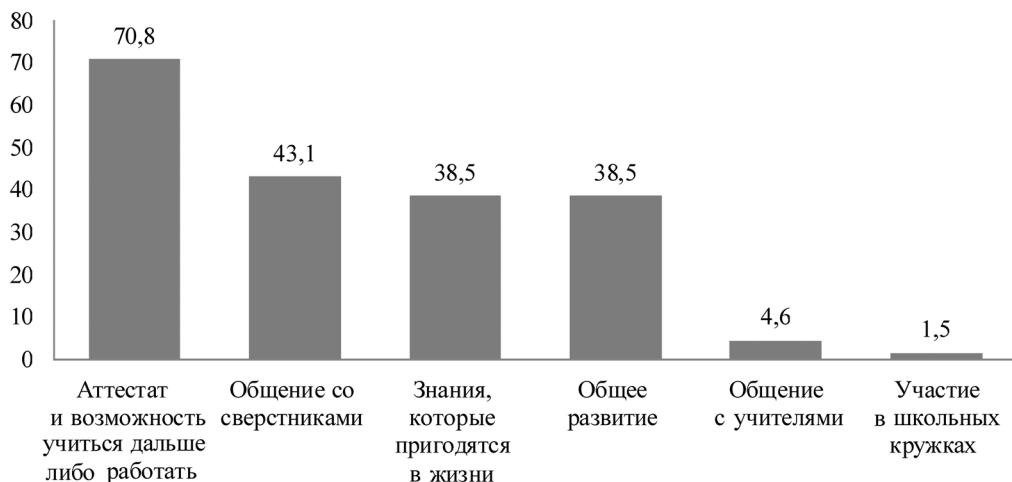
В исследовании нас интересовали причины, по которым происходит снижение ценности школы и школьного образования как такового у старшеклассников. Исследование показало, что, во-первых, это происходит потому, что большинство респондентов (68 %) рассматривают свою школу как место, не очень комфортное для пребывания. С одной стороны, это связано с тем, что зачастую здание школы требует ремонта; занятия проводятся в две смены; отсутствует необходимое современное оборудование для проведения экспериментов и пр. Более удовлетворены помещением, в котором находится их школа, распорядком дня и прочим ученики гимназий и лицеев. С другой стороны, частые проверки со стороны контролирующих органов образования, необходимость «натаскивания» на ЕГЭ (Единый государственный экзамен) и его сдачу также снижают ценность как школы, так и школьного образования. На это указал каждый второй опрошенный школьник. Данные анкетного опроса подтвердили результаты качественного исследования: *«Очень много в школе “бумажной работы”. Нас замучили постоянные проверки, написание отчетов... К тому же мы обязаны готовить учеников к ЕГЭ, от сдачи которого во многом зависит наш успех (зарплата и т. д.)... За подготовкой учащихся к ЕГЭ, “натаскиванием” их на умение решать тесты теряется основной смысл школьного образования — передать ученику знания и навыки, сформировать компетенции, которые необходимы ему во взрослой жизни. А значит, теряется и его ценность. Заучивание фактов, зачастую не умея связывать их, умение писать тесты (ставя галочки и пр.) вряд ли является задачей школы и необходимыми компетенциями, которые ученикам пригодятся в жизни»* (А. И., преподаватель истории).

Во-вторых, респонденты негативно отзываются о качестве получаемого в школе образования. Исследование зафиксировало: чем старше учащийся, тем более негативно он оценивает качество образования в своей школе; 83 % опрошенных ответили, что получают в школе недостаточное количество знаний, что вынуждает их посещать репетитора или дополнительные занятия, начиная с обучения в младших классах. Мнение об учителях разделилось: примерно 49 % учеников отметили, что им достаточно внимания со стороны учителя на уроке, остальные подчеркнули дефицит внимания. Более всего деятельностью учителей удовлетворены учащиеся гимназий и лицеев. Такая ситуация вполне объяснима: именно здесь работают учителя с высоким уровнем профессионализма.

В исследовании нас интересовал вопрос о том, что хотят получить учащиеся от школьного образования, какие функции оно выполняет для них (см. рисунок).

Исследование показало, что большинство респондентов (70,0 %) получение образования рассматривают как возможность получить аттестат, далее — работу или возможность дальнейшего обучения после завершения обучения в школе; 43,5 % опрошенных учащихся указали на то, что школа им дает возможность общения со сверстниками. По 38,5 % респондентов отметили, что в школе они получают знания, которые могут пригодиться в будущем, и общее развитие. Таким образом, исследование показало, что по своему характеру ценность общего образования

для большинства школьников (70,0 %) является сегодня преимущественно инструментальной, выступая важнейшим средством удовлетворения различных потребностей и целей, таких как получение аттестата, изменение своего статуса (продолжение образования в вузе или среднем специальном учреждении, возможность устроиться на работу), коммуникация. Однако, говоря о коммуникативной функции образования, учащиеся выделяют лишь одну сторону коммуникации — взаимодействие со сверстниками. Коммуникация учащихся с учителями получила весьма низкую оценку. На нее, как на важную ценность и функцию школьного образования, указали лишь 4,6 % респондентов, что коррелирует с данными об удовлетворенности учащихся деятельностью учителей.

Цели школьного образования для респондентов, % от опрошенных

Таким образом, исследование зафиксировало, что состояние ориентации школьников на ценность основного и среднего общего образования можно оценить как негативное. С точки зрения учителей, которые были опрошены в качестве экспертов, школьное образование стремительно теряет свою ценность, что связано с несколькими факторами. Во-первых, информанты отметили нарастающую тенденцию снижения авторитета учителя, что подтвердили результаты количественного исследования. Учитель — ключевая фигура в образовательном процессе, и если он утрачивает свою ценность как педагог и теряет авторитет у ученика, то теряет ценность и школьное образование в целом. Нашими информантами в ходе исследования были выделены следующие группы проблем, касающиеся деятельности школьных учителей. Одной из главных является низкий уровень компетенций, профессионализма современных учителей. Преподаватели школы неоднократно утверждали, что уровень компетенций их коллег не на очень высоком уровне: *«Старый учитель не может говорить с детьми на одном языке, не понимает целей образования. Уже не надо 40 минут рассказывать то, что ребенок “загуглит” и в иконографике найдет... Молодые учителя: очень плохая*

предметная составляющая, приходят учителя русского безграмотные, учителя литературы, не читавшие Пушкина...» (учитель русского языка и литературы, стаж преподавания 23 года).

Вторая проблема связана с низким уровнем заинтересованности учителей в своей профессии: *«Некоторым учителям безразлично, как ребенок учится. Будет низкий рейтинг, ну поругают нас немного, ну и ладно. Нет мотивации заинтересовать ребенка. Поорать на ребенка — это нормально. Стонать, как достала работа, — это нормально. Учителям не нравится их работа, и понятно, что дети тоже не будут видеть ценности в этом»* (учитель истории и обществознания, стаж преподавания 1 год); *«Многие разочаровываются в этом и просто ходят на работу, как другие ходят на завод, например»* (учитель истории и обществознания, стаж преподавания 15 лет). Исследование показало, что особенно разочарованию в профессии подвержены молодые учителя со стажем до пяти лет. Данные информанты выразили достаточно пессимистическую точку зрения в отношении своей роли в учебном заведении: *«Вроде слышали где-то, что это “прикольнo”, а на собственном опыте думаешь: “боже ты мой!”. Сколько работаю, все это время не ощущал себя человеком, который занимается какой-то крутой профессией. Я работал и продавцом, и официантом. И тут ощущение почти такое же, будто ты что-то продаешь»* (учитель ОБЖ, стаж преподавания 2 года).

Отсутствие профессиональной идентичности учителей — одна из важных проблем, влияющих на снижение ценности школьного образования у учащихся. Учителя отмечали, что наблюдают в коллективе разобщенность, связанную: а) с отсутствием общей миссии и образовательной цели; б) разделением предметов на «важные» и «неважные». В ответах информантов четко прослеживается разделение «хороший — плохой учитель»: *«Я считаю, образование — это ценность, потому что оно в жизни помогает. Для других учителей — не всегда. Мы работаем в одном коллективе, и если в чем-то дает промах один учитель, это отразится на работе всех остальных. Если кто-то попустительствует на уроке, они начнут делать так же на других: “там же можно так делать”. Единого коллектива учителей, которые с какой-то миссией идут, его в школе нет. Из-за этого трудно, это вызывает диссонанс у детей»* (учитель математики, стаж преподавания 1 год).

Разделение предметов по степени их важности — одна из самых распространенных проблем, по мнению информантов, и именно она негативно сказывается на авторитете учителя в целом: *«Поднят авторитет математики, ее нельзя пропускать. А с урока физкультуры ты можешь уйти. Этими маленькими ситуациями рождается отношение к предмету и учителю»* (преподаватель ИЗО, стаж преподавания 19 лет).

Таким образом, большинство информантов указали на разочарование и профессиональное выгорание других учителей, противопоставляя этому свою вовлеченность в образовательный процесс.

В целом часть учителей, участвовавших в исследовании, настроена достаточно оптимистично. Несмотря на тенденцию к усилению мнения о снижении ценности образования, большинство информантов считают свою роль в жизни учеников исключительно важной.

Помимо традиционной функции передачи ученикам знаний, умений, навыков учителя говорили и о функции наставничества и просвещения: *«Если ребенок несобранный, неорганизованный, нерешительный, то, разучив одну-две песни, которые бы ему помогли, он как-то находит себя и в жизненной ситуации»* (учитель музыки, стаж преподавания 40 лет); *«Обществознание во многом учит ребенка, как многое в жизни делать: какие у него права и обязанности, как устроена его страна, то есть полезные знания для будущего гражданина. Чтобы когда вышел из школы, понимал, как устроен мир, общество в котором он живет»* (учитель истории и обществознания, стаж преподавания 1 год); *«Научить ребенка учиться. Школа делает все не для того, чтобы сдать экзамен, а сам стремился к этим знаниям... научить быть человеком хорошим. Воспитание в широком смысле. Отношение к окружающим, семье. Воспитание плюс учение»* (преподаватель ИЗО, стаж преподавания 19 лет).

Исследование зафиксировало противоречие: учителя видят ценность знаний, умений, компетенций, которые дают лично они, и ставят под сомнение возможности своих коллег.

Во-вторых, снижение ценности школьного образования, по мнению учителей, участвовавших в интервью, связано с особенностями современных школьников. Исследование показало, что образование воспринимается ими достаточно прагматично. По мнению учителей, внимание учащиеся уделяют только «нужным» для поступления предметам; сама школа воспринимается как некая ступень, которую необходимо пройти, чтобы попасть во взрослую жизнь. К тому же первостепенное значение для школьника имеют не знания, которые даются в школе, а статус, которые они позволяют получать, — «отличник», «медалист»: *«Цель — чтобы его, особо не напрягая, с хорошими оценками выпустили из школы, после чего он поступает в выбранный вуз. При этом что-то делать он согласен только по профильным предметам. По поводу прочих предметов — искреннее непонимание, зачем тратить на них время, ведь они бесполезны (по их мнению); «Ценность школьного образования сугубо инструментальная»* (учитель истории и обществознания, стаж преподавания 15 лет); *«Пятый класс спрашивает не об интересной профессии, а о том, сколько там платят, в какой нужно институт поступить, чтобы много платили»* (учитель музыки, стаж преподавания 27 лет). Опрос школьников подтвердил это мнение. Как мы отмечали выше, 70 % опрошенных указали на то, что самое главное, что они могут получить в школе, — это аттестат и возможность учиться (работать) дальше.

Портрет современного школьника в целом выглядит достаточно негативно, с точки зрения учителей. Большинство из них отметили, что сейчас школьник достаточно уверенно себя чувствует в своей социальной роли: много знает о своих правах, о правах и обязанностях учителей: *«Он хорошо знает о том, что может делать, а что не может, то есть о своих правах. О правах учителя. Например, сказать “поставлю тебе двойку за поведение” нельзя, потому что они знают, что двойки за поведение в журнал нельзя ставить. Они “подкованы”; «Как-то у меня было синее платье, обычное, и кто-то из детей сказал: “Вообще-то, в школе есть деловой стиль, а у вас не очень деловое сегодня платье”. Так что даже мне делают*

замечания. Они не видят грань, что они могут говорить, а что нет. Они могут позволить себе и более старшим преподавателям сказать такие вещи. Не чувствуют этой субординации, которая должна присутствовать» (учитель истории и обществознания, стаж преподавания 1 год).

В-третьих, снижение ценности школьного образования, по мнению учителей, участвовавших в интервью, связано с отношением родителей к учебному заведению и учителю. Родители, по мнению учителей, как и школьники, относятся к школьному образованию с достаточной прагматичностью: «Отношение чисто утилитарное, восприятие школы как “камеры хранения”: отдал ребенка на 11 лет, и можно жить спокойно. В большинстве случаев именно так относятся к школе. Пробелы в знаниях детей родители предпочитают объяснять некомпетентностью учителя, личной неприязнью учителя к ученику — всем, чем угодно, связанным с учителем. Крайне редко кто ищет проблему в своем ребенке и в себе» (учитель математики, стаж преподавания 7 лет).

Как отметил один из информантов, «родители и учителя — две вечно воюющие стороны». Негативное отношение родителей к учителям транслируется в семье, и дети усваивают схожие установки с родителями в отношении школы и учителей. Соответственно ценность школьного образования в глазах этих участников образовательного процесса очень незначительна.

***

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Общее (школьное) образование для большинства учащихся и их родителей является инструментальной ценностью, связанной с изменением статуса, престижа учащегося после окончания школы. Доминирующая сегодня статусно-престижная ценность школьного образования сохранит, вероятно, свое лидирующее положение в ближайшей перспективе, разделив его, возможно, с экономической (материальной) ценностью.

Проблемами, связанными с деятельностью учителей и негативно влияющими на ценность школьного образования у учащихся, являются низкий уровень профессионализма у большинства учителей, отсутствие их профессиональной идентичности, разочарование профессией, высокий уровень профессионального выгорания, низкий престиж профессии в обществе.

Незаинтересованность большинства учеников и их родителей в получении широкого образовательного знания, их заинтересованность в инструментальном знании — одна из проблем снижения ценности общего образования.

Ведущими факторами, влияющими на снижение ценности школы и общего среднего образования у школьников, являются учителя, родители и сами школьники (их прагматизм по отношению к получению образования).

Исследование выявило ряд противоречий: учителя видят ценность знаний и умений, которые дают лично они, однако при этом ставят под сомнение возможности своих коллег; большинство школьников осознают ценность и необходимость школьного образования, однако у большинства из них отсутствует интерес к его получению.

Таким образом, можно отметить нарастающий в обществе тренд: повышение ценности образования в целом в обществе, в том числе и у учащихся школ, и снижение ценности школы. Школа перестает быть актуальным источником знаний, умений и навыков, теряет свою социальную значимость в глазах как родителей и детей, так и самих учителей.

1. Андреевкова А. В. Материалистические/постматериалистические ценности в России // Социс. 1994. № 11. С. 73–81.
2. Валиев Ш. З. Роль образования в общественном воспроизводстве // Экономика и управление. 2001. № 5. С. 65–68.
3. Воинова О. В. Мировой рынок образования // Социология образования. 2008. № 1. С. 56–82.
4. Галаган А. И. Современное состояние мирового рынка образовательных услуг и положение на нем России // Социально-гуманитарные знания. 2004. № 3. С. 61–75.
5. Кртјаја Ж. The curriculum ideologies: what to expect from education. Current state and perspectives in Serbia // Sociologija. 2014. 56. P. 286–303. Doi:10.2298/SOC1403286K
6. Мојић Д. Means of getting ahead in post socialist Serbia: perceptions and preferences of young people // Sociologija. 2012. 54. P. 303–314. Doi:10.2298/SOC1202303M
7. Гершунский Б. С. Философия образования для XXI века. М., 1998.
8. Грунт Е. В. Жизненные и семейные ценности семей в современной России: региональный аспект. Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : коллектив. моногр. (по материалам XX Международ. конф., второй этап). Екатеринбург, 2017.
9. Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1995
10. Мастикова Н. С. Ценности россиян: что следует из сопоставления статистик международных исследований // Социол. журн. 2013. № 1. С. 31–46
11. Порожняков А. С. Государственная, общественная и личностная ценность образования [Электронный ресурс]. URL: file:///C:/Users/1/Downloads/gosudarstvennaya-obschestvennaya-i-lichnostnaya-tsennost-obrazovaniya%20(1).pdf (дата обращения: 01.05.2018).
12. Сериков Г. Н., Сериков С. Г. Качество образования как ценность [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-obrazovaniya-kak-tsennost> (дата обращения: 01.05.2018).
13. Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М., 1994.
14. Хлудеева И. В. Влияние ценностных ориентаций на развитие личности [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsennostnyh-orientatsiy-na-razvitie-lichnosti> (дата обращения: 01.05.2018)
15. Щелкунов М. Д. Образование как общественное благо и культурная ценность [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-obschestvennoe-bлаго-i-kulturnaya-tsennost> (дата обращения: 13.03.2018).

Рукопись поступила в редакцию 23 июня 2018 г.

УДК 316.356.2 + 316.772.3-058.8 + 004.77

В. В. Полякова

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В МОЛОДОЙ СЕМЬЕ ПОСЛЕ РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА

Статья посвящена анализу системы коммуникации в молодой семье после рождения ребенка у супругов в возрасте 20–30 лет. Акцент сделан на выявлении изменений в структуре и содержании коммуникации после рождения ребенка-первенца. В ходе исследования использованы общенаучные и специальные методы (анкетирование и контент-анализ материалов форумов). Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что после рождения ребенка в семье повышается значимость внутрисемейной коммуникации (с супругом, прародителями), снижается интенсивность коммуникации с друзьями, дефицит непосредственной коммуникации компенсируется посредством социальных сетей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: супруги, молодая семья, семья с ребенком, коммуникативное взаимодействие, социальные сети.

Семья представляет собой постоянно меняющийся союз супругов, их детей, представителей старшего поколения, между которыми происходит постоянное обсуждение различных проблем, ситуаций, возникающих в повседневной жизни. Содержание, направленность коммуникации зависят от того, на каком этапе развития находится конкретная семья. Появление ребенка-первенца становится важнейшим фактором изменения общения супругов между собой, а также с родителями, друзьями. Происходящие преобразования в коммуникации могут привести как к укреплению семейного союза, так и к угрозе его распада.

В связи с этим актуальными становятся социологические исследования, позволяющие раскрыть специфику изменения характера, содержания общения в молодой семье после рождения первенца и проанализировать новые (замещающие) формы коммуникативного взаимодействия, используемые молодыми супругами.

Особенностью внутрисемейных отношений является то, что они выступают в форме отношений межличностных, которые осуществляются в процессе непосредственного общения между членами семьи. В свою очередь, коммуникация является одним из социально-психологических механизмов становления личности, а потребность в межличностном общении носит общечеловеческий характер и является фундаментальной высшей социальной потребностью любого индивида. Коммуникативное взаимодействие для семьи является ключевым компонентом ее жизнедеятельности. Оно определяет уровень эффективности функционирования семьи, ресурсы ее роста и развития.

На основании распределения ролей и характера общения С. В. Ковалев предложил «классификацию типов коммуникативного взаимодействия в семье» [2, 102]:

— сотрудничество (предполагает гибкое распределение ролей в зависимости от стадии жизненного цикла семьи; наличие взаимной поддержки и взаимопомощи, высокого уровня эмпатии и готовности вместе решать возникающие конфликты);

- паритетные отношения (предполагают союз, который основывается на взаимной выгоде и равных правах партнеров);
- соревнование (присутствует стремление к первенству на фоне сохранения доброжелательного отношения);
- конкуренция (наличие желания обойти партнера любыми средствами, главенство над ним рассматривается как единственный вариант самоутверждения);
- антагонизм (предполагает наличие дисфункциональности и дисгармоничности в семье, противоречивость интересов ее членов).

В зависимости от субъектов коммуникации Р. Нойберт выделял в своих работах следующие этапы семейных отношений: жизнь вдвоем, жизнь после рождения детей, воспитание детей старшего школьного возраста, отделение детей от родителей и воспитание внуков [6, 28].

Прибавление в семье — особый период в жизни молодых супругов. Появление первого ребенка выступает фактором, который ведет к серьезным изменениям в привычном укладе жизни семьи. Данное событие неизбежно приводит в трансформации сформировавшихся у обоих супругов привычек и интересов.

Можно выделить ряд характерных тенденций, которые возникают в семье в этот период. Во-первых, происходят трансформация ролей в семье и концентрирование внимания женщины на традиционных внутрисемейных ролях. Во-вторых, возрастает ригидность ролевой структуры семьи. В-третьих, изменяется образ жизни супругов, в частности, сокращается время на досуг и общение с друзьями на фоне возрастания временных затрат на домашний труд, напряженности между супругами. В-четвертых, у молодых родителей растет чувство ответственности и тревоги за будущее семьи и благополучие своего ребенка. В-пятых, уменьшается время на общение супругов, что нередко ведет к возникновению проблем сексуального характера и появлению чувства утраты любви.

Важное место в семейных отношениях после рождения ребенка занимают отношения молодых родителей с прародителями и ближайшими родственниками. В данном ролевом пространстве происходит трансформация отношений между молодыми супругами и прародителями, которые теперь основываются на признании нового возрастного и ролевого статуса супругов — родителей ребенка.

Еще одной особенностью функционирования семьи в период появления первенца является уменьшение свободного времени, проводимого супругами друг с другом. А. Я. Варга акцентирует внимание на том, что «до появления ребенка муж и жена стремились к проведению досуга совместно, а после появления ребенка это зачастую приходится делать в одиночку, поскольку один из супругов должен оставаться с ребенком, особенно если у родителей и родственников отсутствует возможность подменить их в необходимое время» [1, 202].

Важно обратить внимание на то, что после рождения ребенка границы семьи и внутрисемейных подсистем трансформируются. Ранее найденные молодыми супругами способы взаимодействия и разрешения проблем теперь им не подходят, поскольку они вышли из поля «взаимодействие на двоих». Теперь семье необходимо реорганизоваться с целью решения новых проблем и выработки правил взаимодействия при выполнении родительских обязанностей.

С целью выявления особенностей коммуникативного взаимодействия в молодой семье после рождения ребенка в 2018 г. нами было проведено социологическое исследование среди жителей Екатеринбурга. Информация была получена посредством анкетирования родителей 20–30 лет с первым ребенком 0–5 лет (200 человек). Все опрошенные состоят в официальном браке, из них 28 % — в возрасте младше 25 лет, 72 % — в возрасте 25 лет и старше. Большую часть респондентов составили женщины (83 %). Методом контент-анализа в рамках механической выборки проанализированы темы форума «Мой ребенок» (100 ед.) [3].

Для выявления изменений в семейной коммуникации, связанных именно с рождением первенца, в рамках сравнительного анализа использовались материалы исследований О. П. Нечепоренко и О. В. Уфимцевой, которые изучали систему коммуникации в семье без детей (официальный брак) [5].

В современной российской семье распределение обязанностей по дому происходит в зависимости от умений, навыков, договоренности и степени занятости супругов. Это распределение обусловлено трансформацией традиционной модели семьи (женщина занята преимущественно «внутрисемейными делами», мужчина обеспечивает связь семьи с внешними институтами), снижением ценности семьи и брака в обществе, появлением новых форм брачно-семейных отношений, наличием относительной свободы каждого из супругов внутри семьи (свой круг друзей, свое хобби) [4]. После рождения ребенка частично происходит традиционализация семьи, которая предполагает концентрирование внимания женщины на семейных ролях, а именно на роли матери. Анализ полученных результатов показал, что большинство женщин значительную часть времени (более 5 часов в день) уделяют ребенку, супругу в среднем женщина готова уделить 1–2 часа в день. Выявленное распределение временных ресурсов женщины в семье между супругом и ребенком усложняет сложившуюся структуру коммуникации и способствует формированию иной системы приоритетов в общении внутри семьи. Супруг в этом случае переходит из категории «основной объект» внутрисемейной коммуникации со стороны супруги в категорию «второстепенный объект» коммуникации (по сравнению с ребенком). В сложившихся условиях супругам становится сложнее найти время на общение друг с другом, не связанное с воспитанием ребенка, что способствует росту напряженности в молодой семье и усилению конфликтов между молодыми супругами.

Результаты исследования показали, что те женщины, которые уделяют меньше всего времени на общение с мужем, а именно до 1 часа, характеризуют свои взаимоотношения с супругом «как кошка с собакой». Важно отметить, что, несмотря на «погруженность» в тесное, прежде всего эмоциональное, взаимодействие с ребенком, женщины отмечают нехватку внимания, ласки к себе со стороны супруга, которые подтверждали бы сохранение любви, поддержки и уважения. На фоне снижения уровня коммуникативной активности между молодыми супругами усиливается роль общности семейных ценностей, супруги совместно обсуждают вопросы воспитания и заботы о ребенке.

Взаимодействие между мужем и женой идет через призму «общесемейного блага» с ориентацией на первенца. Формируется «семейный язык», который имеет

легкоузнаваемые семейные символы, нормы, традиции. Подтверждение этой идеи наглядно отмечается в высказываниях на форуме: *«Появление младенца в нашей семье дало нам надежду на будущее, появились новые цели в жизни, стремление обучить и научить нового человека всему, изучать мир вместе с ним и показывать ему этот мир»* (женщина, 21 год). Такое коммуникативное взаимодействие в семье чаще всего определяется как сотрудничество, когда супруги распределяют между собой роли в зависимости от возраста ребенка, вместе решают конфликты, поддерживают друг друга.

Конфликтные ситуации между членами семьи существуют на разных этапах семейных отношений. Однако следует отметить, что супружеский конфликт, как проявление неудовлетворенной потребности, различается в зависимости от содержания общения [7]. По результатам проведенного анализа можно сказать, что как до рождения ребенка, так и после рождения большая часть супругов (53 %) оценивают свои взаимоотношения так: «есть конфликты, но находим компромиссы». После рождения ребенка содержание таких конфликтных ситуаций в большей степени связано с хозяйственно-бытовой и воспитательной сферами жизни молодой семьи, например, распределением бюджета семьи, временных ресурсов на домашние дела, обсуждением вопросов воспитания.

До рождения первенца, супружеские конфликты чаще связаны со сферой эмоционально-психологического комфорта, базирующейся на межличностной коммуникации между супругами. Согласно исследованию О. П. Нечепоренко и О. В. Уфимцевой супруги без детей предпочитают концентрировать свое внимание друг на друге. Но если возникают конфликты, то у женщин они чаще всего связаны с невниманием супруга (37 %) и недостатком совместно проведенного времени (31 %), мужчины чаще называют такие трудности, как невнимательность и требовательность со стороны супруги (31 %), недоверие и недопонимание (25 %). При этом и женщины, и мужчины указывают, что совместно проводят 5 часов в день и более [5]. Указанные различия в оценке взаимодействия, с одной стороны, связаны с общей тенденцией индивидуализации молодых супругов в браке, которые при создании союза часто ориентированы на собственные ценности, интересы и стараются «навязать супругу свою позицию». После рождения первенца, в условиях ситуации сотрудничества, их индивидуальные интересы естественным образом подчинены интересам ребенка. С другой стороны, различия обусловлены спецификой восприятия коммуникации мужчинами и женщинами.

Коммуникация в семье без детей открытая, она не предусматривает специально отведенное время для возможности общения. Невнимание супруга, по мнению женщин, чаще всего связано с дефицитом информации, которой он с ней делится во время совместного времяпрепровождения; к данной информации можно отнести недостаток подтверждений в любви, эмоциональной поддержке, сопереживанию. Требовательность и недопонимание жены, по мнению мужчин, связаны с излишним запросом на эмоциональную составляющую их общения. После рождения ребенка общение между супругом лимитировано интересами ребенка и проявлять «настроенность» друг на друга супругам становится сложнее.

Та часть молодых родителей, которые имеют конфликты и не находят компромиссы, предпочитают искать решение своих проблем на форумах. При проведении контент-анализа форумов мы пришли к выводу, что у 32 % женщин возникают проблемы с супругом после рождения ребенка. Подавляющую часть участников обсуждений составляют женщины, которые обращаются на форум за советом о том, как разрешить конфликтную ситуацию с мужем, так как их взаимоотношения ухудшились. Используя такую опосредованную коммуникацию, женщины пытаются найти новые способы взаимодействия и разрешения проблем взаимоотношений с мужем, выстраивания структуры коммуникации. В 94 % случаев авторы темы форума получают рекомендации, советы по поводу разрешения конфликтов и положительно к ним относятся во многом благодаря анонимному характеру такого типа коммуникации. Использование форумов для поиска способов разрешения супружеских конфликтов с одной стороны — специфическая форма взаимодействия молодежи в современном обществе, а с другой — естественный выход из ситуации для молодой матери при недостатке времени и условий для обсуждения таких проблем при совместных встречах с подругами и родственниками.

Еще одной естественной особенностью функционирования молодой семьи в период появления первенца является уменьшение свободного времени, особенно проводимого супругами друг с другом. По результатам исследования спецификой совместного времяпрепровождения молодых родителей становится совместное выполнение хозяйственно-бытовых обязанностей: поход за покупками, уборка дома. В связи с этим досуг, как форма самореализации в любимом деле на регулярной основе, практически исчезает из жизни молодых родителей. Следует отметить, что в период воспитания ребенка до 5 лет досуг молодых родителей приобретает форму «свободное время вне семьи» с целью переключиться с выполнения домашних дел, не связанных с воспитанием, — в этом случае супруги «отпускают» друг друга «погулять, развеяться». Безусловно, аналогом досуговой деятельности в этот период становится общение с родственниками супругов, прежде всего с родителями.

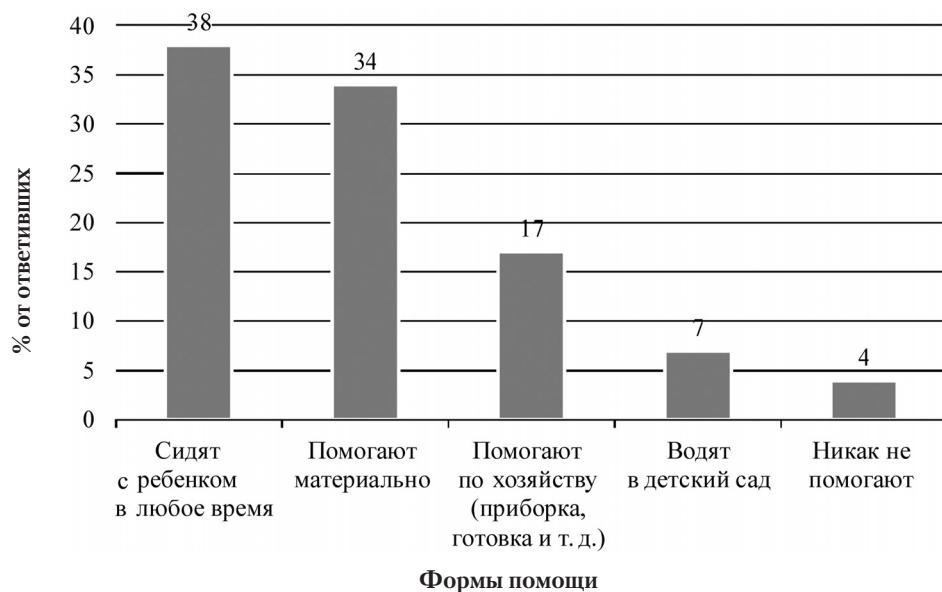
Психологический климат в молодой семье во многом зависит от того, каким образом складываются отношения между представителями различных поколений взрослых людей в семье, между супругами и их родителями. В современном обществе, когда молодые супруги (часто при поддержке родителей) стремятся жить отдельно, в период супружества, до рождения ребенка, они обычно мало времени проводят вместе со своими родителями. С одной стороны, это обусловлено объективными причинами — высоким темпом жизни, сверхнормированной занятостью (обусловленной построением карьеры и финансовой обеспеченности); с другой стороны, коммуникативные взаимодействия носят индивидуальный характер, присутствует некоторая утилитарность общения: молодые супруги уже не нуждаются в родителях, «живут своей жизнью», строят свою семью самостоятельно; в определенной степени разница в образе жизни объективно снижает потребность в коммуникативном общении с родителями.

Кардинальным образом меняются взаимоотношения молодых супругов с родительской семьей/родственниками после появления ребенка. С появлением

малыша многие родители нуждаются в помощи старшего поколения. Из высказываний на форумах: «... родители постоянно у нас, с малышом гуляют, кормят, покупают игрушки» (женщина, 25 лет).

Согласно результатам проведенного исследования помощь близких родственников разделяется на материальную, «помогают по хозяйству», «сидят с ребенком», «водят в детский сад».

На рисунке наглядно видно, что две основные формы помощи родителей супругам — «сидят с ребенком» и «помогают материально».

Формы помощи родителей молодой семье с ребенком, % от ответивших

Безусловно, постоянная помощь со стороны родителей и прародителей приводит к интенсификации личных встреч. Большинство молодых родителей согласились с тем, что не только чаще видятся с близкими родственниками после рождения ребенка, но и проводят больше времени совместно. Это связано с тем, что все основные праздники, такие как Рождество, Новый год, день рождения, супруги предпочитают проводить в кругу близких родственников, родителей. Между родителями и прародителями происходит открытая коммуникация, благодаря частым и продолжительным встречам появляется высокая активность взаимодействия, которое способствует обсуждению значимых проблем, появляется больше общих тем для обсуждения, в том числе касающихся методов воспитания, здоровья детей.

Активизация отношений молодых родителей с прародителями в период рождения первенца может стать источником взаимной поддержки, дать возможность перераспределить семейные ресурсы — материальные, физические, эмоциональные — в соответствии с новыми требованиями семьи после появления ребенка. Связь поколений, взаимная помощь, оказываемая родителями детям и детьми

родителям, является одной из важнейших сторон поддержания и сохранения семейных ценностей и характеризуется партнерским типом взаимодействия.

Помимо изменений во взаимоотношениях с прародителями появление нового члена семьи меняет коммуникацию молодых супругов в рамках дружеских отношений. Большинство супругов с первенцем (70 %) утверждают, что после рождения ребенка с друзьями стали видеться реже. До появления ребенка супруги встречались с друзьями каждые выходные, после появления ребенка большая часть — один раз в месяц (65 %). Возможно, это связано с тем, что у родителей с детьми вырабатывается свой режим, не все друзья могут подстроиться под него, приоритеты меняются и супруги больше времени вынуждены уделять ребенку. Эти выводы подтверждаются и результатами анализа материалов форума: «...*Взаимоотношения с друзьями желают быть и лучше. Хотелось бы видеться с ними чаще, но в связи с режимом дня ребенка это сделать сложно. Качество общения могло бы быть и лучше...*» (женщина, 21 год).

Помимо изменения частоты встреч с друзьями изменяется круг общения. После рождения ребенка большей частью общаются с супружескими парами, также имеющими маленьких детей. Это обусловлено тем, что после рождения ребенка меняются интересы, темы для разговоров связаны с общностью новых семейных ценностей. Можно отметить, что за помощью/советом к друзьям чаще обращаются те, кто старше 25 лет. Они готовы доверять опыту и мнению близких друзей. Молодые родители, младше 25 лет, реже инициируют обращение к друзьям за помощью/советом/рекомендацией. При этом потребность общаться с друзьями «больше, чем получается» преобладает у большей части молодых родителей первенцев вне зависимости от возраста.

Результаты исследований О. П. Нечепоренко и О. В. Уфимцевой свидетельствуют: до рождения ребенка у значительной части супругов (63 %) общение с друзьями находится в приоритете. При возникновении конфликтных ситуаций в семье оба супруга без детей вне зависимости от пола предпочитают обсуждать проблемы с друзьями (46 %). Они прислушиваются к советам и сами дают рекомендации в аналогичной ситуации [5]. У супругов без детей больше объективных возможностей общаться с друзьями для решения личных проблем и конфликтных ситуаций — они имеют больше свободного времени для встреч, уровень их коммуникативной активности выше, высокая степень доверия обусловлена самоидентификацией с группой. Все это приводит к эффективной с точки зрения разрешения проблем коммуникации.

В современном обществе появляются новые формы коммуникативного взаимодействия, которых не было ранее. Одной из таких широко распространенных форм взаимодействия родителей являются социальные сети. Независимо от наличия детей сегодня социальные сети являются популярным способом общения, особенно в молодежной среде, — ими пользуются подавляющее большинство родителей первенцев (92 %). Каждый может с помощью социальных сетей общаться с родственниками, друзьями, супругом, находить новых знакомых по интересам, делиться видео, фотографиями личного характера, вести блоги и т. д. С каждым годом количество социальных сетей, ориентированных на разные цели и тематики,

только увеличивается. Как показало наше исследование, наиболее востребованные сети среди молодых родителей — «ВКонтакте» (43 %) и «Инстаграм» (29 %).

В связи с этим социальные сети для молодых родителей — это эффективная и удобная альтернатива реальному общению. Согласно полученным результатам лишь менее 10 % молодых родителей в возрасте 20–30 лет не используют социальные сети, это говорит о популярности и востребованности данного вида общения. При том что большинство (90 %) используют социальные сети ежедневно. Наиболее активными пользователями социальных сетей являются супруги младше 25 лет, у которых уже появился ребенок. Именно в этой возрастной категории фиксируется наиболее длительный стаж использования социальных сетей — 5 лет. Вероятнее всего, приобщение молодых супругов к указанным социальным сетям связано с периодом получения образования — студенческим образом жизни, для которого характерны мобильность и оперативность получения/распространения информации, что объясняет востребованность такого типа коммуникации. В дальнейшем, в условиях дефицита времени на личные встречи, социальные сети продолжают выполнять функцию эффективной коммуникации по обмену информацией между молодыми родителями (прежде всего мамами), что часто носит элементы соревновательности.

Поскольку после рождения ребенка существенная часть молодых родителей (70 %) стали реже видеться с друзьями, естественно, что большая частота использования социальных сетей нацелена на взаимодействие с ними. Анализ материалов форумов подтверждает это предположение: «...Мы стали видеться реже, но общаемся так же хорошо благодаря социальным сетям...» (женщина, 23 года). Более половины молодых родителей (64 %) используют социальные сети именно для общения с друзьями. Эффективность коммуникативного взаимодействия с реципиентом с помощью социальных сетей повышается за счет высокой активности коммуникации, возможности в любое время обсудить значимые темы, при этом коммуникаторы с обеих сторон не затрачивают дополнительные ресурсы (временные, транспортные, территориальные, финансовые, отчасти эмоциональные) для организации реального общения.

Помимо общения с друзьями значительная часть опрошенных родителей (38 %) используют социальные сети как источник информации о семейных отношениях, новостях, полезных для воспитания ресурсах. Логично предположить, что поскольку женщины в семье больше времени проводят с ребенком (усиление внутрисемейных ролей), у них возникает дефицит реального общения и они чаще используют социальные сети именно для общения с друзьями. Однако результаты проведенного исследования показали, что большинство молодых женщин (85 %) используют социальные сети для получения новой информации о семье, воспитании, детях, а большинство мужчин (86 %) — для общения с друзьями.

При этом следует подчеркнуть разное отношение мужчин и женщин к содержанию категории «общение в социальных сетях». Для женщин общение — это и общение/обмен мнениями, и получение информации, которая может быть руководством к действию; мужчины же не рассматривают полученную в ходе коммуникации на форуме информацию как значимую. Вероятнее всего, данное

различие связано с тем, что у мужчин гораздо больше источников для получения новой информации о различных сторонах жизни, чем у женщин в период ухода за первенцем.

Таким образом, анализ коммуникативного взаимодействия молодых родителей после рождения первенца позволяет отметить изменения в структуре, форме и содержании общения. Прежде всего, взаимодействие между молодыми родителями изменяется и чаще всего определяется как сотрудничество, которое характеризуется распределением ролей, взаимной помощью, поддержкой, способностью решать конфликтные ситуации по поводу хозяйственно-бытовых вопросов совместно.

Второе по значимости место (после супружеских) в структуре коммуникативного взаимодействия в семье занимают паритетные взаимоотношения молодых родителей с прародителями: со стороны прародителей происходит материальная, духовная и нравственная поддержка, в свою очередь, молодые супруги начинают больше ценить общение с прародителями, что способствует возобновлению интенсивности коммуникации между молодой и прародительской семьей. Это обеспечивает обсуждение значимых проблем и общих тем, в том числе методов воспитания детей и их здоровья, что обуславливает большую степень доверия и в определенной мере преемственность между поколениями родителей. Правильное построение отношений с прародителями после рождения ребенка становится источником взаимной поддержки, дает возможность перераспределения семейных ресурсов (материальных, физических, эмоциональных) в соответствии с новыми условиями в семье после появления ребенка.

На третьем месте в структуре семейной коммуникации стоит коммуникация с друзьями, часто посредством социальных сетей. Появление первенца в молодой семье меняет даже самые близкие дружеские отношения: большинство молодых родителей признают, что после рождения ребенка с друзьями стали видеться реже. Эффективность коммуникативного взаимодействия с друзьями повышается с помощью социальных сетей за счет высокой активности коммуникации, возможности в любое время обсудить значимые темы, за счет чего диалог выстраивается более сдержанно и продуктивно. При этом коммуникация молодых мам через социальные сети часто носит соревновательный характер (за счет обмена фото- и видеoinформацией) с признаками дисфункциональности, непродуктивного времяпрепровождения (лайки, перепосты).

В заключение следует отметить, что анализ системы коммуникативного взаимодействия в молодой семье с ребенком-первенцем позволил зафиксировать трансформацию семейной коммуникации в этот период: сужение субъектов коммуникативного взаимодействия, повышение значимости взаимодействия с супругом, изменение содержания взаимодействия с прародителями, компенсацию потребности взаимодействия с друзьями посредством социальных сетей, распространение которых позволяет поддерживать интенсивность коммуникации с друзьями на прежнем уровне.

2. *Ковалев С. В.* Психология современной семьи. М., 1988.
3. Материалы социологического исследования по г. Екатеринбург, 2017 г.: анкетирование родителей 20–30 лет с первым ребенком 0–5 лет (200 человек) и контент-анализ форумов «Мой ребенок» (100 ед.).
4. *Меренков А. В., Рыбцова Л. Л.* Семейное воспитание: кризис и пути его преодоления. Екатеринбург, 1997.
5. *Нечепоренко О. П., Уфимцева О. В.* Ролевые установки и удовлетворенность семейными отношениями у молодых супругов без детей: гендерные установки. Омск, 2014.
6. *Нойберт Р.* Новая книга о супружестве. М., 1991.
7. *Сысенко В. А.* Супружеские конфликты. М., 1989.

Рукопись поступила в редакцию 31 августа 2018 г.

УДК 616-082 + 616-083 + 314.4-053.21.6 + 316.77:378

А. В. Старшинова

СОЦИАЛЬНО-ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В МЕДИЦИНСКОМ УЧРЕЖДЕНИИ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С ТЯЖЕЛЫМИ НАРУШЕНИЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В статье раскрываются возможности социально-проектной деятельности в медицинском учреждении как инновационного направления в решении актуальных проблем детей с тяжелыми нарушениями здоровья. С позиций социального конструирования осуществлен анализ опыта реализации социальных проектов детского медицинского центра. Представлены результаты социологических исследований, проведенных среди пациентов медицинского учреждения, что позволило обосновать преимущества практики привлечения студенческой молодежи к наставничеству над детьми-инвалидами, которое рассматривается в качестве инновационного социального проекта. Обосновывается положение о наставничестве как системе персональной поддержки в качестве ресурса личностного и социального развития детей-инвалидов, фактора их социальной интеграции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дети-инвалиды подросткового возраста, инновации, медицинский центр, наставничество, социально-проектная деятельность, социальный проект, студенческая молодежь, тяжелые нарушения здоровья, реабилитация.

Обращение к исследованию инновационных направлений в социальной реабилитации детей, имеющих инвалидность вследствие врожденных нарушений здоровья, вызвано реальными противоречиями между организацией реабилитационной работы и проблемами, свойственными этой группе детей. Одно из основных противоречий состоит в том, что преобразования российской системы здравоохранения, направленные на оптимизацию финансирования и организации предоставления медицинской помощи населению на принципах страхования, объективно снижают возможности немедицинских направлений комплексной реабилитации детей в условиях специализированного медицинского

учреждения [4]. Происходящие изменения диктуют необходимость поиска новых форм организации помощи детям с тяжелыми нарушениями здоровья: «Проблемы состояния здоровья населения, развития и функционирования здравоохранения требуют выработки новых подходов в решении проблем, которые не только бы соответствовали вызовам своего времени, но и работали на опережение» [3, 221].

В медицинском учреждении задачи социальной поддержки детей с ограниченными возможностями здоровья призваны решать специалисты по социальной работе, которые входят в штат сотрудников, выполняя различные функции помощи больным детям и их семьям. Значение социальной работы, в частности, социально-проектной деятельности и тех инновационных технологий, которые ее сопровождают, состоит в том, что они представляют собой существенный ресурс для решения проблем детей с ограниченными возможностями и их семей [8, 35]. Деятельность специалистов социальной работы связана с реализацией целей современной социальной политики в отношении детей с ограниченными возможностями — повышением уровня и качества жизни этой социальной группы, их полноценной социальной интеграцией. Одна из поставленных задач состоит в развитии социальных условий, позволяющих каждому ребенку-инвалиду максимально адаптироваться к современной общественной жизни.

Несмотря на происходящие изменения в восприятии людей с инвалидностью, в обществе сохраняются стигматизирующие их стереотипы, которые воспроизводят укоренившиеся общественные представления об инвалидах и тем самым объективно поддерживают изоляцию детей-инвалидов и их семей в обществе, затрудняя их полноценную социальную интеграцию. Расширение системы поддержки и помощи этой группе детей и семей благодаря разработке актуальных социальных проектов в их интересах, привлечению к реабилитации специалистов немедицинского профиля на основе развития гражданских инициатив — благотворительности, волонтерства, наставничества с участием молодежи — позволяет преодолевать сложившиеся стереотипы и по-новому формировать отношения с детьми и их семьями. Ценности взаимопомощи и взаимной поддержки, дружбы, сотрудничества, социальной солидарности, самоценности и уникальности каждого человека становятся факторами мотивации различных социальных групп и отдельных граждан к участию в помощи детям и их семьям [2, 144–154; 9, 194–195].

В течение нескольких лет мы проводили исследование с целью выявления потенциала социально-проектной деятельности в решении проблем детей, находящихся на лечении и реабилитации в медицинском центре. Мы исходили из следующих предположений. Во-первых, социально-проектная деятельность, представляя собой одну из социальных технологий в медицинском учреждении, направлена на развитие дополнительных ресурсов для решения актуальных проблем детей с тяжелыми заболеваниями. Реализация проектов способствует распространению инновационных практик социальной поддержки детей с тяжелыми заболеваниями и их семей, созданию новых организационных структур учреждения для повышения качества помощи, появлению новых возможностей профессионального развития специалистов медицинского учреждения. Во-вторых, реализуя проектную идею, учреждение мобилизует необходимые ресурсы,

выстраивает стратегию достижения целей проекта, что связано с изменением ценностных приоритетов в деятельности учреждения. В-третьих, если решение проектных задач дает ощутимый результат, предложенные в рамках проекта практики или конкретные технологии приобретают постоянный характер. Реализация одного проекта может выступить основанием создания другого.

Методология и методы. Наше исследование, проведенное в стратегии кейс-стади, базировалось на изучении опыта социально-проектной деятельности детского реабилитационного центра для детей с врожденными и приобретенными пороками развития. Анализ проблем детей с тяжелыми нарушениями здоровья в контексте системного, психосоциального, ресурсного и ряда других методологических подходов позволяет конкретизировать способы решения этих проблем в рамках социально-проектной деятельности. Социально-проектная деятельность, в свою очередь, с позиций социального конструирования предстает как технология, способ, которым создаются реальность и представление о ней.

Выбор медицинского учреждения определялся тем, что его история воплотила в себе основные тенденции, характерные для российского детского здравоохранения в период социально-экономических изменений. Проведен анализ документов и публикаций, посвященных участию специалистов медицинского центра «Бонум» (МКМЦ «Бонум») в ряде крупных совместных международных проектов. Были изучены социальные проекты центра, поддержанные отечественными фондами, собственные проекты учреждения с участием волонтеров. В целях анализа исследуемой проблемы использованы эмпирические данные социологических исследований, проведенных нами на базе МКМЦ «Бонум» в несколько этапов — в середине 1990-х и в 2016–2017 гг. В исследовании принимали участие дети подросткового возраста с ограниченными возможностями здоровья, их родители, специалисты центра. Стратегия исследования включала количественные и качественные методы.

Результаты. Социально-проектная деятельность медицинского учреждения развивается в контексте происходящих в обществе социально-экономических изменений и начинается с момента создания медицинского центра в 1990-х гг. в условиях системного кризиса, который охватывал и здравоохранение. Ощутимый вклад в снижение негативных последствий кризиса для функционирования учреждения, а затем и в развитие реабилитационных технологий детей с врожденными патологиями внесла благотворительная российско-американская акция при содействии ассоциации «ФРЭНК — Международная помощь ребенку». В рамках этой акции в 1992 г. началось сотрудничество специалистов медицинского центра «Бонум» с американскими коллегами из США, специалистами из Швейцарии и Канады, благодаря которому происходило совершенствование технологий хирургической помощи детям с врожденной челюстно-лицевой патологией. В течение многих лет на базе этого учреждения проходили благотворительные акции «Лицом к лицу», превратившиеся в программу долгосрочного международного сотрудничества, в котором участвовали специалисты медицинского

и немедицинского профиля. Социальный аспект данного проекта состоял том, что сотни детей с челюстно-лицевой патологией получили своевременную помощь, включая детей-сирот.

Анализ этого периода показывает, что не меньшее значение имело изменение характера международного сотрудничества. В гуманитарной помощи из-за рубежа в Россию, как свидетельствует опыт центра «Бонум», акцент сместился с собственно помощи на развитие социально значимых инициатив в деятельности данного учреждения, а сотрудничество на благотворительной основе достаточно быстро приобрело характер партнерства. Партнерство позволяло российским специалистам знакомиться с опытом зарубежных коллег и, опираясь на собственные разработки, адаптировать полученные представления, навыки к существующим условиям и двигаться вперед [12]. Проектная деятельность как способ преодоления кризисных явлений превращалась в стимул развития данного медицинского учреждения.

В последующий период, 1995–1996 гг., один из крупных международных проектов, реализованный специалистами социальной работы медицинского центра при поддержке специалистов из Великобритании в рамках программы «Восточно-Европейское партнерство», был непосредственно связан с развитием модели социальной работы с детьми и семьями, имеющими детей с тяжелыми нарушениями здоровья [11]. Социальная работа была интегрирована в комплексную медико-социальную реабилитацию детей с врожденными и приобретенными пороками развития, были определены ее организационные формы в условиях детского медицинского центра, содержательная направленность. В рамках проектной деятельности происходило развитие представлений о методологии социальной работы, выявлены преимущества и различия методологических подходов, в частности структурного и психосоциального, в социальной работе с семьями детей-инвалидов. Обсуждались вопросы, связанные с инвалидностью детей, достоинствами и ограничениями концепции нормализации, поиском новых теоретических перспектив анализа феномена инвалидности. Новый импульс получили способы решения проблемы «отказных» детей, рождающихся с врожденными патологиями, в результате число отказных детей стало заметно снижаться.

По мере стабилизации социально-экономической ситуации и выхода из кризиса социально-проектная деятельность приобретала собственные источники, поддержка оказывалась также отечественными фондами, общественными, появляющимися частными благотворительными организациями. Проведенный анализ опыта учреждения показывает, что такая деятельность выступила одним из факторов, способствовавших устойчивости развития медицинского учреждения в сложный период социально-экономического кризиса, выполнению его социальной миссии. Сформированный опыт проектной деятельности позволил центру занять лидерские позиции среди аналогичных учреждений в стране.

В 2009–2010 гг. при участии российского Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в детском центре был реализован проект, связанный с развитием организационных ресурсов системы раннего вмешательства. Проект был ориентирован не столько на медицинские реабилитационные

технологии, сколько на методы социального и психолого-педагогического развития детей с тяжелыми нарушениями здоровья в раннем возрасте и поддержку их семей [10]. В рамках проекта в центре происходило совершенствование комплексной системы раннего вмешательства. Его результатом явились создание социальной и психолого-педагогической службы медицинского реабилитационного центра, ее организационное оформление. Деятельность специалистов этой службы воплотила ключевые принципы реабилитации детей: раннее вмешательство как способ не только лечения, но и развития ребенка, родившегося с нарушением здоровья; комплексный характер реабилитационных мероприятий, их непрерывность и этапность; межведомственный подход; партнерство с семьей больного ребенка и ряд других.

В условиях медицинского центра процесс лечения и реабилитации детей начинается с рождения ребенка и заканчивается в основном в возрасте, когда ему предстоит учиться в школе, но в зависимости от тяжести патологии может продолжаться до достижения им совершеннолетия. В процессе развития реабилитационного центра, первоначально сделавшего акцент на работе с детьми раннего возраста, востребованными становятся технологии работы с детьми подросткового возраста. Результаты опроса подростков, являющихся пациентами детского медицинского центра, и их родителей подтверждали необходимость поиска адекватных технологий работы с данной группой детей [13, 109].

В соответствии с результатами социологических исследований 43,3 % подростков, посещающих медицинский центр в связи с продолжающейся реабилитацией, признавали, что у них бывают тяжелые жизненные периоды. Половина из них считают, что они вызваны личными проблемами, треть связывают свои трудности с семейными отношениями, пятая часть из них видит причину в состоянии своего здоровья. К причинам жизненных затруднений были отнесены трудности в сфере отношений с окружающими людьми, материальные затруднения, вопросы профессиональной подготовки и трудовой занятости. Анализ выделенной подростками причины кризисных состояний — отношения с окружающими людьми — показывает, что наибольшие трудности и проблемы вызывают отношения со сверстниками: каждый второй подросток указывает на них как на источник постоянных переживаний. В качестве причины депрессивных состояний каждый четвертый подросток назвал отношения с родителями, каждый пятый — отношения с учителями.

Дети подросткового возраста отмечали, что они хотели бы получить возможность просто с кем-то поговорить о своих проблемах, получить ответы на некоторые практические вопросы, узнать, как справляются со своими проблемами их сверстники. Попадая в трудные ситуации, они находят поддержку в ближайшем социальном окружении, но нередко не могут получить необходимую помощь в решении своих проблем (22,5 %) [Там же, 121–123].

Один из выводов проведенного анализа результатов исследования состоял в том, что совершенствование медицинских реабилитационных технологий не может достигнуть эффективного результата, если они не будут сопряжены с адекватными психолого-педагогическими и социальными технологиями реабилитации

детей с врожденными и приобретенными пороками развития. Наряду с ранней помощью они нуждаются в поддержке в разные периоды их возрастного развития. Развивая социально-адаптивные возможности детей, социальная и психолого-педагогическая работа с ними способствует повышению качества их интеграции в общественную жизнь.

Социально-проектная деятельность как способ конструирования и внедрения инноваций на основе переосмысления предыдущего опыта предполагает поиск оптимального решения тех проблем, которые формируют объективную потребность в изменениях [4, 88]. Представляя собой технологию решения данных проблем, она включает ряд этапов [1, 109–128]. Именно на начальном этапе происходят исследование актуальных проблем, их анализ и систематизация, обосновывается способ решения и формируется прогноз ожидаемых изменений. Разработка проекта специалистами центра, основная идея которого состояла в развитии практики наставничества в отношении подростков, имеющих инвалидность вследствие врожденной патологии, иллюстрирует такой подход. Особый исследовательский интерес к обозначенному подходу связан с тем, что для детей этого возраста характерна совокупность проблем.

Среди проблем, свойственных данной группе детей, *семейные* проблемы являются наиболее актуальными и сложными [16]. Семья выступает естественной средой воспитания ребенка, она в первую очередь выполняет функцию его социализации. Семья ребенка-инвалида нуждается в поддержке по мере его взросления и социального развития. В Свердловской области, по статистическим данным 2016 г., проживали 14 757 семей, воспитывающих детей-инвалидов. В 307 семьях воспитывались два и более ребенка-инвалида. Число неполных семей, имеющих детей-инвалидов, составило 3324, в них воспитывались 3370 детей-инвалидов. Сохранилась тенденция снижения числа полных семей, в которых воспитываются дети-инвалиды (в 2015 г. — 73,5 %, в 2014 г. — 74,7 %); продолжилось увеличение числа неполных семей, имеющих ребенка-инвалида (в 2015 г. — 26,5 %, в 2014 г. — 25,3 %). Количество многодетных семей, имеющих детей-инвалидов, составило 10,4 % (в 2014 г. — 12,0 %) [14].

По данным анкетного опроса родителей детей, являющихся пациентами центра, при рождении ребенка с тяжелыми нарушениями здоровья семьи испытывают кризис, характер, глубина и способы разрешения которого определяются типом и ресурсами семьи. Преодоление кризиса предполагает поддержку родителей специалистами социальной службы медицинского учреждения. Родителям необходимы знания и навыки воспитания своего «особого» ребенка не только в период младенчества, но и по мере его взросления. Для них характерны две противоположные позиции — либо гиперопека, формирующая низкую самооценку у ребенка и последующее убеждение, что ему многое в жизни недоступно из-за ограничений здоровья, либо полное пренебрежение интересами ребенка, отсутствие необходимого внимания к особенностям его развития. Но и между этими противоположными подходами к воспитанию детей существует ряд других родительских позиций, характеризующихся наличием у них типичных проблем, при решении которых родители нуждаются в помощи социального работника,

педагога, психолога, которые не всегда входят в штат специалистов медицинского учреждения.

Проектная деятельность, благодаря привлечению специалистов разного профиля и гибкой организации их деятельности, а также родителей, обладающих позитивным опытом воспитания «особых» детей, позволяет существенно расширить возможности поддержки родителей в решении возникающих проблем ребенка-инвалида и способы их решения. К ним относятся создание родительских объединений, выполняющих функции групп самопомощи, позволяющих транслировать успешный опыт развития и воспитания детей и помогать тем семьям, которые сталкиваются с трудностями; проведение обучающих семинаров, мастер-классов; организация мероприятий по привлечению средств для решения материальных проблем конкретной семьи и ребенка и др.

Психологические и социально-психологические особенности детей-инвалидов и связанные с ними трудности личностного развития также относятся к числу актуальных проблем, нуждающихся в своевременном решении [5; 6, 256–26; 7, 20]. Влияние патологии на социальное и личностное развитие ребенка может проявляться в трудностях коммуникации, вызванных нарушением зрения, речи или слуха; в психологических особенностях, связанных с трудностями двигательной активности, с атипичной внешностью ребенка, например, при сочетанной двусторонней расщелине губы и нёба; других трудностях. Социализация как процесс взаимодействия индивида с социальной средой связана с выполнением социальных ролей личности. С этой точки зрения социализация рассматривается как способ формирования социальных умений и социальных установок личности, позволяющих ребенку взаимодействовать с другими людьми, включаться в различные сегменты общественной жизни через освоение различных социальных ролей, соответствующих возрасту. Одна из главных проблем детей-инвалидов связана с трудностями общения с другими людьми, особенно, как было сказано выше, со сверстниками. Сфера отношений со сверстниками относится к числу приоритетных; дефицит или трудности общения со сверстниками особенно остро переживаются детьми-инвалидами в подростковом возрасте, выступая потенциальным фактором их социальной дезадаптации.

Специалисты медицинского центра, приступая к разработке проекта, исходили из того, что наставничество как система поддержки детей в кризисные периоды взросления включает, с одной стороны, традиционные формы их поддержки. Но, с другой стороны, при выполнении роли наставников волонтерами из студенческой среды взаимодействие с ними детей-инвалидов подросткового возраста создает новые возможности, и данную технологию можно рассматривать в качестве инновационной. Ее основу составляет межличностная коммуникация, в процессе которой осуществляется системная психолого-педагогическая помощь ребенку для стабилизации его эмоционально-психологического состояния, социальной адаптации и развития личностных ресурсов. Межличностное общение — один из механизмов социализации детей, посредством которого они осваивают важные социальные ценности, нормы, правила, формируют свои поведенческие навыки, дисциплину и ответственность. Развивается способность делать выбор, ставить

цели, определять пути их достижения. В наставничестве важная роль принадлежит подражанию. В процессе общения с наставником ребенок подражает ему, учится и осваивает социально одобряемые способы поведения, общения, виды деятельности. Его личностное развитие приобретает нацеленность на формирование самостоятельности, осознание собственных интересов, направленность личного поведения на достижение социально значимых результатов.

Выполнение студентами-волонтерами функций наставников для детей с ограниченными возможностями имеет преимущества в силу ряда особенностей, свойственных данной молодежной группе. Студенческая молодежь характеризуется наличием определенных жизненных достижений, во многом сформировавшейся системой ценностей и социальной средой общения, в которую может быть включен ребенок с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Студенческая среда выступает своеобразным ресурсом его личностного развития. Данная молодежная группа по своим возрастным характеристикам близка и интересна детям подросткового возраста. Сокращается социальная и возрастная дистанция между наставником и ребенком, что положительно влияет на качество межличностного взаимодействия, на способы формирования и передачу необходимых ребенку социальных навыков. У ребенка формируется естественная мотивация к коммуникации, развивается и расширяется сфера его социальных контактов, качественно изменяется коммуникативный опыт.

Обозначенная технология содержит новые возможности и в решении таких проблем, как *проблемы воспитания, образования, профессиональной ориентации и профессиональной подготовки* детей-инвалидов. Дети, чья инвалидность вызвана тяжелыми нарушениями здоровья, нередко ограничены в выборе форм обучения, получении образования, выборе профессии. К этому добавляются проблемы, связанные с издержками воспитательного характера. У детей с ограниченными возможностями наблюдается неадекватность самооценки, неспособность к целеустремленности, постоянное изменение представлений о желаемом будущем, отсутствие мотивации к долгосрочным целям [15]. Проблема неспособности к самостоятельному профессиональному самоопределению и получению профессионального образования у данной группы детей возникает как следствие отмеченных личностных особенностей. Им свойственны трудности формирования определенных черт характера, у них отмечается отсутствие интересов и поведения общественной направленности. Участие студенческой молодежи в наставничестве позволяет в том числе обучать детей информационным компьютерным технологиям и использовать эти технологии для достижения целей наставничества — помощь в преодолении отмеченных проблем. Вовлечение студентов в практику наставничества преследует и решение задачи профессиональной ориентации детей-инвалидов в процессе непосредственного общения со студентами-наставниками, уже определившимися с профессиональным выбором и обучающимся профессии.

Среди значимых *социальных* проблем следует выделить проблемы развития *доступной социальной среды* детям-инвалидам. В России относительно недавно стала формироваться законодательная и нормативная база, регулирующая

развитие условий, обеспечивающих доступную социальную среду людям с ограниченными возможностями здоровья, в частности детям-инвалидам. Привлечение студентов-волонтеров к практике наставничества детей-инвалидов подросткового возраста позволяет решить задачу, связанную с поиском эффективных способов, обеспечивающих развитие условий доступности социальной среды для этой группы детей. К ним относятся информационные компьютерные технологии (ИКТ). Студенты-наставники способны не только научить детей-инвалидов пользоваться информационными технологиями, развить у них навыки применения ИКТ в повседневной жизни, но и осуществить контроль рисков их применения в интернет-пространстве. Владение ИКТ расширяет социальные контакты детей с ОВЗ, создает больше возможностей для их доступа к разным общественным сферам (образование, медицинское обслуживание, культурная, досуговая сфера и др.).

Не менее существенное значение наставничество имеет для самой молодежной группы, поскольку способствует развитию профессиональных компетенций и опыта, утверждает среди них востребованные в обществе социальные ценности. Организация профессионального сопровождения наставников-волонтеров со стороны специалистов по социальной работе медицинского учреждения, образуя своеобразную супервизию в отношении студентов-волонтеров, позволяет сформировать многоуровневую систему наставничества и комплексно решать проблемы детей с ОВЗ.

Разработка проекта, связанного с развитием практики наставничества в отношении детей с ОВЗ в специализированном учреждении здравоохранения, предполагала обоснование соответствия этой практики возможностям учреждения, а также прогнозирование ожидаемого эффекта. Выделим следующие характеристики медицинского центра, позволяющие внедрить и развивать практику наставничества в этой организации.

Во-первых, данные проведенных социологических исследований свидетельствуют, что при обращении в медицинский центр родителям важно получить не только медицинскую помощь для своего ребенка. Свыше 70 % опрошенных нами родителей отмечают, что не меньшее значение для них имеют внимание и забота, которую проявляют к ним и их детям специалисты этого учреждения, возможность получить любую информацию о том, как развивать и воспитывать своего «особого» ребенка. Наблюдение специалистами медицинского центра ребенка с момента его рождения формирует фактор доверия у родителей к специалистам учреждения.

Во-вторых, в медицинском центре действует психолого-педагогическая и социальная служба, специалисты которой способны оказывать профессиональную поддержку в трудных жизненных ситуациях своим пациентам и их родителям. Они осуществляют координацию взаимодействия медицинских учреждений разного профиля (медико-генетический центр — роддом (перинатальный центр) — поликлиника по месту жительства) для своевременного оказания помощи семьям, в которых воспитываются дети с нарушениями развития. Услугами центра пользуются дети с врожденными и приобретенными пороками развития

Свердловской области и других регионов до достижения ими совершеннолетия. Специалисты службы оказывают информационно-консультативную поддержку учреждений образования и социальной защиты населения (по месту проживания семьи ребенка) по вопросам комплексной реабилитации детей с тяжелыми нарушениями здоровья и их социальной адаптации. Медицинский центр, таким образом, выступает важным агентом социализации детей-инвалидов, способным оказывать им поддержку и помощь при возникновении определенных трудностей.

В-третьих, специалисты психолого-педагогической и социальной службы медицинского центра на протяжении длительного времени сотрудничают с благотворительными фондами регионального и федерального уровня, общественными организациями для привлечения ресурсов в целях решения социальных проблем детей-инвалидов и их семей. Одним из направлений этой деятельности является работа с волонтерами, среди которых студенты Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина и других образовательных учреждений высшего и среднего специального образования города и области, представители Екатеринбургской епархии РПЦ. Отношения между медицинским учреждением и университетами юридически закреплены договорными обязательствами.

В-четвертых, основу развития практики наставничества, субъектами которого выступают студенты-волонтеры, могут составить сложившиеся на протяжении длительного времени традиции и формы деятельности добровольцев в условиях медицинского центра. Волонтеры участвуют в организации круглосуточного поста сопровождения и ухода за пациентами из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей и воспитывающихся в детских домах. Они оказывают помощь в организации досуга, культурно-массовых, развлекательных мероприятий для детей, находящихся на стационарном лечении и реабилитации в центре. Студенты-волонтеры проводят обучающие, образовательные, развивающие занятия с детьми, находящимися на стационарном лечении.

В-пятых, специалисты центра имеют необходимый опыт социально-проектной деятельности, получения и реализации грантов.

Реализация социального проекта, связанного с наставничеством студентов-волонтеров в интересах детей с тяжелыми нарушениями здоровья, нацелена на достижение определенных качественных результатов:

- улучшение психологического и социального самочувствия детей-инвалидов и родителей благодаря формированию устойчивой многоуровневой системы персональной поддержки, выраженное в субъективной удовлетворенности сформировавшимся межличностным взаимодействием со студентами-наставниками, обеспечивающим им чувство социальной защищенности;

- повышение самооценки подростков и на этой основе их способности к самостоятельным действиям и принятию решений вследствие развития новых знаний, навыков и умений — овладение информационными технологиями, развитие сферы интересов и способов их реализации, расширение социальных контактов, формирование устойчивых профессиональных ориентаций и представлений о будущей профессиональной деятельности;

— развитие организационной структуры специализированного медицинско-го центра, кадрового потенциала, содержания профессиональной деятельности специалистов;

— повышение качества медицинской и социальной реабилитации благодаря внедрению новых технологий (наставничество и супервизия) в комплексную реабилитацию детей с ОВЗ.

Таким образом, социальный проект по привлечению студенческой молодежи в качестве наставников детей с ОВЗ представляет собой инновационный подход в деятельности медицинского учреждения. Его преимущества в решении проблем детей подросткового возраста определяются близкой возрастной дистанцией наставника и ребенка, что создает предпосылки для развития общности их интересов, ценностных ориентаций, увлечений, направленности на освоение современных способов коммуникации на основе информационно-компьютерных технологий, неформальных практик профессиональной ориентации подростков. Взаимодействие со студенческой молодежью, обладающей определенным социальным опытом и достижениями, выступает позитивным фактором и ресурсом личностного и социального развития детей с ОВЗ, влияющим на качество их социализации и социальной интеграции.

---

1. *Архипова Е. Б.* Методология разработки социальных проектов как инструмента социальных изменений // Методология исследования социального развития и благополучия: учебные кейсы и практические задания : учеб. пособие / под общ. ред. А. В. Старшиновой. Екатеринбург, 2016.

2. *Бабосова Е. С.* Инновационная активность молодежи: особенности и перспективы // Вестн. Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 3(15).

3. *Гарева И. А.* О теориях и концепциях здравоохранения: социологическая интерпретация // Вестн. ТОГУ. 2010. № 4(19).

4. Государственная программа «Развитие здравоохранения» (от 15 апреля 2014 № 294), Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан».

5. *Долматова Е. С., Назаркина А. С., Шелудько О. С.* Особенности социализации детей с ограниченными возможностями здоровья // Бюл. мед. интернет-конф. 2015. № 12(5).

6. *Казакова Л. А.* Особенности социализации детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья // Сиб. пед. журн. 2010. № 11.

7. *Куликова Т. О.* Особенности социализации, реабилитации и социальной адаптации детей-инвалидов // Гуманит. науч. исслед. 2013. № 12(28).

8. *Платонова Н. М., Платонов М. Ю.* Инновации в социальной работе : учеб. пособие. М., 2011.

9. *Симхович В. А.* Инновационная активность современной белорусской молодежи // Культура. Личность. Общество: методология, опыт эмпирического исследования : коллектив. моногр. / под общ. ред. Е. В. Грунт и А. В. Меренкова. Екатеринбург, 2017.

10. *Старшинова А. В., Ерина Е. Л., Блохина С. И.* Раннее вмешательство в системе медико-социальной помощи детям с тяжелыми нарушениями здоровья : учеб.-метод. пособие. Екатеринбург, 2010.

11. Партнерство во имя здоровья: социальная работа в здравоохранении и реабилитации детей с ограниченными возможностями (материалы Российско-британского семинара, 12–14 февраля, 1996 г.). Екатеринбург, 1996.

12. «Лицом к лицу — мост в новое тысячелетие» : материалы юбилейн. конф. Екатеринбург, 2001.

13. *Старшинова А. В.* Социальная работа в детском реабилитационном центре: Опыт социологического исследования. Екатеринбург, 2012.

14. Число детей-инвалидов в России выросло за пять лет почти на 10 % // Интерфакс, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/russia/445003> (дата обращения: 18.11.2015).

15. *Шипицына Л. М.* «Необучаемый» ребенок в семье и обществе. Социализация детей с нарушением интеллекта. 2-е изд., перераб. и доп. СПб., 2005.

16. *Юлдашева О. Н.* Семейная социализация детей с ограниченными возможностями: условия и факторы : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Уфа, 2010.

Рукопись поступила в редакцию 6 сентября 2018 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327(470:510) + 316.422 + 316.73

А. В. Шуталева
К. М. Самарина

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И КИТАЯ: КОНСТРУКТИВИСТСКИЙ ПОДХОД

В статье анализируются направления взаимодействия России и Китая в контексте конструктивистского подхода. Применение конструктивистской методологии для рассмотрения особенностей реализации совместных внешнеполитических интересов России и Китая позволяет показать связь между внешнеполитическими стратегиями данных государств и процессами поддержания и развития общей международной культуры взаимодействующих социальных общностей, обладающих собственными ценностными установками, интересами и исторической индивидуальностью.

К л ю ч е в ы е с л о в а: конструктивизм, Россия, Китай, внешняя политика, межкультурный диалог.

Межкультурный диалог как основание преодоления межкультурных барьеров и границ

Актуальность обращения к конструктивистской теории при анализе взаимоотношений России и Китая связана с тем, что государственные интересы обеих стран связаны с регулированием политических, экономических и культурно-социальных отношений. Центральными вопросами конструктивистских исследований являются «вопросы появления, развития, диффузии и/или социализации международных норм, а также их непосредственное влияние на поведение государств и других субъектов международных отношений» [1, 49]. Различные факторы, в том числе и факторы культуры, оказывают огромное влияние на отношения между государствами и их народами. Культура стала одной из центральных точек для выгодного сотрудничества России и Китая. В процессе интернационализации культуры одна из ключевых ролей принадлежит сфере образования [6, 8]. В течение XX столетия десятки тысяч китайских студентов и специалистов учились и проходили практику на территории Советского Союза, что позволило им

получить образование и значительно повысить уровень квалификации. Кроме того, российские студенты и специалисты смогли перенять опыт китайских коллег, что имело значение для развития советской промышленности и экономики.

Россия и Китай являются государствами, которые обладают собственной яркой идентичностью и демонстрируют ее в формируемом совместном социальном пространстве. Формирование общего социального поля предполагает наличие не только общих знаний и привлекаемых материальных ресурсов, но и опыта практической деятельности [10, 73], в котором отражается характер взаимоотношений между участниками и то, насколько реализуются взаимные ожидания сторон относительно друг друга.

В XX — начале XXI в. сложилась устойчивая база межкультурного диалога России и Китая [9]. В период президентства В. В. Путина его отношения с китайским руководством во главе с генсекретарем ЦК КПК и председателем КНР Ху Цзиньтао перешли на новый уровень. Данный период характеризуется осуществлением беспрецедентного культурного обмена между двумя государствами; 2007 год в России был объявлен Годом Китая. В настоящее время в межрегиональном пространстве особую роль приобретает улучшение взаимопонимания между народами как потенциальными партнерами. Именно здесь огромную роль играет преодоление межкультурных барьеров и границ в социокультурных традициях народов Китая и России.

Для российского и китайского народов характерно уважение к собственному историко-культурному наследию. Особенностью российского и китайского государств является стремление к развитию отраслей культуры, в том числе во взаимодействии друг с другом, что реализуемо при взаимном признании достоинства и ценности национальных культур.

Примером того, что Китай стремится к распространению своего культурного влияния на территории России и всего мира, является многочисленная китайская миграция. Однако существуют и другие источники культурного влияния Китая на территориях других стран. Так, например, в Российской Федерации имеются отделения Института Конфуция. Институт Конфуция играет огромную роль в распространении китайской культуры, языка и образа мысли на территории других государств. Насколько это важно для самого Китая, говорит тот факт, что одним из источников финансирования Института Конфуция является госбюджет Китая.

Значимость распространения конфуцианских идей посредством создания Института Конфуция на территории России связана с ролью, которая принадлежит конфуцианству в социальной сфере и системе государственного управления Китая в прошлом и в их современном состоянии. Китай является государством, которое играет значимую роль в системе международных отношений, поэтому использование им элементов «мягкой силы» демонстрирует признание их эффективности и значимости как средств реализации внешнеполитической стратегии. М. А. Суценко, обращаясь к особенностям политической модернизации в КНР, отмечает, что «особенностью модели китайской политической модернизации является высокая роль конфуцианских традиций, используемых при формировании

стратегического курса развития КНР и в стиле взаимодействия управляющих элит и общества. Морально-нравственные конфуцианские категории, положенные в основу принципов управления государством и формирования китайской бюрократии, составляют специфику китайских политических реформ на современном этапе развития» [3, 97–98].

Множество российских людей, по большому своему числу студентов, изучают китайский язык и китайскую культуру. Китайские граждане, ежегодно посещающие нашу страну в качестве туристов или обучающиеся в российских вузах, обращаются к русской культуре и культурным особенностям народов России. В целом, благодаря проведению различных культурных мероприятий международного уровня, таких как Год культуры Китая в России и Год русской культуры в Китае, фестивалей национальных фильмов, музыки и танцев, складывается хорошая база для дальнейшего сотрудничества России и Китая как в сфере культуры, так и в других сферах деятельности.

Сотрудничество России и Китая в экономической сфере

Одной из самых важных областей сотрудничества между Россией и Китаем является экономическая сфера деятельности. Товарооборот между нашими странами весьма значителен, превышает 70 млрд долл., и постоянно растет. Российская Федерация является для Китая важнейшим источником качественных продуктов тяжелой промышленности, в том числе различной техники, включая военную [5, 258–259]. На территории Дальнего Востока строится газопровод для передачи газа на территорию КНР на выгодных для обеих сторон условиях. Также Китай является потребителем российской нефти и других ресурсов.

16 июня 2009 г. в Екатеринбурге проходил первый саммит БРИК. На нем присутствовали представители Китая, Индии и Бразилии. Д. А. Медведев обсуждал со своим коллегой Ху Цзиньтао глобальные проблемы экономического кризиса и мировой политики, а также направления развития российско-китайских отношений в сфере продовольственной безопасности и развития промышленного товарооборота. На этой встрече был выдвинут на обсуждение вопрос о создании резервной валютной системы для стран-членов БРИК. Данные мероприятия играют значимую роль для налаживания контактов представителей бизнес-структур стран-партнеров и раскрытия потенциала возможного экономического сотрудничества стран [8].

В декабре 2015 г. в Екатеринбурге проходил один из этапов крупномасштабного события, направленного на укрепление русско-китайских отношений, а именно проезд российско-китайского «Поезда дружбы». Данная акция была приурочена к окончанию года дружественных молодежных обменов между Россией и КНР. Маршрут «Поезда дружбы» пролегал через крупнейшие города России, во время остановок китайскую делегацию ждала обширная образовательная и культурная программа. Представители китайской стороны провели встречу со свердловскими министрами, а также масштабный круглый стол под названием «Диалог лидеров», где обсудили перспективы международного молодежного сотрудничества, в том

числе молодежи России и Китая. В октябре 2015 г. в г. Харбине проходил Второй российско-китайский ЭКСПО.

Летом 2017 г. в Екатеринбурге состоялась выставка Иннопром, на которой были представлены десятки иностранных корпораций в области экономики, промышленности и техники. Китай на Иннопроме-2017 представлял перспективы роботизации промышленного производства, перспективные китайские бизнесмены посетили данную выставку в том числе с целью заключения выгодных контрактов. Представителей Китая особенно заинтересовали уральские оборонные технологии, а также пищевая промышленность Урала. Также обсуждалось участие китайских специалистов в проектировании и строительстве второй ветки екатеринбургского метрополитена. В общей сложности на выставке Иннопром-2017 были заключены более сотни соглашений на сумму более 28 млрд юаней. Представитель китайской делегации, заместитель губернатора провинции Хэйлунцзян Ху Яфэн, поблагодарил торгово-промышленную палату за поддержку форума и пригласил российских предпринимателей инвестировать в его провинцию и в Китай в целом. Вице-премьер Госсовета Китайской Народной Республики Ван Ян поблагодарил организаторов Иннопрома и в особенности губернатора Свердловской области Е. Куйвашева за предоставленную возможность не просто участвовать в выставке, а стать ее бизнес-партнером. Можно отметить также то, что тысячи китайских бизнесменов, которые ежегодно приезжают на Урал и заключают здесь масштабные контракты на строительство инфраструктуры, хорошо говорят на русском языке и знакомы с русской культурой.

За многие годы китайско-российских отношений Москва и Пекин показали себя как грамотные партнеры и игроки и смогли получить выгоду от своих отношений, соблюдая интересы собственных стран. В. В. Путин и Си Цзиньпин являются лидерами двух мировых держав, и достижение ими взаимопонимания и уважения друг к другу является значимым сигналом как для их государств, так и для всего мирового сообщества [4]. Как отметил недавно китайский лидер, Пекин будет продолжать сотрудничать с Москвой вне зависимости от международной обстановки, поскольку Москва является одним из самых ценных партнеров и союзников Поднебесной. Высокий инвестиционный потенциал имеют химическая промышленность России, в основном на базе продуктов нефтегазовой отрасли, области черной и цветной металлургии, лесопромышленный комплекс и др. В Китае на данный момент действует запрет на вырубку леса, и Урал, как ни один регион России, интересен китайским инвесторам лесными ресурсами, и речь идет не о вывозе сырья, а о создании области производств по глубокой переработке древесины, которые обеспечат множество рабочих мест для местного населения.

Сотрудничество России и Китая в антитеррористическом направлении

После распада СССР начинается новая эра отношений между Китаем и Россией, и уже в период с 1990-х гг. между двумя государствами происходило налаживание добрососедских отношений и стратегического взаимодействия [2]. В 2001 г. по инициативе китайской стороны во главе с председателем Цзян Цзэмином был

подписан договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, а также о создании Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Одной из самых широких сфер взаимодействия РФ и КНР является борьба с терроризмом. Так, в июне 2002 г. государства — члены Шанхайской организации сотрудничества (Россия, Китай, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан) подписали Соглашение о создании Региональной антитеррористической структуры (РАТС). 2007 год является годом начала масштабных военных антитеррористических учений с участием всех стран — членов ШОС; РАТС является структурой, предназначенной для совместной координации действий в сфере борьбы с международным терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. У организации имеется обширный банк данных, который включает данные о сепаратистах, экстремистах и международных террористических структурах, а также обо всех лицах, причастных к этим незаконным формированиям, и информацию об организациях и лицах, сотрудничающих с террористами и другими незаконными формированиями [7]. В. В. Путин в обращении к международному сообществу на саммите ШОС охарактеризовал терроризм «как общего врага свободных наций» и определил в качестве общей задачи задачу «поставить надежный барьер этому злу». Усилия России в борьбе с терроризмом обусловлены тяжелым историческим опытом афганской войны, двух чеченских войн, а также серией громких терактов на территории РФ, последовавших за ними. Инициативы России были всецело поддержаны Китаем.

Международный терроризм является угрозой, затрагивающей все проблемные зоны общества — от политической до психологической. Теоретическое осмысление феномена международного терроризма, а также разработка способов борьбы с этой глобальной угрозой являются актуальной и значимой задачей. Каждая страна борется с международным терроризмом в различных его проявлениях. Но только благодаря совместным усилиям спецслужб групп различных государств удается достичь успеха в подавлении этой угрозы. Поэтому структуры КНР и РФ в последние годы осуществляют тесное сотрудничество, взаимодействие, обмен опытом и данными, а также проводят различные операции по задержанию, уничтожению и предотвращению появления различных территориальных групп и ячеек на территории собственных и соседних стран. Кроме того, ведется различная работа по предотвращению появления источников исламского фундаментализма и радикализма в различных регионах России и Китая через пропаганду в СМИ и по подавлению вербовочных запрещенных структур, таких как ИГИЛ, «Хизб ут-Тахрир» и др. Также Россия и Китай борются с международным терроризмом в различных уголках земного шара, к примеру, Россия вместе с Китаем помогают в борьбе с террористами различных запрещенных организаций на территории Саудовской Аравии и стран арабского мира, а также Средней Азии. Российские специалисты проводят спецоперации на территории постсоветского пространства, в частности, в таких странах, как Таджикистан, Узбекистан и Киргизия, в ходе которых устраняются лидеры местных террористических организаций.

В частности, в конце 2016 г. на территории Екатеринбурга, который является административным центром Центрального военного округа и Свердловской

области, были задержаны представители террористической группировки ИГИЛ, запрещенной на территории РФ, которые проводили вербовку среди местного населения. В ходе спецоперации по всему городу было задержано более 20 человек. И в связи с ужасающим терактом в Санкт-Петербурге в 2017 г. проводились масштабные проверки функционирования системы безопасности метрополитена и других видов общественного транспорта во всех крупных городах России, в том числе и в Екатеринбурге.

Россия и Китай в последнее время ведут активное сотрудничество, направленное на преодоление сирийского кризиса, поскольку Китай и Россия совместно поддерживают законное правительство Сирийской Арабской Республики во главе с президентом Башаром Асадом и имеют различные договоренности в экономической и оборонной сферах с руководством Сирии.

Представленные примеры совместного сотрудничества России и Китая позволяют утверждать, что создание международного диалога осуществляется при сохранении национальных ценностей и идентичности, при этом особое значение имеют социальные конструкты, рождающиеся в процессе социального действия и в системе взаимодействия людей, в основании которых лежат структуры совместного знания. Основанием конструктивистского подхода является обращение к структурам совместного знания и коммуникативным практикам в анализе социальных процессов: «конструктивисты утверждают, что материальные ресурсы имеют значение для человеческого действия единственно через структуры совместного знания, в которых они выражаются... Материальные способности как таковые ничего не объясняют; их результативность определяется структурами совместного знания, которые изменяются и которые не сводятся к [этим] способностям» [10, 73].

Для конструктивистского подхода характерно признание взаимообусловленности международных процессов и отношений и концептуализации картины международных отношений. Это определяет значимость в международных процессах и отношениях норм, ценностей, исторической идентичности, характерных для государств и их политических лидеров. Между Россией и Китаем существует согласие во многих вопросах внешней политики и международного сотрудничества, основанное на признании общих ценностей и структур общего знания, что является конститутивным для поддержания и развития общей международной культуры взаимодействующих социальных общностей, обладающих собственными ценностными установками, интересами и исторической индивидуальностью.

---

1. *Бакалова Е.* Конструктивизм в исследовании международных норм защиты прав человека: от генезиса, признания и соблюдения к нарушению, оспариванию и эрозии // *Международные процессы.* 2015. Т. 13(1). С. 48–67.

2. *Гончаров С., Ли Даньхуэй.* «Пограничный вопрос» закрыт навсегда // *Азия и Африка сегодня.* 2004. № 8. С. 6–11.

3. *Сущенко М. А.* Политическая модернизация в КНР: факторы, направления, механизмы // *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология.* 2015. № 3(31). С. 97–103.

4. *Alikberova A. R.* Influence of modern Russian-Chinese relations on shaping of V. V. Putin's public image in China // *Man in India*. 2016. Vol. 96(3). P. 747–753.
5. *Grigorenko O. V., Klyuchnikov D. A., Gridchina A. V., Litvinenko I. L., Kolpak E. P.* The development of Russian-Chinese relations: Prospects for cooperation in crisis // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016. Vol. 6(1). P. 256–260.
6. *Medianik E.* Joint Universities as a tool for promoting the national interests of Russia and China // *International Organisations Research Journal*. 2017. Vol. 12(1). P. 7–23.
7. *Konarovsky M.* Russia and the Shanghai cooperation organization: Some elements of strategy // *International Organisations Research Journal*. 2016. Vol. 11(4). P. 149–161.
8. *Larin V. L.* Russia-China transboundary region from the perspective of Eurasian projects // *World Economy and International Relations*. 2016. Vol. 60(12). P. 69–81.
9. *Valeev, R. M., Alikberova, A. R.* Russian-Chinese relations in the field of culture (1990–2000-s) // *Journal of Sustainable Development*. 2015. № 8(4). P. 132–138.
10. *Wendt A.* Constructing International Politics // *International Security*. 1995. Vol. 20(1). P. 71–81.

Рукопись поступила в редакцию 27 июля 2018 г.

УДК 327(532:55) + 327(569.1) + 327(470)

**В. А. Кузьмин
Н. В. Соколов**

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОБОРСТВО САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ИРАНА В СИРИЙСКОМ КРИЗИСЕ В 2011–2016 гг.*

В течение нескольких последних лет внимание мировой общественности и научных кругов привлечено к событиям, происходящим в Сирии. При этом основное внимание специалистов, исследователей, обозревателей сконцентрировано главным образом на анализе политики великих держав, вовлеченных в сирийский кризис, особенно России и США. Политика других, в частности некоторых соседних с Сирией, стран изучена и освещена в научной литературе намного слабее. В представленной статье особое внимание обращено на политику Саудовской Аравии в сирийском вопросе в контексте ее политического противостояния с Ираном в борьбе за региональное лидерство. Новизна исследования видится в том, что оно проведено на основе анализа весьма широкого круга источников и литературы на арабском и персидском языках, слабо используемых в трудах других ученых. Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение указанных выше событий позволяет лучше понимать некоторые современные явления и процессы, происходящие на Ближнем Востоке.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Сирия, кризис, противоборство, Иран, Саудовская Аравия, коалиция, «Хезболла», Россия.

Саудовская Аравия и Иран начали предпринимать активные действия в сирийском кризисе, когда стало ясно, что он не разрешится мирным путем в короткие

---

* Статья является продолжением совместной работы авторов «Цели и позиции Саудовской Аравии и Ирана в сирийском вопросе» (*Мусульманский мир*. 2018. № 1).

сроки. Именно тогда каждая из сторон приступила к реализации своих целей и интересов, используя ситуацию в Сирии. Действия Саудовской Аравии и Ирана проявлялись по-разному в разные периоды кризиса, однако контекстом являлись борьба за лидерство в регионе и стремление не допустить противную сторону на более выгодную позицию. В данной статье будет рассмотрено противостояние двух стран в сирийском кризисе.

На первых этапах кризиса и Саудовская Аравия, и Иран прилагали значительные дипломатические усилия по мирному урегулированию и пытались занять более выгодное положение в ситуации. Начиная с весны 2011 г. Саудовская Аравия усиливала давление на Лигу арабских государств (ЛАГ) и Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), проводя через них необходимые ей решения по Сирии. Это делалось для того, чтобы нейтрализовать Иран в дипломатическом поле и снизить степень последствий политических изменений в регионе. В августе, ноябре и декабре 2011 г. на заседаниях Министерского совета ЛАГ и ССАГПЗ был принят ряд резолюций, которые в полной мере отражали позицию Саудовской Аравии по Сирии. От сирийского правительства требовали «прекратить кровопролитие», «принять у себя наблюдателей ЛАГ» [14]. Против Сирии были введены экономические санкции, такие как замораживание активов, прекращение финансовых операций сирийского правительства, прекращение финансирования сирийских банков, ограничение поездок сирийских чиновников в арабские страны [18]. Однако в Саудовской Аравии не исключали и более радикальных мер в отношении Сирии и ее президента Башара Асада. Известный саудовский политический обозреватель Абдул Рахман ар-Рашид в газете «Аш-Шарк аль-Аусат», выражая позицию саудовского правительства, в частности, писал: «Только международная интервенция напугает этот режим, так как она парализует все его военные возможности и коммуникации. Она несет огромную угрозу режиму Асада, поскольку может изменить баланс сил, что приведет к его падению и, возможно, к принятию мирных решений, удовлетворяющих оппозицию» [19].

Как итог формирования окончательной позиции Саудовской Аравии в отношении Сирии прозвучала речь министра иностранных дел Сауда аль-Фейсала 12 февраля 2012 г. на заседании Совета ЛАГ, где он сказал: «Я считаю, что наш Совет не должен преуменьшать опасность эскалации конфликта в Сирии. Мы должны принять срочные и жесткие меры в отношении сирийского режима с акцентом на экономические и политические санкции и всесторонне обеспечить и поддержать оппозицию» [20]. В соответствии с данной позицией, стремясь стать организующим центром для всех противников сирийского режима, Саудовская Аравия совместно с Францией 24 февраля 2012 г. организовала проведение в Тунисе первой конференции международной группы «Друзья Сирии», состоящей из 70 стран, в которую, помимо Саудовской Аравии, вошли Франция, США, страны ССАГПЗ. «Друзья Сирии» признали сирийскую оппозицию «авангардом сирийского народа, стремящимся к свободе и достоинству», а Сирийский национальный совет — «законным представителем сирийцев» [31]. Таким образом, Саудовская Аравия создала определенный политический инструмент для достижения своих целей в Сирии.

Иран вступил в дипломатическое и политическое противостояние по Сирии несколько позже — летом 2012 г., хотя ранее выступал за мирное разрешение сирийского кризиса, без осуществления внешней интервенции. Однако, наблюдая за действиями Саудовской Аравии и быстрым развитием кризиса в Сирии, Иран не мог не отреагировать на усугубляющуюся ситуацию и также активизировал свои дипломатические усилия. В конце июля 2012 г. первый вице-президент Ирана Мохаммад Реза Рахими на встрече с заместителем премьер-министра Сирии в Тегеране подтвердил, что Иран будет поддерживать Сирию, сказав при этом: «В ситуации, когда ведущие страны объединяются, чтобы нанести вред сирийскому народу, иранский народ всегда будет твердо отстаивать свои позиции» [7]. В августе 2012 г. Саид Джалили, глава Высшего совета национальной безопасности, одновременно являющийся представителем духовного лидера Ирана, посетил Дамаск и встретился с Башаром Асадом. Джалили сделал ряд важных заявлений, сказав, что все, что происходит сегодня в Сирии, это не только ее внутреннее дело и что Иран никому не позволит разрушить исламское сопротивление, имея в виду противостояние с США и Израилем [30].

14 августа 2012 г. Министерство иностранных дел Ирана организовало в Тегеране международную встречу по ситуации в Сирии с участием более 30 государств, включая представителей России, Китая, Индии, Пакистана. На итоговой пресс-конференции министр иностранных дел Ирана Али Акбар Салехи заявил, что основные идеи для урегулирования сирийского кризиса, с которыми согласились все участники, — это «...прекращение кровопролития, инициирование национального диалога и поиск приемлемых решений» [17]. С этой целью иранской стороной было предложено создать контактную группу по Сирии с участием нейтральных государств для того, чтобы остановить вооруженный конфликт и привлечь все его стороны к диалогу и конструктивным действиям. По сути, Иран политически противостоял Саудовской Аравии с ее «друзьями Сирии», иницируя создание аналогичной группы стран, и создавал ресурс для поддержки сирийского режима.

О том, что дипломатические усилия по урегулированию кризиса не принесли желаемого результата, стало понятно после гибели министра обороны Сирии Дауда Раджиха и министра внутренних дел Мохаммеда аш-Шаара 18 июля 2012 г. в результате теракта. В Дамаске в это время начались уличные бои. В обострившейся ситуации Иран по согласованию с Сирией начал направлять в страну своих военных представителей. В сентябре 2012 г. командующий Корпусом стражей Исламской революции (КСИР) бригадный генерал Мохаммед Али Джафари сказал, что иранские военные присутствуют в Сирии в качестве советников, кроме того, находится некоторое количество военнослужащих спецподразделения «Кудс». При этом генерал пояснил, что «присутствие этих военных не означает, что мы проводим боевую операцию». Вместе с тем он озвучил решительную позицию Ирана на право ответа в случае возможной агрессии против него нанесением ракетных ударов по Ормузскому проливу, а также по базам США в Бахрейне, Кувейте, Саудовской Аравии и ОАЭ [22].

Таким образом, противостояние Саудовской Аравии и Ирана в Сирии перешло в более активную, военную фазу, началом которой можно считать участие отрядов

проиранской ливанской шиитской группировки «Хезболла» в боях на стороне сирийской армии. В начале июня 2013 г. бойцы «Хезболлы» освободили захваченный боевиками более года назад город Эль-Кусейр. При этом правительство Ирана, формально поддерживая принцип невмешательства внешних сил в сирийские дела, опровергло информацию об участии своих военных в вооруженном конфликте в Сирии, в том числе и военную помощь «Хезболле». По этому поводу министр иностранных дел Ирана Али Акбар Салехи в интервью немецкому журналу «Шпигель» сказал, что такая помощь не требуется, так как лидер «Хезболлы» Насралла «обеспечен всем необходимым и ни в чем не испытывает недостатка», а Сирия «на протяжении десятилетий вооружалась для борьбы с таким подлым неприятелем, как Израиль», поэтому не нуждается в «мелких партиях стрелкового оружия» [1]. С другой стороны, сам факт наличия у «Хезболлы» полного комплекта вооружений позволяет предположить, что именно Иран обеспечивал их поставки.

Саудовская Аравия и страны, входящие в группу «Друзья Сирии», отреагировали на это осуждением вмешательства Ирана и группировки «Хезболла» в сирийский конфликт. Сауд аль-Фейсал на встрече «Друзей Сирии» в столице Катара Дохе 22 июня 2013 г. сказал, что «...самые опасные действия в Сирии совершаются "Хезболлой" и другими иностранными военными при поддержке КСИР Ирана. Это нарушает все международные нормы и законы и только усугубляет конфликт». Между министрами иностранных дел 11 стран — «друзей Сирии» — была достигнута договоренность о предоставлении срочной помощи сирийской оппозиции, которая «будет проходить через Высший военный совет повстанцев» [15].

Еще больше саудовско-иранское противостояние обострилось после применения в августе 2013 г. химического оружия в окрестностях Дамаска и обвинения в этом правительства Б. Асада. Президент США Б. Обама в своем обращении к нации 10 сентября 2013 г. назвал химическую атаку «зверским и чудовищным» преступлением сирийского режима и заявил, что «в ответ на использование Асадом химического оружия необходимо нанести целенаправленный военный удар», вопрос о котором он поставил на голосование в конгрессе [8]. Саудовская Аравия также использовала ситуацию для того, чтобы призвать арабские страны к военной интервенции в Сирию. На заседании министров иностранных дел ЛАГ в Каире Сауд аль-Фейсал, потребовал «вмешательства международного сообщества, чтобы остановить агрессию против сирийского народа» [23].

В свою очередь, Иран был, конечно, против силового решения сирийского кризиса в пользу сирийской оппозиции, поскольку при таком исходе он терял свои позиции и положение в Сирии. По мнению Ирана, напряженность вокруг Сирии могла быть создана намеренно, с целью дать повод для начала военной интервенции в страну и свержения Б. Асада. Министр иностранных дел Ирана А. Салехи говорил, что химическое оружие могут применить повстанцы для того, чтобы «вину возложили на Асада. И, возможно, чтобы проверить реакцию США. Повстанцы хотят втянуть Америку в свою войну» [1].

Угроза военной операции против сил сирийского правительства была вполне реальной, так как предельно ясно был обозначен повод к этому, однако Россия

и Китай выступили против вторжения в Сирию без санкции Совета Безопасности ООН. Для того чтобы предотвратить военную операцию, Россией был предложен план по вывозу и уничтожению имеющегося в Сирии химического оружия и присоединению Сирии к Организации по запрещению химического оружия (ОХЗО), членом которой она стала 10 сентября 2013 г. [4]. Сирийская оппозиция отвергла этот план, но США и другие страны одобрили его, и в январе 2014 г. первая партия химического оружия была вывезена из Сирии. Иран поддержал инициативы России, назвав сложившуюся ситуацию новой стадией политического урегулирования. Заместитель министра иностранных дел Ирана по арабским и африканским странам Хосейнамир Абдоллахиян сказал, что на этом этапе необходимо «исключить любые намерения у тех, кто желает начать военные действия в Сирии» [12].

Саудовская Аравия в изменившейся ситуации выбрала другой способ военного решения сирийского кризиса, состоявший в использовании «умеренных» исламистских группировок, воюющих в Сирии. Королевство проявило инициативу и профинансировало создание объединенной исламистской группировки «Армия ислама», куда вошли порядка 50 более мелких групп боевиков [28]. Целью «Армии ислама» стало противостояние джихадистским группировкам, таким как «Аль-Каида» и ИГИЛ, которым она объявила войну, а также содействие дерадикализации сирийской оппозиции.

Новый этап противостояния Саудовской Аравии и Ирана начался в 2014 г., когда Королевство было вынуждено пересмотреть свою стратегию в сирийском кризисе. По словам иранского аналитика Асгара Юсефи, «сейчас в саудовском правительстве больше озабочены внутренней безопасностью государства и, возможно, именно поэтому оказывают меньше поддержки антисирийским силам» [27]. Действительно, в Королевстве были обеспокоены ростом активности экстремистских группировок и стремительной «исламизацией» сирийской оппозиции за счет притока туда боевиков исламской направленности из разных стран. Ссылаясь на сирийскую газету «Аль-Ватан», иранское агентство ИРНА писало: «...из-за решительного противостояния сирийского правительства действиям террористических группировок руководство Саудовской Аравии... начало менять свою политику в отношении Сирии, чтобы предотвратить распространение экстремизма уже среди своих подданных» [Там же].

Подтверждением распространения экстремизма в Сирии стала укрепившая свои позиции к лету 2014 г. террористическая группировка ИГИЛ как наиболее жестокое, многочисленное, хорошо вооруженное и финансово независимое объединение. Саудовская Аравия была серьезно обеспокоена таким развитием событий, поскольку в конечном счете ИГИЛ могла угрожать и безопасности Королевства, распространяя свои джихадистские идеи и уничтожая всех, кто не разделяет их. Озабоченность проявили и западные страны, встревоженные быстрым увеличением численности ИГИЛ, захватом группировкой территорий и совершением ею бесчеловечных преступлений. Саудовская Аравия поспешила дистанцироваться от экстремистов, и верховный муфтий Королевства выпустил фетву, где обвинил «Аль-Каиду» и ИГИЛ в том, что они «не только своими

действиями противоречат исламу, но и вовсе выходят за рамки ислама и являются врагами религии» [21]. Для борьбы с ИГИЛ по инициативе США и НАТО была создана международная коалиция, военно-воздушные силы которой уже 23 сентября 2014 г. нанесли первые авиаудары по позициям ИГИЛ. Членом этой коалиции стала и Саудовская Аравия, авиация которой также приняла участие в бомбардировках. Для Королевства это было хорошей возможностью усилить свое влияние в кругах сирийской оппозиции.

Иран негативно отнесся к подобным предложениям и ударам ВВС коалиции по территории Сирии. Президент Ирана Хасан Роухани в интервью телеканалу NBC сказал, что эти удары незаконны, так как были совершены без санкции ООН и без согласования с официальными властями Сирии [6]. Вообще отношение Ирана к самой коалиции против ИГИЛ было очень прохладным. По мнению главнокомандующего КСИР генерала Джафари, когда «западные страны поняли, что эта террористическая группировка обратит свою деятельность против них самих, они решили создать антиигиловскую коалицию. Но не стоит возлагать на нее большие надежды» [13]. В Тегеране понимали, что военная мощь коалиции создает определенную угрозу как для сирийского режима Б. Асада, так и для Ирана. Поэтому Иран сделал свой шаг, нанеся серию авиаударов ВВС по позициям ИГИЛ в Ираке в декабре 2014 г. Заместитель министра иностранных дел Ирана Эбрахим Рахимпур заявил, что Иран защищал интересы своих друзей в Ираке, в число которых входят правительство Ирака и курдская автономная область. Рахимпур добавил, что «Иран не допустит повторения ситуации в Сирии, до которой довели действия других стран» [32]. Такая демонстрация силы послужила сигналом и для Саудовской Аравии. Следует отметить, что эти авиаудары также не были санкционированы ни международной коалицией, ни ООН, а согласовывались лишь с властями Ирака.

В 2015 г. в руководстве Саудовской Аравии произошли серьезные изменения. После смерти короля Абдаллы бен Абдель-Азиза к власти пришел король Салман бен Абдель-Азиз Аль-Сауд, министром иностранных дел стал Адель Аль-Джубейр, а министром обороны — заместитель наследного принца Мохаммад ибн Салман Аль-Сауд. Новое поколение саудовских политиков начало проводить более активную деятельность в отношении сирийского кризиса, стремясь к свержению Асада и устранению Ирана с сирийского поля.

На саммите ССАГПЗ 18 сентября 2015 г. Адель Аль-Джубейр сказал, что «Королевство никак не видит Башара Асада в будущем Сирии, так как он утратил легитимность и стал полностью неуместен», и что «в любом случае он будет устранен либо политическим, либо военным путем» [10]. Позднее в кулуарах Генассамблеи ООН Аль-Джубейр добавил, что у Саудовской Аравии уже есть «два плана по смещению Асада — политический и военный» [Там же].

Иранский ответ на эти заявления был дан в Москве заместителем министра иностранных дел Ирана Хоссейном Амиром Абдоллахияном. Во время визита в Россию 22 сентября 2015 г. он заявил на пресс-конференции, что «любой мирный план по Сирии должен предусматривать участие президента Башара Асада в урегулировании. В любой инициативе политический подход и борьба с терроризмом

будут вестись параллельно. Башар Асад в любой инициативе будет частью урегулирования кризиса» [2].

Саудовско-иранское противостояние в сирийском кризисе изменилось после того, как по просьбе правительства Б. Асада Россия с конца сентября 2015 г. начала оказывать ему военную помощь в виде авиаударов по позициям ИГИЛ, что оказалось выгодным и для Ирана. Как заявила официальный представитель Министерства иностранных дел Ирана Марзие Афхам, «Иран полностью поддерживает российские авиаудары в Сирии, поскольку это шаг к глобальной борьбе против терроризма и урегулированию сирийского кризиса» [5].

В свою очередь, постоянный представитель Саудовской Аравии при ООН Абдалла аль-Муаллими выразил обеспокоенность началом авиаударов российской авиации, потребовав, чтобы эта военная операция «была остановлена немедленно и не повторялась» [25]. Вслед за подобными заявлениями Саудовская Аравия сделала некоторые политические и военно-политические шаги. 9–10 декабря 2015 г. в Эр-Рияде была проведена конференция представителей сирийской оппозиции, поддерживаемой Королевством. В итоговом документе конференции было заявлено о «категорическом неприятии присутствия в Сирии иностранных боевиков, вооруженных групп и иностранных вооруженных сил и требовании их выдворения за пределы Сирии» [29]. Еще раз была подтверждена позиция, что «цель политического урегулирования — создание гражданского государства без участия Башара Асада, основ и символов его режима» [Там же]. Вскоре после окончания конференции, 15 декабря 2015 г., Саудовская Аравия в лице министра обороны Мохаммеда бин Салмана объявила о создании еще одной, исламской, коалиции по борьбе с терроризмом с центром в Эр-Рияде. В заявлении о создании коалиции говорилось, что ее цель — «используя право народов на коллективную самозащиту, противодействовать терроризму, ставшему угрозой для исламской нации» [26]. Салман сообщил, что в коалицию вошли 34 исламские страны, среди которых — ОАЭ, Иордания, Египет, Катар, Бахрейн, Йемен. Таким образом, Саудовская Аравия к двум уже имеющимся военным коалициям, где она состояла или принимала участие в финансировании — международной и «Армии ислама», добавила еще коалицию исламских стран, стремясь контролировать сирийскую ситуацию по всем направлениям.

С началом 2016 г. саудовско-иранские отношения резко обострились. Это обострение было связано с казнью 2 января властями Саудовской Аравии уважаемого в Иране шиитского проповедника Нимра ан-Нимра по официальному обвинению в пособничестве терроризму. Вместе с Нимром были казнены еще 46 человек. Иранцы бурно отреагировали на это событие: в Тегеране было разгромлено посольство Саудовской Аравии, а в ответ Королевство разорвало с Ираном дипломатические отношения.

4 февраля Саудовская Аравия заявила, что готова начать сухопутную военную операцию в Сирии. Объясняя такое решение, советник министра обороны Саудовской Аравии бригадный генерал Ахмед Асири в интервью каналу «Аль-Арабия» заявил, что «для эффективной борьбы с ИГИЛ необходимо объединить авиаудары с наземной операцией и Королевство готово участвовать в любых

наземных операциях, которые решит проводить антитеррористическая коалиция в Сирии» [24].

Новую тактику Саудовская Аравия начала развивать совместно с Турцией — своим новым союзником в Сирии, которая стала им на фоне ухудшения ее отношений с Россией после того, как турецкой авиацией был сбит российский бомбардировщик из группировки Военно-космических сил России в Сирии. Именно в Турцию Саудовская Аравия перебросила свои истребители и часть сухопутных спецподразделений, как уточнил А. Асири, «для уплотнения ударов». В интервью российскому каналу «Russia Today» Асири пояснил смысл всех этих приготовлений, сказав, что «...Королевство имеет две четкие и ясные позиции. Первая позиция состоит в том, что Королевство будет постоянно оказывать помощь сирийской умеренной оппозиции. Что касается второй позиции, то мы государство, которому ИГИЛ нанесло вред, и ни у кого другого нет такого опыта в уничтожении террористических группировок, как у нас, поэтому наша позиция предельно ясна» [11]. 13 февраля 2016 г. Адель Аль-Джубейр на конференции по безопасности в Мюнхене обозначил еще одну цель Королевства в Сирии, заявив, что, по мнению Саудовской Аравии, «смещение Асада имеет жизненно важное значение для победы над ИГИЛ, поскольку именно он виновен в создании и деятельности этой организации, так как именно он выпустил из тюрем радикальных исламистов и не стал противостоять ИГИЛ» [16].

Иран в ответ на военные планы Саудовской Аравии также искал пути к консолидации. Так, 3 февраля советник Верховного лидера Ирана аятоллы Хаменеи Али Акбар Велаяти, находясь с визитом в Москве, высказал мнение, что существуют реальные предпосылки для создания альянса Ирана с Россией, Сирией и «Хезболлой», поскольку «Иран, Сирия, Россия и “Хезболла” защищают законные права народа Сирии и защищают эту страну перед лицом террористов» [3]. При этом Иран не отступал от своей цели по защите и поддержке Б. Асада. В марте 2016 г. секретарь Высшего совета национальной безопасности Ирана Али Шамхани заявил, что его страна продолжит «оказывать поддержку сирийской армии (Асада. — В. К., Н. С.) в войне против терроризма, так как только сирийский народ может определять будущее своей страны и любое игнорирование этого потерпит провал» [33].

Со своей стороны Саудовская Аравия провела масштабные учения «Северный гром» у своих северных границ, в которых участвовали не менее 150 тыс. солдат и части военно-воздушных сил из Египта, Судана, Иордании. Советник министра обороны Королевства Ахмед Асири заявил в интервью агентству «Спутник» о том, что «эти учения не связаны с какой-либо конкретной операцией; арабские и исламские страны решили провести совместно военные учения по приглашению Саудовской Аравии, от которых все участники получают пользу» [9]. Однако это было явной демонстрацией силы и намерений Королевства относительно Сирии.

В значительной степени снизить напряженность в Сирии помог режим прекращения огня, установленный по согласованию между Россией и США с 27 февраля 2016 г. Он касался остановки боевых действий между правительственными

войсками Сирии и вооруженной оппозицией, кроме исламистских организаций «Джебхат ан-Нусра», ИГИЛ и других группировок, признанных ООН террористическими.

В целом можно сказать, что к весне 2016 г. в Сирии сложилось хрупкое равновесие сил, однако на дальнейшее развитие ситуации в этой стране стали оказывать большое влияние некоторые новые внешние факторы — начало кампании по выборам нового президента США (праймериз), завершившейся избранием Д. Трампа, возрастание роли Израиля в сирийском вопросе, активизация политических действий России, выразившаяся в создании ею Координационного центра по примирению враждующих сторон, существенные успехи в борьбе с террористами, действующими на территории Сирии, и некоторые другие. Анализ влияния этих факторов на сложный процесс урегулирования сирийского кризиса заслуживает специального освещения.

-
1. Беднарц Д., Клеменс Х. Мы осуждаем химоружие // Профиль. 18.05.2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.profile.ru/politics/mir/item/75813-%C2%ABmy-osuzhdaem-khimoruzhie%C2%BB-75813> (дата обращения: 29.10.2015).
  2. Замглавы МИД Ирана: любой план по Сирии должен предусматривать участие Асада // ТАСС. 22.09.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2280486> (дата обращения: 02.11.2015).
  3. Иран считает возможным создание альянса с Россией, Сирией и Хезболлой // РИА. 03.02.2016 [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/syria_chronicle/20160203/1369139902.html (дата обращения: 21.02.2016).
  4. Обнародованы детали российского плана по уничтожению химоружия Сирии // Russia Today. 12.09.2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/15296> (дата обращения: 29.10.2015).
  5. Позиция МИД Ирана по российской военной операции в Сирии по борьбе с терроризмом // МИД Исламской республики Иран. 01.10.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://gordonua.com/amp/news/worldnews/mid-irana-my-podderzhivaem-aviaudary-rt-v-sirii-100337> (дата обращения: 03.11.2015).
  6. Iran Leader Criticizes U.S. Strikes on ISIS in Syria, Calls Them Illegal // NBC news. 23.09.2014 [Electronic resource]. URL: <http://www.nbcnews.com/storyline/isis-terror/iran-leader-criticizes-u-s-strikes-isis-syria-calls-them-n209536> (accessed: 01.11.2015).
  7. Iran says it's ready to support Syria with 'experience and capabilities' // Daily News. 26.07.2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.nydailynews.com/news/world/iran-ready-support-syria-experience-capabilities-article-1.1122168> (accessed: 27.10.2015).
  8. Remarks by the President in Address to the Nation on Syria // The White House. 10.09.2013 [Electronic resource]. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/09/10/remarks-president-address-nation-syria> (accessed: 29.10.2015).
  9. Riyadh to Sputnik: Drills in Saudi Arabia Not Run up for Specific Operation // Sputnik. 16.02.2016 [Electronic resource]. URL: <http://sputniknews.com/military/20160216/1034818518/northern-thunder-drills-saudi-arabia.html#ixzz492P5yr> (accessed: 19.02.2016).
  10. Аль-Джубейр — Асаду: либо отставка, либо военное решение // Аль-Джазира. 30.09.2015 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1TfEpCe> (accessed: 02.11.2015).
  11. Асири для Russia Today: Саудовская Аравия будет поддерживать умеренную оппозицию в Сирии // Russia Today Arabic. 13.02.2016 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1OAmxD> (accessed: 20.02.2016).

12. Встреча Амира Абдуллахияна с министром иностранных дел Сирии в Москве. Дамаск согласен с предложением Москвы // Мехр Ньюс. 10.09.2013 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1V8Zj5a> (accessed: 30.10.2015).
13. Генерал Джафари назвал «демонстративными» действия Америки против ИГИЛ // Pars Today. 16.11.2014 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1NyoDQF> (accessed: 01.11.2015).
14. Дамаск отказывается от арабской инициативы по Сирии // Аль-Джазира. 28.08.2011 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1Wu2mGk> (accessed: 25.10.2015).
15. «Друзья Сирии» договариваются о срочной помощи сирийской оппозиции // Аль-Арабия. 22.06.2013 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1WmHukC> (accessed: 20.10.2015).
16. Заметки с мюнхенской конференции по Сирии... Аль-Джубейр: невозможно победить ИГИЛ без ухода Асада // CNN Arabic. 12.02.2016 [Electronic resource]. URL: <http://arabic.cnn.com/middleeast/2016/02/12/syrian-crisis-munich> (accessed: 20.02.2016).
17. Иран пытается собрать группу реальных друзей Сирии // ANNA News. 14.08.2012 [Electronic resource]. URL: <http://anna-news.info/node/7032> (accessed: 28.10.2015).
18. ЛАГ ввела санкции против Дамаска, в том числе запрет на поездки должностных лиц // Аль-Арабия. 27.11.2011 [Electronic resource]. URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2011/11/27/179371.html> (accessed: 25.10.2015).
19. Международное, а не иностранное вмешательство // Аш-Шарк Аль-Аусат. 07.09.2011 [Electronic resource]. URL: <http://archive.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=639256&issueno=11971.#.VzWlwiHzPm4> (accessed: 26.10.2015).
20. Министр иностранных дел потребовал решительных мер после провала принятия решения во время сирийской бойни // МИД Королевства Саудовская Аравия. 13.02.2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.mofa.gov.sa/ServicesAndInformation/news/MinistryNews/Pages/ArticleID201221217203406.aspx> (accessed: 27.10.2015).
21. Муфтий Саудовской Аравии: ИГИЛ и Аль-Каида — еретические группировки, не имеющие ничего общего с исламом // Аш-Шарк аль-Аусат. 20.08.2014 [Electronic resource]. URL: <http://aawsat.com/home/article/163786> (accessed: 01.11.2015).
22. Пресс-конференция генерала Джафари // Fars-News. 16.09.2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.farsnews.com/new-stext.php?nn=13910626000660> (accessed: 28.10.2015).
23. Сауд аль-Фейсал: Настало время, чтобы остановить кровопролитие в Сирии // Ар-Рияд. 02.09.2013 [Electronic resource]. URL: <http://www.alriyadh.com/864094> (accessed: 30.10.2015).
24. Саудовская Аравия готова участвовать в любой наземной операции в Сирии // Аль-Арабия. 05.02.2016 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1L0XgYB> (accessed: 08.02.2016).
25. Саудовская Аравия: «Мы требуем, чтобы Россия прекратила военную операцию в Сирии» // Аль-Арабия. 01.10.2015 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1OaKLiG> (accessed: 03.11.2015).
26. Саудовская Аравия объявила о создании исламской коалиции для борьбы с терроризмом // Аль-Джазира. 15.12.2015 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1m2JTRi> (accessed: 18.12.2015).
27. Саудовская Аравия: смена стратегии или кадровая перестановка? // IRNA. 19.02.2014 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/1sxXOTm> (accessed: 01.11.2015).
28. Саудовская Аравия финансирует в Сирии «две войны» // BBC Arabic. 08.11.2013 [Electronic resource]. URL: http://www.bbc.com/arabic/inthepress/2013/11/131107_press_friday (accessed: 30.10.2015).
29. Сирийская революция и оппозиция выражают свою приверженность единству сирийских территорий // Ар-Рияд. 10.12.2015 [Electronic resource]. URL: <http://www.alriyadh.com/1108523> (accessed: 12.12.2015).
30. Сирия подтвердила важность консультаций и координации с Ираном для противостояния заговору // Канат аль-Аляам. 08.08.2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.alalam.ir/news/1243744> (accessed: 28.10.2015).
31. Текст Заявления конференции «друзей сирийского народа» в Тунисе // Аш-Шарк Аль-Аусат. 25.02.2012 [Electronic resource]. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=665274&issueno=12142> (accessed: 27.10.2015).

32. Удар иранских ВВС по Ираку подтвержден // Mehr news. 06.12.2014 [Electronic resource]. URL: <http://bit.ly/23Xe6Ah> (accessed: 01.11.2015).

33. Шамхани: Иран продолжит оказывать поддержку сирийской арабской армии в борьбе с терроризмом // SANA. 16.03.2016 [Electronic resource]. URL: <http://www.sana.sy/?p=354187> (accessed: 25.03.2016).

Рукопись поступила в редакцию 6 августа 2018 г.

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 001.891:7.073 + 159.952.2 + 303.01 + 304 + 004.77

Е. П. Неменко
А. А. Сухов
О. В. Язовская

КОНЦЕПТ ВОВЛЕЧЕННОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЗРИТЕЛЬСКОГО ОПЫТА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКИ*

В статье рассматривается концепт вовлеченности Ирвинга Гоффмана применительно к зрительскому опыту взаимодействия с продуктами массовой культуры как альтернативный концепт культурного потребления. Для этого анализируются конкретные кейсы — компьютерные игры и японская анимация. Вовлеченность в компьютерную игру обуславливается переживаниями от первого лица при идентификации игрока с персонажем или же посредством детализированного игрового пространства. Вовлеченность в японскую анимацию усиливается посредством предоставления возможности проживания травмирующих событий японской истории через мультипликацию и эстетику кавайи. Установлено, что вовлеченность применительно к зрительскому опыту является условием получения удовольствия в процессе взаимодействия с продуктом массовой культуры, которое не встроено в само произведение, а конструируется при взаимодействии со зрителем.

К л ю ч е в ы е с л о в а: теория фреймов, вовлеченность, массовая культура, компьютерные игры, японская анимация.

В данной статье мы выносим на обсуждение широкой аудитории промежуточные результаты работы в исследовательском проекте, который посвящен проблеме взаимодействия зрителя с продуктами массовой культуры.

Каждый из нас интересуется различными жанрами массовой культуры, но, так или иначе, нас всех касается вопрос о зрительском опыте в процессе восприятия массовой культуры. В какой-то момент стало ясно, что концепция культурного потребления для понимания зрительского опыта нас не устраивает. Со времен Франкфуртской школы и теорий общества потребления, которые были популярны

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-33-01080.

в 1990-е гг., произошло много структурных изменений в области культурного производства. Появились новые медиа, прежде всего Интернет, которые существенно изменили наш способ взаимодействия с культурой. Вместо концепта потребления более отражающими новую культурную ситуацию стали понятия погружения и вовлеченности. Очевидно, что эти понятия фиксируют важные изменения в зрительском опыте, а именно преобладающую интерактивность, активное участие самого зрителя в процессе выбора и взаимодействия с культурным продуктом, акцент на субъектности зрителя, активной роли его эмоций и воли, которые он включает в это взаимодействие. Даже понятие аддикции, описывающее чрезмерную погруженность в практику, отсылает к патологическим состояниям воли субъекта, к степени минимальной субъектности при максимальном погружении, что говорит о том, что, разбираясь с новыми аспектами зрительского опыта, мы имеем дело с различными степенями и модусами активного участия субъекта (от минимального до максимального), задействованного в этом опыте, нежели с ошибочным и пассивным выбором «плохой» культуры вместо «высокой» под манипулятивным воздействием культурной индустрии.

Чтобы по-новому концептуализировать взаимодействие зрителя с культурным продуктом в изменившихся условиях, мы обратились к концепту вовлеченности, который в 1961 г. разработал американский социолог Ирвинг Гоффман в небольшом эссе «Удовольствие в играх» [7]. Гоффман больше известен как создатель теории фреймов в социологии повседневности, то есть он разработал теорию смысловых рамок коммуникации, структур конкретных ситуаций взаимодействия. Количество фреймов ограничено, мы их все хорошо распознаем в повседневной жизни (фрейм лекции, фрейм просмотра телевизора, фрейм игры в футбол и т. д.). Почему подход И. Гоффмана называется микросоциологическим? Гоффмана не интересуют большие структуры, классы и социальные системы, единицей социологического анализа для него является то, что он называет труднопереводимым на русский язык термином *encounter*, то есть взаимодействие лицом к лицу в рамках конкретной ситуации. Для того чтобы *encounter* произошел, необходимо телесное присутствие в пространстве участников взаимодействия. То есть микросоциолог повседневности сосредоточен на самых элементарных, мельчайших фрагментах повседневного социального опыта. Однако выясняется, что не только фрейм — контекст — определяет, что человек делает в ситуации, но также степень его включенности в ситуацию. Одно и то же действие можно выполнять с разной отдачей. Можно с разной эмоциональной отдачей присутствовать на лекции. Можно по-разному вкладываться во взаимодействие. Именно понятие вовлеченности в практику, в ситуацию взаимодействия (*involvement*) позволяет структурно отличить субъективное измерение действия от внешнего контекста.

Что дает нам этот теоретический инструментальный концепции вовлеченности и фрейм-анализа в исследовании зрительского опыта? Если рассматривать практику просмотра телесериала, компьютерной игры или другую культурную практику как простейшее взаимодействие зрителя с культурным объектом, то можно увидеть, что структура и динамика гоффмановского *encounter* также применима к этому типу взаимодействия. С точки зрения вовлеченности практики

потребления массовой культуры оказываются важными элементами повседневного опыта, поскольку зрители в момент активной вовлеченности способны наделять мир игры или художественного произведения большей реальностью, чем привычную им повседневность. Другими словами, зритель вступает в своеобразное взаимодействие с культурным объектом, а не пассивно его созерцает. Гоффмановский анализ структуры и динамики вовлеченности в игры показал, что во время игры создается особая автономная реальность, она активно конструируется и поддерживается игроками. Более того, эта реальность — хрупкий социальный конструкт, который необходимо поддерживать для того, чтобы игра приносила удовольствие. Люди играют в игры и смотрят телесериалы, потому что это приносит им удовольствие [7, 17]. Но удовольствие не является объективным свойством культурного продукта и не встроено в него до начала взаимодействия со зрителем. Удовольствие активно создается в ходе взаимодействия. Именно этим и интересен анализ И. Гоффмана. Он демонстрирует, что далеко не каждое взаимодействие приносит нам удовольствие. Для того чтобы реализовывалась эйфорическая функция *encounter*, нужно выполнить ряд условий.

И. Гоффман показал, что, для того чтобы взаимодействие с объектом захватывало нас, мир игры или художественного произведения на момент взаимодействия должен стать более реальным, чем другие миры. Это достигается благодаря механизму выборочного невнимания (*selective inattention*), то есть произвольному вытеснению не относящихся к данному взаимодействию событий и переживаний на задний план. Однако внешний мир не полностью исключается, перестает существовать. Элементы внешнего мира вступают во взаимодействие, но в преобразованном виде. Само взаимодействие окружается незримой мембраной, рамкой, сквозь которую внешний мир лишь выборочно проникает вовнутрь взаимодействия и преломляется, проходя сквозь его границы. Так, в игре или в фильме моделируются ситуации из реальной жизни, однако в преломленном, трансформированном виде. И. Гоффман выделил два аспекта этой трансформации: во-первых, события внешнего мира предстают открытым, разворачивающимся на наших глазах процессом, нам неизвестны заранее результат игры или развязка сюжета. Во-вторых, у зрителя есть возможность проявить свои реальные качества, которые имеют значимость в «большой» жизни за пределами игры (смекалка, смелость, быстрота реакции, самопожертвование, выносливость и т. д.) [7, 61]. Если в игре необходимо действовать самому через своего персонажа, как и в реальной жизни, то при просмотре фильма или сериала от зрителя также требуются действия, только когнитивного характера (узнавание характера героев, понимание их действий и чувств, интерпретация глубинных причин событий).

Другими словами, зритель получает удовольствие от моделирования и проживания реальных жизненных ситуаций в пространстве игры или просмотра телесериала. Именно эта трансформация позволяет получать от игры удовольствие в концентрированном виде, которое обычно неравномерно рассеяно по нашим повседневным социальным практикам. Игра погружает человека в состояние социализированного транса, как его называет И. Гоффман. Однако это состояние связано не с притуплением чувства реальности и отключением когнитивных

функций, а, напротив, с намеренной концентрацией внимания на каком-то отрезке практики, что и позволяет сделать его более реальным и более осмысленным на момент погружения, чем внешний мир.

Если мы понимаем зрительский опыт как процесс активной вовлеченности в конструирование виртуальной реальности, то возникает ряд совершенно новых вопросов, которыми обычно не задаются теории культурного потребления. Кто является субъектом действия в мире виртуальной реальности? В каком мире — виртуальном или повседневном — происходит действие? Как следует поставить вопрос о власти в ситуации, когда ресурсом вовлеченности зрителя является его внимание? Существуют ли этические ограничения на практики внутри виртуальной реальности? Что происходит при обратном процессе, когда мир виртуального взаимодействия, даже после выхода зрителя из него, продолжает оказывать влияние на мир повседневности? Например, возникают сообщества фанатов и поклонников, появляются практики совместного досуга, построенные вокруг общей темы. Как именно содержание виртуального мира становится содержанием коммуникации в мире повседневности? Рассмотрим, как работает концепт вовлеченности на примере конкретных кейсов исследования зрительского опыта.

Режимы вовлеченности в виртуальные миры современных компьютерных игр

Первый кейс — зрительский опыт игроков компьютерных игр. Принимая во внимание значительную гетерогенность современных компьютерных игр, в методологическом плане мы исследуем режимы вовлеченности в виртуальные миры в соответствии с феноменологией компьютерных игр, их сложившейся жанровой дифференциацией (и близкими группами жанров).

Классические и современные игры в жанре так называемых «аркад» обладают сравнительно простым геймплеем (от англ. *gameplay* — интерактивный игровой процесс). Их игровой нарратив обычно линеен, сложные мировоззренческие вопросы, как правило, специально не ставятся в центр внимания игрового процесса, поскольку цель игрока состоит в том, чтобы быстро, в «реальном времени» выполнить ряд определенных заданий и перейти на следующий уровень. Тем не менее именно в силу таких особенностей легкоусвояемого геймплея аркадные игры (например, классические «Pac Man» (1980), «Super Mario» (1985) или легендарный «Tetris» (1984)) обладают повышенной аддиктивностью, низкими системными требованиями к аппаратному оборудованию компьютера (*hardware*) и массово портируются на современные мобильные гаджеты, тем самым еще более усиливая вовлеченность в игры этого жанра.

В большинстве многочисленных игр action-жанров (от англ. *action* — действие), к которым можно отнести шутеры от первого лица (англ. *first-person shooter*, сокращенно FPS), шутеры от третьего лица (англ. *third-person shooter*, сокращенно TPS), слэшеры (от англ. *slash* — рубить; компьютерные игры, в которых репрезентируется бой с применением холодного оружия), файтинги (от англ. *fighting* — бой, драка; жанр компьютерных игр, репрезентирующих рукопашный бой), режимы

вовлеченности функционируют по сходным с аркадами принципам: сложные этические вопросы специально не акцентируются, поскольку, как и в аркадах, главная задача игрока — выполнить определенную миссию. Однако особую вовлеченность в виртуальные миры action-игр обеспечивает репрезентированное виртуальное насилие как в отношении так называемых NPC (от англ. *non-player character* — неиграбельные компьютерные персонажи) в однопользовательском оффлайн-режиме, например в «Grand Theft Auto 3» (2001), так и в отношении других игроков в массовых многопользовательских онлайн-играх, например, в легендарной «Counter Strike» (2000). Компьютерные игры в жанре шутеров легитимируют интерактивное насилие, репрезентируя узнаваемый образ конвенционального универсального врага: чаще всего им становятся виртуальные нацисты (например, в классической «Wolfenstein 3D» (1992) и в большинстве шутеров по мотивам Второй мировой войны), а также разнообразные зомби и монстры. Однако многообразии жанров и видов современных компьютерных игр (равно как и видовое разнообразие внутри жанра шутеров) приводит к тому, что в качестве объектов виртуального насилия могут выступать не только безобразные монстры и фашисты, но и виртуальное гражданское население. Примером может служить скандальная «Call Of Duty: Modern Warfare 2» (2009).

В сложных многоплановых играх жанра RPG (от англ. *role-playing game* — ролевая игра) реализуется не только создание/развитие игроком своего персонажа (аватара), но и освоение огромного детализированного виртуального мира, как, например, в ролевой игре «TES V: Skyrim» (2011). Исходя из терминологии И. Гофмана, мы можем сказать, что ролевые игры предлагают максимально усиленный режим вовлеченности в виртуальные миры. В играх этого жанра, как правило, создаются все условия для полной идентификации играющего со своим персонажем (создание визуальной копии играющего, достоверные видео и звук, интерактивность процесса, предполагающие тотальную вовлеченность, вживание в своего персонажа). Соответственно и цель игры состоит не только в выполнении определенной миссии (как в аркадных играх), но прежде всего в полноценном развитии своего персонажа, в развитии его внутренних качеств и способностей (параметры силы, ловкости, красноречия, обаяния и т. п.), а также в последовательном изучении внешнего виртуального мира, приобретении имущества, вооружения, бытовых приборов, социального статуса и т. д. Примером здесь могут служить как классические нелинейные RPG «Planescape: Torment» (1999), «Baldur's Gate» (1998), так и более современные «Fallout 3» (2008), «TES V: Skyrim» (2011) или «Dragon Age 3: Inquisition» (2014).

Усилению вовлеченности игрока в виртуальные миры ролевых игр способствует также встроенная во многие нелинейные RPG система социальных регуляторов. В качестве примера можно привести систему так называемой «кармы» в постапокалиптическом мире серии игр «Fallout» (1997–2018), представляющей собой математическую сумму плохих и хороших поступков, рейтинг, определяющий базовое отношение NPC к игроку. А в играх серии «Fable» (2004–2015) этический компонент напрямую связан с телесным инвестированием: «если у героя с высоким показателем очков в сторону добра постепенно появляется нимб над головой,

вокруг него летают бабочки и волосы светлеют, то у злого героя вырастают рога, от ног исходит красный дым, вокруг кружатся мухи и т. п.» [9, 663–671]. Вместе с тем дополнительную аддиктивность игрового процесса и вовлеченность геймера в виртуальные миры RPG обеспечивает репрезентация мифологических персонажей, религии и неоязыческих культов (например, языческие культы Тамриэля в серии игр «The Elder Scrolls» («TES», 1994–2014), единая Андрастианская Церковь в серии игр «Dragon Age» (2009–2014)), в которых геймер может принять непосредственное участие.

В крупном жанре *стратегий*, который можно разделить на стратегии в реальном времени (от англ. *real-time strategy*, сокращенно RTS) и пошаговые стратегии (от англ. *turn-based strategy*, сокращенно TBS), особое место занимают исторические стратегии, репрезентирующие исторические события или даже целое поликультурное пространство того или иного исторического типа культуры. В качестве примера можно привести историческую компьютерную игру «Total War: Medieval II» (2006) из популярной серии игр в жанре стратегий «Total War» (2000–2018), которая, несмотря на свой почтенный по меркам стремительно развивающейся игровой индустрии возраст, удивительным образом не потеряла своей популярности. Игра имеет огромное количество до сих пор постоянно появляющихся пользовательских модификаций, так называемых модов, многие из которых создавались в тесной коллаборации с профессиональными историками. Режим вовлеченности в виртуальный средневековый мир «Total War: Medieval II» обеспечивается тщательным воссозданием геополитического пространства средневековой истории, а именно «множества существовавших ранее исторических государств и городов, детальной репрезентации культурно-исторических, политических, социальных, религиозных, экономических, дипломатических, военных и технологических особенностей Средневековья, включая специфические культурно-исторические аспекты административного, экономического и антикризисного менеджмента» [8, 677–687].

Жанр симуляторов демонстрирует усиленный режим вовлеченности игрока в интерактивный игровой процесс. В качестве примера можно привести гоночный симулятор «rFactor» (2006), который высоко оценивали чемпионы «Формулы-1» Михаэль Шумахер и Кими Райкконен и по которому первый российский пилот «Формулы-1» Виталий Петров даже изучал незнакомые трассы. В то же время режим вовлеченности игрока в геймплей симуляторов парадоксальным образом оказывается схож с режимом вовлеченности игрока в геймплей аркад, несмотря на то что аркады и симуляторы находятся в мире компьютерных игр на разных полюсах. Дело в том, что, как и в аркадах, геймплей симуляторов направлен не на решение сложных мировоззренческих вопросов, а на выполнение конкретного игрового задания (например, победы в гонке). Впрочем, если в аркадах этот процесс максимально упрощен, то в симуляторах, напротив, максимально приближен к «реальности» или даже «гиперреален» [1].

В более сложных гибридных играх, например в серии экономических стратегий/симуляторов «SimCity» (1989–2013), геймер вовлекается в строительство и управление огромного виртуального города, репрезентирующего буквально все стороны современной урбанистики — от проектирования общественных

пространств, заводов, водоснабжения до строительства современных аэропортов и инновационных научных центров. При этом геймеру, играющему роль мэра, часто приходится решать сложные задачи, вызванные острой нехваткой бюджетных средств и имеющие характер моральной дилеммы. Например: «уменьшить ли расходы на полицию, сбалансировать бюджет, но тем самым вызвав неконтролируемый рост уличной преступности? Снести ли кладбище с памятниками на дефицитной земле и построить вместо него торговый центр? Согласиться ли на размещение на территории города ракетного полигона или угольной электростанции, вызвав загрязнение воздуха и земли, но пополнив при этом городской бюджет? Подобные вопросы в играх серии “SimCity” игрок-мэр должен решать ежеминутно» [9, 663–671]. В этом смысле важно, что овладение такими сложными играми не только позволяет игроку получить актуальные навыки административного и антикризисного менеджмента, но и вносит в принимаемые решения моральное измерение, что, в свою очередь, еще более усиливает вовлеченность геймера в игровой процесс.

Проживание травмирующего опыта посредством анимэ

Дополнить характеристику понятия вовлеченности могут особенности восприятия травмирующих сюжетов, напряженное переживание которых может быть снято в рамках взаимодействия с массовой культурой. Значимым кейсом здесь будут являться японские мультипликационные анимэ-фильмы и сериалы жанра *токусацу* (яп. *токусю сацудэй* — специальная съемка). Этот жанр стал набирать обороты с 50-х гг. XX в. в Японии, которая в это время должна была примириться не только с поражением во Второй мировой войне и американской оккупацией, но и пережить катастрофу последнего месяца войны — атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки 6 и 9 августа 1945 г., разрушившие два крупных города и травмировавшие многие японские семьи как потерей близких, так и болезнями, которые повлияли на здоровье нескольких поколений.

Переживание травмы, согласно американскому исследователю С. Ушакину, происходит и как переживание какого-то события очевидцами, и как процесс влияния травмирующего прошлого на настоящее и будущее, меняющий отношение к случившимся событиям. Он характеризует травму как «...дискурсивный и эпистемологический паралич, как неспособность свести воедино три критических опыта: опыт пережитого, опыт высказанного и опыт осмысленного» [5, 8]. И в этом ключе он среди прочего выделяет подход к пониманию *травмы-как-сюжета*, задающего систему координат тем текстам, которые с этим сюжетом работают. В этом смысле поражение в войне и атомные бомбардировки стали системообразующим сюжетом жанра *токусацу*, поскольку именно в рамках данного жанра травмирующие события демонстрировались и подвергались переосмыслению в виде художественных образов.

Обратимся еще к одному определению понятия вовлеченности И. Гоффмана, где она понимается как «...психобиологический процесс, в котором субъект перестает, по крайней мере частично, сознавать направление своих переживаний

и познавательного внимания» [2, 436]. Частичная потеря осознания в фазе отрицания травмирующего прошлого характерна и для проживания ситуации травмы, чтобы привести к снятию напряженности. При этом на следующих этапах переживания, согласно С. Ушакину, травма переходит в фазу повторения, а это, на наш взгляд, служит аспектом формирования привычки и усиления вовлеченности в процесс просмотра анимэ-фильмов и сериалов.

Японский исследователь Рюсукэ Хикава выделяет четыре направления в жанре *токусацу*, где отражен сюжет атомных бомбардировок и ядерной угрозы. К первому направлению относятся фильмы и сериалы, показывающие сами бомбардировки и мощь такого типа оружия. Среди прочего он приводит в пример анимэ-фильмы «Босоногий Гэн» (1983) и «В этом уголке мира» (2016). Эти фильмы сюжетно опираются на исторические факты и визуально — на фотографии с мест катастрофы, но графически — это мультипликация, позволяющая показать жестокость событий без того, чтобы вводить жесткое возрастное ограничение. Р. Хикава отмечает, что «весь ужас происходящего в “Босоногом Гэне“ доходит до зрителя именно благодаря условному языку анимэ. В свою очередь, сдержанность фильма “В этом уголке мира“ приводит к тому, что в конце концов расстояние, дистанция пробуждает вполне реальный страх перед катастрофой» [6, 94].

Ко второму направлению относятся произведения, где описание ядерной катастрофы с опорой на историю сменяют фантастические представления о конце света. Это может быть сюжет о космической угрозе, как в анимэ «Великая война с Гэммой» (1983) или «Гиперпространственная крепость Макрос» (1982) и, реже, о тотальной ядерной войне, как в анимэ «Война будущего, год 198X» (1982). Р. Хикава отмечает, что «тема всеобъемлющего ядерного противостояния, ведущего к гибели всего человечества, неоднократно поднималась в журналах для детей и подростков и становилась сюжетом художественных фильмов и манг (японских комиксов. — О. Я.)...» [Там же].

Третье направление жанра *токусацу* посвящено тому, что будет после всеобщей ядерной войны или катастрофы, тому, как жить в постапокалиптическом мире, в мире после травмы. Примером могут служить анимэ-сериалы «Кулак Северной звезды» (1984–1987) и «Волчий дождь» (2003–2004).

К четвертому направлению Р. Хикава относит анимэ-фильмы и сериалы, где показаны «побочные продукты ядерной войны» [Там же, 96]. Данное направление, на наш взгляд, это попытка продемонстрировать, что итогом войны может быть не только разрушение, есть и выход из цикла травмы. Так, в анимэ-фильме «Акира» (1988) итогом катастрофы стала мысль о том, что у человечества есть скрытые возможности, которые можно развивать. Манга и последующий анимэ-сериал «Могучий Атом» (манга — 1952–1968, сериал — 1963–1966) показывали мирное использование ядерной энергии. Анимэ-сериал «Евангелион» (1995–1996) также оставляет человечеству надежду на спасение ценой больших усилий и личных жертв, заставляя раскрывать в себе силу и храбрость, доблесть и честь.

Жанр *токусацу*, таким образом, на наш взгляд, осмысляет травмирующие события японской истории и не только работает на повторение травмы-как-сюжета, но и показывает возможное будущее, где остается место надежде на перерождение.

Зритель проживает травму через погружение в иную реальность, реальность мультфильма, и рисованные образы сами по себе уже позволяют в меньшей степени ассоциировать себя с героями, задают безопасную дистанцию, смягчая эмоциональный накал. При этом представленные в четвертом направлении *токусацу* побочные продукты войны дают надежду на то, что у травмы есть положительная сторона, ведущая к светлому будущему.

Дальнейшим этапом проживания травмирующего прошлого в японской культуре стало появление категории *кавай*, которой пронизаны все уровни массовой культуры. В своей нынешней форме данный концепт начинает активно использоваться в 70-е гг. XX в. Японский исследователь Инухико Ёмота дает следующую характеристику этого понятия: «Что-то маленькое. Что-то, к чему непонятным образом привязываешься. Что-то хрупкое, непрочное, что-то, что может легко сломаться, если не обращаться с ним бережно. Что-то романтическое, наделенное силой увлечь человека в мир грез. Что-то прелестное, восхитительное. Что-то, во что можно влюбиться с первого взгляда. Что-то удивительное. Что-то, что скрывает в себе тайну, хотя до него можно с легкостью дотронуться. Стоит только раз распылить волшебный порошок под названием *кавай*, и все кругом, вплоть до самых обыденных вещей, вмиг наполнится ощущением близости и родства, кругом воцарится дружелюбие и радушие. Утопия, оберегаемая невинностью и праздностью. Погрузившись в нее, сбросив оковы реальности, человечество потонет в безграничном море любви вместе со всеми своими куколками, игрушечками и анимэшными персонажами, опьянеет и сойдет с ума от счастья, над которым время не властно» [3, 34].

В жанре *токусацу* и японской анимации в целом проявлением эстетики *кавай* можно считать как общую стилистику прорисовки героев и предметов, их окружающих, так и отдельных персонажей, например, симпатичных зверьков, детей и красивых девушек. Согласно Соитиро Исихара, Кадзуюки Обата и Каёко Канно *кавай* можно охарактеризовать посредством системы координат переживаний зрителя в отношении явлений массовой культуры: градация по вертикали выстраивается снизу вверх — от чувства внутренней близости до обожания и страстного почитания, а по горизонтали выстраивается слева направо — от поднятия настроения до чувства теплой симпатии *моэ*. Мы можем предположить корреляцию усиления вовлеченности в зависимости от расположения в системе координат ближе к верхнему правому углу, где страстное почитание переплетается с теплой симпатией [4, 8].

Тотальное счастье и любовь, которые задаются посредством *кавай*, становятся способом снятия травмы и в то же время являются итогом ее проживания посредством анимации жанра *токусацу*. Зритель посредством стилизованных мультипликационных образов мягко проживает ядерную катастрофу, воспринимая ее все с меньшим напряжением, проживая ее посредством анимэ, и обнаруживает в себе потенциал для дальнейшей счастливой жизни. Вовлеченность в данном случае становится механизмом привязки зрителя к экрану, усиливающейся благодаря особенностям подачи материала и его сюжетной матрице, необходимость прохождения которой заложена в японской культуре.

Заключение

Материал кейсов компьютерных игр и анимэ показал, что использование концепта вовлеченности открывает многие аспекты зрительского опыта, которые не охватываются понятием культурного потребления. Исследование позволяет говорить о неоднородности процесса вовлеченности и о нескольких моделях вовлеченности зрителя во взаимодействие с продуктами массовой культуры. В первой модели, о которой позволяет говорить кейс с компьютерными играми, вовлеченность достигается посредством реализации социальных качеств игрока внутри игрового пространства в преломленной форме. Интенсивность и глубина погружения в мир компьютерной игры может быть обусловлена идентификацией с героем и переживаниями от первого лица, а может быть результатом создания яркого и детально продуманного виртуального пространства. Однако наш анализ показал, что просто само по себе виртуальное пространство не определяет, а только усиливает вовлеченность в игру, которая определяется реализацией социальных навыков во время игры. Игрок получает наибольшее удовольствие от задействования своих реальных социальных качеств внутри игры. Цель такой игры состоит не только в выполнении определенной миссии, но прежде всего в полноценном развитии своего персонажа, в развитии его внутренних качеств и способностей, а также в последовательном изучении внешнего виртуального мира, приобретении имущества, социального статуса и т. д. То есть хорошо смоделированное виртуальное пространство усиливает вовлеченность постольку, поскольку позволяет имитировать взаимоотношения с реальным окружающим миром.

Концепт вовлеченности также позволяет описать различные аспекты проживания травмы в случае с японской мультипликацией анимэ. Анализ данного кейса сквозь призму концепта вовлеченности продемонстрировал, как травмирующие события японской истории становятся распространенным сюжетом массовой культуры благодаря техникам удержания внимания зрителя и предложения ему спектра позитивных реакций. Данный кейс позволяет говорить об альтернативной модели вовлеченности в виртуальный мир массовой культуры, которая строится не на идентификации с персонажем и не на максимальном погружении в виртуальную реальность, а, напротив, на эмоциональном дистанцировании зрителя. Повторение травмы-как-сюжета позволяет пережить травму «в миниатюре», но лишь для того, чтобы получить наибольшее удовольствие от последующего позитивного переживания открытого будущего, где остается место надежде на перерождение.

В обеих описанных моделях вовлеченность является главным условием получения удовольствия от практики взаимодействия с культурным продуктом, но удовольствие активно конструируется в процессе взаимодействия зрителя с произведением, а не встроено заранее создателями в культурный продукт.

---

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013.

2. Гоффман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта : пер. с англ. / под ред. Г. С. Батыгина, Л. А. Козловой. М., 2003.

3. *Ёмота Инухико*. Теория кавайи / пер. с яп., вступ. ст. А. Беляева. М., 2018.
4. *Исихара Соитиро, Обата Кадзуюки, Канно Каёко*. Привлекательный мир «кавайи» // Ниппония. 2007. № 40. С. 4–9.
5. *Ушакин С.* «Нам этой болью дышать»? : О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты : сб. ст. / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М., 2009.
6. *Хикава Рюскэ*. Послевоенная культура анимэ и токусау и радиация // Мураками Такаси. И будет ласковый дождь / под ред. Е. Иноземовой. М., 2018. С. 92–101.
7. *Goffman Erving*. Encounters. Penguin University book, 1961
8. *Sukhov A.* Educational Dimension of “Total War: Medieval II”: Proc. of the 12th European Conference on Games Based Learning (ECGBL), Sophia Antipolis, France (4–5 Oct., 2018). P. 677–687.
9. *Sukhov A.* Ethical Issues of Computer Games // 3rd Intern. Sci. Conf. on Social Sciences and Arts : Conf. Proc. B. 3 : Anthropology, Archaeology, History and Philosophy. Vol. 2. P. 663–671.

Рукопись поступила в редакцию 2 ноября 2018 г.

УДК 94(100)“1914/19” + 355.01 + 94(73):141.2 + 94(44)

Д. К. Сатыбалдина

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ РЭНДОЛЬФОМ БОРНОМ
КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ИЗМЕНЕНИЙ
СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЕВРОПЫ НАЧАЛА XX в.
(на примере велодвижения во Франции)***

В данной статье автор пытается выявить особенности и тенденции существования государства во время войны, нашедшие отражение в не получившей широкой известности работе «Государство» американского мыслителя Р. Борна, являющейся его рефлексией на события Первой мировой войны, а также проанализировать, возможно ли найти подтверждение идеям Р. Борна в специфике развития социального пространства Европы начала XX века.

Ключевые слова: Первая мировая война, война и государство, американский антимилитаристский прагматизм начала XX в., социальное пространство межвоенного периода, французское велодвижение.

Первая мировая война оставила заметный след в европейской культуре XX в. Происходящие события подвергались анализу как непосредственно во время военных действий, так и после них. Мы можем искать следы этой эпохи в дневниках и письмах, статьях и размышлениях современников, однако не меньший интерес представляют комплексный анализ событий военного и межвоенного периода, всесторонний анализ жизни людей того времени. Для нас подобной работой выступит еще не переведенный на русский язык текст американского исследователя Рэндольфа Борна «Государство». Отталкиваясь от тезисов, заявленных Р. Борном

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01165).

в его работе, мы попытаемся проанализировать изменения социального пространства начала XX в. на примере велодвижения во Франции.

Когда встает вопрос об анализе пространственной мобильности людей в межвоенный или послевоенный период Первой и Второй мировых войн, самым распространенным и явным примером являются различного рода миграции. Группы людей по-своему выстраивали и искали свое место в социальном пространстве: одни пытались уйти от войны самостоятельно, кого-то война вынуждала сниматься с привычного места, кого-то пытались вогнать в границы территорий, ограничивая возможности перемещения. Все это можно отнести к мобильностям макромасштаба, которые невозможно не заметить. Однако нельзя отрицать, что война привносит изменения и в повседневные практики людей, меняет отношения с привычными предметами и формами организации пространства, что мы и попытаемся рассмотреть в данной работе.

Р. Борн, известный общественный деятель и публицист, редактор антивоенного журнала «Север артс», выделяется своими рассуждениями из плеяды американских прагматиков начала XX в. особым воззрением на понимание и необходимость войны. Р. Борн был известен своими пацифистскими взглядами, описывая участие США в Первой мировой войне. Он утверждал, что «интеллектуалы, поддерживавшие военную интервенцию, составили постыдный альянс с теми силами, против которых «издавна сражалась американская демократия». <...> Попытки «навязать демократию силой» никогда не имели успеха, напоминает Борн; для достижения демократических целей нужны демократические средства (Дьюи повторит эту мысль в 1939 г. в книге «Свобода и культура»)» [5, 203].

Даже идея альтернативной службы, выдвинутая Джеймсом в 1910 г., получила неожиданное развитие в статье Борна «Моральный эквивалент всеобщей воинской обязанности» (1916). Службу в «гражданской армии» Борн предлагает распространить на всех без исключения американцев: юношей и девушек, здоровых и инвалидов. Помимо тяжелых физических работ в задачу «юных миссионеров» входило бы оказание помощи детям-сиротам и малоимущим, уход за больными, благоустройство городских территорий, контроль за распределением продовольствия и организацией производства, а также борьба с неграмотностью. Продолжительность альтернативной службы, как виделось Борну, должна составлять от полутора до двух лет. В течение этого времени молодые американцы «учились бы тому, как жить, а не как умирать» [Там же, 203–204]. Особая позиция Р. Борна позволяет ему сформировать яркую и интересную концепцию взаимодействия войны и государства.

Государство и война в свете интеллектуальной рефлексии Рэндольфа Борна

Социально-политические системы по-разному реагируют на включение в военные действия и участие в них. Для Борна война, с одной стороны, выступает катализатором множества социальных процессов, а с другой — хорошо интегрируется в реальную картину мира граждан. «Существует момент, когда

война объявлена, однако массы людей, посредством какой-то духовной алхимии, становятся убежденными в том, что они проявят волю и сделают свое дело» [1]. Момент объявления войны служит переключателем в сознании общества: актуализируется роль патриотизма и символики, социальной ответственности. По мнению Борна, организм государства без войны приходит в некоторое спокойное состояние, при котором его границы и структура перестают быть различимы, однако «военное время привносит в идеал государства очень четкие контуры и раскрывает подходы и тенденции, которые были скрыты. В мирное время смысл государственных флагов в республике не милитаризирован, а в военное время является существенным звеном в системе здоровья государства. Идеалом государства является то, что в пределах его территории его власть и влияние должны быть универсальными» [Там же].

Война, которая угрожает жизням, семьям и здоровью каждого, оживляет организм государства: через усиление и актуализацию сил различных институтов происходит реализация цели объединения населения страны. В военное время «государство — это организация масс, действующих в атаке или обороне против другой массы со схожей организацией. Чем более ужасающ повод для обороны, тем сильнее станет организованность, а влияние на каждого члена масс более принудительным» [Там же]. Важным аспектом войны становится подчинение всех целей общества общим задачам, все элементы общества становятся милитаризированными: «государство становится тем, чем в мирное время оно тщетно стремится стать, — неумолимым арбитром и определителем для бизнеса и отношений, и мнений» [Там же]. Более того, подобная милитаризация не вызывает того сопротивления, которое могло бы быть в мирное время, это оправдывается целями войны для всего населения страны.

Важными моментами анализа войны будут два: отношение к ней меньшинства и большинства в обществе в военное время, а также ощущение опасности и безопасности в государстве. По Рэндольфу Борну, война производит не провозглашаемую публично легитимацию примата интересов большинства — правящего или доминирующего класса, более того, война становится инструментом социальной мобильности, причем в начале XX в. роль гендерной принадлежности начинает стираться. Женщины оставляют привычное ведение домашнего хозяйства в пользу новых занятий военного времени, а «классы, которые способны играть активную, а не пассивную роль в организации войны, получают колоссальное освобождение активности и энергии. Меняется привычный стиль поведения людей, многие из них получают новые ответственные посты» [Там же].

С распространением военных действий существенно меняется роль меньшинства в обществе. Взгляды и мнения данной части социума сначала становятся нежелательными и, более того, могут быть объявлены вне закона; в обществе имеют место практики поиска шпионов и «неверных режиму» людей; даже те, кто в мирное время не считал себя элементом государственной машины, начинают представлять интересы государства в повседневных практиках, что, безусловно, выгодно государственной системе, которая возрождает и переадаптирует старые национальные идеалы, используя их для мобилизации граждан. Для государства

принадлежность человека к большинству или меньшинству общества во время войны перестает иметь значение, по мнению Р. Борна, потому, что война «автоматически приводит в движение все общество» [1], в котором люди послушно сотрудничают с правительством, принуждая группы меньшинств к послушанию. Для этих целей государство может «применять жесткие санкции», которые служат запугиванию либо лишению голоса вышеупомянутых групп, причем, что интересно, по Борну, этот процесс может стать основанием для изменения точки зрения оппозиционно настроенных сообществ и послужить преобразованию этих групп.

«Конечно, идеала совершенной преданности, совершенной однородности никогда не достичь. Классы, на которых падают непрофессиональные работы по принуждению, неутомимы в своем рвении, но часто их агитация вместо преобразования просто служит консервации сопротивления общественного меньшинства. Меньшинства приходят в плачевное состояние, а некоторые мнения интеллектуалов становятся горькими и сатирическими. Но в целом нации в военное время достигают единства чувств, иерархии ценностей, которые служат бесспорной вершиной государственного идеала, это единство не может состояться через любое другое средство, кроме войны» [Там же]. В свою очередь, духовные составляющие социального бытия индивидов также становятся инструментом в сакрализации войны, при этом отдельные люди могут быть «принесены в жертву» данному процессу.

Следует отметить, что указанный процесс объединения и даже слияния групп большинства и меньшинств в обществе в военное время в итоге приводит к формированию особой практики взаимодействия общественного и индивидуального. Поскольку во время войны, по Борну, все части общественного организма оживают, актуализируются и наполняются энергией, то и способом самореализации в военное время для человека становятся милитаризированные практики, по крайней мере, опосредованно связанные с государственными институтами. «В стране в состоянии войны каждый гражданин идентифицирует себя с целым и чувствует себя безмерно закрепленным в этой идентификации. Цель и желание коллективного сообщества живут в каждом человеке, который беззаветно бросает себя на дело войны. Препятствующее этому различие между обществом и индивидом практически сходит на нет. Во время войны индивид становится почти идентичным с обществом. Он достигает заметной уверенности в себе и ощущает правоту во всех своих идеях и эмоциях. <...> Индивид, как общественное существо, на войне, похоже, практически достиг своего апогея» [Там же].

Безусловно, изменениям во время войны подвергаются такие явления, как ощущения защищенности и безопасности в обществе. С одной стороны, очевидными становятся повышение общего уровня напряжения и размывание ощущения общей безопасности, однако Рэндольф Борн выдвигает интересную гипотезу о формировании особой формы безопасности и защищенности, присущей только военному времени, природу которой достаточно сложно объяснить. Она строится на том, что в моменты незащищенности человеком движет биологическое стремление вернуться под защиту родителей, «с которыми связано самое раннее чувство защищенности» [Там же]. Схожая модель семейных отношений демонстрируется

и в отношении родной страны — Родины, Отчизны; в каждой стране мы можем найти образы и символы, которые будут воплощать и поддерживать подобный тип отношений. «Люди на войне снова становятся в самом буквальном смысле послушными, уважительными, доверчивыми детьми, полными наивной веры во всеумудрость и всемогущество взрослого, который о них заботится, создает им мягкие, но необходимые правила, в которых они теряют свое чувство ответственности и тревоги. При этом возобновлении ребенка в себе у человека есть ощущение комфорта и определенного притока энергии» [1]. При этом государство формирует такую символическую систему, при которой классы, находящиеся в структуре управления, удовлетворены своим положением и возможностью руководства, будучи психологически свободными от сложностей «взрослой жизни».

Следует отметить, что социальные группы, относящиеся к меньшинствам общества, могут оказывать сопротивление описанным процессам и распространению массового военного сознания, несмотря на то, что государственный аппарат военного времени пытается нивелировать значимость данных групп либо пытается подчинить их своим интересам, оперируя общенародными интересами. Для Борна такими сообществами являются миграционные сообщества, потому что «единственные группы, которые оказывают серьезное сопротивление, — это, конечно, те, которые продолжают идентифицировать себя с другой страной, из которой они или их родители прибыли. В мирное время они для всех своих практических целей являются гражданами своей новой страны, сохраняя свои этнические традиции скорее как роскошь, а не как что-то другое» [Там же].

Завершая свои размышления о государстве и войне, Рэндольф Борн приходит к выводу, что включенность в систему государственных отношений имеет естественную природу для современных ему людей; общество — настолько же неотъемлемая часть индивида, насколько неотделима флора и фауна от окружающей среды. Более того, эта природа актуализируется и проявляется наиболее ярко именно во время войны. Замещая собой родственные узы и выполняя лидерскую и руководящую функции, государство изначально обретает особую символическую форму и значимость, подчиняющую себе все части общества. «Мы можем преклоняться перед ним, так же как наши предки преклонялись перед солнцем и луной, но это только потому, что нечто в нас духовно возрожденное находит удовлетворение в таком отношении... как только государство начинает функционировать, самый многочисленный класс находит свой интерес и свое выражение во власти, в сохранении государства, этот правящий класс может принудить к покорности любое незаинтересованное в подобной власти меньшинство. Таким образом, государство становится инструментом, с помощью которого власть использует все массы людей на благо определенного класса», — считает Рэндольф Борн [Там же].

Как видим, в государстве, находящемся в состоянии войны, происходит нивелирование интересов отдельных небольших групп в пользу патриотически настроенного большинства, при этом сам государственный аппарат начинает играть патерналистскую роль, обеспечивая ощущение безопасности и заботы своим гражданам. Государственная система приходит в движение, чтобы поддержать стабильность и прочность своего положения в обществе.

Изменения социального пространства Европы начала XX в. в свете идей Р. Борна (на примере велодвижения во Франции)

Государство является одной из важнейших структур, влияющих на состояние и форму социального пространства. В связи с этим логично предположить, что война вместе с изменениями внутригосударственных связей несет за собой и заметные изменения социального пространства, и если феодальные войны прошлого охватывали ограниченные территории, то Первая мировая война была масштабным событием, влияние которого сложно переоценить. События этой войны происходили в то время, когда социальное пространство Европы и Нового света уже начинало изменяться под действием достижений научно-технического прогресса: автомобили, пароходы, железные дороги, телефон и телеграф уже начали изменять ритм, скорость и направления передвижения людей. Они становятся более мобильными как в социальном, так и в географическом плане. Более того, как отмечает Анри Лефевр, в развитых европейских государствах межвоенного периода имеет место «связь между индустриализацией и урбанизацией, между локасами труда и местами проживания» [7, 132].

Трудовая миграция не была новым явлением, но после войны ее масштабы и количество направлений значительно увеличиваются. Более того, по мнению Лефевра, война в принципе является важным фактором для развития экономики и городов Европы с древних времен, служит нарастанию урбанизации. Также следует отметить, что в 1920-е гг. уровень миграции в мире достиг новых высот. Менялось законодательство в отношении мигрантов, в России произошла революция, которая послужила разновекторной миграции населения по всему миру, появились новые направления миграции евреев из Европы — Латинская Америка и Австралия, что стало возможным благодаря установившемуся стабильному пароходному сообщению между континентами [3]. В свою очередь, после Первой мировой войны горожане начинают по-другому относиться к отдыху, «массовый энтузиазм в отношении пеших и велосипедных прогулок между двумя мировыми войнами касался такого понятия, как “свежий воздух” (open air), который, как считалось, способствует улучшению характера, по мере того как человек наблюдает и переживает открытые панорамные виды необитаемых мест и совершает продолжительные странствия» [8, 186–187], что свидетельствует о том, что новые формы мобильности после войны включаются и в сферы отдыха и досуга. Специфика и структура передвижения людей становятся новым индикатором изменения общества в целом.

Вспоминая транспортные средства начала XX в., чаще всего наша память обращается к причудливым и овеянным особым духом эпохи ретроавтомобилям с позолоченными фарами, лондонским кэбам или объемным дилижансам. Однако в это время свою популярность и место в повседневной жизни людей начинает завоевывать такой доступный и легкий в управлении транспорт, как велосипед. Велосипед во Франции начала XX в. — особый вид транспорта, который был частью как военной экипировки, благодаря своей маневренности и тихой езде, спортивным снарядом, так и модным ежедневным способом перемещения.

Мы предположим, что война, меняя структуру государства, существенно влияет на привычные мирному образу жизни практики мобильности, и попробуем ответить на вопрос, каким образом тенденции, выявленные и описанные Рэндольфом Борном, соотносятся с тем, что происходило с велосипедом во Франции начала XX в.

Интересное и многостороннее исследование истории велосипедного транспорта во Франции провел исследователь Хью Донси (Hugh Dauncey) из университета Нью-Касла. Описывая Францию в период перед Первой мировой войной, которая станет для нее серьезным потрясением, Донси указывает на то, что до нее страна существовала относительно спокойно и размеренно, «она пережила золотой век “Прекрасной эпохи”. После политических и социальных потрясений Дрейфуса в 1890-х гг. ... Франция вступила в период относительного спокойствия и процветания». Тем не менее, несмотря на то что «это был период изменений социальных, экономических, культурных и политических, а в геополитическом смысле годы до 1914 г. были отмечены растущей обеспокоенностью Франции своим местом в мире и ее отношениями с давним врагом, Германией» [2, 75].

Обращаясь к вопросу о том, какие транспортные средства активно включались в жизнь французов в предвоенное время, следует отметить, что это был период новаторства. С привычными транспортными средствами начинают конкурировать новые — скоростные, техничные, удобные. Это обуславливалось как экономическими причинами, так и достижениями научно-технического прогресса. Новые транспортные средства требовали поддержания условий эксплуатации и стоили достаточно дорого, что послужило формированию нового и быстрорастущего сектора экономики, в котором к концу десятилетия сформировались основные и новые направления производства. Уже к 1895 г. «новые виды автотранспорта, мотоциклы и автомобили, начинают заявлять о себе, и некоторые производители переключили свое внимание на эти, значительно более дорогие продукты производства. К 1905 г. самолет принял на себя роль символа современности, подходящего для отдыха, спорта, транспорта и военных целей, и вновь центр внимания промышленности сместился с учетом новых причуд среди богатых людей и новых императивов в технологиях» [Там же, 77]. Но, безусловно, самым доступным и легким в эксплуатации из новых видов транспорта был велосипед, более того, «незначительный спад экономики в 1907 г. подстегнул производителей велосипедов, мотоциклов и автомобилей к рассмотрению долгосрочной жизнеспособности их работы в транспортном секторе», и хотя «экономика военного времени в 1914–18 нарушила производство и изменила приоритеты, но она же и подтолкнула к внедрению новых подходов и типов управления» [Там же].

Следует отметить, что автомобиль и велосипед были не только удобными и быстрыми видами транспорта, но, что немаловажно, и модными. Развитие велосипедного движения связывают с развитием моды в мужской и женской одежде и даже развитием идей феминизма, поскольку именно велосипед становится тем транспортом, который широко, а главное самостоятельно используется женщинами. Это резонирует с идеями Р. Борна о том, что Первая мировая война изменяет привычную роль женщин в обществе.

Кризис 1907 г. миновал, и модное увлечение французов повлекло за собой рост производства в секторах экономики, связанных с транспортом. На заводах Мишлен «количество рабочих выросло с 62 в 1889 г. до 3400 в 1906 г., агентства были открыты по всей Европе, и дочерние предприятия открывались даже в Великобритании и США, а в годы перед Первой мировой войной компания ушла из автоспорта (1912), консолидировав свою деятельность во Франции (новых разработок за границей нет) и совершив переход к диверсификации производства (шины для грузовых автомобилей и самолетов)» [2, 83]. Формируется мода на одежду для езды на велосипеде.

Производство новой техники, безусловно, стало важным фактором изменения социального пространства, однако в то же время было организовано легендарное мероприятие, которое продолжает свою историю по сей день, которое позволяет судить о важности велосипеда в жизни французов, общенациональной увлеченности этим предметом, — это знаменитая гонка «Тур де Франс». Интересно, что уже изначально это событие было включено в патриотический дискурс. «Разработка тура в период между 1905 и 1914 гг. была описана как “патриотическое возрождение”. Эти десять лет также способствовали созданию оригинальных моделей для самых больших в мире велогонок, а такие люди, как Десгранж и его команда, бросали себе все более серьезные физические вызовы и пытались определить взаимоотношения между СМИ, производителями и чемпионами тура. Тур периода “Прекрасной эпохи” также определил многое в стиле будущих репортажей, а также подтолкнул инновации в спортивной журналистике» [Там же, 87].

Для нас это действительно важно, поскольку статьи из сферы спортивной журналистики стали весьма популярны, имели достаточно широкий круг читателей и могли повлиять на общественное мнение в целом, поскольку в текстах транслировались не просто спортивная информация, но и общенациональные настроения. Сами же новые виды транспорта способствовали расширению спортивного клубного движения, и «примерно с середины 1890-х гг. до начала войны в 1914 г. веломир в целом был подвержен воздействию ряда факторов, которые помогли преобразить природу *велоотыта* Франции. Многие члены велосипедных клубов были из числа социальных элит, которых прельщали новые аттракционы механизированной скорости: мотоциклы и автомобили заменили велосипеды как фетиш-объект современности» [Там же, 90].

Для сравнения: в России Первая мировая война в большей степени сказалась не на содержании, а на периодичности выхода спортивных изданий, в то время помимо обсуждения вопросов спорта «редакторы и издатели вынуждены были заниматься и многими другими проблемами — в первую очередь тем, чтобы не допустить исчезновения своих изданий. Так, например, в июле 1916 года журнал “К спорту” перешел на ежемесячный выпуск, поскольку выходить каждую неделю для журнала было уже невозможно» [4, 13]. С началом Первой мировой войны типографии должны были обеспечивать печать общественно-политических изданий, спортивные издания не отвечали этим задачам и количество спортивных журналов уменьшилось с 55 изданий в 1913 г. до 1 издания в 1919 г.

В это же время во Франции развитие «Тур де Франс» подстегнуло рост смежных с велодвижением отраслей экономики и СМИ, посвященных спорту в целом, его объяснению, а также профильных велоизданий; «можно сказать, что Франция в первые два десятилетия XX в. демонстрировала принятие современной системы коммерциализации спорто-медиа-промышленных отношений» [2, 101]. Во Франции спортивные издания и издания, связанные с велоспортом в частности, отнюдь не были исключены из милитаристского дискурса времени. Велоиздания и велоклубы становятся одним из инструментов и способом распространения идей патриотических течений, начинают появляться идеи о сильном и спортивном защитнике родины, связанные с использованием велосипеда. Более того, «чем больше вырисовывалась перспектива войны и разрастался патриотизм, велолексикон — как часть спорта в целом — становился все более милитаристским, с кульминацией в ура-патриотической и кровопролитно обличительной речи Десгранжа в колонках журнала "Ле Авто", представленной накануне конфликта в 1914 г. <...> Эта редакция и смешивание в ней спортивных и военных метафор войны как "важного матча" позволили отважному маленькому французу взять реванш за 1870 г. через разумную безжалостность, что было частью и многих других СМИ и политической риторики периода, но все это преследовало и было построено на растущем определении самого "Тура" как элемента французской идентичности» [Там же, 88]. Таким образом, даже велогонка «Тур де Франс» становится частью патриотического движения незадолго до и во время Первой мировой войны.

Логичным продолжением описанных явлений была попытка государства извлечь пользу из использования велосипеда в военных целях. Нужно отметить, что сама идея велосипеда как военного транспорта появилась и начала внедряться еще во время Франко-прусской войны 1870 г., когда он использовался, например, для доставки сообщений. С одной стороны, велосипед непосредственно попадает на территории военных действий и используется военными, а с другой — становится частью повышения уровня физической подготовки населения, что ведет к росту их потенциала как защитников родной страны. Так, в «1880-х и 1890-х гг. бушевали дебаты по вопросу полезности велосипеда в военном деле и как лучше Франция может подготовить себя к войне, извлекая выгоду из своего развитого велодвижения. Часто поощрение военного велодвижения упоминалось в учредительных документах велосипедных клубов и более крупных клубов, таких как "*Велосеклаб борделе*", который организовывал конференции и поддерживал связь с военными властями. Однако большая часть этого видимого энтузиазма была больше на словах, чем настоящим страстным желанием езды на велосипеде на поле боя. <...> Значительная часть публичного дискурса по любому вопросу была окрашена отсылкой к войне и подготовленности Франции к конфликту. Что касается спорта в целом, гимнастические общества часто предшествовали велосипедным организациям и клубам и были более или менее определенно посвящены физической подготовке французской молодежи к военной службе. Более того, требовалось разрешение от властей на создание велоклуба, которое включало рекомендацию о включении в устав пунктов, которые бы выражали

желание внести свой вклад в военную эффективность Франции, что гарантировало получение положительного решения об открытии» [2, 91].

Как мы описывали ранее, Р. Борн, рефлекслируя над военными событиями, происходящими в мире, отмечал, что война подчиняет все цели общества, милитаризируя все его элементы. Велосипед включился в подобного рода отношения с двух сторон. С одной — велосипеды встали на вооружение и присутствовали на территориях сражений, с другой — велоклубы, спортивные соревнования и журналистика также включаются в милитаристский дискурс. Велодвижение в целом и «Тур де Франс» в частности становятся одним из инструментов национальной идентификации, что соответствует тезису Борна о том, «что в состоянии войны каждый гражданин идентифицирует себя с целым и чувствует себя безмерно закрепленным в этой идентификации» [1]. Более того, езда на велосипеде и как спортивное, и как любительское увлечение была связана (по крайней мере в уставных документах велоклубов) с физическим воспитанием французов, что способствовало формированию представления о сильной нации, гражданах, способных дать отпор. Этому также содействовали и патриотические настроения публикаций в СМИ, которые расходились тысячными тиражами. Р. Борн утверждал, что война провоцирует особый тип общественных отношений — отношения родителя и ребенка, формирующие чувство безопасности. И если армия и государство всегда выступают гарантами безопасности в подобного рода отношениях, то в военное и предвоенное время, когда актуализируется милитаристский дискурс всего общества, и другие элементы жизни общества включаются в систему этих отношений, и деятельность велоклубов и спортивных велоорганизаций Франции представленного периода не исключение.

Выполнив свою роль помощника государства в военном конфликте, позднее, после Первой мировой войны, спортивная пресса и велоклубы постепенно уходят от своей патриотической повестки. После ужасов Первой мировой войны люди пытаются уйти и от милитаристского дискурса, и в межвоенный период велосипед в большей степени ассоциируется с профессиональным спортом и сферой досуга. «Культурная, социальная и философская реакция на ужасы войны... дала название 1920-м годам "Ревущие годы" в знак признания общей заинтересованности в поиске отвлечения, а не серьезной деятельности, о чем свидетельствуют популярность серьезного интереса к профессиональному спорту, вскормленная и воодушевленная спортивными СМИ, и поздняя профессионализация видов спорта» [2, 102]. Интерес общества к велоспорту подчеркивает и тот факт, что тираж журнала «Ле Авто», авторитетного издания в области велоспорта, достиг полумиллиона экземпляров во время гонки «Тур де Франс» 1924 г.

Это соответствует идее Р. Борна о том, что государство без войны приходит в «спокойное состояние», уходит необходимость подавления индивидуальных интересов на благо всего общества и даже занятие велоспортом, велотуризмом и просто использование велосипеда в качестве транспорта начинает ассоциироваться в большей степени с досугом, отдыхом и развлечением, а не с боевой и физической подготовкой.

При этом области жизни, связанные с велосипедом, не уходят из политической сферы, внимание в них перемещается с военного противостояния на границах Франции на внутренние политические вопросы об идеологии. «В период между двумя мировыми войнами, в свете продолжающейся индустриализации и урбанизации Франции и сопутствующего роста поддержки левых в политике и в международном контексте, в котором коммунизм маячил больше как проект для обществ с экономическими и социальными трудностями, спорт способствовал росту французского социализма и коммунизма и подрыву правых протестных движений против Республики. Спорт в целом и велоспорт в частности — из-за его ранней профессионализации во Франции — стал полем, в котором происходило идеологическое противостояние левых и правых, а также представителей общественных и культурных устремлений населения, заинтересованных в том, чтобы развлечь себя» [2, 103].

Первая мировая война послужила катализатором множества общественных изменений, и спортивные организации не стали исключением. С одной стороны, спортивное движение зарекомендовало себя как проводник патриотических идей и объединяющее начало французского общества. «В правительстве задумались о роли спорта в обществе. <...> Участие широких масс населения в спорте было, возможно, поощрено в послевоенные годы, и официальная политика в области спорта развивалась через более всестороннее понимание его полезности. Несмотря на рост коммерческого спорта в 1920-е и 1930-е гг. с новыми спортивными звездами и новыми ролевыми моделями для подражания в виде “гигантов дорог”, или героев шестидневной гонки, или футболистов, боксеров или регбистов, демонстрировалась необходимость в “Ревущие годы” спортивных развлечений, занятий спортом, что поддерживалось изменением мышления и переменами в обществе» [Там же, 103–104]. Уже в течение 1920-х и 1930-х гг. правительство уделяет внимание вопросам спорта и его влиянию на общество. При этом Министерство образования и искусства в 1928–1932 гг. рассматривало спорт в большей степени как *физическое воспитание* в целом, которое служило простым, но удобным дополнением национальной обороны; в свою очередь, размышления о «спортивной политике» находились в зачаточном состоянии.

С другой стороны, спорт уже во время войны начинает играть роль дисциплинированного времяпрепровождения и досуга, например, в армии, где различные соревнования и игры помогали солдату развлечься. В итоге, «когда солдаты вернулись домой в 1918 г., они часто привозили с собой и интерес к спорту» [Там же, 104]. К моменту окончания войны в стране уже существовала широкая сеть велоклубов, а со временем постепенно формируются лиги командных видов спорта. «Командные виды спорта, возможно воодушевленные товарищеской жизнью в погонах, процветали и стимулировали дальнейшее развитие профессиональных лиг и усиленное освещение соревнований по этим видам в СМИ. На то, что езда на велосипеде как профессиональный спорт уже была сильно развита к этому периоду, возможно, указывает тот факт, что французская профессиональная футбольная лига была образована только в 1932 г. Индивидуальные виды спорта, такие как езда на велосипеде, пожалуй, меньше напрямую зависели от войны,

но рост благосостояния рабочего класса в 1920-е гг. и падение цен на велосипеды подготовили почву для взрывного роста езды на велосипеде в целях отдыха, который произошел в середине и конце 1930-х годов» [2, 104].

Межвоенный период в 1920-е и 1930-е гг. становится периодом развития велотуризма, теперь «туристический клуб Франции, основанный в 1890 г., все больше ориентировался на туризм, в частности, на автомобильный, походный» [Там же, 106]; велоклубы, которые создавались после войны, в большей степени ориентируются на туризм, чем на спорт.

После войны организаторы «Тур де Франс» продолжают привлекать внимание публики и производителей к гонке. «Команды производителей эксплуатируют фундаментальную идею о том, что велогонки — индивидуальный вид спорта, в котором гонщик зависит от поддержки других людей, чтобы иметь шанс на итоговую победу. По устоявшемуся мнению Десгранжа, гонка была соревнованием между людьми, а господство команд “Тура Алькуона” (Фабер, Лапизе, Гарригу, Дефрайе) и “Пежо” (Тис) до начала Первой мировой войны его расстраивало. Он желал, чтобы гонки были по возможности захватывающими и непредсказуемыми» [Там же, 110]. Гонки тех лет являются не столько отражением настроения болельщиков, сколько демонстрируют состояние послевоенной экономики страны; более того, велоспорт начинает коммерциализироваться, что повлекло за собой постоянное внедрение новшеств, например, введение Национального дня велосипедиста, появление национальных сборных, что усиливало дух конкуренции во время «Тур де Франс», при этом соревновательный дух мог найти выход во время спортивных соревнований, а не в бою, что соответствовало послевоенным патриотическим настроениям на фоне снижения общего милитаристского дискурса общества.

Как видим, изменение и развитие велодвижения во Франции первой четверти XX в. могут послужить примером тех явлений и тенденций, которые выявил и описал Рэндольф Борн. Первая мировая война затронула французское общество с самых разнообразных позиций, и даже велодвижение не стало исключением. Через трансформацию роли и места велосипеда во французском обществе мы можем увидеть влияние и формирование военного дискурса на государственном уровне и, наоборот, проследить, как милитаризация проникала в повседневные практики жизни людей, включая даже такую неочевидную, как езда на велосипеде.

---

1. *Bourne R.* The state. 1918 [Electronic resource]. URL: <http://fair-use.org/andolph-bourne/the-state/> (accessed: 01.08.2018).

2. *Dauncey H.* French Cycling: A Social and Cultural History. Liverpool University Press. Liverpool, 2012.

3. *Wolff F.* Global walls and global movement: new destinations in Jewish migration, 1918–1939 // East European Jewish Affairs. 2014. P. 187–204.

4. *Алексашии О. И.* Трансформация русской спортивной прессы в период Первой мировой войны // Современная медиасреда: традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей : межвуз. сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов / под ред. А. А. Малышева. СПб., 2017. С. 11–16.

5. *Джохадзе И. Д.* Прагматизм и война // История философии. 2015. № 1. С. 193–214.

6. *Капустина Д. М.* Мода на велосипед и ее влияние на развитие женского спортивного костюма в конце XIX — начале XX в. // Молодой ученый. 2013. № 7. С. 459–462 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/54/7418/> (дата обращения: 01.08.2018).

7. *Лефевр А.* Производство пространства : пер. с фр. М., 2015.

8. *Урри Дж.* Мобильности. М., 2012.

Рукопись поступила в редакцию 22 августа 2018 г.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 111.8 + 165.1 + 929 Ростовский

О. Б. Ионайтис

ДИМИТРИЙ РОСТОВСКИЙ: УЧЕНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ

В статье рассматриваются основные положения учения о человеке отечественного средневекового мыслителя Димитрия Ростовского (1651–1709). В его воззрениях отразилось переломное время в русской интеллектуальной истории: окончание Средневековья и наступление Нового времени. Человек представлен в учении Димитрия Ростовского активно действующим и преобразующим, в первую очередь — себя. Познание играет определяющую роль в становлении личности человека. Умение руководить своими познавательными способностями и использовать их для самосовершенствования объявляется Димитрием Ростовским высшей целью жизни человека.

Ключевые слова: история отечественной философии XVII в., Средневековье, Димитрий Ростовский, антропология, гносеология.

XVII век часто изображают «веком дореформенным», застоём, который был преодолен деятельностью Петра I. Однако его менее всего можно назвать таковым. Это век Смутного времени, социальных и экономических преобразований, целого ряда политических кризисов, религиозных реформ. Главный результат столетия — раскол, душевное потрясение, отразившееся на всей дальнейшей русской истории. Да, внешне старый обычай и обряд сохраняются, но перемены все резче вырисовываются на общем фоне, и старину приходится уже восстанавливать, закреплять, заучивать, заставлять ей следовать. Этим отчасти и объясняется требование обряда, церемонии, но уже не как порыва души (как это было раньше), а как болезненной необходимости.

Как известно, о нерушимости устоев всегда начинают беспокоиться тогда, когда они рушатся, ощущение же приближающихся перемен не покидает русские тексты уже с начала XVII столетия. В этой упорной защите старины чувствуется запоздалая самозащита культуры. «Это был век потерянного равновесия... век небывалых и неслыханных событий... Век драматический, век резких характеров и ярких лиц», век, который закончился апокалиптическим испугом» [5, 58]. «Вдруг показалось: а не стал ли уже и Третий Рим царством дьявольским, в свой черед...

В этом сомнении и догадке исход и тупик Московского царства» [5, 58], и на этой точке заканчивается русское Средневековье и начинается новая эпоха — эпоха Петра I и его реформ.

Димитрий Ростовский — один из интереснейших русских мыслителей, писателей и проповедников XVII столетия. В его сочинениях отразилась переломная эпоха, в которую он жил и писал свои трактаты: окончание Средних веков и наступление Нового времени. В них мы видим стремление сохранить традиции византийских и русских мыслителей, но одновременно с тем уже звучат идеи, ведущие к веку XVIII [3].

Окончил Димитрий Ростовский Киево-Могилянскую академию, обучение в которой оказало значительное влияние на формирование его мировоззрения. Димитрий посвятил себя служению церкви и со временем за заслуги был назначен митрополитом Ростовским и Ярославским. В 1857 г. Димитрий Ростовский был канонизирован.

Димитрий Ростовский — автор таких произведений, как «Руно орошенное», «Алфавит духовный», целого ряда Посланий и Поучений. В Киево-Печерской лавре занимался составлением Четых-миней, прославивших его имя. Сочинения Димитрия Ростовского были хорошо известны современникам не только в России, но и в Болгарии, Сербии, Румынии [6]. В своих трудах он широко использовал как греческие источники, так и латинские. Значительное влияние на учение Димитрия Ростовского оказали византийские традиции, чему способствовала его активная переводческая практика. Он много занимался переводами сочинений византийских мыслителей [2].

Димитрий Ростовский является представителем антропологических традиций отечественной мысли, сформировавшейся и получившей значительное развитие в Средние века. В своих размышлениях Димитрий Ростовский пришел к выводу, что в стремлении к познанию высших истин есть предназначение жизни человека. Димитрий Ростовский утверждал, что в познании человек осознает себя.

В то же время мы наблюдаем у него стремление соединить средневековые традиции с новыми веяниями в интеллектуальной ситуации России второй половины XVII столетия. В «Алфавите духовном» Димитрий Ростовский пишет о том, что вера и познание едины, то есть только через познание творения Бога — тварного мира — человек может прийти к истинной вере. Таким образом, по мнению Димитрия Ростовского, уничтожается разделяющая граница между познанием и верой и утверждается, что познание и есть вера, вследствие чего исчезает потребность «связи», «соединения» познания, науки и веры. Достичь подобного единства можно на пути самом трудном и легком одновременно — на пути конкретного познания «дольнего» мира, что является своеобразным восхождением к миру «горнему». Оба мира связаны друг с другом. Связующее звено — человек. Димитрий Ростовский пишет: «Обаче никтоже может познати Бога, донель не познает первее себе, не познает же совершенне себе, донель не придет первее в познание твари, и всех вещей в мире зримых, и разумеваемых рассмотрение. Егда же прииде в познание сих, тогда возможен прийти и в познание себе, таже и Бога, и тако приходит в совершенное с Богом любовью соединение» [4, 284].

Дмитрий Ростовский дополняет высказанные суждения, объясняя свое мировоззрение: «Темже, аще истинно хочет познати Господа, познати себе, и с ним любовию соединитися, да познает первее всю тварь, видимую и разумеваемую, да суеть всех вещей, и все твари рассмотрение, от кого, и чесо ради сея суть, во еже ни единой вещи сутаенней и недоуменей быти от него, таже себе, и все еже о себе таинство, таже Бога, и вся Его неизреченная благодеяния, и тако приходит в совершенное всего познание. Ибо подобает дольняя вся разумети, таже горняя, не бо от горних на нижняя восходити должны есмы, но от дольних на вышняя. Того бо ради всю тварь, и все мирское оустроение, якоже некое оучилище, или зеркало, пред очи наши Бог положи, яко да оучащися, от дольних восходим на вышняя. Аще же дольних не познавае, то како горняя разумети имамы?» [4, 284].

Идея допустимости подобного познания вытекает, по мнению Дмитрия Ростовского, из учения об иерархии Дионисия Ареопагита, который утверждал влияние высших ступеней системы на низшие.

Дмитрий Ростовский указывает, что знание, развиваясь, как бы «разворачивает» себя в веру. Мы имеем в данном случае пример качественной трансформации исследовательского процесса. Общая логика такова: исследователь приходит в результате своей деятельности к утверждению Творца, к стремлению познать Его, а это, в свою очередь, ведет к переходу знания в веру.

Дмитрий Ростовский разделяет «оучение человеческое» и «Божественное оучение». Тот, кто останавливается на первом виде познания и не идет далее, тот «...безумен и во всем слеп есть, и сетей злокозненнаго не оубежит» [Там же, 289]. В этом случае человеческое знание замыкается на самом себе. Характерная особенность такого знания — пассивность и неспособность к развитию и совершенствованию.

Истинное знание — то, которое выходит за свои пределы, прорывает замкнутость человеческого бытия и переводит познающего на качественно новый уровень. Истинное познание ставит под вопрос самое себя, преодолевает собственную ограниченность. Человек выступает в данном случае как активный субъект познания, идущий навстречу истине, которая тоже идет навстречу человеку: «Бог естественно оум комуждо даде, внешняго же оучения разум от человек прибыть» [Там же, 303].

Бог создал человека разумным изначально. Но человек часто руководствуется не умом, а представлениями, схемами и т. п., да и то не всегда проверенными. Эти представления были когда-то выработаны умом, но позже приобрели самостоятельное существование, и уже не ум человека господствует над ними, а идеи как бы «взяли верх» и стали диктовать условия деятельности тому, что их породило, — естественному разуму человека. Именно этот диктат Дмитрий Ростовский именовал «внешнее оучение». Оно означает уход «во вне», отчуждение от ума его собственных продуктов — идей, понятий, логических схем. Поэтому разум человека нуждается в постоянном очищении и совершенствовании.

Разрыв с «естественным разумом» происходит из-за сосредоточенности исследователя на собственной субъективности, доведенной до предела. Логика подобного процесса такова: абсолютизация индивидуальности исследователя ведет к абсолютизации идей определенного мыслителя, которая развивает стремление

придать его теории абсолютное значение, а это и есть создание «оучения человеческого» или «оучения внешнего». Отрицание Димитрием Ростовским «внешнего» знания вовсе не означает отрицания познания вообще. В данном случае речь идет о познании по «естественному» разуму, данному человеку Богом. Единство человека и «естественного» разума ведет к единству человека и окружающего мироздания, а затем к «умному деланию».

«Умное делание» — способ познания мира, который в максимальной степени является истинным. Димитрий Ростовский так характеризует понятие «умного делания»: «Делание оумное, имже имама приблизитися, и совершенно присоединитися Господови, сие есть: еже познати первее всю тварь видимую и разумеваемую, от кого, и чесо ради сотворена бысть, и камо движима, и обращаема есть, и оуверитися о сем истинно, таже себе, и все еже о себе таинство, таже и вся его благодаяния. Ово, глаголю, разум прав, и истинен есть, познати вся сия подробно, во еже ни единой вещи от него оутаенней, и недоумней быти, и оуглубити сие ивсебе долгим времени, во еже быти ему с сим, яко единосрослену, и во едино соединену. Не доспевый же в сия, и дерзаяй высокая о себе мудрствовати, и благословити, аще и всю мудрость мира сего извыче, безумен и во всем слеп есть, и сетей злокозненнаго не оубежит» [4, 289]. В приведенном высказывании Димитрия Ростовского явно звучит призыв к познанию творения Создателя, через которое человек сможет приблизиться к Самому Творцу. Так выражается понимание катафатики у Димитрия Ростовского.

Следуя традиции, Димитрий Ростовский считает, что апофатический путь познания предпочтительнее. Понимание апофатики явно навеяно византийскими неоплатоническими трактовками роли любви в познании. Действуя в указанной традиции, Димитрий Ростовский рассуждает, что познание высших истин возможно верой и любовью. Показательно, что он считает, что познание любовью выше и более истинно, чем познание верой. Более того, любовь есть начало познания, а не наоборот. «А если прежде любовью не вкусите, то не можете дойти до познания Его (Бога. — *О. И.*). Отсюда видно, что тот только истинно знает Бога, кто истинно Его любит» [1, 195].

Размышляя о познании, Димитрий Ростовский вновь сводит вопрос к антропологической тематике. Познание, утверждает мыслитель, всегда связано с пониманием ценностей бытия человека. Познание ради познания есть заблуждение. Высшая цель познавательной деятельности — человек, познание служит его целям, определяет его жизнь.

В сочинении «Дорогие жемчужины» Димитрий Ростовский пишет, что перед каждым человеком открыта богатая духовная сокровищница мира сего, задача его — с помощью мудрости и рассуждений найти в ней истинные жемчужины, ценности бытия человека. Эти жемчужины — святая вера, кротость и смирение, чистота душевная, премудрость, совесть незамутненная, справедливость, любовь. Но самая значимая жемчужина — душа человеческая, весь мир не стоит ее, ибо, как сказано в Священном Писании, «какая польза человеку, аще мир весь приобретает, душу же свою отщетит?» (Мф. 16:26). Этот вопрос Димитрий Ростовский задает неоднократно.

Рассуждая таким образом, Дмитрий Ростовский утверждает, что познание имеет большое значение, так как познание (Священного Писания, мира, себя самого) и является одним из самых важных средств для совершенствования души человеческой — совершенствования, ведущего к счастью, гармонии с Богом, миром и самим собой. В познании — предназначение человека.

Возможно, пишет мыслитель, достичь высшего счастья, которое есть высшее совершенство потому, что человеку дано многое Богом. Как достичь высоты духа? Дмитрий Ростовский в сочинении «Дорогие жемчужины» отвечает так: «Хотя бы ты был и беден вещественно, но ты можешь быть богат добрым произволением: есть у тебя, как у самодержавного царя, свободная воля, вместо царства; ты почтен от Бога разумом, вместо царского венца; душа и тело — вот города твои душевные и телесные страсти — вот рабы твои; добрые помыслы — вот воинство твое, которое готово слушать одного слова твоего: идите туда-то — и пойдут, подите сюда — и придут; продай же свое царство — свою свободную волю, отрекись от нее и исполняй волю создавшего тебя Бога... отсеки страсти душевные, поработи духу страсти телесные; своих воинов — мысли твои — отдай на службу Царю Небесному, с ними и сам стой пред Богом вниманием твоим. Предавши таким образом всего себя Богу, ты купишь у Него и Его Самого» [1, 42]. Это есть путь, обратный тому, что проделало человечество в историческом бытии. История — путь от совершенства к грехопадению. Познание истины — путь от грехопадения к совершенству, путь преодоления временности, конечности человеческого существования, замкнутости на сиюминутном, незначительном, зависимости от страстности человека, живущего настоящим. В этих рассуждениях Дмитрия Ростовского явно прослеживается логика размышлений византийского мыслителя Филиппа Пустынника, достаточно известного и популярного в средневековой Руси.

Дмитрий Ростовский предлагает человеку наблюдать окружающую его природу. Она учит христианским добродетелям. Например, наблюдая полевые цветы, их красоту и свободу, человек видит примеры нестяжания, суетность и скоротечность жизни сей, устремленность к Богу.

Нестяжание, по мнению Дмитрия Ростовского, — одна из главных ценностей. Оно есть отсутствие заботы о приобретении материальных ценностей, пищи, одежды, украшений и т. п. Думать о суетности жизни — значит правильно оценивать свое место в мире, ибо «...вся жизнь наша — как будто один день; как день имеет утро — это рождение наше, а вечер — кончина смертная... человек рождается и уже приближается к смерти; едва расцветает, как уже и отцветает; с минуты своего рождения, как от утра дневного, он идет к вечеру — смерти; едва восходит, как уже начинает склоняться к своему западу!» [Там же, 44]. При этом Дмитрий Ростовский указывает в приведенном выше трактате «Цветы», что человек должен постоянно трудиться.

Изначально природа человека, по мнению Дмитрия Ростовского, была добра. Но после грехопадения она стала более склонна к злу, чем к добру. До грехопадения человек был, пишет Дмитрий Ростовский в трактате «Наше грехолюбие», «...невинен, незлобив, безгрешен, пребывал в благодати Божией, как сын в любви отчей, не знал, что такое грех, и не желал его. Не было в нем гордости... Не было в нем

жадности, и не искал он ни золота, ни серебра, ни камней драгоценных и ничего, что теперь люди собирают с таким ненасытным желанием. Не было в нем гнева и ярости, не знал он похотения плотского, не искал пресыщения» [1, 64]. В результате нарушения установленной Богом гармонии изменяется природа человека: «...познав зло, он (человек. — *О. И.*) стал очень склонен к нему. И вошло тогда в природу человеческую всякое греховное пожелание: и гордость, и жадность, и гнев, и зависть, и плотское возжелание» [Там же, 44]. С того времени страсти становятся управляющими силами в жизни человека. Они становятся, как пишет Димитрий Ростовский, идолами, которым человек поклоняется.

Путь к совершенству есть путь преодоления собственных слабостей, страстей, а главное — неверия в свои силы. В связи с этими утверждениями Димитрий Ростовский вновь обращается к теме познания и указывает, что путь к совершенству лежит через познание человеком своего бытия. Логика познания самого себя описана Димитрием Ростовским так: «Вот один из семи греческих мудрецов, знаменитый философ Солон, в Афинах на дверях капища написал крупными буквами: “Познай самого себя”. Для чего ты, философ, написал это на дверях вашего капища? “А для того, — говорит, — что сюда каждый день приходит множество народа. Пусть же каждый, входящий в сии двери, читает это ежедневно, а какой смысл в этих словах и чему они научают, сам рассмотри и угадай”. “Как же это рассудить?” — “Да предложи своему уму такие вопросы: кто ты? откуда? и куда идешь? Кто ты? Человек бренный, тленный, немощный, подверженный всяким болезням, злым случайностям, всяким бедам и всякому несчастью. Откуда ты? Из персти земной создан, от похоти плотской зачат, от болезней матерних рожден... Куда ты идешь? Во гроб, и нет ни для кого: ни для царя, ни для князя, ни для богача, ни для нищего, ни для ученого, ни для невежды — нет иного конца, кроме гроба, а во гробе тление, черви, смрад, гной, персть, а за тем — и совершенное уничтожение. Итак, каждый познавай себя”. Не худо учение сего философа: можно похвалить его. Получив пользу в Афинах — идем далее» [1, 140]. Далее, утверждает Димитрий Ростовский в сочинении «Добрые советы о памяти смертной», путь человечества лежит к христианству, в котором оно обретает истинные смыслы бытия.

Человек, пишет Димитрий Ростовский, всегда искал себя, ибо таковым — ищущим — создан. И многое увидел в себе в древности, но главное — он поставил вопрос о себе. Но только христианство дало возможность человеку увидеть свет совершенства, дало возможность поверить в свои силы. У современного человека душа и тело разрознены, но стремление к гармонии преодолевает разрыв, явившийся результатом грехопадения. Стремление к гармонии сильнее, чем исторические реалии. Если бы это было не так, человек перестал бы говорить себе: «Познай себя».

Что же есть человек? Человек по сути своей есть единство тела и души. Димитрий Ростовский указывает, что тело без души не человек, душа без тела тоже уже не человек. Человек есть жизнь души и тела. Когда приходит смерть, то исчезает человек как таковой.

Что же есть душа человека? Димитрий Ростовский отвечает на этот вопрос так: «Душа есть существо созданное, невидимое, бестелесное, бессмертное,

Богopodobнейшее, имеющее образ Создателя своего» [1, 204]. Душа — то, что должно соединить человека с высшей истиной и высшим благом.

Таким образом, делает вывод Димитрий Ростовский, подлинное совершенство есть совершенство одновременно тела и души. И это истинная цель жизни человека. Познание является необходимейшим и полезным средством достижения этого совершенства, позволяющим не только проникать в смыслы бытия, но и активно действовать, преобразовывать человеку мир, в котором он живет.

-
1. Димитрий Ростовский и его избранные творения. СПб., 1998.
  2. Жуков В. Н. Проблемы истины в православии: гносеологический и социологический аспекты. Нижний Новгород, 1993.
  3. Ионайтис О. Б. Антропологические идеи в философии Средневековой Руси (XI–XVII вв.) // Изв. Урал. федер. ун-та. 2014. № 1(125).
  4. Сочинения святого Димитрия, митрополита Ростовского. Ч. 1. М., 1857.
  5. Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991.
  6. Шляпкин И. А. Святой Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891.

Рукопись поступила в редакцию 24 октября 2018 г.

УДК 140(44):821.133.1 + 141.2

Н. В. Суслов

О ПОДХОДАХ К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ ФИЛОСОФОВ

В статье рассматриваются особенности четырех подходов к проблеме взаимоотношения философии и литературы в современной французской философской мысли: дидактического, герменевтического, деконструктивистского и производительного. Оценивая эти подходы, автор демонстрирует их двойственность с точки зрения стремления современной французской философии к преодолению установок классической и романтической схем в решении проблемы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: философия и литература, современная французская философия, классическая схема, романтическая схема, подход дидактический, подход герменевтический, подход деконструктивистский, подход производительный.

Хотя проблему взаимоотношения философии и литературы в том виде, в каком она представлена в современной французской философской мысли, и трудно, пожалуй, назвать темой развернутых систематических исследований, но то, что к ней так или иначе обращаются почти все крупные французские философы последней трети XX — начала XXI в., достаточно очевидно. Если приглядеться, не вызовет сомнений и другое: анализ этой проблемы в рамках современного французского

философствования ведется с разных позиций, в рамках различных подходов. И коль скоро сегодня они находятся в режиме сосуществования и, следовательно, в дело прояснения взаимоотношения философии и литературы существенный вклад вносит каждый из них, способствовать такого рода прояснению мог бы и сравнительный анализ данных подходов.

Четыре подхода

Одна из наиболее известных современных классификаций философиями ключевых парадигм исследования взаимоотношения философии и искусства, включая литературу, предложена А. Бадью¹. С его точки зрения, рассмотрение связей философии и искусства вообще и литературы в частности велось в истории философской мысли в соответствии с тремя главными схемами. Первая, которую А. Бадью называет *дидактической*, восходит к построениям Платона. Предназначение культуры в рамках этой схемы заключается в том, чтобы воспитывать человека в приобщении к истине. Но с фундаментальными истинами вещей, истинами, требующими аргументирующей работы разума, имеет дело только философия. Что же касается искусства вообще и литературы в частности, то им доступны лишь эффекты истин, истины в форме непосредственной очаровывающей видимости. Поэтому главную роль в деле приобщения человека к истинному играет не литература, а именно философия, которая может, однако, использовать литературу в качестве средства такого приобщения.

Следующая схема, именуемая А. Бадью *классической*, оформилась в философии Аристотеля. Искусство вообще и литература в частности, согласно этой схеме, в отличие от философии выполняют не познавательную, а терапевтическую функцию: они успокаивают страсти путем их переноса с реальных вещей на воображаемое подобие реальности и именно так демонстрируют свою ориентированность не на истину, а на правдоподобие. В этом отношении философия и литература представляют собой достаточно самостоятельные и независимые друг от друга сферы культуры².

И наконец, последняя схема, названная А. Бадью *романтической*, возникла как прямая противоположность схеме дидактической. Согласно ее установкам истинное находит свое воплощение не где-нибудь, а в искусстве, тогда как философия лишь указывает на эту воплощенность истинного и представляет его за пределами художественного поля. С точки зрения постижения истины литература в рамках данного подхода, таким образом, превалирует над философией.

¹ См.: [1, 9–24].

² Но, добавим от себя, только в этом отношении, ибо в более общем плане, поскольку с точки зрения классической схемы ценность истины преобладает над ценностью правдоподобия, литература в конечном счете оказывается в подчиненном положении по отношению к философии. И в такого рода общем плане классический подход к проблеме, по-видимому, сближается с дидактическим. Вместе с тем здесь, на данном уровне анализа схем трактовки взаимоотношения философии и искусства, этим обстоятельством можно и даже целесообразно пренебречь, что, по-видимому, и делает А. Бадью.

Что же представляет собой анализ взаимоотношения философии и литературы современными французскими философами в плане предложенной А. Бадью классификации? Существенно облегчить поиск ответа на этот непростой вопрос позволяет интересное исследование, предпринятое Ф. Сабо³. Отталкиваясь от него, но при условии достаточно критического отношения к суждениям его автора, можно, на наш взгляд, прийти к следующим выводам. Во-первых, дидактическая схема анализа проблемы для современного французского мышления не утратила своей актуальности: она по-прежнему заявляет о себе в нем, хотя и подверглась довольно существенной модификации. Для обозначения подхода к проблеме, который осуществил эту модификацию, Ф. Сабо считает возможным сохранить наименование «дидактический»⁴. Он соседствует с другим, имеющим довольно длительную историю подходом — герменевтическим. Во-вторых, что касается схем классической и романтической, то они современной французской философией как таковые, в их, если угодно, «чистом» виде, уже не используются, однако, как мы убедимся, оказывают на нее очень существенное влияние⁵. И, в-третьих, в современной французской мысли обнаруживаются и принципиально новые подходы к проблеме. Один из них, предложенный рядом философов, к числу которых принадлежит и А. Бадью⁶, Ф. Сабо называет «производительным». Кроме того, немалое внимание он уделяет и концепции взаимоотношения философии и литературы, представленной в работах Ж. Деррида. Но статус этой концепции у Ф. Сабо остается неопределенным и никакого специального наименования он ей не дает. По-видимому, однако, есть все основания считать ее выражением еще одного, деконструктивистского, подхода к проблеме в современной французской философии.

К дидактическому, герменевтическому деконструктивистскому и производительному подходам к проблеме взаимоотношения философии и литературы как основным в современной французской философской мысли мы и обратимся далее. Но если Ф. Сабо, внимательно вчитываясь в тексты их представителей, концентрировался в первую очередь на раскрытии содержания данных подходов во всей его полноте⁷, то нас будут интересовать прежде всего своеобразие их

³ См.: [22].

⁴ Рассматривая в качестве ведущего представителя этого обновленного дидактического подхода к проблеме взаимоотношения философии и литературы в современном французском философском мышлении Ж. Делёза, Ф. Сабо имеет в виду не столько общие делёзовские рассуждения о философском и литературном освоении действительности, сколько саму практику делёзовского обращения с литературным текстом. В сущности, именно такого рода практика и является основополагающей для данного подхода.

⁵ Что, на наш взгляд, в значительной мере ускользает от внимания Ф. Сабо.

⁶ XX век, по мнению А. Бадью, в сущности, не создал никакой новой философской схемы анализа взаимоотношения философии и искусства, предприняв лишь оказавшуюся безуспешной попытку синтеза дидактического и романтического подходов к проблеме. Основными философскими направлениями этого века, как он полагает, стали марксистское, психоаналитическое и герменевтическое. При этом марксизм осмыслял искусство, включая литературу, с дидактических, психоанализ — с классических, а герменевтика — с романтических позиций. Но к настоящему времени творческий потенциал данных схем уже исчерпан, а потому, считает А. Бадью, надо «попытаться предложить новую схему, некий четвертый способ связи философии и искусства в ситуации исчерпанности и тупика» [1, 16–17].

⁷ Анализируя концепцию Ж. Деррида, Ф. Сабо сосредоточивается главным образом на таких работах философа, как «О грамматологии» [7], «Письмо и различие» [8], «Поля философии» [10], «Позиции» [9]

принципиальных установок и оценка такого рода установок в общем контексте осмысления проблемы в современной французской философии. И именно в связи с этим порядок рассмотрения указанных подходов у нас оказывается несколько иным, нежели тот, которому следовал в своей работе Ф. Сабо.

«Репетиция» и интерпретация

Сторонники обновленного *дидактического* подхода к проблеме взаимоотношения философии и литературы в современном французском философствовании отнюдь не отрицают того, что философское мышление нуждается в литературе. Наоборот, она, с их точки зрения, определенно значима для него, причем значима как раз в гораздо большей степени, чем это предполагается собственно платоновским дидактизмом: философия прибегает к ней не только как к инструменту приобщения людей к истине, но и как к средству, служащему совершенствованию самой философии. А отсюда следует, что литературное творчество имеет или, во всяком случае, может иметь философское измерение.

Обладает или может обладать такого рода измерением и литература в границах двух конституирующих его отношений. Первое из них — отношение литературных произведений к мировидению их автора, мировидению, представленному в форме концептов и предшествующему созданию художественных текстов. По сути дела, здесь литературное обращено к философии писателя или поэта, хотя часто и не отрефлексированной в достаточной степени, потенциальной философии, если автор не профессиональный философ. В связи с авторским мировидением литературные произведения выступают как своеобразное пространство его особого воплощения или как своего рода сцена, на которой данное мировидение разыгрывается.

Второе отношение, позволяющее литературе обрести философское измерение, — это отношение художественных текстов к философу-читателю, являющемуся чаще всего философом-профессионалом. Для него литературные произведения в первом приближении оказываются посредником между философией их авторов и его собственной. Но поскольку философия авторов неотрефлексирована, поскольку она «приводится в порядок» не кем иным, как философом-читателем, литературные произведения в конечном счете снова становятся воплощением философии, но уже самого философа-читателя. Иначе говоря, для него литература выступает, в сущности, лишь средством разработки своей философии, средством ее повторения в художественном, ее «*репетиции*» в нем.

и «Похоронный звон» (Glas) [17]. При рассмотрении обновленного дидактического подхода в первую очередь его интересуют четыре работы Ж. Делёза: «Марсель Пруст и знаки» [5], «Кино» [3], «Что такое философия?» [6] и «Критика и клиника» [4]. Исследуя герменевтический подход, Ф. Сабо обращается к книге Ж.-Ф. Марке «Зеркала идентичности. Литература, одержимая философией» (Miroirs de l'identité. La littérature hantée par la philosophie) [20] и двум произведениям П. Рикёра: «Живая метафора» [13] и трехтомник «Время и рассказ» [11, 12, 21]. Наконец, при анализе производительного подхода в центре его внимания оказываются книга В. Декомба «Пруст. Философия романа» (Proust. Philosophie du roman) [18], работы А. Бадью «Беккет. Неисчерпаемое желание» (Beckett. L'incroyable désir) [16] и «Малое руководство по инэстетике» [1], а также два произведения М. Фуко: «Ремон Руссель» (Raymond Roussel) [19] и «Слова и вещи» [15].

Однако конечно же этот мотив «репетиции» в дидактическом подходе к проблеме не следует трактовать упрощенно. «Речь здесь, — отмечает Ф. Сабо, — идет не о том, что, изучая литературные тексты, философ не находит в них для себя ничего нового и что развертывание его мысли никак не связано с теми “литературными случаями”, к которым он обращается якобы всего лишь для ее подтверждения. Скорее всего, повторение необходимо как раз для развития этой мысли, она “репетирует” себя, как репетируют театральную пьесу, и поэтому использует многообразные теоретические приемы, являющиеся также и приемами ее “постановки”: постановки на литературной сцене как площадке для философских “представлений”» [22, 37–38].

И вместе с тем представители дидактического подхода к проблеме отказываются от поиска какого-либо общего для философской и литературной активности условия возможности их существования. Это особенно заметно в написанной Ж. Делёзом совместно с Ф. Гваттари книге «Что такое философия?». Как справедливо подчеркивает И. П. Смирнов, в предложенной ими модели философское и литературное представляют собой «явления, у которых отсутствует *tertium comparationis*», ибо «философия обладает только внутренним содержанием, а художественное творчество — только внешним» [14, 30]. Очевидно, что как раз здесь мы и сталкиваемся с элементами классической схемы анализа в рамках дидактического подхода — схемы, согласно которой, если следовать А. Бадью, по своей ориентации философское и художественное взаимно автономны: в отличие от философии «предназначение искусства заключается вовсе не в том, чтобы претендовать на истину. Безусловно, искусство не истинно, но оно и не стремится быть таковым, а потому ни в чем не виновато» [1, 12]. Не виновато, разумеется, перед философией.

Но в таком случае дидактический подход, судя по всему, оказывается двойственным. В самом деле, с одной стороны, настаивая на том, что литература значима для философии, что она имеет или может иметь философское измерение, в сфере которого литературное выступает средством философского постижения истины, Ж. Делёз и его единомышленники определенно стремятся преодолеть ограниченность установок классической схемы. Однако, связывая существо философии только с концептами, а литературы исключительно с аффектами, они, с другой стороны, явно руководствуются данными установками в своих рассуждениях⁸.

При рассмотрении исследования проблемы взаимоотношения философии и литературы современными французскими философами в рамках *герменевтического* подхода может создаться впечатление, что оно ориентировано главным образом на поиск гораздо более тесной связи литературного с философским, чем та, что предполагается подходом дидактическим⁹, не говоря уже о классической

⁸ Очевидно, что в этом плане те отношения с философским, в рамках которых, с точки зрения представителей дидактического подхода, литература имеет философское измерение, являются не чем иным, как внешними для нее отношениями, вследствие чего в качестве внешнего для нее, не укорененного в ее собственном режиме развертывания, выступает и само ее философское измерение.

⁹ В своей оценке герменевтического подхода Ф. Сабо придерживается именно этой позиции.

схеме. Однако на самом деле это не так. Да, истины, смыслы вещей, с точки зрения французских герменевтиков, могут оформляться в самой ткани литературного произведения, то есть в соответствии с характерными для литературы правилами построения текстов, а значит, принадлежать ему на правах имманентности. Но обрести статус подлинных истин и смыслов, осуществиться, согласно герменевтическому подходу к проблеме, они в состоянии только в режиме их перевода с литературного языка образов на философский язык концептов, иными словами, лишь в процессе их философской *интерпретации*. И в этом плане современные французские герменевтики отнюдь не заинтересованы в возвеличивании литературы в ущерб философии.

Вместе с тем они действительно заявляют и нечто по самой своей сути другое: если где-то и можно иметь дело с истиной как таковой, то именно в художественном, но никак не в комментирующем его философском.

Но тогда получается, что двойственностью страдает и герменевтическое видение взаимоотношения философии и литературы в современном французском философствовании. С одной стороны, как пишет Ф. Сабо¹⁰, по мнению герменевтиков, хотя «только искусство, в том числе и литература, “исполняет истину”, это вовсе не значит, что такого рода истина дается в нем непосредственно, в эксплицитной форме видимого и читаемого на поверхности его текстов содержания. По-видимому, наоборот, как раз этой формы выражения истина здесь и лишена, и относительно смысла, заключенного в литературных произведениях, можно сказать, что литература скорее одержима им, нежели держит его в своих руках¹¹. В этой связи и нужна интерпретация, ориентированная на то, чтобы уловить и раскрыть имплицитное значение произведения посредством восхождения к той спекулятивной сущности, в которой коренится его истина и благодаря которой оно в буквальном смысле слова “обретает смысл”» [22, 55–56]. И в данном случае герменевтический подход к проблеме со всей очевидностью ориентирован на выход за пределы установок романтического восприятия взаимоотношения философского и литературного.

С другой же стороны, «мы сталкиваемся тут с идеей, что литература может на законных основаниях рассматриваться как место сущностного откровения, то есть что она заключает в себе философскую истину, которая пронизывает ее и составляет основание — или глубинную основу — ее текстов» [Там же, 55]. И здесь герменевтический подход явно возвращается к романтической схеме, базирующейся, по словам А. Бадью, на тезисе, что «одно лишь искусство способно

---

¹⁰ Здесь следует отметить, что если двойственность дидактического подхода, как представляется, оставлена Ф. Сабо без внимания, то двойственность подхода герменевтического, напротив, анализируется им со всей тщательностью. Однако все же не в плане ключевых для него его взаимоотношений с романтической схемой, а в контексте взаимоотношений установок герменевтиков с установками романтиков, с одной стороны, и опять-таки сторонников дидактического восприятия проблемы, с другой.

¹¹ Образ одержимости (литературы философией), который использует здесь Ф. Сабо, особенно значим в концепции взаимоотношения философии и литературы Ж.-Ф. Марке, о чем, в частности, свидетельствует и название одной из его посвященных проблеме книг — «Зеркала идентичности. Литература, одержимая философией».

свидетельствовать об истине. И в этом смысле оно воплощает то, на что философия лишь косвенно указывает» [1, 11].

Деконструкция и производство

В случае с *деконструктивистским* подходом к проблеме взаимоотношения философии и литературы в работах современных французских философов достаточно очевидно, что в своих рассуждениях его представители во многом отталкиваются от наследия Ф. Ницше и П. Валери. Так, с точки зрения Ж. Деррида — и Ф. Сабо совершенно обоснованно акцентирует эту составляющую дерридианского анализа¹², — рассматривая природу философии, и Ф. Ницше, и П. Валери сделали два важных замечания. Во-первых, причем в какой-то мере вслед за Гегелем, они подчеркнули, что истоки философских концептов надо искать в языке и его особой фигуративности. В сущности, по своему происхождению все основные концепты философии, включая и концепт концепта, — это метафоры, результат переноса явлений чувственного мира в мир сверхчувственный. И такого рода генезис философии из метафоричности и из характерной для поэтов и писателей дискурсивности свидетельствует о том, что философское мышление изначально обладает литературным измерением. Во-вторых, они обратили внимание на то, что «встает на ноги», оформляется философия тем не менее в режиме отрицания своего метафорического происхождения — отрицания, которое в итоге оборачивается его, метафорического происхождения, забвением. И, следовательно, свою врожденную литературность философская мысль подавляет.

Согласно деконструктивистам, однако, мы должны быть более точными: то, что лишь условно может именоваться «истоками» философского мышления, находится не в литературном языке, но в письме, которое надо понимать особым образом, а именно как область неструктурированной, хаотизированной знаковой — по сути же дела квазизнаковой — реальности, задающей условия возможности и философских, и нефилософских текстов-конструкций, включая литературные. Философский текст, как и любые другие, неизменно возникает как реализация одних возможностей и нивелирование остальных, и важнейшими задачами современной философии, на чем настаивают деконструктивисты, являются как раз *деконструкция*, анализ генеалогии этого текста и выявление тех возможностей его построения, которые им, как уже свершившимся, отрицаются.

Но это значит, что и подавляется в философии, строго говоря, не ее литературное измерение, а измерение письма. Философия стремится работать с четко определенными смыслами и оперировать однозначным, а стало быть, так или иначе формализованным языком, и потому ее письменное измерение вытесняется на периферию ее текста, на его, как выражается Ж. Деррида, «поля». Другое дело, что это письменное измерение философской мысли, в силу большей подвижности и раскрепощенности литературного языка по сравнению с языком философским, часто принимают за якобы присущее ей измерение литературное.

---

¹² См.: [22, 20–32].

Для Ф. Ницше и П. Валери из двух обстоятельств, определивших, по их мнению, природу философии: ее возникновение из фигуративности языка и забвение ею своего литературного происхождения, — наиболее значимым является первое. Поэтому в конечном итоге они склоняются к тому, чтобы считать ее видом литературы. С точки зрения деконструктивистов, однако, включение философии в литературу, в сущности, невозможно. И вовсе не потому, что в деле конституирования философской мысли «момент забвения», по-видимому, не менее значим, чем «момент истока», а потому, что общим для философии и литературы «исток» оказывается не литературная раскрепощенность языка, но именно хаотизированная динамика письма.

Настаивая на том, что философия и литература объединены общим «исток», сторонники деконструктивистского подхода явно выходят за рамки классической схемы восприятия взаимоотношения философского и литературного, согласно которой последние существуют в режиме как раз отсутствия единого для них начала. Но тем самым они расстаются и с установками схемы романтической, ибо для нее философия и литература сближаются вовсе не потому, что имеют общее основание, а благодаря готовности философии способствовать исполнению заявившей о себе в литературе истины.

Это, однако, только одна сторона дела. Другая же заключается в том, что, отказываясь лишать философское и литературное общего для них «истока», деконструктивисты вместе с тем описывают его постижение именно как разборку и расчистку завалов, а значит, рассматривают динамику исполнения истинного в качестве процесса раскрытия, обнаружения скрытого, не лежащего на поверхности вещей. Но в таком случае деконструктивистский подход к проблеме явно остается в плену той трактовки истины, которая характерна для установок классической и романтической схем восприятия философского и литературного.

Этот подход, следовательно, не менее двойствен, чем два предыдущих.

Если, согласно классической и романтической схемам, истины раскрываются и воплощаются, но никак не созидаются, то, по мнению представителей *производительного* подхода, они именно создаются, выступают результатом их *производства* усилиями поэта или писателя — производства, отправной точкой которого является не то, что есть в наличной ситуации, а то, чему нет места ни на поверхности, ни в глубине вещей: это то, чем эта ситуация чревата и что вызывает к своему про-изведению как события.

Однако, преодолевая установки классической и романтической схем в одном отношении, производительный подход уступает им в другом: для его сторонников, так же как и для сторонников классического и романтического видения философского и литературного, неприемлема идея о «сродстве» философии и литературы, определяющем их равные права на истину. И как раз поэтому для А. Бадью философия «сама по себе истин не производит» [2, 16], ибо они производятся в искусстве, включая литературу, а также в науке, политике и сфере любви. «В действительности, — пишет он, — философия есть посредница при встрече с истиной, своего рода сводница различных процедур с их истиной. И подобно тому как красота присуща женщине, с которой мы знакомимся, а не посреднице

или своднице, истина тоже принадлежит не философии, а художественным, научным, политическим практикам и практикам любви» [1, 18].

Без двойственности, стало быть, не обходится и этот подход к проблеме взаимоотношения философии и литературы в современной французской философской мысли.

Зависимость от классической и романтической схем

Безусловно, корректная оценка эффективности подходов к проблеме взаимоотношения философии и литературы в современном французском философствовании должна исходить из того, насколько успешно они решают задачу, которую это философствование само для себя и поставило.

Судя по всему, обращаясь к проблеме, современные французские философы нацелены на преодоление классических и романтических границ ее рассмотрения. При этом дидактический и герменевтический подходы представляют собой реакцию на классическую и романтическую схемы прежде всего в плане того, чем такого рода схемы отличаются друг от друга. А отличаются они тем, что по-разному определяют, во-первых, пространство истины (для классической схемы это область только философии и всей подлинной философии, для романтической — сфера только литературы и всей подлинной литературы), а во-вторых, отношение пространства не-истины к истине (для классической схемы это пространство на истину не ориентировано, тогда как для схемы романтической такой ориентированностью обладает). В этой связи дидактический подход, не принимая классическую трактовку отношения места не-истины к истине, остается, однако, приверженцем классического видения места истины, а герменевтический, не соглашаясь с романтическим определением области истины, продолжает следовать романтическому восприятию отношения области не-истины к истине.

Деконструктивистский и производительный подходы взаимодействуют с классической и романтической схемами иначе: они «чувствительны» к тому, в чем эти схемы, наоборот, совпадают. Основные совпадения здесь следующие: во-первых, и классическая, и романтическая установки предполагают, что истина исполняется исключительно в процессе ее обнаружения и воплощения; во-вторых, и та и другая не допускают существования единого для истины и не-истины начала. В этой ситуации деконструктивистский подход, отвергая классическое и романтическое решение вопроса о едином для истинного и не-истинного основании, не выходит тем не менее за рамки классической и романтической трактовки истины, представители же производительного подхода, отвергая эту трактовку, остаются сторонниками классического и романтического тезиса об отсутствии общего для истины и не-истины начала.

Таким образом, в результате каждый из рассмотренных подходов и оказывается двойственным или, что то же самое, непоследовательным в плане стремления современной французской мысли преодолеть установки классической и романтической схем в решении проблемы взаимоотношения философии и литературы.

Возможен ли подход к проблеме, свободный от указанной непоследовательности? Ответ на этот вопрос выходит за рамки темы данной статьи и требует отдельного исследования.

1. *Бадью А.* Малое руководство по инэстетике / пер. с фр. Д. Ардамацкой, А. Магуна. СПб., 2014.
2. *Бадью А.* Манифест философии / пер. с фр. В. Е. Лапицкого. СПб., 2003.
3. *Делёз Ж.* Кино / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М., 2004.
4. *Делёз Ж.* Критика и клиника / пер. с фр. О. Е. Волчек, С. Л. Фокина. СПб., 2002.
5. *Делёз Ж.* Марсель Пруст и знаки / пер. с фр. Е. Г. Соколова. СПб., 1999.
6. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М., 2009.
7. *Деррида Ж.* О грамматологии / пер. с фр. Н. С. Автономовой. М., 2000.
8. *Деррида Ж.* Письмо и различие / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. М., 2000.
9. *Деррида Ж.* Позиции / пер. с фр. В. В. Бибихина. М., 2007.
10. *Деррида Ж.* Поля философии / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. М., 2012.
11. *Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1 : Интрига и исторический рассказ / пер. с фр. Т. В. Славко. М.; СПб., 1998.
12. *Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 2 : Конфигурация в вымышленном рассказе / пер. с фр. Т. В. Славко. М.; СПб., 2000.
13. *Рикёр П.* Живая метафора / пер. с фр. Ф. А. Станжевского. М., 2013.
14. *Смирнов И. П.* Текстотомия: как литература отвечает на философию. СПб., 2010.
15. *Фуко М.* Слова и вещи / пер. с фр. В. Г. Визгина, Н. С. Автономовой. М., 1994.
16. *Badiou A.* Beckett. L'incroyable désir. P., 1995.
17. *Derrida J.* Glas. P., 1974.
18. *Descombes V.* Proust. Philosophie du roman. P., 1987.
19. *Foucault M.* Raymond Roussel. P., 1963.
20. *Marquet J.-F.* Miroirs de l'identité. La littérature hantée par la philosophie. P., 1996.
21. *Ricoeur P.* Temps et récit. Т. 3 : Le temps raconté. P., 1985.
22. *Sabot Ph.* Philosophie et littérature. P., 2002.

Рукопись поступила в редакцию 12 декабря 2018 г.

КОНФЕРЕНЦИИ И СЕМИНАРЫ

УДК 378.4(470.54-25) + 81'246.3 + 316.343.3

М. Ю. Гудова
М. О. Гузикова
Е. В. Рубцова

ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЕ И ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УНИВЕРСИТЕТЕ: КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ГРАМОТНОСТИ

В статье представлен обзор конференции «Полилингвизм и поликультурность в коммуникационно-образовательном пространстве университета в эпоху постграмотности: накопленный опыт и перспективы развития», прошедшей 16–17 ноября 2018 г. в Уральском федеральном университете. Конференция собрала исследователей из разных городов и стран, занимающихся разными аспектами феноменов полилингвальности и поликультурности. Основной фокус ученых был сконцентрирован на университетском процессе образования, существенно меняющемся в эпоху постграмотности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: полилингвальность, поликультурность, постграмотность, критический дискурс, образовательные технологии, университет.

16–17 ноября 2018 г. в Уральском гуманитарном институте УрФУ была проведена международная научно-практическая конференция «Полилингвальное и поликультурное коммуникационно-образовательное пространство университета в эпоху постграмотности: опыт создания и перспективы развития». Конференция была организована при поддержке РФФИ в рамках проекта 17-29-09136/18 «Полилингвизм в эпоху постграмотности: философско-культурологическое обоснование и методико-педагогическая разработка модели полилингвального образования».

Теоретическую рамку проекта образуют идеи критической философии образования, которая пытается найти выход из ситуации кризиса университетов, спровоцированной преобладанием экономического, менеджеритарного подхода к управлению современными университетами и определению перспектив развития университетов как учреждений сферы услуг. В качестве возможных путей выхода из кризиса университетов критическая философия образования предлагает и разрабатывает идеи новой грамотности (post-literacy), коллаборации (collaboration)

и вдохновения (inspiration). В настоящее время эти идеи развиваются такими учеными, как М. Ниссбаум (США) [2], П. Фрейре (Бразилия) [9], К. Вадивелу (США–Индия) [10], А. Пенникук (Австралия) [8], Г. Кресс (Великобритания) [5, 6], М. Калантис (США) [3], В. Коуп (США) [Там же] и др. Участники грантового проекта осуществляют синтез идей критической философии с идеями диалога, полифонии и полигlossии М. М. Бахтина и его последователей в отечественной философии. На этих теоретических основаниях ученые научной группы разрабатывают рекомендации по формированию новой модели полилингвального образования, учитывающей принципы новой мультимодальной грамотности, дружественной, привлекательной и вдохновляющей на совместное творчество членов университетского сообщества и жителей города и региона, составляющих социокультурную среду университета. Эта концепция призвана продвигать новый университет как пространство универсальных коммуникаций.

Главный докладчик конференции, доктор лингвистики профессор Рауль Альберто Мора (университет Понтифика Боливара, Медельин, Колумбия), выступил с пленарным докладом, обратив внимание на процессы усложнения грамотности в цифровую эпоху. Высказываясь в духе критической философии образования, он показал важность преодоления лингвистического понимания языка и грамотности в современной культуре и перехода к эстетическому и семиотическому пониманию этих явлений [7]. Его главный тезис состоял в том, что если до середины XX в. культурному и образованному человеку достаточно было быть грамотным в отношении вербальных языков и сформировавшееся тогда представление о полилингвизме включало в себя знание нескольких вербальных языков, то со времени распространения компьютеров и компьютерных технологий представление о полилингвизме изменилось и произошло семиотическое и эстетическое разделение языков и их функций. Семиотическое представление о языке как о знаковой системе предполагает сегодня наличие множества языков (знаковых систем) в культуре помимо вербальных, различные ученые-семиотики насчитывают таких систем от 4 до 13, функционирующих в различных сферах культуры. Эстетическое разделение языков привело к возрастанию роли мультимодальности, когда различные языки искусств становятся самостоятельными способами передачи и получения информации о человеке и мире, сочетаясь в одном тексте. Рауль Альберто Мора предложил ученым использовать не только стратегию анализа умножения языков культуры, но дополнить ее стратегией продвижения мультимодальных языков и текстов в современном социокультурном, и в первую очередь в образовательном, пространстве современных университетов.

Полина Головатина-Мора показала, как идея классика критической философии образования П. Фрейре о том, что «читая слова, читаем мир», меняет содержание современного гуманизма. Исходным тезисом было положение, что условия современного мира таковы, что знания становятся множественными и фрагментарными, а человек подвергается различным формам подавления и насилия, в том числе в системе производства — передачи — получения знания. В качестве стратегии противостояния несовершенству обжитого человеком мира возникло мировоззрение трансгуманизма, провозгласившего принципы любви,

эмпатии, заботы и ответственности. С таких научных позиций, как у П. Фрейре, не существует более непреодолимых различий между субъектом, концептом и бытием. Субъект — это стремление к познанию и описанию внешнего человеку мира на всех доступных человеку языках, вербальных и невербальных. Концепт — это только интеллектуальное действие субъекта в определенном пространстве и времени, в этом хронотопе язык — способ совместного написания, то есть создания самого себя и мира вокруг. Поэтому язык может быть вербальным — стремящимся к точности концептов, а может быть метафорическим, позволяющим преодолеть насилие определенности и однозначности.

Трансгуманизм утверждает, что человек может мыслить и при помощи слов, а может и при помощи природных явлений и стихий этого мира — быть текучим и континуально-процессуальным как вода, или быть статичным и постоянным как земля. Метафорическое чувствомышление или смыслопереживание в образах или стихиях позволяют человеку воплотить себя в более сложных формах, предполагающих большие неопределенности и многозначности смысла, достичь большего продвижения в понимании интеллектуально-чувственных возможностей человека. Понимание сложности текстов современной культуры должно помочь концептуализировать сложный полилингвальный и поликультурный университетский текст.

Последующие доклады стремились развить и закрепить идеи, высказанные главными спикерами конференции, конкретизировав их применительно к проблемам создания концепции полилингвального и поликультурного университетского образования в эпоху постграмотности.

Развивая идеи современной дискурсивной семиотики, М. О. Гузикова высказала мысль о том, что университет не является замкнутым пространством, это открытое социокультурное пространство, где качество и содержание поликультурности и полилингвистичности определяется окружающей средой и социокультурными адаптивно-адаптационными моделями, которые сформированы в этой среде. Ближайшей социокультурной средой университета являются город и регион, поэтому уровень полилингвальности и поликультурности университета достаточно сильно определяется открытостью/закрытостью к мировым процессам города и региона. Запрос от города и региона на межкультурное дружелюбие, гостеприимство и многоязычие усиливается в преддверии мегасобытий и ослабляется между ними. Университет, активно и последовательно стремясь к интернационализации и развитию международных связей, поддерживает полилингвальную и поликультурную среду города и региона, развивая обучение языкам и межкультурным коммуникациям. Между тем у города как у социокультурного сообщества и пространства есть своя логика развития полилингвальности и поликультурности и ее следует изучать и анализировать, поскольку университет и город — это две взаимовлияющие системы.

М. Ю. Гудова акцентировала свое внимание на философском понимании диалога и полифонии в творчестве М. М. Бахтина, а также на методологических ресурсах идей диалогической школы культурологии, предлагающей рассматривать диалог как способ существования культуры, в том числе культуры университетов.

Применив диалогический дискурс к анализу современного состояния разноуровневых коммуникативных процессов в университете эпохи постграмотности [1], докладчик выявил, что диалог культур в современном университетском пространстве претерпел существенные изменения. По мнению ученого, это объясняется внедрением в жизнь университетов электронных автоматизированных систем документооборота, закупок, организации учебной деятельности, а также курсов онлайн-образования, мультимедийного и интерактивного сопровождения традиционных аудиторных занятий, курсов открытого образования, а также системы организации и освещения научных событий и научной деятельности ученых.

Был сделан вывод о том, что большую часть коммуникации в университетском пространстве ученые сегодня осуществляют при посредничестве «агентов рационального действия» — электронных автоматизированных систем, и все большую роль в этом взаимодействии играют интерфейсы университета в открытой международной среде. Живое человеческое общение вытесняется коммуникацией человека и гаджета. Поэтому постоянная работа с различными «агентами рационального действия», их интерфейсами и регулярное обновление сайтов университета на основных языках международного общения являются сегодня повседневностью университета, которую необходимо совершенствовать для нахождения все более человекообразных программ интерактивной работы различных интеллектуальных систем. Проблема поликультурности была конкретизирована как проблема взаимодействия культуры университетского человека и культуры университетских интеллектуальных машин.

А. А. Сухов рассказал об истории обучения на основе компьютерных тренажеров и симуляторов, раскрыл возможности применения образовательных технологий на основе компьютерных игр в современном университете. Компьютерные игры, существующие преимущественно на английском языке, создают потребность в изучении этого языка, они же могут использоваться в качестве тренажеров в процессе изучения различных вербальных языков, они могут создавать эффекты симуляции и погружения в инокультурную среду с ее правилами и нормами, целями и ценностями. Был сделан вывод о перспективности обучения на основе видеоигр основам межкультурной коммуникации и множественным вербальным языкам.

Л. А. Лукоянова проанализировала, каким образом на полилингвизм и поликультурность в школьной образовательной среде влияют курсы «Основы религиозной и светской этики» и «Основы духовно-нравственной культуры народов России». Была высказана гипотеза, что выбор большинством родителей школьников Свердловской области «Основ светской этики» для включения в учебный план вызван их стремлением к созданию общего образовательного пространства и единого образовательного сообщества, не подразумевающего конфессионального деления учащихся. Автор сделал вывод, что изучение этнонациональных праздников, песен и танцев, кухни, традиционных костюмов и способов организации жилища народов России позволяет школьникам объединиться в совместной художественно-эстетической, творческой деятельности. Докладчик показал, как совместные этнокультурные проекты позволяют преодолеть различия учащихся

одного класса по уровню освоения русского языка и языка математики и обосновать важность владения другими языками культуры, языками искусства, кулинарии, костюма, при помощи которых устанавливаются добрососедские межкультурные отношения. Было проанализировано несколько интересных кейсов из жизни современных школьников, подтверждающих этот тезис.

Т. П. Рассказова сосредоточила свои усилия на представлении результатов исследования о продвижении множественности вербальных языков среди взрослых. Трудности продвижения, по мнению ученого, связаны с отсутствием постоянной диалогически-коммуникативной практики на разных языках в условиях монолингвальной и монокультурной повседневности, забыванием языков, отсутствием мотивации на постоянный поиск источников для всех видов чтения и аудирования — чтением научных журналов, просмотром кинофильмов, сериалов и т. д. Ментальная замкнутость внутри монокультурного и монолингвального пространства является одним из самых труднопреодолимых препятствий, и преодоление этого препятствия — задача не только педагогическая, но и экономическая, политическая.

Обсудив создание концепции полилингвального и поликультурного образования на основе современных теорий полилингвизма, поликультурности и постграмотности, применив эти теории к современному университету, ведущие ученые научной группы М. Ю. Гудова, М. О. Гузикова, Т. П. Рассказова выдвинули рабочую гипотезу. Она состоит в том, что концепция должна выстраиваться на трех взаимосвязанных уровнях: лингвокультурное пространство университета, лингвокультурное сообщество университета, ментальные структуры университетской культуры [4]. Обсуждению каждого из этих уровней была посвящена работа тематических секций конференции.

Докладчики проанализировали опыт полилингвизма и поликультурности университетов в различных странах мира с точки зрения зависимости от социокультурных обстоятельств (Д. Победаш — североамериканских, Е. Кудрин и Гальегос Рубио Ирвинг — испанских и латиноамериканских, Д. Тауфарова — чешских, К. Лозовская — китайских). Ученые пришли к выводу, что спектр языков, изучаемых в этих странах, развиваемых и поддерживаемых государствами разных стран, некоммерческими организациями и экспертами-лингвистами, а также степень толерантности к языкам малочисленных народов зависят от экономических условий. Студентами и преподавателями-исследователями преимущественно выбираются и изучаются языки тех стран, с которыми обучающиеся связывают свое профессиональное, карьерное будущее. Это могут быть языки малых народов — если их продвижение мыслится целью карьерного развития и получает инвестиционную поддержку. Это могут быть языки империй, когда их знание служит социальным лифтом и является способом достижения социального признания и успеха для жителей провинций в условиях культурного империализма. Это могут быть мировые языки, если с их знанием связано построение карьеры в открытом глобальном мире.

В ходе работы конференции обсуждались методические проблемы полилингвального и поликультурного образования. Лейтмотивом выступлений

российских, китайских, чешских, кубинских ученых была мысль о необходимости учета исходной ментальной монолингвальности или полилингвальности обучаемых языку людей, поскольку именно это определяет методику преподавания языка. В качестве важных факторов создания методики полилингвального образования в современном университете, где обучаются не только молодые люди, но и люди старшего возраста, были названы национальные и возрастные, психометрические характеристики обучаемых, определяющие их склонности к языковой аттриции. Эти взаимосвязанные факторы детерминируют необходимость разработки методик постоянного обучения языкам на протяжении жизни как в отношении языков межкультурной коммуникации и общения, так и в отношении к языкам родным и национальным, потому что возрастная аттриция проявляется в отношении не только иностранного, но и родного языка.

Другим важным моментом дискуссии было обсуждение технологии взаимодействия обучаемого и обучающего языку, поскольку при встрече представителей двух различных культур необходимо выстраивать новое, неимперское пространство культурной нормы, где учитываются привычки и традиции разных культур и создается так называемое «третье пространство». Активно обсуждались достоинства и недостатки контактной и виртуальной технологий обучения языкам. Также обсуждалась проблема создания и восприятия мультимедийных и мультимодальных текстов в образовательном пространстве. Акцент был сделан на позитивном эмоциональном настрое на изучение языков, формируемом в процессе выполнения обучаемыми творческих коллективных заданий по созданию музыкальных клипов, анимационных фильмов и других видеотекстов. Был сделан вывод о необходимости использовать эти технологии таким образом, чтобы они дополняли одна другую, чтобы у студентов и преподавателей был выбор каналов информации и практик языкового общения, мотивирующих на создание и использование полилингвальной и поликультурной мультимодальной коммуникационно-образовательной среды университета.

Продуктивной и содержательной была работа секции, посвященная культурному интеллекту и современной полилингвальной, поликультурной и мультимодальной грамотности. Анализу феномена культурного, точнее музыкального, интеллекта был посвящен доклад Т. Н. Смирновой, высказавшей идею избирательно-креативного использования композитором различных типов интеллекта в зависимости от разных творческих задач. В качестве примера сочетаемости различных видов интеллекта в мире музыки было рассмотрено творчество Софии Губайдулиной, которая успешно сочетает музыкальный (мелодический, гармонический, ритмический) и математический интеллект, интеллект музыкальный с интеллектом лингвистическим (создавая разные формы вокальной музыки), интеллект социальный с интеллектом эмпатическим (сочетая в музыке этнокультурные и глубоко личностные мотивы).

Креативно-исследовательские возможности мультимодального и поликультурного сценического текста выявила Л. М. Немченко. Она рассмотрела пример воссоздания творческой биографии Г. Шпаликова в спектакле «Шпаликов», который был поставлен театральной платформой Ельцин Центра «В Центре».

Л. М. Немченко продемонстрировала, как мультимедийные тексты моделируют многомерное и неоднозначное поликультурное и полиязычное пространство/ время эпохи, раздавившее художника своими противоречиями.

Всесторонний литературоведческий анализ полилингвального романа представила Е. С. Хромова. На примере анализа романов А. Макушинского и Г. Зебальда она показала, что полилингвальный роман создается не при помощи нескольких самостоятельно существующих в тексте вербальных языков, а при помощи единого языкового ансамбля, в котором могут участвовать несколько языков, естественным образом переплетающихся и перекликающихся в тексте произведения, передавая поликультурную этнонациональную идентичность героев.

Мультимодальность и полилингвальность архивных дневниковых текстов В. К. Арсеньева были рассмотрены в сообщении Е. В. Головневой. Эти тексты, как отмечала исследовательница, выполнены в сочетании словесных описаний природы, людей, их быта, праздников, пейзажных и портретных фотографий, ландшафтных зарисовок, картографических изображений, таблиц, подсчетов и многого другого. Полилингвальность во многом характеризует картографические изображения Дальнего Востока, на которые ученый тщательно наносил данные туземцами названия географических объектов и ландшафтных маркеров. Изобразительный канон Дальнего Востока, созданный В. К. Арсеньевым, был закреплен затем в художественном фильме Акиро Куросавы «Дерсу Узала», который тщательно изучал дневники, рисунки и фотографии В. К. Арсеньева, сопоставлял изображения с географическими объектами, находил эти объекты на местности и фиксировал их уже в киноизображении.

В процессе работы секции с разных сторон была раскрыта значимость использования в современной культуре неоднозначных и метафорических языков искусства, которые расширяют наши представления о действительности, исследуют и конструируют ее многомерность и изменчивость.

Резюмируя разнообразие докладов, прозвучавшие в ходе работы конференции, М. Ю. Гудова сделала вывод о плодотворности идей диалога культур и полифонии языков, разработанных школой М. М. Бахтина для выработки концепции полиязычного и поликультурного образования в современном университете, о продуктивности идей Ю. М. Лотмана об универсальности языков искусства. Сочетание идей диалога культур и полифонии языков культуры может послужить методологическим принципом для серьезного переосмысления роли университетов и университетского образования в современной культуре в духе критической философии образования. Также эти идеи могут быть использованы в качестве основополагающего подхода для методико-педагогической разработки концепции полилингвального образования, способствуя формированию устойчивого мотива изучения языков и культур, созданию контента для интерактивных методик изучения языков и культур, оформлению дружелюбной и комфортной коммуникационно-образовательной среды для студентов и преподавателей, представляющих разные культуры и говорящих на разных языках.

---

1. *Гудова М. Ю.* Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ : автореф. дис. ... докт. культурологии. Екатеринбург, 2015.
2. *Нуссбаум М.* Не ради прибыли: зачем демократии нужны гуманитарные науки. М., 2014.
3. *Cope B., Kalantzis M.* "Multiliteracies": New literacies, new learning // *Pedagogies: An International Journal*. 2009. № 4(3). P. 164–195.
4. *Gudova M., Guzikova M., Kocheva O.* Foreign Language Classroom: Multilingual and Multimodal Space? // *Proc. 8-th Intern. Conf. CILD* : [site]. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2018/11/shsconf_cildiah2018_01065/shsconf_cildiah2018_01065.html (accessed: 20.11.2018).
5. *Kress G.* Literacy in the new media age. N.Y., 2003.
6. *Kress G.* Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication. Abingdon, UK, 2010.
7. *Mora R. A.* City literacies in second Languages: New questions for policy and advocacy // *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 2015. № 59(1). P. 21–24.
8. *Pennycook A., Otsuji E.* Metrolingualism: language in the city. L. ; UK, 2015.
9. *Freire P., Macedo D.* Literacy: Reading the word and the world. South Hadley, MA, 1987.
10. *Vadivelu Raja K., Ooi Chin H., Yao Rebecca-Qing et al.* Generation of three-dimensional multiple spheroid model of olfactory ensheathing cells using floating liquid marbles // *Scientific reports*. 2015. Vol. 5. P. 15083.

Рукопись поступила в редакцию 22 ноября 2018 г.

НЕКРОЛОГ

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ЛЮБУТИН

16 сентября 2018 года в возрасте 83 лет ушел из жизни доктор философских наук, профессор Константин Николаевич Любутин, один из организаторов философского факультета Уральского государственного университета и ярчайший представитель Уральской философской школы.

Константин Николаевич родился 25 февраля 1935 г. в деревне Папулиха Мантуровского района Костромской области. В 1957 г. он окончил философский факультет МГУ. С 1959 г. начал преподавать в Уральском государственном университете им. А. М. Горького. С 1969 г. был заведующим кафедрой истории философии, а с 1976 по 1989 г. — деканом философского факультета.

Константин Николаевич был председателем специализированного совета по философским наукам при Уральском университете, членом специализированного

совета по философии и политическим наукам Института философии и права УрО РАН, членом экспертного совета ВАК. В 1981 г. он получил звание заслуженного деятеля науки РСФСР. С 1992 г. — действительный член РАЕН, с 1993 г. — вице-президент Российского философского общества. Награжден орденами «Знак Почета» (1976), Дружбы (1995), Почета (2005), медалью «За доблестный труд. В ознаменовании 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), знаком «За отличные успехи в работе в области высшего образования СССР» (1980), грамотой Минвуза РСФСР (1987). В 2000 г. стал почетным профессором Уральского государственного университета.

Константин Николаевич Любутин был ведущим специалистом в области истории философии и философской антропологии. Он известен как автор более 300 научных и научно-популярных историко-философских работ. Под руководством Константина Николаевича защищено около 70 кандидатских и 24 докторские диссертации.

Константин Николаевич Любутин был тонким знатоком людей и прекрасно умел строить отношения в коллективе философского факультета, который возглавлял. Светлая память о Константине Николаевиче навсегда останется в сердцах знавших его людей.

АВТОРЫ НОМЕРА

АСКАРОВА Виолетта Яковлевна — профессор кафедры библиотечно-информационной деятельности факультета документальных коммуникаций и туризма Челябинского государственного института культуры, доктор филологических наук, кандидат педагогических наук. E-mail: viovita@ya.ru

БЕЗРУКОВ Антон Витальевич — младший научный сотрудник Пермского центра социального партнерства и социологических исследований при Пермском государственном национальном исследовательском университете. E-mail: zaratustra23@mail.ru

БЕЛЯЕВ Игорь Александрович — профессор кафедры философии и культурологии Оренбургского государственного университета, доктор философских наук. E-mail: igorbelyaev@list.ru

МАКСИМОВ Александр Михайлович — профессор кафедры истории и философии Оренбургского государственного аграрного университета, доктор философских наук. E-mail: maksimov_a_m@mail.ru

ГРУНТ Елена Викторовна — профессор кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: helengrunt2002@yandex.ru

ГУДОВА Маргарита Юрьевна — профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор культурологии. E-mail: marggoodova@gmail.com

ГУЗИКОВА Мария Олеговна — заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках департамента лингвистики Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доцент, кандидат исторических наук. E-mail: m.o.guzikova@urfu.ru

ЗАКС Лев Абрамович — ректор Гуманитарного университета (Екатеринбург), заведующий кафедрой истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук. E-mail: rectorgu@r66.ru

ИВАНОВА Евгения Владимировна — профессор кафедры онтологии и теории познания департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: ieviev@mail.ru

ИОНАЙТИС Ольга Борисовна — профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского

гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: Ionaitis@yandex.ru

КУЗНЕЦОВА Олеся Васильевна — старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: olesyakzn@yandex.ru

КУЗЬМИН Вадим Александрович — заведующий кафедрой востоковедения департамента международных отношений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор, доктор исторических наук. E-mail: kuzmin16@yandex.ru

ЛОГИНОВ Алексей Валерьевич — доцент кафедры социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: alexeyloginov@urfu.ru

МЕЛЬНИКОВА Елена Владимировна — доцент кафедры онтологии и теории познания департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: e.v.melnikova@urfu.ru

МЕЛЬНИКОВА Светлана Витальевна — доцент кафедры культурологии и дизайна департамента гуманитарного образования студентов инженерно-технических направлений Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: Meln-svetlana@mail.ru

МОИСЕЕВА Анна Юрьевна — младший научный сотрудник отдела философии Института философии и права Сибирского отделения РАН (Новосибирск). E-mail: ajumo@yandex.ru

МУХУТДИНОВА Алина Ильясовна — аспирант кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: alinadelacour@yandex

НЕМЕНКО Екатерина Петровна — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: hist-nemenko@yamdex.ru

ПЕНИОНЖЕК Евгения Владимировна — начальник кафедры общей психологии и гуманитарных дисциплин Уральского юридического института Министерства внутренних дел РФ, доцент, кандидат философских наук. E-mail: penionzhec@yandex.ru

ПЕРЦЕВ Александр Владимирович — профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, доктор философских наук. В 1976 году окончил философский факультет Уральского государственного университета. Исследует проблемы истории философии и социально-политических воззрений. Известен как переводчик немецкоязычной философской литературы: им переведены и изданы тексты К. Ясперса, В. Брюнинга, Д. Бонхеффера, Ф. Ницше, К. Барта и П. Слотердайка. E-mail: apertzev@mail.ru

ПОЛЯКОВА Виктория Владимировна — доцент кафедры прикладной социологии департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат социологических наук. E-mail: Vika.Polyakova@urfu.ru

РУБЦОВА Елена Валерьевна — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: rbtsvelena@rambler.ru

САМАРИНА Ксения Михайловна — студентка кафедры политических наук департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: jesushp@yandex.ru

САТЫБАЛДИНА Диана Кайратовна — аспирант кафедры социальной философии департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета. E-mail: diasatru@gmail.com

СОКОЛОВ Николай Владимирович — директор Центра арабского языка и культуры «РУСАРА» (Екатеринбург). E-mail: sokolov@rusara-international.com

СТАРШИНОВА Алевтина Викторовна — заведующая кафедрой социальной работы департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, профессор, доктор социологических наук, профессор. E-mail: a.v.starshinova@urfu.ru

СУСЛОВ Николай Владимирович — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: nicolas.souslov@mail.ru

СУХОВ Антон Андреевич — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат культурологии. E-mail: suhovband@mail.ru

ЧИСТЯКОВА Марина Георгиевна — профессор кафедры философии Социально-гуманитарного института Тюменского государственного университета, доктор философских наук. E-mail: mgтч@yandex.ru

ШУТАЛЕВА Анна Владимировна — доцент кафедры онтологии и теории познания департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: ashutaleva@yandex.ru

ЭЙНГОРН Нонна Константиновна — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: Nonna-077@mail.ru

ЮРЛОВА Светлана Валерьевна — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: yurlova2000@yandex.ru

ЯЗОВСКАЯ Ольга Валерьевна — доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, кандидат культурологии. E-mail: yazolga@gmail.com

SUMMARY

CONFERENCE: «SYNTHETIC PARADIGM: SCIENCE, PHILOSOPHY, RELIGIOUS STUDIES»

Ivanova E. V., Penionzhek E. V. Arguments for the Unity of Science and Religion in the Russian Religious Philosophy: St. Luka Voyno-Yasenetsky 6

The controversy between science and religion, or their fundamental conflict, remain relevant in the epistemology of religion and in the philosophy of science. The article analyses St. Luka Voyno-Yasenetsky's "Science and Religion," which addressed this issue. It is shown that there is no contradiction between science and religion in his view, that it is created artificially. The archbishop Luka affirms that the scientific view of the world changes over time, while Christian morality as an eternal ideal is eternal and is more significant than the pragmatic role of science. The authors discuss the reception of his ideas in the modern philosophy of religion, and conclude that there is a number of possible models of interaction between science and religion in contemporary postmodern society.

Key words: philosophy, religious philosophy, Russian religious philosophy, Christian morality, St. Luka Voyno-Yasenetsky.

Belyaev I. A., Maksimov A. M. Boundary and Limit: to the Relation between Concepts 14

The article is devoted to understanding the specifics of the relationship between the concepts of boundary and limit. The desire to ensure the conceptual focus of the ongoing research and the concise presentation of its results prompted the authors while selecting material for analysis to focus on those works, in which not only the content of the concepts of boundaries and limits is described, but there are also contributions to the ordering of ideas about the relationship between them. In particular, the analysis of the ideas of Aristotle, I. Kant, G. W. F. Hegel allowed to build the original ideas about the nature and relationship of the boundary and the limit. Appeal to the works of domestic philosophers (D. V. Pivovarov, D. M. Fedyaev, L. I. Chunakova, O.V. Borovskaya, E. N. Struk) has helped to develop the formation of a multidimensional vision of the discussed concepts, enabling productive development of a wide range of philosophical problems. It is shown that the concept of the boundary, in which "the beginning and the end of any certain existence" (D. V. Pivovarov) is thought, is richer in content than the concept of the limit. At the same time, the concept of limit, being an attribute of the concept of border, generalizes the idea of the line separating opposites.

Key words: border, limit, boundless, being, correlation.

Pertsev A. V., Melnikova E. V. D.V. Pivovarov's Synthetic Theory of the Ideal In Historic-philosophical Context 20

The authors who studied under D. V. Pivovarov analyse the foundations of his synthetic theory of the ideal in historical-philosophical context. This theory should be regarded in its relation to the philosophy of dialectical and historical materialism, which was official state philosophy of the USSR. The authors demonstrate that Pivovarov's interest in the philosophical foundations of religion stems from his critical re-interpretation of pragmatism, on the one hand, and of metaphysical materialism, on the other. In comparing Neo-platonism of S. George's circle and M. Heidegger's ontology with Pivovarov's philosophy it is possible to discern his main goal, which was to clarify the ontological foundation of man's participation in being.

Key words: religion, philosophy, philosophy of religion, truth, alienating cognition, appropriating cognition, faith, belief.

<i>Kuznetsova O. V.</i> Visual Images of New Spirituality: Visual Content of Spiritual Centers in Yekaterinburg).....	33
---	----

One of the forms of manifestation of new spirituality in Russia is the activity of spiritual centers, which offer clients a complex of “spiritual” services and goods. Spiritual centers present themselves to the world through visual materials posted on Internet sites in the public domain, which are used by participants of spiritual practices. The purpose of the article is to identify and analyze visual images of spiritual centers in the city of Yekaterinburg. Using the methodology of visual research, the author comes to the following conclusions: orientation of spiritual content to the female audience; presence of ideas in the framework of the spiritual movement about a woman as an active subject; recognition of her spiritual needs; use of images that have religious roots as an accessible language for conveying the meanings of spirituality.

Key words: spirituality, alternative spirituality, spiritual centers, visual studies, gender, woman, New Age.

COMMUNICATION TRENDS IN THE AGE OF POST-LITERACY

<i>Zaks L. A.</i> Contemporary Evolution/Revolution of Culture as a Foundation and Context of Communications at the Turn of the 21st Century.....	40
---	----

The article is dedicated to the analysis of radical changes that occurred in culture (in its broadest sense) in the second part of the 20th century and the early 21st century. Key radical innovations in nature-transforming (technical-and-technological), information, socio-organizing and spiritual subsystems of culture are discussed. The two fundamental effects are singled out. The first one is that in people’s life culture dominates as an “artificial” habitat, which puts nature (both external and internal) on the back-burner and turns it, in many respects, into a subservience to culture. The second effect is that a new, underlying macro-paradigm of culture awareness has emerged, a culture-centered one representing specific reality, existential leadership and universal role of culture; and increasingly competing with the basic macro-paradigm of cultural awareness over the millennia is a nature-centered one. The establishment of the new paradigm in philosophy, social sciences and the humanities is shown.

Key words: culture, revolution/evolution in culture, innovations in basic subsystems of culture, new sociality, total dominance of culture and a new subordinate position of nature, nature-centered and culture-centered paradigms of cultural awareness.

<i>Chistiakova M. G.</i> Interactive art as a Factor in Rewriting the World.....	53
--	----

The ways, in which the world and the art are interconnected, are considered in the context of Nicolas Bourriaud's relational aesthetics, Peter Weibel's research on contemporary art, Alfred Gell's art of anthropology, Bruno Latour's actor-network theory. Work of art is included in a numerous nets of social relations, it has its own agency, affects other nets' elements. In this article algorithms of world transformation through art are considered through analysis of an interactive art. The author analyzes various types of relations, which appear in artistic communication such as object art, performative art. The specificity of their impact on the world is explored.

Key words: interactive art, performance, art communication

<i>Jurlova S. V.</i> Modern Politician as a Media Image: Trump’s Case.....	59
--	----

The article is devoted to the problem of constructing the social reality by modern media. Based on P. Berger and T. Lukman’s theory, an attempt is made to analyze political crisis in the United States. The image of D. Trump in the leading media was chosen as an example. It is argued that the basis of the media structure is the mythologem of the hero-trickster, who is breaking the usual order and breaks the norms of political life. The main conclusion of the study is that the image of politics created by PR managers is “absorbed” in the way that is created by key media. The modern politician is a slave to the reality that is formed by the media, and it forces him to act in accordance with this way.

Key words: social construction, hero-trickster, political myth, D. Trump, media structure.

<i>Melnikova S. V.</i> Artistic Features of Advertising Text: Iconological Analysis.....	65
--	----

Advertising text is a kind of cultural text (R. Barthes, Y. M. Lotman). It has several levels of its meaning and also is rich in connotations. Advertisement text can exploit artistic tropes, which bolster its message by both emotional expressivity and evocative lively image. Mulberry’s ad-video is analyzed with iconological methodology

developed by E. Panofsky for artworks, which helps to explore the semantic sequences of images, which have additional, “excessive” meanings and thereby transcend the commercial dimension of the advertisements.

Key words: cultural text, advertising text, art text, connotation, iconological analysis, advertising.

Eyngorn N. K. Moral Language of Contemporary Art in a Situation of Pluralism of Moral and Artistic Values 74

The article raises the problem of necessity and theoretical grounds for the discussion of moral language as a specific language of art. As a theoretical basis, the author considered the problem of the relation of ethics and aesthetics, morality and art, goodness and beauty. The author argues for the existence and specificity of moral language not only in verbal art forms, but also in painting, music, architecture, design, naive art. The author emphasizes the immanence of the morality and art, moral discourse and the discourse of art.

Key words: moral language of art, kalokagathia, moral discourse, artistic discourse, moralizing, artistic morality, moral lekton.

Askarova V. Ya. Methodological Aspects of Studying the Reading of Modern Youth.....82

The article deals with the methodological aspects of studying reading to Russian youth: the necessity of adapting research approaches due to following factors: transformations in the publishing industry; emergence of the new ways to interact with varying categories of readers; necessity to identify stimulating or, conversely, depressing effects of various communication channels. The author describes theoretical approaches in the project “Reading of Russian youth in the age of digital technologies: incentives and practices”, which are more adequate for the current digital technologies. The basic concepts of the research are characterized, the differences and empirical indicators of reading practices are shown. The reading incentive system for non-institutional levels, which is significant for today's youth, is considered. The author concludes that there is a need to develop methods and techniques for identifying reading practices based on the transformations that have occurred in the publishing industry, the characteristics of the communicative behavior and cognitive activity of the Z generation, identifying effective reading incentives and rethinking the activities of reading infrastructure institutions on the basis of subject-subject interaction with young people in real life and network spaces.

Key words: support and development of reading, reading science, digital generation, methodology of research, practices and incentives of reading.

EPISTEMOLOGY AND LOGIC

Moiseeva A. Y. Relational Approach to Meaning and Content in Situation Semantics 94

The article outlines one of the theories of meaning, namely situation semantics in its original version, developed by J. Barwise and J. Perry. It examines basic principles, on which this theory is constructed and its applications to the analysis of the meaning of statements with a context-dependent and context-independent meaning, as well as the analysis of the content of intentional states and the meaning of reports on them, using the example of belief reports. It is concluded that the relational approach to meaning and content realized in this theory gives more possibilities to express different kinds of meaning than the classical approach and allows us to be open to questions of the related disciplines.

Key words: situation, meaning, content, constraint, belief reports semantics, Frege's puzzle.

SOCIAL THEORY AND SOCIOLOGY

Loginov A. V. Tolerance: Between Conflict and Concord 111

This article aims at more or less coherent reproduction of and reflection upon key philosophical ideas discussed at “Rethinking tolerance as a virtue, political demand and moral character” conference, which was held at Karl-Franzens University of Graz, Austria, 5–6 October 2018. Specificity of tolerance, its supererogatory character, limits and justification are in the focus of the paper.

Key words: toleration, conflict and concord, D. Heyd, R. Forst, J. Derrida, supererogation, ethic gesture, neutrality and respect, liberals, communitarians.

Bezrukov A. V. Individualization and Localization of the Civil Self-determination of Young Russians in the space of discontent 122

The article is devoted to the tendencies of civil self-determination of the modern Russian youth. The relevance of the topic is justified by the contradictoriness of the Russian socio-political context. The functional structure of the category «civil self-determination» is described. On the basis of quantitative data of author's sociological research and correlation analysis, characteristics of various components of civil self-determination are given (civil identification, patriotism, civic activity). The «apoliticalness» of the youth as a social group is fixed. In conclusion, the individualization of the civil self-determination of modern youth is noted.

Key words: civil self-determination, youth, civic identity, patriotism, socio-political activity, protest potential, «traditionalists» and «modernists».

Grunt E. V., Mukhutdinova A. I. Value of Modern Compulsory Education in Russian Schoolchildren's Opinion: Regional Aspect 133

In this paper, we extend an existing approach to the problems of compulsory schooling. The major research objective is to clarify schoolchildren's attitudes towards education values and factors affecting this process. Methodologically, compulsory schooling has been considered from the standpoint of institutional and axiological approaches. The research methodology combines qualitative and quantitative methods. Methods of collecting primary data were the questionnaire and interview. 500 schoolchildren were questioned. Interviews with experts (15 experts) are used with the purpose to identify main problems and causes of low assessment of education values by schoolchildren. The study has shown that compulsory schooling is an instrumental value for the majority of schoolchildren and their parents, which can be associated with changing schoolchildren's status, that is prestige after graduation. The dominant status-prestige value of compulsory schooling will probably retain its leading position in the nearest future, sharing it, perhaps, with economic (material) value. Main factors affecting the decline in the value of the school and compulsory education are teachers, schoolchildren's parents and the schoolchildren themselves (their pragmatism towards education). A new trend has been revealed in Russian society: increasing the value of education in general in society, including among schoolchildren, and reducing the school's value and compulsory schooling value. The school ceases to be an actual source of knowledge and skills, it loses its social significance in the eyes of both parents and children, and the teachers themselves.

Key words: schoolchildren, compulsory schooling, compulsory schooling value, instrumental value, school.

Polyakova V. V. Communicative Patterns in Young Families after the First Childbirth 144

The article analyses communication system in a young family (aged between 20–30 years) after the birth. The emphasis is made on the identification of changes in the structure and content of communication after the birth of the first child. The study used general scientific and special methods (questionnaires and content analysis of forum materials). The analysis made it possible to conclude that after the birth of a child in the family: the importance of intra-family communication (with the spouse, grandparents) increases, the intensity of communication with friends decreases, the lack of communication is compensated through social networks.

Key words: spouses, young family, family with child, communicative interaction, social networks.

Starshinova A. V. Organising Social Projects in a Medical Facility for Children with Severe Health Problems 153

The article reveals the possibilities of social and project activities in a medical institution as an innovative direction in solving urgent problems of children with serious health problems. From the standpoint of social construction, the analysis of implementation of social projects in the children's medical center is carried out. The article presents the results of sociological research conducted among patients of medical institutions, which allowed to justify the benefits of the practice of attracting students to mentoring children with disabilities, which is considered as an innovative social project. The article argues for a system of mentoring as a personal support and a resource of personal and social development of children with disabilities, that is as a factor in their social integration.

Key words: children with disabilities, innovation, medical center, mentoring, social and project activities, social project, student youth, severe health problems, rehabilitation.

INTERNATIONAL RELATIONS

Shutaleva A. V., Samarina K. M. Russian-Chinese Relations from a Constructivist Point of View 165

The article investigates the interaction between Russia and China in the context of a constructivist approach. The constructivist methodology allows to consider the features of the implementation of the joint foreign policy interests of Russia and China. Application of constructivist methodology in this paper allows us to show the connection between the foreign policy strategies of these states and the processes of maintaining and developing a common international culture of interacting social communities with their own values, interests and historical individuality.

Key words: constructivism, Russia, China, foreign policy, intercultural dialogue.

Kuzmin V. A., Sokolov N. V. Political Confrontation between Saudi Arabia and Iran in the Syrian Crisis in 2011–2016 171

Over the past few years, the attention of the world community and academia has been drawn to the events taking place in Syria. At the same time, the main attention of specialists, researchers, observers is concentrated mainly on the analysis of the policy of the Great Powers involved in the Syrian crisis, especially Russia and the United States. The policies of others, in particular, some of the countries neighboring with Syria, are much less studied in the scientific literature. The article focuses on the policy of Saudi Arabia in the Syrian conflict in the context of its political confrontation with Iran in their struggle for regional leadership. The novelty of the study is that it is based on an analysis of a very wide range of sources in Arabic and Persian, poorly used in the writings of other scholars. The relevance of the study is due to the fact that the study of the above-mentioned events makes it possible to understand better some of the contemporary phenomena and processes taking place in the Middle East.

Key words: Syria, Crisis, Confrontation, Iran, Saudi Arabia, Coalition, Hezbollah, Russia.

AESTHETICS AND PHILOSOPHY OF CULTURE

Nemenko E. P., Sukhov A. A., Yazovskaya O. V. The Concept of Involvement in Viewer Studies: Theory and Practices 182

The article discusses Erving Goffman's notion of involvement in application to viewer's experience of interaction with mass culture products, a notion that clashes with and is an alternative to the notion of culture consumption. The research is done on the grounds of case studies: videogames and Japanese animation pieces. Involvement in a videogame is based on the first-person perspective, that is player-character identification, and on the meticulously crafted game world. Involvement in Japanese animation is based on (and amplified by) an offered opportunity to experience traumatic events of Japanese history through animated films and kawaii aesthetics. The article shows that involvement, when applied to viewer experience, is a key condition of joy derived in the process of interaction with products of mass culture, which is not innate to the product itself, but rather is a construct formed in the process of interaction with the viewer.

Key words: frame theory, involvement, popular culture, computer games, Japanese animation

Satybaldina D. K. Intellectual Reflection on the First World War by Randolph Bourne: An Analysis of Changes in the European Social Space in the Early 20th Century (The Case of French Bicycle Movement) 192

In this article, the author tries to identify the features and tendencies characteristic of the existence of state in the period of war as it is presented in the largely unknown work “The State” by an American philosopher R. Bourne, in which he reflects on the First World War. In addition, the author analyzes whether R. Bourne's ideas have any confirmation in the development of the European social space in the early 20th century.

Key words: First World war, war and state, American antimilitaristic pragmatism of the beginning of XX century, social space of Inter-War Period, French cycle movement.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Ionaitis O. B. Dimitry Rostovsky's Views on Man 205

The article deals with the main ideas of the Russian medieval thinker Dimitry Rostovsky (1651–1709). In his views a crucial time in Russian intellectual history — a transition from the Middle Ages to Modernity — was reflected. Human beings whom one finds in the teachings of Dimitry of Rostov are active and transformative. Knowledge plays a decisive role in the formation of human personality. The ability to manage their cognitive abilities and use them for self-improvement was what Dimitri Rostov declared to be the highest goal of human life.

Key words: history of Russian philosophy of the XVII century, the Middle Ages, Dimitry Rostovsky, anthropology, epistemology.

Suslov N.V. Approaches to Analyzing the Relation between Literature and Philosophy
in Contemporary French Philosophy 211

The author distinguishes four major approaches to relation between literature and philosophy in contemporary French philosophy such as didactic, hermeneutic, deconstructive and productive. In assessing these approaches the author demonstrates their ambiguity due to the intention within contemporary French philosophy to overcome the assumptions of classical and Romantic traditions to deal with this problem.

Key words: philosophy and literature, contemporary French philosophy, classical schema, the romantic schema, the approach is didactic, the approach is hermeneutic, deconstructivist approach, the productive approach.

CONFERENCES AND SEMINARS

Goodova M. Y., Guzikova M. O., Rubtsova E. V. Multilingual and Multicultural Education
in University: Critical Discourse of Literacy 221

The article presents an overview of the conference “Multilingualism and Multiculturalism in HE communication spaces in the post-literacy era: experiences and prospects for development” held on November 16–17 in the Ural Federal University. The conference brought together researchers from different countries who dealt with various aspects of multilingual and multicultural phenomena. The scientific reports focused on the university educational processes and the resulting significant changes in the post-literacy era.

Key words: multilingualism, multiculturalism, post-literacy, critical discourse, technologies of education, university.

OBITUARIES

Konstantin Nikolaevich Lyubutin 229

ИЗВЕСТИЯ

УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3

Общественные науки

2018. Т. 13

№ 4 (182)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.2012.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 25.12.2018. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 20,4. Усл. печ. л. 19,8. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 334.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета.
Серия 3. Общественные науки»!*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 13 июня 2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227-2291;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 22 июня 2018 г. с присвоением международного стандартного номера электронного издания журнала ISSN 2619-0613;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- в лице главного редактора представлен в Секции философских научных периодических изданий Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ);
- включен в подписной каталог «Пресса России» ОАО «Агентство “Роспечать”». Подписной индекс 43144.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/ru/science/scientific-journals/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3/index>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@urfu.ru), по почте или лично автором предоставляются текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи.
2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.
3. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.
4. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Правила рецензирования статей

1. После прочтения материала главным редактором текст, при условии, что он удовлетворяет основным требованиям к содержанию и оформлению научных статей, направляется для оценки внутреннему (журнальному) рецензенту.
2. На основании заключения рецензента главный редактор или редколлегия выносят решение о публикации статьи, о необходимости доработки материала или о его отклонении.

3. О принятом решении ответственный секретарь журнала извещает автора по электронной почте. При этом при принятии решения о необходимости доработки текста или о его отклонении к извещению прилагается копия или подробное изложение рецензии.

4. Журнал использует так называемое одностороннее анонимное рецензирование, при котором личность автора становится известна рецензенту, а автору персональные данные рецензента не сообщаются.

5. В исключительных случаях, а именно при наличии у автора очень серьезных и достаточно убедительных для редакции возражений против тех критических замечаний рецензента, на основании которых статья была отклонена журналом, текст по решению главного редактора или редколлегии может быть направлен на дополнительное рецензирование другому специалисту.

6. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

7. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) шрифт — Times New Roman, кегль — 14, интервал — 1,5. Поля — все по 2 см;

б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

в) инициалы и фамилия автора на русском языке;

г) заголовок статьи на русском языке;

д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

— конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;

— научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;

— основные этапы анализа или аргументации;

— главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники; и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbк.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шаццлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] – означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] – первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) – на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Департамент философии.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу.*

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна.* Телефон для справок (343) 389-97-34).

Электронный адрес: izvestia_3@urfu.ru

АНКЕТА СТАТЬИ

ФИО автора 1 (полностью)	
Организация	
Должность	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
ФИО автора 2 (полностью)	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	

На английском языке:

Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Author 2 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Title of article	
Abstract	
Key words	